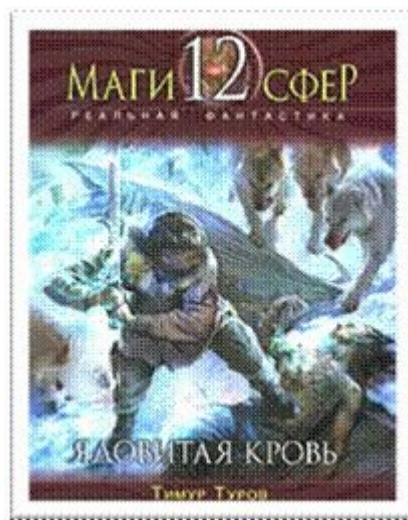

Тимур Туров

Ядовитая кровь

Тимур Туров
Ядовитая кровь

Роман основан на реальных событиях.
Имена героев и отдельные детали изменены.
Любые совпадения имен и названий случайны.

Глава 1

Машину опять бросило к обочине. Олег Столяров руль снова удержал и в который раз выматерился. Ругаться он любил и умел, чем приводил в неописуемый восторг немецкого журналиста Курта Мюллера и переводчика из местных, отзывавшегося то ли на фамилию, то ли на имя – Джоко.

Влад Гетьман вообще полагал, что Джоко – это бандитская кличка, слишком уж ярко, даже для здешних колоритных мест, выглядел переводчик. Но немец выбрал его. Как, собственно, и Гетьмана со Столяровым себе в сопровождение.

В случае с Джоко выбор был понятен: семнадцатилетний пацан живо болтал на русском и достаточно уверенно – на немецком. А вот украинских полицейских Мюллер выбирал чисто из вредности, как сообщил утром Гетьману Столяров.

– Слышал, сволочь, как мы вчера после ужина разговаривали, – уверенно сказал Олежка. – И русский язык он, фашист немецкий, знает будь здоров. Все просек. И теперь решил отомстить. А у меня такие планы были на воскресенье...

Влад не стал возражать или пытаться разубедить напарника. Выезд в воскресенье – так в воскресенье. Все равно делать нечего, кроме как напиться или отправиться играть в карты к полякам. По девочкам ходить – себе дороже.

Мусульмане запросто могли отрезать если не голову, то чего пониже за своих, да и местные славяне, православные, уже который век жили по законам гор и не собирались смягчать свои нравы.

Влад вообще старался не спорить по мелочам. И когда немецкий корреспондент, загорелый жилистый мужик лет пятидесяти, стал рассказывать, как его папа, оберштурмфюрер СС в сорок первом – сорок втором развлекался в Харькове, Влад просто молча вышел из столовой.

Немец что-то спросил у Джоко. Тот ответил и засмеялся.
– Чего это он там? – поинтересовался Олежка.

– Спрашивает – опасная дорога или нет. Я сказал, что пока за рулем ты – опасная.

Машина снова вильнула, левое переднее колесо прошло в нескольких сантиметрах от обрыва, вниз полетели мелкие камни.

Немец произнес фразу, из которой Олежка смог выловить «Шумахер» и «нихт».

– Это он про меня? – спросил Олежка.

– Да, – подтвердил Джоко. – Не Шумахер ты, говорит.

– Ага, – кивнул Столяров. – Водитель из меня – не очень. А вот мой дед, тот – да! Тот был водителем от бога. Член команды, занявшей в европейском автопробеге Прохоровка – Берлин второе место. Первыми – да, первыми туда прибежали немцы вместе с папашей журналиста. Дед говорил, что не всегда даже догнать получалось.

Джоко хихикнул и быстро, захлебываясь от восторга и предвкушения ссоры, стал переводить.

Влад тяжело вздохнул – глупые разговоры с неумными иностранцами не могут привести ни к чему, кроме как к общему раздражению и желанию настучать в лицо собеседнику.

А может, и впрямь – вывести потомка оккупанта из машины и расстрелять к чертовой матери. Потом, правда, хлопот не оберешься, отчеты писать с рапортами, кто в спокойном районе мог их обстрелять, почему немца выцелили, а не их, в форме.

Ну, и от Джоко потом не отвяжешься, мешать расстрелу он не будет, но кровь по капле выпьет, до последнего евроцента.

– Олег, он говорит, что его отец, наверное, не встречался с твоим дедом, иначе ты бы не родился! – крикнул Джоко с заднего сиденья и хлопнул Столярова по плечу. – Я бы за такое в глаз дал. А ты?

Олег промолчал. Дорога стала еще хуже, машина правым бортом несколько раз царапнула скалу, слева открывался потрясающий вид на пропасть.

– Еще немного, – сообщил Джоко. – Вот по такой дороге еще два или, может, три километра, потом будет ровнее.

– Какого черта ее не ремонтируют? – пробормотал Столяров. – Это ж смертоубийство сюда ехать. Как они товары и еду возят?

– Еду – на осликах, товары – на осликах, сюда даже пушки на осликах возили, – охотно пояснил Джоко. – В ущелье никогда власть снизу не признавали. На этой вот дороге столько народу убили – тысячи. Турков убивали, австрийцев убивали, немцев – много убивали. Снайпер с той стороны или пулемет.

Немец снова что-то спросил.

– Спросил, нет ли тут снайперов сейчас, – пояснил Джоко, ответив журналисту на немецком. – Я сказал, что лучший снайпер в этих местах я, но я в машине, и стрелять со скал некому...

– Ты бы рот закрыл, – посоветовал Влад. – Муха влетит.

– Не влетит, я каждую муху вижу...

– Замолкни, мелкий! – повысил голос Гетьман. – Сейчас к свиньям собачьим высажу из машины.

– О! – закричал в восторге Джоко. – Владо – суеверный! Владо не любит это... сглазить.

Влад тяжело вздохнул и указал вперед:

– Олежек, вон там, где расширение, притормозишь, я осуществлю свою непосредственную угрозу.

– А немца? – оживился Олег.

– А немца с собой возьмем. Немецкая общественность жаждет узнать, как тут живут аборигены.

– Жаль...

Дорога, наконец, стала шире, справа открылся небольшой карман в скале.

– Вот тут? – уточнил Олег.

– Тут, – подтвердил Влад.

– Владо, я же пошутил! – голос Джоко стал неуверенным. – Я же не хотел тебя обидеть...

– Никто не хотел, – сказал Влад. – Но за все нужно платить.

Олег остановил машину в метре от скалы, так, чтобы дверцы справа можно было открыть.

– Приехали, – сказал Влад и вышел из машины. – Джоко, ты сам или тебе помочь?

Джоко что-то быстро заговорил по-немецки, сбиваясь, начиная заново. Немец слушал, потом усмехнулся и вылез из машины.

– Он говорить... что я не смогу без переводчик... – сказал Курт Мюллер. – Что он нужен... его не можно высаживать. Не можно?

Влад подошел к краю обрыва, закинул автомат за спину и потянулся.

– Русский вы знаете, я вижу, – задумчиво произнес он. – А сербский язык... Я украинец, поэтому польский, сербский, чешский, словацкий – пойму. Говорить, может, и не выйдет, но, полагаю, местные жители также разберутся. Я же разобрался, когда Джоко позавчера рассказывал своему приятелю, как накануне украл у француза деньги, а неделю назад продал мусульманам ящик патронов. Я не ошибся, Джоко?

Джоко потрясенно молчал.

– Так это он патроны спер? – Столяров обернулся с переднего сиденья к переводчику, недобро прищурился. – Мы, значит, тут все вместе корячимся, начальство уговариваем, чтобы дело замять, а это ты аферы проворачиваешь? И два автомата в прошлом месяце – твоя работа? И видуху в июне у Коляныча – тоже ты?

Джоко, зажмурившись, помотал головой.

– Не ври, – сказал Столяров и вылез из машины, хлопнув дверцей.

Автомат Олежек держал в правой руке, дулом книзу, палец лежал на спусковом крючке, а флажок предохранителя был сдвинут.

– Ты, значит, патроны на прошлой неделе продал, а меня обстреляли три дня назад, чуть не достали, блин! – Столяров открыл дверцу. – Выходи, мерзавец, сейчас я с тобой... Слышь, Мюллер, тебе фотография мертвого серба не нужна? Можно застреленного, а если нужно, то и задушенного? Почем у вас покойничек в журнале?

– Ножом... – сказал Мюллер. – Сильно и широко, чтобы... внутренние части, кровь...

Немец достал из машины свой кофр, извлек фотоаппарат с мощной оптикой.

– На фоне... камень... гросс камень... скала, – немец взвел затвор фотоаппарата. – Вы его режете... я платить... триста евро.

Джоко забился в угол машины и мелко дрожал.

– Триста евро, – разочарованно протянул Столяров. – Триста евро, я слышал, бабы в Германии за эпизод в порно получают. А тут – живого человека зарезать. Ладно, не человека, человечка, но ведь живого... И кровь, кишки, сам вымажусь в результате. Полторы штуки.

– Сколько? – переспросил немец.

– Одна тысяча и пятьсот евро, – Столяров показал вначале один палец, потом растопырил пятерню.

И палец и пятерня у двухметрового Олежки были внушительные, как раз на полторы штуки евро.

– Много... – покачал головой немец. – Восемьсот.

– Полторы, – Столяров не сводил взгляда с Джоко, словно не жуликоватый паренек сидел, скорчившись на заднем сиденье «уазика», а те самые полторы тысячи европейских денег.

– Тысяча, – сказал Курт Мюллер.

Столяров задумался, цыкнул зубом и снова мотнул головой. Немецкая прижимистость явно не вызвала одобрения у старшего прапорщика из Днепропетровска, прибывшего в Косово именно с целью заработать немного денег.

Столяров как раз набрал в грудь воздуха, чтобы еще раз повторить свои «полторы штуки», когда Влад что-то негромко сказал.

– Что? – переспросил, не оборачиваясь, Столяров.

– Что-то тихо, – Влад сказал это спокойно, но его правая рука легла на ствол автомата.

Столяров отвернулся от Джоко и прислушался – где-то вверху выл, заплутав в скалах, ветер. Снизу, из пропасти, доносилось еле слышное шуршание крохотного водопада.

– Ты о чем? – спросил Столяров. – Вроде нормально...

– Собак слышишь? – Влад оглянулся на Столярова. – Тут по прямой до деревни – метров пятьсот. Так?

По дороге, обходившей пропасть и петлявшей между скал, до деревни было еще километра четыре, но напрямую, через пропасть и сквозь расщелину, действительно выходило не больше полукилометра.

– Прошлый раз собак было слышно, – сказал Влад.

Прошлый раз – это месяц назад, когда они сопровождали в деревню и расположенный рядом монастырь какую-то комиссию из ЮНЕСКО. Тогда они тоже останавливались возле этого кармана и... да, вспомнил Столяров, собак было слышно. И все время, пока комиссия слонялась по деревне, собаки не прекращали концерта.

«Хотя, с другой стороны, ну не лают собаки», – подумал Столяров.

Спят. По такой жаре самое правильное – лечь в прохладном месте и поспать. Это куда полезнее для здоровья, чем ездить по горам с ненормальным немцем, который, кажется, поверил, что Столяров собирается пустить в расход несчастного Джоко.

Поучить – нужно, иначе парень вытащит из казарм все, что не привинчено или не прибито к полу.

Отдать бы мальчишку в приличные руки... Он же и писать не умеет. Последние годы он больше в стрельбе практиковался. Вот бы к монастырю его приспособить, там главный... как его?.. настоятель – мужик вроде серьезный. Чуть ли не с университетским образованием. Прошлый раз произвел очень сильное впечатление не только на Столярова, но даже и на комиссию.

Крикливая мужиковатая баба, руководившая комиссией, в присутствии батюшки сникла, понизила тон и даже чуть не поцеловала руку, протянутую на прощание.

Словно услышав мысли напарника о монастыре, Влад глянул на наручные часы:

– Колокола не слышно. Как бы – время, а колокола не слышно.

– Джоко, – позвал Столяров. – Джоко!

– Что?

– Сейчас должны звонить в монастыре?

Сам Столяров в церковных делах не разбирался и, собственно, разбираться особого желания не имел.

– Должны, – сказал Джоко. – Звонить нужно. Этот монастырь всегда звонит. Обычай такой. Чтобы люди слышали и в горах не заблудились. И чтобы Хозяин помнил свое место.

– Хозяин – это кто? – уточнил Столяров. – Медведь?

– Это Хозяин, – в голосе Джоко прозвучало уважение. – Он тут живет. У монахов с ним договор – пока звучит колокол, Хозяин за кровью не приходит.

– За чем?

– За кровью, – повторил Джоко. – Раньше – приходил, когда хотел. Мог человека досуха выпить. А двести лет назад с ним договорились.

– И приводят ему прекрасную девственницу каждый год... – подхватил Столяров с самым серьезным видом.

– Нет, – Джоко, сообразив, что резать его пока не будут, выбрался из машины и подошел к краю обрыва. – Вот деревня, над ней, дальше, монастырь. Вот там, – Джоко указал пальцем на восток, – живет Хозяин. Но где именно – никто не знает. Просто в ту сторону не нужно ходить. Это тоже часть договора.

– Трехстороннее соглашение между деревней, монахами и вампиром, – засмеялся Столяров, но сразу перестал – очень уж неуместным ему самому показался собственный смех.

И Влад, к мнению которого Столяров привык прислушиваться, тоже был слишком серьезным.

Вообще-то, остановка здесь была вызвана совершенно прозаическими, можно даже сказать, физиологическими причинами.

Гетьман всегда перед тем, как входить или въезжать в тутошние деревни и городки, и сам оправлялся, и остальным советовал.

Во-первых, пояснил он как-то, писающий в деревне полицейский неизбежно вызывает усмешки и подрывает собственный авторитет. Во-вторых, оружие в руках и свой орган одновременно удержать не получится. А схлопотать лопатой по затылку в самый неподходящий момент у него, старшего лейтенанта Влада Гетьмана, нет никакого желания.

И в этом с ним полностью был солидарен Олег Столяров.

Но теперь получалось – что-то не так, и нужно что-то предпринимать. Например, повернуть назад.

– Так это... может... домой? – предложил Столяров.

– Может, – кивнул Влад, не отводя взгляда от белых скал.

Тут заговорил немец, о существовании которого Столяров стал забывать.

– Герр корреспондент спрашивает, – перевел Джокко, – долго мы будем тут стоять? У него мало времени. В горах солнце садится быстро, он потеряет свет и деньги. И еще спрашивает, мы обратно хотим уехать при свете солнца или русского Шумахера больше привлекает ночная езда?

– Украинского Шумахера, – поправил Столяров. – И передай герру корреспонденту...

– Радио не работает? – Влад даже не спросил, а, скорее, уточнил.

В этих местах связь барахлила всегда.

Столяров вернулся к машине, пощелкал переключателем на рации:

– Не работает.

– Телефоны?..

– Аналогично. Может, у немца есть спутниковый? Слышь, герр корреспондент? Есть?

– Я не пользуюсь телефонами. Это вредно для здоровья, – ответил немец. – Нам нужно ехать.

– Вот ведь, смотрит, – пробормотал Влад. – Смотрит же, сволочь, оттуда, глаз не сводит.

Столяров почувствовал, как по спине пробежала струйка холода. Когда Гетьман говорит такое – лучше быть настороже. В июне он так же вот остановился перед крохотным мусульманским поселком. Своих-то не пустил, а поляк, полицейский из Остшешува, прислушиваться не стал, решил, что украинец просто испугался.

И наехал на фугас через пятьдесят метров.

– Господа украинские полицейские боятся? – осведомился немец, и вопрос этот прозвучал совершенно без акцента. – Вы есть трусы?

Столяров не ответил. «На слабо» его последний раз поймали в семилетнем возрасте. А Гетьмана, наверное, не смогли поймать ни разу, с самого рождения. Его вообще обмануть очень трудно. В карты с ним играть уже давно никто не садился.

Сейчас он пошлет немца подальше и отдаст приказ ехать домой, в расположение.

– Но в деревню идти нужно, – сказал Влад. – Все равно ведь придется разбираться, пошлют тех, кто эти места хоть как-то знает. То есть нас с тобой. Нет?

Столяров не ответил – и так все было понятно.

– С другой стороны, пялиться на нас уже перестали. И если бы хотели стрелять, то мы уже лежали бы здесь все четверо. Как полагаешь, Джокко? – Влад даже позволил себе повернуться спиной к пропасти.

– Я бы – перестрелял. Одной очередью. Даже из автомата. Тут всего сто метров...

– Сто двадцать, – поправил Влад.

– Сто двадцать, – согласился Джокко. – Стрелял бы сверху вниз, нужно взять поправку...

– Давайте, я схожу в деревню один, – Курт Мюллер умудрился вложить в простую

фразу безграничный сарказм и бесконечную брезгливость. – А вы подождете меня здесь. В безопасности.

– А знаете, это идея, – оживился Влад. – Вы идите, а мы действительно подождем. У нас тут есть консервы, бутылочка вина и фрукты. Вам пары часов ведь хватит?

На горле немца дернулся кадык. Мюллер молча подошел к машине, взял куртку и, ничего больше не сказав, широким пружинистым шагом, с кофром в руке, двинулся по дороге вдоль пропасти.

– Монокль не потеряй! – крикнул ему вдогонку Столяров.

Мюллер не оглянулся. Он еще услышал, как Влад сказал: «Хорошо идет, минут через сорок будет в деревне», и хруст гравия под ногами заглушил все звуки.

Дорога обогнула ущелье, вывела корреспондента к тем самым белым скалам, которые так внимательно рассматривал Гетьман. Глянув искоса, Мюллер увидел, что двое полицейских и переводчик сидят в машине и о чем-то оживленно разговаривают.

Метров через триста дорога свернула, и машину скрыла скала.

Через пятнадцать минут Мюллер услышал сзади звук мотора. Мюллер не оглянулся, а продолжал идти, ровным, уверенным шагом. Так его отец, наверное, шел в свое время по Украине.

– Садитесь в машину, – сказал Гетьман.

– Мне нужно в деревню, – бросил через плечо Мюллер.

– В деревню, – сказал Гетьман. – Я отвезу вас в деревню.

Мюллер отошел в сторону, пропуская машину. В «уазике» сидел один Гетьман.

– А ваш приятель оказался осторожнее вас? – спросил немец.

– Его Джоко отговорил. – Влад открыл переднюю дверцу. – Очень живо рассказал о Хозяине и о привычке местных жителей вначале стрелять, а потом уж разбираться. И наши голубые повязки и прочая дребедень может и не помочь. Иногда бандиты работают в такой же форме. Были прецеденты.

Мюллер молча сел в машину и захлопнул дверцу.

– И хлопать не нужно, – ворчливо заметил Влад. – Не знаю, как там «мерседесы», но наша техника требует к себе нежного отношения.

Немец открыл дверцу и снова резко захлопнул.

– А вот это – уже истерика. – Влад вежливо улыбнулся. – Ваш покойный папочка, как я полагаю, был бы не в восторге от таких, в общем-то, мелких проявлений слабости характера. Не нордический, совсем не нордический.

– Мы будем стоять или мне пойти пешком? – акцент у немца улетучился совсем, словно и не коверкал он язык полчаса назад. – Я могу послушать ваши гадости по дороге?

– Можете, – легко согласился Влад. – Вы, я смотрю, человек бывалый. Бронежилет с негодованием отвергли, каску не носите. Пешком поперлись в одиночку и без оружия. Бывалый человек?

– Да. Я бывал в разных местах...

– Тогда, как человек бывалый, вы потерпите минут пятнадцать, пока я долью бензобак и гляну мотор. Бензобак лучше иметь полным, при обстреле так безопаснее... – Не переставая говорить, Влад выпрыгнул из машины, вытащил канистру и открутил пробку на бензобаке. – Канистру я лучше оставлю здесь, возле дороги. Взрывается ведь обычно не бензин, а пары, знаете ли... На обратном пути, если все будет нормально, мы ее подберем.

Немец не стал ни возражать, ни демонстрировать свое восхищение предусмотрительностью полицейского. Он замер на переднем сиденье, держа кофр на коленях и глядя перед собой.

Только когда из второй канистры Гетьман стал доливать воду в радиатор, Мюллер с сарказмом поинтересовался, не взрываются ли пары воды при попадании пули.

– А как же! – весело воскликнул Влад. – И вода взрывается, и консервы. А голова как взрывается от попадания пули, если б вы видели.

– Я видел.

– Тем более. Вы напрасно каску не надели. Попадет пуля в голову – и мозги в разные стороны. А в каске... Дырочка на входе, дырочка на выходе, и все мозги в каске. Удобно ведь. И машину не нужно отмывать. – Влад сел за руль, демонстративно почти бесшумно закрыл дверцу. – И не нужно смотреть на меня, как на врага. Я ведь почти немец.

– Фольксдойч? – немец прищурился, словно увидел что-то неприличное. – Мечтаете вернуться на историческую родину?

– Боже упаси! По крови – чистый украинец, даже больше – козак. Из запорожских. – Мотор завелся с пол-оборота, машина тронулась с места осторожно, словно Влад боялся опрокинуть что-то хрупкое. – Фамилия моя – Гетьман. Это у козаков было звание такое...

– Я знаю.

– Тем более. А вот звание произошло от немецкого «гауптман». Так что...

– Мы будем ползти или ехать?

– Так вам нужно с ветерком? – совершенно искренне удивился Гетьман. – Так чего ж вы сразу не сказали?

Влад надавил на педаль, машина рванулась вперед.

– Цепь у вас на шее классная! – крикнул он. – Золото?

– Золото.

– Граммов двести, небось. У нас такие носят только очень конкретные пацаны. Там, случаем, не гимнаст на цепи?

– Там медальон. Старинный, передается у нас из поколения в поколение.

– Понял, – снова крикнул Влад. – А говорите, человек бывалый. За такую цепуру могут и в Берлине на улице горло перерезать. Вы ведь из Берлина?

– Я из Мюнхена.

– А в Мюнхене, значит, не могут?

Мелкие камни тарахтели по днищу машины, хрустели под колесами. И кричать для поддержания разговора приходилось все громче.

– Могут! – крикнул Мюллер. – Там тоже полно русских и турок.

– Что вы говорите? В такой приличной стране? А в местах, где вы бывали по делам, никто не пытался?

– Пытались. Как там говорят у вас? «Царство им небесное!»

– Вы, кстати, удивительно хорошо заговорили по-русски, герр Мюллер. Что значит – языковое погружение. И, наверное, талант. И спецшкола какая-нибудь. Нет?

Мюллер не ответил.

Машина проскочила поворот, чуть не зацепив скалу левым передним крылом, и остановилась.

Деревня была совсем рядом, метрах в ста.

– Приехали, – сказал Влад. – Отсюда можно и пешком.

– Подождете меня здесь?

– Зачем? Я за вас отвечаю. Ну, и вместо переводчика. – Влад взял с заднего сиденья ранец, надел его, потом передернул затвор автомата. – Переводчики – они разные бывают.

На голову Влад надел бейсболку, тень от козырька скрыла половину его лица.

– Вы бы еще лицо разрисовали, – посоветовал корреспондент. – В Афганистане ваши были попроще, без этих понтов. И посмелее. Помню, мне моджахеды разрешили расстрелять одного сержанта. Так он даже в лицо плюнуть попытался. Но не получилось, во рту у него пересохло.

– Я могу вместо него плюнуть, – предложил бесцветным голосом Гетьман. – И в рыло дать.

– Вы будете делать все, что я скажу, – усмехнулся Мюллер. – Иначе у вас будут проблемы. Или вас даже раньше времени вышвырнут к вам на родину, в нищету. Вам, наверное, было трудно сюда попасть, в командировку?

Влад аккуратно прикрыл дверцу машины. Мюллер дверцей громко хлопнул.

Солнце стояло высоко, камни нагрелись, и воздух над ними дрожал. Марево окутывало

всю деревню, смазывая подробности. Белые стены домов дрожали на фоне белых скал.

– И дымом не пахнет, – сказал Влад.

– И что это значит?

– Обед должны готовить, – пояснил Влад. – И собаки уже должны были нас встретить и облаять. Тут такие собаки – ужас. Прошлый раз чуть не порвали ооновца.

Мюллер поправил ремень кофра на плече и решительно направился к крайнему дому.

– Стой! – негромко сказал Влад.

Немец не остановился.

– Стоять!

Немец недовольно оглянулся.

– Мухи, – тихо сказал Влад и указал пальцем.

Мух было много. Черные, крупные, они клубились возле сложенной из плоских камней ограды.

Немец снял крышку с фотообъектива. Гетьман прошел мимо него, осторожно приблизился к ограде.

Черное пятно на камне. Мухи ползали по нему, взлетали, делали круг и снова возвращались.

– Дерьма не видели? – осведомился подошедший корреспондент.

– Это кровь, – тихо сказал Влад. – Часа три-четыре как натекло.

Ветер сюда не залетал – деревня была окружена горами. Зимой он не мог выхолаживать дома, а сейчас, летом, не мог развеять трупный запах.

Влад прошел вдоль сарая к дому и осмотрел дверь. Не обнаружив сюрприза в виде растяжки, толкнул ее, отойдя в сторону, чтобы не маячить на фоне дверного проема. Прислушался.

Тишина. Только что-то поскрипывало в глубине дома. Тихо, протяжно.

И пахло из дома смертью.

Немец попытался войти туда, но Влад оттолкнул его в сторону, показал кулак.

Осторожно переступив порог, Гетьман вошел.

Чего он искренне не понимал, так это как можно строить дома без сеней. Открываешь дверь и сразу оказываешься в комнате. В непогоду, наверное, вода и грязь попадают, пачкают плетеные полосатые половики.

Сейчас сухо, только пыль...

И кровь.

Гетьман прислонился плечом к стене и на секунду закрыл глаза.

У сербов в деревнях большие семьи. Человек по десять могут жить в одном доме. А могут и умереть.

Все десять.

Может быть, они пытались сопротивляться. У старика в руке был нож. Но это не помогло.

Их не застрелили, не взорвали гранатой. Их даже не рубили, не было ровных разрезов или следов от топора. Их рвали в клочья. Будто в дом проник зверь, громадный зверь.

Кровь яркими красными брызгами покрывала все в доме, натекла лужами на пол, впитываясь в половики. В одной подсохшей луже отпечатался след.

Оттиск собачьей лапы, сантиметров двадцать длиной. Таких собак не бывает. Это кто-то специально, как... Как подпись свою оставил. Вырезали христианскую деревню, поставили отпечаток. Только не собаки, мусульмане собак не любят. Волк.

Только и для волка – великоват след.

Влад почувствовал, что задыхается, и вышел на улицу. В принципе, можно уходить. Даже нужно. Сообщить о том, что произошло.

Немца возле дома не было.

Влад чертыхнулся. Куда его понесло? Оглядевшись, он заметил, что пыль на выходе со двора еще висит в воздухе. Понесло немца, потомственного эсэсовца, за приключениями.

Мюллер стоял возле сарая в соседнем дворе. Двери сарая были распахнуты, и немец с улицы что-то фотографировал.

Лицо его было совершенно спокойным, а на подошедшего Гетьмана корреспондент оглянулся даже раздраженно, как человек, которому мешают заниматься важным и, самое главное, любимым делом.

– Нужно ехать, – сказал Влад, мельком заглянув в сарай.

– Зачем? – сквозь зубы спросил Мюллер. – Те, кто это сделал, ушли. Я могу работать.

– Деньги зарабатывать?

– Деньги, – кивнул Мюллер. – Но если вам больше нравится высокий стиль – я должен донести до человечества правду о том, что здесь происходит. Произошло.

Домов в деревне было всего десятка три. Мюллер обошел все. И Влад шел за ним.

– Тут все, – сказал корреспондент возле последнего дома. – Монастырь далеко?

– По тропе – метров восемьсот. Но я думаю...

– А вы не думайте. У вашей расы хорошо получается пить водку и устраивать революции. А думать предоставьте мне. – Мюллер посмотрел в глаза Владу, словно ожидая, что тот ответит взгляд.

Гетьман взгляда не отвел.

Только сейчас он заметил на предплечье немца татуировку – змея, обвившаяся вокруг семилучевой звезды.

– Пойдем, – сказал Гетьман. – И я пойду первым.

– Ради бога! – махнул рукой Мюллер. – Только ключи от машины не отдадите ли? Если вдруг что – меня, скорее всего, убивать не станут. У меня нет оружия. А вы – прекрасная мишень. И потом искать на вашем теле ключи...

– Ключи остались в машине. В замке. И если вы полагаете, герр Мюллер, что сможете разозлить меня – ошибаетесь. Я на работе. Потом, когда вернемся и я вас сдам на руки начальству, вот тогда мы и сможем поговорить. Приватно, так сказать. У нашей расы, помимо всего вышеперечисленного, хорошо получается еще и морды бить расам более цивилизованным.

Влад, не дожидаясь ответа, резко повернулся и быстрым шагом пошел по тропинке.

Монастыри обычно не устраивают так близко к населенным пунктам, но тут либо деревня прилепилась к монастырю, либо крутизна подъема компенсировала незначительность расстояния.

Тропинка уверенно карабкалась в гору, не тратя времени на повороты в поисках менее крутого подъема.

Когда комиссия ЮНЕСКО доплелась таки до монастыря и отдышалась, настоятель пояснил, что вход в монастырь нужно заслужить. Что идти сюда следует не из праздного любопытства и не развлечения ради.

Тогда Влад промолчал – кто он такой, чтобы вмешиваться в разговор важных и уважаемых людей? – но прикинул, что такая ровная тропинка, во-первых, обеспечивает прекрасный обзор наблюдателю, а, во-вторых, один-единственный ствол наверху перекрывает эту тропинку наглухо. Даже если это какой-нибудь кремневый раритет времен турецкого ига.

И сейчас Влад чувствовал себя мишенью. Ростом до неба, шириной от горизонта до горизонта – мишенью, в которую невозможно не попасть даже с закрытыми глазами.

Правда, прямого враждебного взгляда Влад сейчас не ощущал. Не было того пронзительного чувства незащитности, которое охватило его полчаса назад, когда стоял он возле пропасти и прикидывал, сразу выстрелит неизвестный наблюдатель или чуть позже.

Сейчас раздражала необходимость следить за мелкими камешками, попадающими под ноги. Хорошо еще, подумал Влад, что нет дождя – по мокрой тропе идти было бы просто невозможно.

И еще раздражал... даже не раздражал – злил немец, уверенно карабкающийся сзади. Непонятно, какие статьи пишет немец, но злить людей, настраивать их против себя – это он

умел профессионально.

Если бы не глухое раздражение, которое испытывал Гетьман к немцу еще со вчерашнего дня, то все сегодня было бы по-другому. Не поперся бы Влад в деревню, не стал бы лезть по этой тропе. Не стал бы, точно.

Еще, кстати, было не поздно остановиться, повернуть назад. Немец мог что угодно говорить о своих правах, но за его безопасность отвечал все-таки Влад. И мог потребовать. И заставить, в конце концов.

Олежек Столяров отлично справлялся с подобными задачами.

Ну, помяли бы немца немного, ну, выслушали бы от него ругательства и оскорбления.

Интересно, откуда он так знает язык? И почему скрывал, что его знает? И почему безбашенно претя в самое пекло?

Влад почувствовал, что его начинает знобить. Несмотря на то, что солнце пекло немилосердно, что вот уже метров триста брел он в гору – холод тонкими иголочками побежал по спине, плечам.

Неприятное чувство. И самое скверное – ничего хорошего оно не предвещало. Влад привык верить своим предчувствиям, они неоднократно его выручали еще в Харькове – и в детстве, и уже когда тянул лямку опера.

Влад чуть не вскрикнул, когда чей-то холодный взгляд хлестнул его по лицу. Словно лезвие. Словно кто-то полоснул ножом, вонзил в плоть, но потом вдруг опомнился и вел лезвие дальше медленно, не торопясь, от правого виска к левой щеке.

Но на тропе сверху никого не было. Только дрожащий воздух, белесые камни и пыль.

Но взгляд был – тяжелый, малоподвижный, недобрый.

«Люди так не могут смотреть», – подумал Влад, с ужасом ощущая, как руки слабеют, и по телу начинает расползаться липкая слабость.

На все двести метров, которые оставались до вершины, тропа была пуста. Но кто-то все равно смотрел. И этот «кто-то» был неподалеку – метрах в пятидесяти, не больше.

Влад остановился.

– Устали? – тут же осведомился идущий следом Мюллер. – Могу поддержать. Хотите – понесу автомат?

«Как холодно», – подумал Гетьман.

Теперь даже ветер обжигал холодом, даже солнечный свет лился сверху как ледяная вода, выстуживая кровь, сковывая мышцы и парализуя разум.

Сил осталось только на то, чтобы стоять и смотреть вверх, на тропу, откуда приближалось...

Приближалось. С каждой секундой оно было ближе – и все равно на тропе не было никого. Не было.

Бежать...

Мысль эта даже не пронеслась – медленно просочилась сквозь замерзший мозг. И превратилась в комочек льда, рядом с мыслью о том, что нужно стрелять, нужно хлестнуть длинной очередью по клубящемуся мареву, отгородиться от приближающегося ужаса сполохами выстрелов.

Бежать... Выстрелить... Бежать... Выстрелить...

Влад повторял эти слова бесшумно, одними губами, понимая, что это не поможет, что нужно не проговаривать про себя ставшие бессмысленными слова, а действовать. Бежать, отшвырнув в сторону немца, или стрелять. Делать хоть что-то...

– Дай свой автомат, – сказал немец сзади. – Передай его мне.

Ровный голос. Отстраненный и размеренный. Гетьман должен отдать оружие. Этому голосу нельзя не подчиниться.

Влад разжал пальцы левой руки, сжимавшей цевье.

– Хорошо, – сказал немец. – Теперь – опусти правую руку. Просто опусти.

Оружие стало тяжелым, Гетьман не мог уже удерживать его. Автомат тянул руку к земле. И Влад понимал, что лучше не сопротивляться. Это правильно – отдать

«калашникова» немцу.

Пусть тащит его сам. Немец сильный. А когда будет нужно... Если будет нужно, то оружие можно у корреспондента забрать.

Но не будет нужно. Здесь нет никого, кто мог бы угрожать. Все уже ушли. Это были бандиты – мусульмане и просто интернациональный сброд, убивающие даже не ради наживы, а для удовольствия.

Они уже ушли.

Нужно только подняться к монастырю, осмотреть там все. Вряд ли там лучше, чем в деревне. Наверное, и монахи умерли так же, как жители деревни, не пытаясь ни сопротивляться, ни бежать.

Наверное, они стояли в своих кельях и ждали, когда смерть, холодная и неотвратимая, войдет и сделает свое дело. Стояли так же, как стоит сейчас он, Влад.

Немец осторожно коснулся автомата, легонько потянул его к себе, словно боясь потревожить Гетьмана.

Холод подступал к сердцу. Стекал вязкими волнами сверху, по тропе, как ледник, и выхолаживал душу Влада, оседая кристалликами на сердце.

Оставалось совсем немного. Еще чуть-чуть, и ему, Владу, будет совершенно безразлично, кто и как отберет у него жизнь. Как тем, в деревне, на лицах которых не было страха.

Немец потянул оружие из руки Влада увереннее. Словно уже и не нужно было притворяться. Словно от Влада уже ничего не зависело.

Вот тут он ошибался.

Влад резко повернулся и, ухватившись левой рукой за цевье автомата, рванул оружие на себя.

Немец «калашникова» не удержал, его качнуло вперед, под удар правой ноги Гетьмана. Лед, заполнявший весь мир, вдруг покрылся густой сетью тонких трещин и рухнул, разлетаясь мелкой обжигающей пылью.

Немец взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие. И у него, наверное, это получилось бы, но Влад ударил снова, на этот раз – руками, держащими автомат. Даже не ударил, а резко толкнул Мюллера.

Он не хотел свалить или покалечить корреспондента, нужно было просто убрать Мюллера со своего пути, потому что нужно было бежать, потому что взгляд уже буравил спину в упор, всего с нескольких шагов.

Немец равновесие потерял, опрокинулся навзничь, покатился по тропе, нелепо взмахивая руками и даже не пытаясь группироваться. Фотоаппарат отлетел в сторону, ударился о камень, объектив отскочил и, блеснув на солнце, исчез в пропасти.

Влад не стал рассматривать, а побежал вниз, делая гигантские прыжки и понимая, что нельзя так, что через мгновение он споткнется или просто не справится со скоростью и упадет, ломая кости и разрывая сухожилия.

Он больше не видел ничего, кроме склона у себя под ногами. Не было неба. Не было гор. Не было деревни. Не было солнца. Только истертая скала, мелкие камешки, предательски бросающиеся под ноги, и пыль, норовящая ослепить.

Удержаться. Удержаться на ногах. Все остальное – потом.

У Влада почти получилось.

Еще метров десять, и он, оказавшись на ровном месте, смог бы погасить скорость, остановиться, задыхаясь. Наверное, он бы обернулся к тропе, посмотрел, как там немец, не убит ли. И еще успел бы с сожалением подумать, что напрасно испугался, что все ему почудилось, и Мюллер действительно хотел помочь, а этот взгляд сверху – просто плод разгулявшейся фантазии, подстегнутой усталостью и кровью, увиденной в деревне.

Но у Влада не получилось.

Правая нога за что-то зацепилась или просто подвернулась в щиколотке, и Влад полетел вперед, словно собираясь нырнуть в воду, как в детстве, с разгону. Только здесь не

было воды, а были зазубренные камни и шершавая, как наждак, спекшаяся глина.

Автомат отлетел в сторону, огнем обожгло руки, и мир превратился в калейдоскоп, в стробоскопические вспышки света.

Влад врезался в ограду, сложенную, как и везде в деревне, из плоских камней. Боль пронзила правое плечо, словно припечатала тело к камням.

Темнота медленно выползла откуда-то из-за спины, и потекла, заполняя собой все, сминая и сжимая все в небольшое светлое пятно. Теперь Влад смотрел на мир сквозь черную трубу, сквозь бешено вращавшуюся воронку.

Тошнота подступила к горлу.

«Не вырубиться, – приказал себе Влад. – Только не вырубиться».

Если он не удержится на краю этой воронки, то погибнет. Захлебнется темнотой и утонет.

Сердце колотилось, и с каждым его ударом боль наотмашь хлестала поврежденное плечо, щиколотку, и соленым горячим языком касалась ссадин на теле.

И она же, эта беспощадная боль, держала Влада, не давая ему отключиться. И еще – мысль о том, что там, на тропе, ему ничего не примерещилось, что на самом деле он вмерзал в глыбу страха, и что приближалось к нему нечто, ползло, чтобы смять или проглотить.

Левой рукой Влад нащупал камни ограды, оперся и попытался встать. Больно. Правая рука не шевелилась, висела, в ней пульсировала боль. Нога...

Влад закричал, опершись на правую ногу, но устоял. Значит, можно будет идти. Тут недалеко – деревня маленькая. Нужно только добраться до машины.

Влада качнуло, он ухватился левой рукой за открытую дверь сарая.

Оглушительный скрип. Дверь пошла в сторону, и Влад торопливо отпустил ее, опершись о побеленную известкой стену.

«Деревня маленькая, – сказал Влад сам себе. – Крохотная совсем. Вот тут, мимо сарая, потом... Черт... Через забор я не перелезу... Просто не смогу... Черт... Нужно в обход. Слышишь? Ничего, это всего шагов на двадцать дальше... Всего на двадцать шагов...»

В спину дохнуло холодом.

– Нужно быстрее, – сказал Влад. – Холодает... Ты только не оглядывайся.

Он просто не мог идти быстрее. Это было обидно и больно. Влад закашлялся и без удивления, как на что-то само собой разумеющееся, посмотрел на алые брызги крови на белой стене.

Он сломал ребро. И оно, кажется, пробило легкое. И это значило, что времени у него еще меньше, чем было тогда, два года назад, когда Дима Химик достал таки его заточкой. Не мог, не успевал, а все-таки дотянулся... И Влад, зажимая рану на боку, брел через заснеженный лес. А Химик всячески тянул время, садился в сугроб, цеплялся за деревья, надеясь, что опер вырубится. И пришлось прострелить Химику руку... а потом долго объяснять начальству, зачем стрелял в задержанного, да еще скованного наручниками.

Но тогда в лесу, в зимнем заledenелом лесу, ему не было так холодно. Было жарко, раскаленный воздух обжигал легкие.

А сейчас...

Влад снова закашлялся, прижавшись левым плечом к стене дома. Ладонь он вытер об одежду, даже не глянув.

Ограда закончилась.

Влад увидел свою машину, увидел Олежку Столярова, сидевшего за рулем.

– Столяр!.. – попытался позвать Влад, но только захрипел и снова закашлялся.

Столяров смотрел куда-то в сторону, потом повернул голову... Мотор взревел, и «уазик», поднимая клубы пыли, рванул к деревне.

«Все-таки, я молодец, – подумал Влад. – Хорошо это сообразил с расщелиной. И Олежка молодец, успел по этой расщелине проскочить к деревне, пока я тянул время с заправкой и обслуживанием машины».

Если что – Олежка прикрыл бы Влада. Помог бы, если бы пришлось, вот как сейчас,

уходить быстро.

Вот как сейчас.

Если бы не этот холод...

Влад сделал еще шаг и повернулся лицом к деревне. Он больше не мог выносить леденящее прикосновение того взгляда.

Стены домов изгибались, словно живые, по черепичным крышам шла рябь, вот-вот дома должны были рассыпаться, похоронив под кучами обломков своих мертвых хозяев.

Из-за ограды, метрах в десяти от Влада, что-то поднялось, что-то гибкое, отливающее металлом.

Олег остановил машину, резко развернув, совсем рядом, распахнул дверцу:

– Что случилось?

– Быстро отсюда, – прошептал Влад, не отводя взгляда от движения за оградой, где на миг мелькнуло нечто оскаленное, мохнатое.

Олег подхватил Гетьмана, легко посадил его на заднее сиденье. Он не видел движения. Он был слишком занят. Он видел кровь на губах Влада, видел вывернутое неестественно плечо, а на остальное у него не хватило ни внимания, ни времени.

– Гони! – выдохнул Влад.

Машина рванула с места.

– Быстрее! – Влад вцепился левой рукой в спинку водительского кресла. – Не оглядывайся – гони.

Слева, из-за крайнего дома, появились собаки. Так поначалу показалось Владу, что собаки. Громадные, покрытые бурой шерстью звери широким веером неслись, не издавая ни звука.

Краем глаза их заметил и Столяров:

– Что такое?

– Не тормози, только не тормози... – Влад даже забыл о боли.

Твари неслись стремительно, не отставая от машины. Той нужно было объезжать каменную глыбу как раз перед выездом на дорогу, а зверям – нет. Они успевали перехватить «уазик».

Олежек тоже это сообразил и вдавил педаль газа в пол.

Твари уже почти достигли дороги, когда передняя вдруг споткнулась и покатилась по камням. Затем – следующая.

Теперь Влад расслышал звук выстрелов и заметил, как цепочка фонтанчиков пробежала по пыли, превратив в крошку мелкий камень, оказавшийся на пути. Пули припечатали к раскаленным камням третьего зверя, прежде чем остальные, а их было с полдесятка, бросились в сторону, уходя с линии огня.

– Тут что, все с ума посходили? – крикнул Столяров. – Это на вас местные собак спустили?

– Они Джокко не достанут? – спросил Влад. – Если рванут через расщелину...

– Там очень неудобно двигаться. Со стороны деревни навалено камней – я еле пролез. А пацан так стреляет... Ты же видел. Но мы ему теперь должны. Мы с ним заключили сделку – он, если что, нас прикроет, а мы забудем о его махинациях.

– Он, по-моему, снова стреляет, – сказал Влад.

– Ничего, у него четыре магазина к «АКМСу», и гранаты. А собак там пару штук всего осталось. – Машина свернула на дорогу, скорость пришлось сбросить. – Ты бы поглядывал назад. Стрелять сможешь?

– Нет, – сказал Влад. – Я могу в любой момент вырубиться.

– Ладно... Тогда будем брать скоростью. Хотя я и не Шумахер. Немец, кстати, где?

– Немец... Немец... там, – тошнота резко подступила к горлу. – Я могу блевануть...

– Ничего, смело трави – потом отмоем.

– Мы где забираем пацана? – спросил Влад.

– С той стороны расщелины. Там дорога более-менее, мы останавливаемся, накрываем,

если возникнут проблемы, и дорогу и расщелину. Он садится в машину.

«Потом могут быть проблемы проскочить через открытый участок», – подумал Влад.

Но там уж как получится.

– Твою мать! – Олежка рванул руль и нажал на тормоза.

Машина должна была перевернуться, такие фокусы на скорости больше ста километров в час заканчиваются плохо, но каким-то чудом Столяров машину удержал, припечатав левым боком к скале. Мотор заглох.

На дороге стоял человек. Точно посередине, спокойно, будто и не неслась на него только что машина.

– А вот и немец, – сказал Столяров. – Как это он сюда попал? Слышь, Мюллер, а если бы я не успел затормозить?

Мюллер молча улыбнулся.

– Ладно, поехали быстрее. – Столяров повернул ключ зажигания, мотор секунду покапризничал, но завелся. – Чего ты тянешь?

– Стой, – сказал Влад. – Не подпускай его.

Левой рукой Влад стал торопливо нашаривать пистолет в кобуре. Она съехала вправо, под поврежденную руку, было чертовски неудобно и жутко больно. Из уголка рта потекла кровь.

Немец был целым, без единого синяка и ссадины.

Столяров не видел, как Мюллер катился по камням, поэтому не мог понять, что такое требует Гетьман. Ну – немец. Ну – сволочь и, наверное, нацист. Но не подпускать его к машине, особенно когда нет ни секунды времени, когда сзади могут появиться собаки или их спятившие хозяева, это приговорить к смерти.

Давить корреспондента, что ли?

Мюллер, улыбаясь, шагнул к машине.

– Не подпускай! – выдохнул Влад, нашарил, наконец, кобуру и вытащил пистолет. – Вперед!

– Ты чего, Влад? – Столяров оглянулся на Гетьмана.

– Столяр... – простонал Влад, понимая, что не успеет снять левой рукой пистолет с предохранителя.

Предохранитель на «макарове» расположен под большой палец правой руки, а Влад держал пистолет в левой, и нужно было еще сообразить, каким пальцем зацепить чертову железяку...

Немец сделал еще один шаг. Улыбка стала шире.

На груди немца висел медальон. Здоровенный, сантиметров десять в диаметре.

Влад наконец снял пистолет с предохранителя, поднял его, но на спуск не нажал. Медальон висит на груди... семилучевая звезда, обвитая змеей, как на татуировке на предплечье...

Нет на руках татуировки. Нету. Голые руки. Медальон.

Джинсовая рубашка и легкая куртка. Вон, из-под поддегнутого рукава виднеется тату... Лицо... Что-то с лицом у корреспондента. Оно так странно выглядит без бровей и ресниц. И на голове нет волос. Нет их на неестественно голом лице, ни бровей, ни ресниц.

Словно два изображения наложены друг на друга, мерцают, проявляясь поочередно: обычный человек, одетый, с аккуратной прической – и поджарый, начисто лишенный растительности на голове тип. И у него есть этот медальон...

И медальон, кажется, светится. Наливается багровым.

Влад выстрелил. Рука держала пистолет неуверенно, в глазах двоилось, но до немца было всего метров пять. И он не промахнулся, нет.

Пуля не ударила в камень, высекая искры, не взметнула фонтанчик пыли. Пуля стремительно преодолела первые два метра, потом вдруг стала видимой, и теперь двигалась медленно, с трудом протискиваясь сквозь ставший вязким воздух.

А потом, через пять бесконечных секунд, остановилась, наконец, повиснув перед

грудью корреспондента, перед багрово светящимся медальоном.

Пуля вспыхнула лиловым и исчезла.

– Не нужно было бежать, – сказал Мюллер. – Сейчас был бы целым. А твои приятели – живыми. Вы очень неприятная в близком общении раса. Ты должен был пропасть без вести в деревне, вырезанной бандитами. А твои приятели – должны были доставить корреспондента на базу. А теперь...

– Вы чего? – Столяров оглянулся на Влада.

– Дави его!

– С ума сошел? Ну, поспорили, ну, что-то там еще... Ну, даже стрельнул, чтобы испугать. Некогда, ехать нужно.

– Я не пугал. Ты же видел, медальон...

– Какой, на хрен, медальон!

– Медальон? – спросил Мюллер. – Какой медальон?

– Звезда со змеей! – выкрикнул Влад. – Да ты что, Столяр, сам не видишь?

– А вот это уже интересно! – на лице Мюллера действительно проступило легкое удивление. – Ты видишь медальон?

– И лысину твою тоже! – Влад попытался выстрелить снова, но Столяров вырвал у него оружие из руки и бросил на сиденье.

Олегу все стало понятно – Владу плохо, он несет чушь, даже чуть не убил немца. Какой медальон, какая лысина!

– Успокойся, Влад. Все нормально. Отъедем, перевяжем тебя, и в госпиталь. Еще и медальку получишь. Нормально.

Влад открыл дверцу машины, шагнул на дорогу, не обращая внимания на полоснувшую по ноге боль.

– Влад! – Столяров выпрыгнул следом, чтобы поддержать друга, не дать ему упасть. – Да что же...

Договорить он не успел – замер, схватившись руками за грудь, и, захрипев, рухнул навзничь. Голова глухо ударилась о камень.

– Так что там о лысине? – осведомился Мюллер, опуская руку.

Перед тем, как Столяров упал, немец прицелился в него указательным пальцем, словно играясь.

– Я непонятно говорю? – Мюллер снова поднял указательный палец, прицелился. – Я не буду тебя убивать, но могу сделать очень больно.

Влад сделал шаг назад, споткнулся и упал, ударившись спиной о машину. Боль разом лишила его и воздуха, и сил.

Темнота, не сумевшая поглотить в деревне, настигла его здесь, на дороге. Теперь он почти не сопротивлялся, отстраненно смотрел на то, как черные мухи, мельтешившие перед глазами, сливаются в вихрь, тот превращается в черный бешено вращающийся колодец, на дне которого стоит странное безволосое существо, только похожее на человека, и существо это тянет руку к нему, Владу Гетьману, старшему лейтенанту милиции, не верящему ни в бога, ни в черта.

Рука все ближе к его лицу, но тут появляется еще кто-то, и тот, кто раньше был Куртом Мюллером, вдруг пятится.

– Он наш! – кажется, говорит безволосый, но в голосе его нет ни уверенности, ни твердости. – Ты не можешь...

– Я здесь хозяин, – говорит чей-то глухой голос. – И если ты не уйдешь... И не уберешь свою свору...

Безволосое существо исчезло.

Кто-то подошел к Владу. Из последних сил Влад оттолкнул темноту, чтобы вынырнуть из этого омута, вдохнуть воздуха.

Темнота на мгновение расступилась.

Глаза, светящиеся красным, тонкие пальцы, бледные, похожие на лапки паука. И,

прежде чем темнота окончательно захлестнула Влада, он увидел длинные тонкие зубы, выглядывающие из приоткрытого рта.

Глава 2

Многие полагают, что в Харькове хорошая осень. И они, наверное, правы, если судить об осени по сентябрю и первой половине октября. Дни почти всегда солнечные, листья – золотые, ночи – прохладные, но необыкновенно уютные. Иногда идут дожди, но без надрыва и назойливости.

Это – до середины октября. Потом харьковскую осень может любить только уж очень большой оптимист и романтик. Ну, или как выразился столичный гость, только самозабвенный поклонник подгнившей готики.

Хозяин квартиры возражать не стал. Хозяин квартиры вообще старался гостю не возражать, ибо, хоть оба были не в мундирах, разница в количестве звезд на погонах имела место быть и к отстаиванию своих взглядов не располагала.

Собственно, хозяином квартиры подполковник Осокин был чисто номинальным. Квартира называлась явочной, использовалась для встреч с осведомителями, причем не самого высокого уровня. Однокомнатная квартира в хрущобе на третьем этаже, со старой пошарпанной мебелью если и имела достоинства, то только в месторасположении.

Улица Есенина отчего-то считалась чуть ли не центром Павлова Поля, а Павлово Поле имело статус чуть ли не элитного района города. Те, кто жил на Павловом Поле, ни под каким видом переезжать оттуда не хотели, а квартиры тамошние, при прочих равных, всегда были минимум на треть дороже аналогичных в любом другом районе города.

Но выбрали эту квартиру, естественно, не за элитность расположения. На это областному управлению было наплевать. Но вот удобство транспортных развязок, отсутствие отгороженных дворов, возможность маневра при выборе маршрута следования, даже находящийся почти под боком парк культуры и отдыха имени, естественно, Горького, причем самая запущенная его часть – все это делало квартиру действительно полезным приобретением.

Это подполковник Осокин успел объяснить киевскому гостю подробно. Гостя звали Андреем Ивановичем Петренко, был он полковником милиции и числился при министерстве внутренних дел. Чем именно он там занимался – Осокин не знал, виделся он с Петренко первый раз, но слышал о нем много разного.

В том числе и хорошего.

Но трудно было ожидать чего-либо хорошего от министерского полковника, прибывшего в город чуть не инкогнито, не явившегося в областное управление, а потребовавшего встречи в как можно более укромном месте.

И приказавшим вызвать на встречу, помимо подполковника Осокина, еще и одного из оперов областного управления. И если бы кого приличного. А то Владислава Гетьмана собственной персоной.

Правда, с Осокиным встреча была назначена на полдень, а Гетьмана повелели вызвать к восемнадцати ноль-ноль.

С двенадцати до шестнадцати Осокин отвечал на вопросы о Гетьмане, а два оставшихся часа заваривал чай, бегал за хлебом и колбасой в соседний магазин и слушал рассуждения полковника о преимуществах и недостатках харьковской погоды.

– Да... – протянул Петренко и отставил в сторону пустую чашку. – А ведь я раньше в Харькове частенько бывал. Своего первого я здесь и принял, между прочим. Еще в восемьдесят втором. Как раз в день смерти Леонида Ильича незабвенного.

– Интересно, – поддержал разговор Осокин. – А ведь мы могли и встречаться в то время...

– Не могли. Я тут был, так сказать, неофициально. Брали мужичка тихо, без шума. Привезли отсюда даже не в Киев, высадили по дороге, в Лубнах. И что потом с ним стало – до сих пор не знаю. Но мужик знатный был, одному нашему из группы руку сломал, второму щеку распанахал от глаза до подбородка... Да. Веселое было время.

У Осокина опять-таки было свое мнение по поводу веселья в восемьдесят втором, особенно после того, как пришедший на смену маразматике Брежневу гражданин Андропов принялся закручивать гайки не только у простых советских товарищей, но и у работников милиции. Аж резьба пищала.

В дверь квартиры постучали.

Осокин, вставая с расшатанного табурета, мельком глянул на часы – восемнадцать ноль одна. Небось стоял Гетьман возле подъезда, чтобы начальство точно поразить. Хотя представить Гетьмана, старающегося поразить начальство подполковник Осокин не мог. Скорее наоборот.

Уже посмотрев в глазок и отпирая дверь, Осокин вспомнил, что забыл предупредить полковника о странностях капитана.

«Ну и черт с ним», – подумал Осокин, имея в виду полковника из министерства.

Сам выбрал кандидата, сам пусть и расхлебывает. Не шептать же сейчас, на пороге, Гетьману просьбы быть помягче с начальством. И не бежать же вперед, на кухню явочной квартиры, с торопливым предупреждением, что Гетьман, значит, при встрече руку никому не подает, даже при награждении в прошлом году поставил генерала с протянутой для поздравления рукой. Чуть было из органов не вылетел, чудом остался, но из приказа на поощрение исчез бесследно.

– Вечер добрый, – сказал Гетьман. – Прибыл...

– Привет-привет, – махнул рукой подполковник, закрывая за капитаном дверь. – Следуй на кухню.

Гетьман удивляться не стал и, не снимая мокрую от дождя куртку, направился куда велели. Осокин заметил, что, прежде чем пройти мимо двери в комнату, Гетьман притормозил на секунду, окинул быстрым взглядом помещение, и только тогда пошел дальше.

Осокин вошел на кухню как раз в тот момент, когда полковник Петренко протянул капитану Гетьману руку со словами:

– Будем знакомы.

– Будем знакомы, – не без сомнения в голосе согласился Гетьман, держа руки в карманах куртки. – Влад Гетьман.

Петренко глянул на Осокина, Осокин пожал плечами.

– Значит, такой вы... – протянул Петренко, опуская руку. – Я думал, преувеличивают. Присаживайтесь, у нас разговор будет долгий и, боюсь, трудный.

Гетьман посмотрел на предложенный табурет, перевел взгляд на окно, не прикрытое шторами. Аккуратно взял табурет и переставил в сторону, так, чтобы сидеть в пол-оборота к двери и не маячить в окне.

Осокин тяжело вздохнул, но Петренко смотрел на все эти манипуляции с видимым одобрением.

– Вы бы, подполковник, распорядились обеспечить квартирку шторами поплотнее, – сказал он. – Дом напротив в пятидесяти метрах. Нехорошо может получиться.

– Будет сделано, – кивнул Осокин. – Мне присутствовать или...

– А вы, извините, не могли бы достать пивка? – спросил с улыбкой Петренко. – А если с рыбцом – то бутылочки четыре. Я все равно останусь тут ночевать, могу себе позволить. Ну, и вы мне компанию составите.

«Если он сейчас еще и Гетьмана предложит в собутыльники, плюну на все и пошлю его в задницу. Вслух. И черт с ней, с карьерой, – решил Осокин и напрягся. – Подполковник я или нет?»

Но дальнейших унижений не последовало.

Выходя из квартиры, Осокин услышал, как Петренко сказал:

– Я с большим интересом прочитал ваше личное дело...

Входная дверь хлопнула.

– Да, дело интересное, но какое-то двойственное, что ли, – Петренко выбрал самую

доверительную из своих интонаций, больше отец солдату, чем слуга царю.

Но на Гетьмана эта проверенная годами тактика особого впечатления не произвела. Он сидел неподвижно, прислонившись спиной к стене, выкрашенной ядовито-зеленой масляной краской, руки держал в карманах, лишь один раз вытер левой рукой капли воды с лица, оставшиеся после дождя.

И лицо у него было... нет, не спокойное, а просто неподвижное. Ровный взгляд, сжатые губы. Даже желваки не гуляли на скулах.

– До вашей командировки в Косово – просто загляденье. Приказы о поощрениях, досрочное присвоение, премии в размере заработной платы. Даже сама командировка в Косово – это не просто так. Мы ведь знаем, что туда попасть сложно. И деньги, и карьера... – Петренко ослабил узел галстука, обозначая, что беседу ведет неофициально и приглашая собеседника к откровенности. – Слышал, даже взятки некоторые предлагают. Или там через родственников. Но у вас ведь нет родственников.

Если полковник ожидал ответа и хоть какого-то участия Гетьмана в разговоре, то ошибся. Гетьман продолжал слушать молча.

– Да... – протянул Петренко, прикидывая, какие коррективы внести в стиль беседы и понимая: с таким характером старшему лейтенанту нужно быть очень толковым работником, чтобы до сих пор оставаться на службе. – Но вы вернулись... Кстати, а что там произошло, в Косово? Вы ведь вернулись досрочно, лежали в госпитале, чуть не комиссовались... Чуть ли не на инвалидность. Что случилось?

– На выезде попали в засаду, – сказал Гетьман. – Выжил я один. Был захвачен бандой, бежал.

– И все?

Гетьман молча кивнул.

– Ну, в общих чертах, так я и читал. Только вы, кажется, четыре месяца были в плену. И не бежали, а вырвались. Я не поленился, связался с Косово, там о вас какие-то легенды рассказывали. Неофициально, конечно. Что-то о вырезанной деревне и о том, как остатки банды обнаружили через четыре месяца. И вас, раненого и побитого, на скалах. И что вроде бы это вы всю банду... Человек тридцать.

– Голыми руками, – подсказал Гетьман. – И зубами. Махнул правой рукой – улица, левой – переулок.

– Нечто в этом роде, – широко улыбнулся Петренко. – Ввали?

Теперь улыбнулся Гетьман, чуть-чуть, самыми уголками губ. Но ярко-голубые его глаза остались холодными и спокойными.

– Ладно, что бы там с вами ни произошло, но здешняя комиссия признала вас годным. На работу вас, худо-бедно, взяли, капитана присвоили, но карьеры вам не видать – характер у вас после пережитого испортился. Заключение психологов и психиатра читается как триллер... Вызывает недоумение после всего этого только резолюция «годен без ограничений». И... Вы хотите стать майором? – неожиданно сменил тему Петренко и стал серьезным. – Вот так, разом бросить все, переехать, если захотите, в Киев. Или в любой другой город Украины, по вашему выбору. Или даже назад, в Косово. Или еще в какую-то заграничную командировку. Есть несколько вакансий на повышение квалификации для работы в Интерполе. С вашим послужным списком...

– С морковкой – понятно, – перебил полковника Гетьман. – С ослом – тоже. А что и куда тащить?

Петренко кашлянул смущенно. Он сам был циником, но все равно старался, по возможности, избегать слишком прямых формулировок. Его бы вполне устроило: «Что я должен сделать?» Но если оперу так удобнее...

– Вы выполняете задание. Одно. Сложное, но одно. Сразу же после этого получаете все, что я вам тут пообещал.

– Вы еще ничего не обещали, но это не важно. Вы Стругацких читали?

– Это...

– Опять-таки – не важно. Вы закончили преамбулу и можете переходить к амбуле.

Полковник тяжело вздохнул и перешел.

В Харькове, кажется, завелся серийный убийца. И, что показательно, работать стал активно и часто. И не оставляя следа. За два месяца он убил шестерых, и не похоже было, что на этом он остановится.

Убийцу нужно найти, сказал полковник Петренко. Но сделать это тихо, не привлекая внимания общественности. Есть свои резоны действовать так, а не иначе – тут Петренко особо не распространялся, а Гетьман и не настаивал. Слушал все так же молча, интереса не проявляя.

– Пока это все, – подвел итог Петренко. – Если вы соглашаетесь в принципе, то мы можем продолжить. Если вы, после согласия, попытаетесь съехать с базара и заявите, что передумали, то вылетите из органов в течение двух дней.

– Во-от... – удовлетворенно протянул Гетьман. – А я все ждал, когда появится кнут. Ну, уйду на вольные хлеба. В журналисты. У меня есть знакомые в самой что ни на есть желтой прессе, и первый мой материал будет о серийном убийце и странном поведении милицейского начальства. Ваш ход.

Петренко прочистил горло.

Гетьман ему определенно начинал нравиться. Нужно только правильно с ним обращаться, и тогда общение даже начнет доставлять удовольствие. Наверное.

– Вам интересно мое предложение?

– А вторую часть вы сразу же скажете или погодя?

– Сразу. Вы даёте принципиальное согласие, я добавляю подробностей. И с завтрашнего дня... – Петренко улыбнулся почти искренне. – С завтрашнего дня вы приступите. Но подробности вас могут огорчить. Или напрячь.

– Ничего. Я согласен.

– Тогда... – Полковник встал с табурета, вышел в комнату и вернулся с ноутбуком в руках. – Это вам.

– Неожиданный подарок, – сказал Гетьман. – Это ничего, что день рождения у меня не скоро?

– Тут все материалы. Ознакомьтесь на досуге. – Полковник подержал некоторое время ноутбук перед Гетьманом, но, сообразив, что тот брать его не собирается, поставил на кухонный стол. – Вы же умеете с такой штукой обращаться?

– Теперь – неприятный довесок. – Гетьман посмотрел прямо в глаза полковнику, и тот поежился, отводя взгляд.

– Вот визитка, – полковник достал из кармана пиджака картонный прямоугольник, блеснувший позолотой. – Позвоните после того, как ознакомитесь с материалами. В любое время суток.

Гетьман левой рукой взял визитку, посмотрел. Взглянул на полковника, только теперь уже с некоторым удивлением:

– С каких это пор Серый сотрудничает с министерством?

– Он не сотрудничает, – быстро ответил Петренко. – Он обратился к нам с просьбой и предложением...

– Не один хрен?

– Не один. – Петренко снял, наконец, надоевший галстук и бросил его на стол. – Мы тоже поначалу удивились, но потом... Материалы были очень уж... специфические, что ли. Вы посмотрите дела – сами поймете. Сергей Салунский...

– Да говорите уж просто – Серый.

– Хорошо, Серый. Он так сказал – либо к вам, либо к Патриарху. Можно в святую инквизицию. После того, как я это... – Петренко легонько похлопал ладонью по ноутбуку, – ...просмотрел – с Серым согласен на сто процентов. Поскольку в нечистую силу я не верю, в разных призраках и привидения – тоже, значит, все фокусы возможны в исполнении наших... в смысле, ваших коллег, из харьковской милиции. Слишком много случайностей,

недоразумений и нестыковок. Посему дело должно расследоваться приватно, без привлечения крупных сил. И вообще, по минимуму привлекать местные силы.

– А я, значит...

– А вас рекомендовал сам Серый. Чем-то вы ему приглянулись, получается. Так и сказал – либо Гетьман, либо никто, сами разберемся. Крови будет много, но не захлебнемся. Нужно будет, сказал Серый, и водичкой святой глотки заливать станем, и костерок, если понадобится, сложим. Очень образно излагал Сергей Леонтьевич. И живо.

– А без него?

– Без него дело даже не возникнет. Не связаны эпизоды. Даже при первом прочтении понятно – не связаны они между собой. Но Серый клянется и божится, что все это один и тот же человек работал... Если человек. У Серого еще есть какие-то сведения, но это только для вас, капитан.

Гетьман покрутил карточку в руке. Положил на стол.

– Отказываетесь? – насторожился Петренко.

– Почему? Телефон запомнил, позвоню.

– Серый сказал, что карточка – как пропуск. Лучше носите при себе.

– Даже так? Может, себе оставите такую нужную вещь?

– А я уже оставил. – Петренко достал из нагрудного кармана вторую визитку и помахал ею в воздухе. – От таких подарков не отказываются...

* * *

Когда подполковник Осокин с пивом вернулся в квартиру, Петренко стоял посреди комнаты, задумчиво глядя в стену.

– Получилось? – спросил Осокин.

– В лучшем виде, в самом лучшем виде, – ответил Петренко. – Вы когда сможете повесить наружку?

– За Гетьманом? – удивился Осокин.

– Нет, за папой римским! – взорвался Петренко. – Конечно, за Гетьманом. И жучка ему в квартиру. Машины у него нет?

– Нет.

– Жаль. Но если есть любовница – к ней прослушку. В кабинет рабочий. В задницу. И чтобы хвост за ним ходил неотступно...

– Я разве вам не говорил? – удивился подполковник, сообразил, что до сих пор держит пакет с пивом и воблой в руках, и поставил его на пол, к стене. – За ним нельзя ходить. В смысле – можно, но лучше не нужно.

– Почему?

– Ну... Он «хвост» определяет с ходу, потом некоторое время делает вид, что не заметил, а потом... потом могут быть неприятности. В мае ребята из УБОПа на спор с нашими решили походить за Гетьманом. Три человека, не пацаны.

– И?..

– Легкое сотрясение мозга у одного и побои средней тяжести у других. Причем, бил не Гетьман, все трое клянутся, ну, и алиби у Гетьмана на это время железобетонное.

– Смешно... – сухо констатировал Петренко. – А что прикажете мне делать? У меня совершенно четкие указания – не выпускать из виду.

– Я подумаю, – сказал Осокин. – Есть вариант.

* * *

Влад, выйдя из дома, постоял на крыльце, прикидывая, каким маршрутом уходить. Был очень сильный соблазн двинуться через парк – безопасней и надежней. Обычные люди по промокшему насквозь парку шляться не будут, особенно если шагать через болотце, расположенное почти сразу за станцией подвесной дороги.

Но и сам он в таком случае наверняка привлечет излишнее внимание любого стороннего наблюдателя. Получалось, что топать нужно было к одной из станций метро.

Влад поднял воротник куртки и шагнул под усилившийся дождь. Прохожих не было.

Это, в общем, ничего не значило, наблюдать могли из окна любого соседнего дома, передав потом по рации или телефону эстафету поджидающему в отдалении специалисту.

Или могли следить каким-нибудь другим способом, экзотичным и трудно определяемым. И тут ничего не поделаешь. С этим нужно просто смириться и реагировать только в самом крайнем случае.

Все, что рассказывал полковник, нужно было обдумать. Он согласился сразу не потому, что так уж хотел повышения в звании и прочих пряников. Да и в милиции Влад остался до сих пор не из-за того, что боялся потерять работу, лишиться удостоверения, оружия и власти.

Влад ждал. К нему должны были прийти, рано или поздно. Так или иначе, но его в покое не могли оставить, Хозяин ему все подробно объяснил. На примерах и очень доходчиво.

Сердце замерло, напомнив Владу, что Хозяин относится к воспоминаниям запретным. Стоило начать вспоминать, и мир снова становился совсем чужим, враждебным и несправедливым.

За ним должны были прийти – пришли. Он еще мог поверить, что полковник поручил это странное дело ему, Владу, из-за простого стечения обстоятельств. Повесить мутного откровенного глухаря на мента, самозабвенно рубящего сук под собой – сам бог велел.

Если что накопает – слава достанется начальству. Если сломает себе на этом голову – туда ему и дорога. Поверить в такую схему Влад мог.

Не поверил поначалу, но это только по той причине, что последнее время не верил вообще никому. Но вот когда появилась визитка Серого – тут уж ни о каких совпадениях речи быть не могло.

Вынырнувшего из-за угла Осокина Влад заметил в последний момент, резко изменил направление и влетел в пропахший кошками подъезд. Не хотелось сейчас встречаться ни с кем, а тем более с подполковником Осокиным. Хотя бы сегодня. Завтра тот наверняка вызовет к себе и будет занудно инструктировать, передавая последние указания начальства, а то вдруг потребует предварительный план розыскных мероприятий. С него станется.

Ведь сделает простецкое лицо, будто не понимает, что организацией розыска должен заниматься уж никак не опер. И вообще, прокуратура пусть работает. В самый раз...

Осокин прошел мимо крыльца, позвякивая бутылками в пакете. Влад осторожно выглянул, убедился, что подполковник дошел до подъезда, в котором находилась явочная квартира, и совсем уж собрался выйти на улицу, но замер, а потом шарахнулся обратно.

Здоровенная псина, почти неразличимая в темноте, не торопясь, протрусила к тому самому подъезду, где скрылся Осокин, как-то задумчиво посмотрела на дверь, подняла голову, словно пытаясь рассмотреть за окнами на лестничных клетках, как подполковник поднимается на третий этаж.

Темно-серая, волчьего окраса зверюга осмотрелась и медленно пошла вдоль дома.

Влад перестал дышать, когда собака остановилась напротив подъезда, в котором стоял он.

Это просто обычная собака, попытался обмануть себя Влад. Много их сейчас по городу бродит. Даже волки, говорят, начинают бродяжничать среди людей. Отличить волка от собаки сможет только охотник или биолог, а если даже и поймет кто – ну, позвонит в милицию. И всех делов.

«Просто собака», – повторил мысленно Влад.

Это не одна из тех тварей, что пытались убить его в Косово. Пусть даже волк, но обычный волк. Самый обычный.

Сейчас зверь постоит немного и пойдет дальше, к мусорным бакам.

Пальцы правой руки, сжимавшие пистолет в кармане куртки, свело судорогой. Можно стрелять, промаха не будет, он был уверен. Свалить тварь пулей в голову, потом – подойти и добить. Расстрелять всю обойму. Лучше – две. И бежать.

Не просто уносить ноги с места преступления, а бросить все и бежать из города. Но тогда придется бежать всю оставшуюся жизнь – это Хозяин ему тоже объяснил очень

доступно и доходчиво.

Остаться в подъезде? Так ведь учуял его зверь. Наверняка учуял. От кого прятался капитан милиции? От подполковника Осокина – чушь. Подполковник уже прошел, а он, Влад Гетьман, все стоит в вонючем подъезде, держась за дверную ручку, словно барышня, спрятавшаяся от хулиганов.

От собаки прячется Гетьман. А почему он от нее прячется? Отчего крутой капитан так боится лучшего друга человека? Или он подозревает, что если эта тварь и чей-то лучший друг, то никак не его, капитана Гетьмана?

Времени на раздумья не осталось совсем. Еще пара секунд – можно уже не выбирать вариант, а просто открывать пальбу. Можно даже просто себе в голову.

«Ладно, – сказал Влад сам себе. – Ладно».

Капитан спрятался от подполковника. Подождал, пока тот пройдет, потом еще с минуту дожидался, чтобы тот не вздумал возвращаться, а потом...

Дверь, оснащенная мощной пружиной, открылась нехотя, словно давая Владу еще один шанс сделать правильный выбор. «Подумай!» – простонала пружина.

Влад вышел из подъезда, придержал дверь, чтоб не хлопнула, и посмотрел на окна явочной квартиры.

Все нормально. Все в порядке. Его волнует только подполковник Осокин. А собака напротив подъезда – ерунда. Привычная деталь городского пейзажа.

Стоит, серьезно рассматривая человека, вышедшего под дождь, превратившийся уже в ливень.

– Привет, собака! – сказал Влад. – Мокнешь? Ну, а я пойду.

Портфель с ноутбуком Серого он зажал под мышкой и побежал. Не ускоряясь особо, стараясь избегать луж – так обычно ведут себя люди под дождем, понимая, что все равно вымокнут, но выполняя ритуал.

До метро «Ботанический сад» можно было добраться через дворы, наискось, но Влад побежал прямо, по улице, ведущей к проспекту Ленина.

Собака могла быть не одна. Влад прекрасно отдавал себе отчет, что справиться со сворой в темном дворе у него шансов нет. Просто не хватит патронов.

А на освещенном проспекте...

Влад бежал ровно, не оглядываясь. Он не слышал, бежит ли собака следом. Обычный человек не станет проявлять такой уж большой интерес к дворняге.

Не станет.

Теперь нужно было принять еще одно решение – направляться к метро или садиться в автобус. Быстро. Вести себя нужно естественно, но терять время – нельзя.

Неожиданно для себя Влад шагнул к проезжей части и поднял руку. И, опять-таки, неожиданно, «Ауди» с желтым гребешком на крыше сразу же остановилась рядом.

– На Жуковского, – сказал Влад, открыв дверцу.

– Садись, – согласился водитель и присвистнул, глядя мимо Влада. – Ни хрена себе...

– Что? – спросил Влад, усевшись на переднее сиденье и устроявая портфель на коленях. – Что такое?

– Откуда они здесь? – удивленно сказал водитель. – Совсем обнаглели!

Влад посмотрел и захлопнул дверцу, надеясь, что сделал это не слишком резко.

– Собаки? – спросил он.

Он должен был спросить – удивление водителя было глубоким и искренним.

– Какие, на фиг, собаки? Волки. Две штуки в центре города. И здоровенные...

– Откуда здесь волки? Собаки. Да, громадные, но... – Влад почувствовал, как его запоздало начинает бить мелкая дрожь.

– Ага, сейчас, – водитель тронул машину с места, оглянувшись, чтобы вклиниться в поток.

– Я охотник. Двадцать лет с ружьем, и волков видел в своей жизни миллион. Но чтоб в городе... Тут же школа неподалеку. Ментам сказать?

– Скажи, – кивнул Влад. – Ты бы мне поверил, если б я тебе про волков рассказал?

Водитель помолчал, потом тяжело вздохнул:

– Таки – да. Таки – не поверил бы.

Он посмотрел в зеркало заднего вида, но, естественно, ничего не увидел, кроме света автомобильных фар, дробящегося в дождевых каплях.

– Чего только не бывает в жизни, – сказал водитель чуть погодя.

– Да, – сказал Влад.

Чего только не бывает.

Волки могли напасть или просто проводили случайно подвернувшегося Гетьмана. А на самом деле они следили за подполковником Осокиным. Или даже за самим полковником из министерства.

Влад вытер лицо и закрыл глаза.

* * *

– Если они станут на твой след, – говорил ему Хозяин, – если решат тебя достать, то обязательно достанут. Хочешь выжить – постарайся всех их перебить, убежать все равно не сможешь. От них нельзя убежать.

Голос у Хозяина неприятный, словно клокочет что-то у него в горле, нехотя складываясь в слова. Словно полощет он горло словами, выплевывая время от времени.

– От меня тоже нельзя уйти, – сказал Хозяин. – Ты и сам не захочешь уйти, ведь правда?

Хозяин протянул руку, худую белую руку с длинными сухими пальцами к лицу Влада, дотронулся до его лба. Неверный свет старой керосиновой лампы отразился на ногтях, появившихся из кончиков бледных пальцев и снова исчезнувших.

– Кровь... – сказал Хозяин. – Есть в людях и что-то хорошее. Меня это примиряет с вашим существованием. Я бы позволил Наблюдателю тебя увести, но мне время от времени нужна кровь, а мою деревню...

* * *

– Где на Жуковского? – спросил водитель.

Влад вздрогнул и осмотрелся.

Он имел в виду поселок Жуковского, но не назвал точного адреса, и водитель привез его на проспект, носивший то же имя. Теперь придется возвращаться.

– Вот здесь, возле мебельного. – Влад достал из кармана деньги, отдал водителю. – Спасибо.

– Тебе спасибо. А все-таки то были волки.

Влад подождал, пока «Ауди» уедет. Огляделся. Дождь почти прекратился, лишь легкая морось висела в воздухе.

Снизу, от Даниловки, послышался собачий лай.

Влад сунул руку в карман, снял пистолет с предохранителя. Он сам себя ненавидел за этот страх, понимал, что так нельзя, что сходит с ума, но ничего не мог с этим поделать.

«Ты не сможешь победить, – сказал ему Хозяин. – Ты сможешь только отсрочить свою смерть».

Это было очень унижительно – стараться выжить. Не жить, не бороться, а выживать, день за днем, месяц за месяцем. Этому Влада также научил Хозяин. Четыре месяца он учил Гетьмана новым правилам, рассказывал ему о том, как на самом деле устроен мир, и жестко указывал место, какое суждено Владу в этом мире занимать.

В мире, где существуют такие вещи, как магия и пришедшие на Землю еще в глубокой древности чужаки.

Тогда все было вроде понятно, но теперь...

Теперь, после возвращения в Харьков, время от времени у Влада возникало желание плюнуть на все, выпрямиться в полный рост и перестать прятаться.

Бросить в рожи этим нелюдям, что он видит их насквозь, прекрасно видит, кто они на самом деле. И умереть. Быстро. Или очень, очень медленно, испытав на себе всю ненависть, накопленную за тысячи лет этими тварями.

Влад прошел мимо девятиэтажки, резко свернул за угол и остановился. Он не мог себе представить, что станет делать, если вдруг кто-то действительно следил за ним и вот сейчас, выскочив из-за угла, окажется лицом к лицу.

Ударит? Или просто глянет в глаза.

Никто не появился.

Где-то неподалеку пьяно орали песню, из приоткрытой форточки доносился визгливый женский голос, требовавший от кого-то сделать хоть что-то, если этот кто-то хоть чуть-чуть мужик.

– Нужно сделать что-то, – пробормотал Влад. – Если мужик.

Его нашли? Ладно. Можно уже не убегать. Можно спокойно заняться делом. Что-то же им от него нужно? Хотят использовать? Для чего? Об этом тоже можно не думать.

Можно позволить себе спокойно зайти в «Сергеевский», купить что-то на ужин и на завтрак. А можно, не торопясь, начистить картошки, мелко настрогать сала из морозильника, и картошечки нажарить на этом самом сале. Да еще с лучком. Можно еще все это запить чем-нибудь веселым, но в одиночку Влад сегодня пить не хотел. Ну, не собирался, во всяком случае.

Потом можно опять-таки, не торопясь, съесть жареную картошку прямо со сковороды, вымыть сковороду, вытереть, сделать себе чашку кофе, черт с ним, пусть растворимого, но обязательно большую чашку, и чтобы сахара было много.

Потом взять эту самую чашку и отправиться в комнату, сесть за письменный стол и включить, наконец, ноутбук.

Спать сегодня все равно не получится. Это Влад знал. Уснуть – да. Уснуть он сможет. Но только снов не будет, будут воспоминания, будет крик, колотящееся сердце, холодный пот на лице и боль, саднящая боль там, куда прикасались тонкие белые пальцы Хозяина.

Влад осторожно дотронулся до небольшого шрама на лбу. Там, где некоторые подозревают существование третьего глаза.

Из-за этого шрама Влад не любил свое отражение в зеркале.

* * *

...Когти, стремительно появляющиеся из кончиков тонких белых пальцев, и капли крови на этих пальцах, и мертвенно-бледное лицо с глазами, горящими красным...

* * *

Придя домой, Влад, не раздеваясь, прошел в комнату, сел к письменному столу. Нужно просто успокоиться. Так дергаться нельзя, надолго его не хватит. Несколько раз глубоко вздохнув, Влад встал из-за стола и прошелся по комнате. Сегодняшняя встреча с волками выбила его из колеи. Он уже и не думал, что может вот так испугаться, надеялся, что испуг выгорел навсегда, остался легким белесым пеплом возле той проклятой деревни в Косово.

* * *

«Когда ты будешь умирать, – сказал Хозяин, – то будешь благодарить меня за смерть. Ты еще не понимаешь, насколько мучительной может быть жизнь. У тебя еще был шанс уцелеть, если бы ты не прозрел. Пелена... Пелена была создана три тысячелетия назад не столько для того, чтобы обманывать, сколько для того, чтобы спасти. Нас – от людей. Людей – от безумия, от правды, которую лучше не видеть. А тебя... Вот с тобой – сложнее. Я еще не понял, что ты такое... Нет, то что ты сосуд, наполненный пьянящей кровью, я понимаю... и приветствую. Но привкус твоей крови... Он что-то напоминает... далекое... ускользающее...»

«Я вспомню, – сказал Хозяин. – Обязательно вспомню. И, может быть, расскажу тебе. Или – не расскажу. Осушу до дна и выброшу, как выпитую бутылку. Или, – Хозяин даже засмеялся, что с ним бывало редко, – или, как потерпевший кораблекрушение, вложу в опустевшую посуду послание и пушу ее по волнам океана...»

* * *

«Ты не собирался пить в одиночку», – напомнил себе Влад, достал из холодильника бутылку водки и отхлебнул прямо из горлышка.

Постоял на кухне, не включая свет и глядя в окно. Почти все окна девятиэтажки напротив светились, обитатели занимались своими обычными делами. Окна десятого, невидимого этажа, тоже светились, но неприятным, сине-зеленым светом.

Гетьман уже почти привык к этому, но тогда, после возвращения в Харьков, испытал даже не шок – ужас. Город напомнил ему человека, тело которого поражено странной болезнью, изъедено язвами и покрыто опухолями. Облик, привычный Владу с детства облик родного города был изуродован.

Шар, венчающий правую башню Госпрома, призрачная эстакада от здания горсовета к Успенскому собору и от него к монастырю – Влад целыми днями ходил по городу, пытаясь понять, осталось ли хоть что-то нетронутым из того, что составляло его Харьков. Хоть что-то...

Он искал и не находил.

Влад поставил бутылку в холодильник и вернулся к ноутбуку.

Серый выбрал его. Сам Серый. Это значило, что ставки будут высокими, что не только его, Влада, жизнь будет поставлена на кон. Ее-то как раз отобрать было просто.

Отдать команду волкам. Или...

С балкона послышался громкий шорох – Влад резко обернулся к балконной двери, рука нащупала пистолет. Сердце замерло, потом заколотилось, как сумасшедшее.

«Спокойно, – приказал себе Влад. – Это – просто звук. Ветер рванул старую газету на балконе. Это – обычный звук, не призрачный звук из-за Пелены».

Влад заставил себя встать из-за стола, подойти к балкону и открыть дверь. Холодный влажный ветер тут же ворвался в комнату и сбросил со стола несколько листов бумаги.

«Нет здесь никого», – сказал себе Влад.

Чудовища остались там, в горах. А если бы и пробралась одна из тварей на балкон, то стекла не остановили бы броска чудовищной силы. И еще... еще он почувствовал бы взгляд. Обязательно почувствовал бы.

Влад вышел на балкон. Холодно. Сыро.

Над центром города – вспышки. Роскошные, застилающие полнеба, прихотливо окрашивающие тучи в яркие тона. Если присмотреться, то, наверное, можно увидеть крылатые тени, скользящие между разноцветными огнями.

Темный силуэт бесшумно скользнул сверху, завис на мгновение в метре от Влада. Влад стиснул зубы и, облокотившись о холодные перила, посмотрел вниз.

Он не должен видеть крылатого.

И вспышки предназначены не для него. И не для людей. Значит, он ничего этого не видит. И нет здоровенного детины, взмахивающего крыльями перед самым его, Влада, лицом.

Крылатый рванул вверх и исчез.

Влад выдохнул.

В комнате зазвонил телефон.

Влад, не торопясь, закрыл за собой балконную дверь, задернул штору. Телефон продолжал настойчиво звонить – кому-то не терпелось пообщаться с капитаном Гетьманом – Влад мельком глянул на настенные часы – в половину первого ночи.

Возникло желание плюнуть на все, выключить телефон и, допив бутылку, лечь спать. Хоть на час. Пусть с кошмарами, с воспоминаниями и болью.

Телефон продолжал трезвонить.

Если бы звонили с работы – звонили бы на мобильник.

Влад снял трубку:

– Да?

– Привет. Спал?

– Нет. Но собирался.

– Я так понимаю, ты еще в мой ноутбук не смотрел?

– Отчего такая уверенность? – спросил Влад.

– Если бы глянул – уже мне отзвонился бы.

– Уверен?

– На все сто. Но я чего звоню...

– От мерзости характера, – подсказал Влад. – Чтобы, значит, менту не дать выспаться.

– Не. От мерзости характера я людям глаза выдавливаю, – Серый даже засмеялся. – А тебе я звоню, чтобы пригласить на свидание.

– Ты не в моем вкусе.

– А я не к себе.

– Всегда ты был похож на сутенера.

– На другого я бы обиделся, – после небольшой паузы сказал Серый поскуцневшим голосом. – Но ты же у нас контуженый. С головой у тебя проблемы – на таких не обижаются. Ты и до заграницы своей был на полголовы больной, а после приезда – на всю. Без обид, лады?

– Лады.

– Так я машину к твоему дому уже подогнал. Спускайся. Ноутбук можешь не брать, я тебе и так все расскажу. И покажу.

– Днем. В четырнадцать ноль-ноль.

– Не-а! Сейчас. Тебе полкан из министерства уже указание дал?

– Дал.

– Значит, выезжай, не телись. Тут у нас седьмой жмурик образовался.

Влад посмотрел на открытый ноутбук.

– Бросай все – выезжай. Ментам еще не сообщили о покойнике, сможешь все посмотреть сам. Чтобы без неувязочек. Вашим я все равно не верю. Приедет какая-то ссученная сволочь, улики приберет, следы затопчет. Я полковнику излагал...

– Я знаю. Выхожу.

Влад положил трубку. Оглянулся, прикидывая, что надеть. Решил, что переодеваться смысла нет. Куртка просохнуть не успела, но на дворе все равно дождь.

«В холодильнике еще почти полбутылки водки», – подумал Влад, махнул рукой и вышел из квартиры, захлопнув дверь.

Лифт уже не работал, пришлось спускаться по лестнице.

Черный бумер стоял перед подъездом. Как только Влад вышел на крыльцо, задняя дверца открылась.

– Привет, – сказал Серый, когда Влад сел на заднее сиденье.

– Время, – вместо приветствия ответил Влад. – Я этой ночью еще поспать хочу.

– Ну да, – сразу согласился Серый. – Водочки, я понимаю, приняли, и спатки собрались. Но – работа есть работа.

Бумер рванул с места.

– Там у нас ямы на дороге, – предупредил Влад.

– У них там ямы на дороге, – сказал Серый водителю.

Водитель хмыкнул и прибавил скорость.

– Я могу тебе налить, – Серый говорил вальяжно, по-барски. – Если ты дома не допил, то можем догнать до кондиции. Хотя лучше бы ты вначале все посмотрел, а потом уж укушался.

Влад не ответил, поднял воротник куртки и закрыл глаза.

– Твоя воля, – сказал Серый.

Машина проскочила Померки и разогналась еще больше. Сумская была пуста, светились вывески магазинов и кафе, над площадью все еще полыхало – Влад открыл глаза, когда под колесами застучала брусчатка.

– В цирке давно был? – поинтересовался Серый.

– Давно.

– Будет повод. Представления не обещаю, но зрелище будет, – машина проскочила мимо исторического музея. – Я еще сам не смотрел, но по телефону сказали – красиво. Ярко.

Остановились возле служебного хода в цирк. На крыльце кто-то стоял.

– Пошли, что ли, капитан? – Серый вышел из машины. – Привет, Кроха!

В Крохе было росту два метра десять сантиметров и весу без малого полтора центнера. Впечатление Кроха производил сильное, однако казался существом малоподвижным и неповоротливым. Если бы сам Гетьман не видел, как Кроха умеет бегать – в жизни бы не поверил. Еле догнал его перед самым отъездом в Косово старший лейтенант Гетьман. Чуть даже не выстрелил на поражение, но ограничился предупредительным.

За что Кроха, как оказалось потом, Владу был благодарен.

– Ты же еще сидеть должен, Крохмалев, – вместо приветствия сказал Влад.

– А за примерное поведение, – ответил Кроха. – Уже год как.

– Рано.

– Я им тоже сказал – рано, хочу еще немного поработать на благо и для, а они заладили все в один голос – иди, Генка Крохмалев, гуляй. Без тебя Харьков – не Харьков, – Кроха широко, почти по-детски улыбнулся. – А к покойнику лучше через главный ход пройти. Я покажу... Да вы и сами увидите.

Действительно, Крохе пояснять не пришлось ничего. Высокая стеклянная дверь была открыта – так поначалу показалось Владу. Присмотревшись, он понял, что дверь сломана. Не разбита, а, скорее, порвана.

Будто была сделана не из сантиметрового стекла, а из тонкого полиэтилена. Петли и засовы были на месте, но стекло просто выгнулось и прорвалось, когда кто-то потянул за металлическую ручку. Тонкие стеклянные нити слюной висели от петель.

– Впечатляет, – сказал Серый. – А тебя, капитан?

Влад подошел к двери, внимательно осмотрел, достал из внутреннего кармана куртки фонарик. Осветил по очереди петли и замок, потом ручку:

– Никто ничего не трогал?

– Зачем? – удивился Кроха. – Позвонили мне, я – Серому. Он сказал, что привезет мусора...

Кроха осекся, но извиняться не стал. Только улыбка из приветливой стала вызывающей.

Влад тоже улыбнулся. Краем глаза он заметил, что Серый с интересом смотрит на него сбоку, ожидая реакции.

– Значит, не трогали, – сказал Влад. – Не может не радовать... Наверное, мусор, которого привезет Серый, будет очень доволен. А я, пожалуй, поеду домой.

Влад успел спуститься по ступеням на бетонные плиты площадки перед зданием цирка, прежде чем сзади послышался удар, потом – через мгновение – тяжелый шлепок.

– Нам внутрь, – сказал Серый. – Урод – напутал.

Кроха сидел, прислонившись спиной к стеклянной стене, голова безвольно свесилась набок. Видимых повреждений не было, только спокойно стоявший рядом Серый ласково потирал правый кулак ладонью левой руки.

«Тут нужно удивиться, – напомнил себе Влад. – Выразить, так сказать, удивление. Свалить Кроху одним ударом... И не кувалды, а всего лишь кулака».

– Сильно! – сказал Влад. – Тренируешься постоянно на пацанах?

– Обязательно, – кивнул Серый. – Особенно на тех, кто язык не может за зубами держать. Нас ждут, пойдем.

– Покойник? – спросил Влад, переступая через ноги Крохи.

* * *

Как сломанная игрушка. Эта фраза из какого-то романа всплыла в мозгу Влада, когда он вошел в зал и увидел то, что лежало в ослепительно белом круге света.

Голова лежащего была вывернута лицом к спине, руки и ноги выгнуты так, будто не было в них костей.

Влад подошел к арене, оперся рукой о край и перепрыгнул. Опилки слабо прошуршали под ногами.

Подходить к трупам смысла не было никакого – почти все видно и так. Влад сел на барьер манежа. Руки он привычно сунул в карманы куртки.

Кто мог сделать такое? Нужно иметь недюжинную силу, чтобы вот так изломать тело. Не судорога же, в конце концов, случилась у циркача перед смертью.

Кроме покойника, Влада, как оказалось, ожидала почти вся труппа – человек тридцать.

Они расположились на сиденьях первого ряда. Верхний свет в зале не горел, только два белых луча от пушек высвечивали лежащее на арене тело, поэтому Влад обратил на циркачей внимание не сразу.

– Когда? – спросил Влад, ни к кому особо не обращаясь.

– Его нашли полтора часа назад, – ответил низкий рокочущий голос, Влад не разобрал, какой именно из черных силуэтов ответил.

Да это было и не нужно.

– Кто нашел?

– Охранник. Услышал шум. Пришел сюда, увидел. Сразу позвонил мне...

– Мне – это кому? – уточнил Влад.

– Директору труппы, – пояснил голос.

– Директору труппы... А почему не в милицию?

– Потому что мне. Потому что я ему доплачиваю за аккуратность...

– И бдительность. Понятно. Кто-то из ваших здесь был? Из сторожей зверинца, например. Вы же зверей сторожите?

– У нас дрессированные звери, – после паузы сказал директор. – Их сторожить не нужно.

– И то верно, – кивнул Влад. – И то... Охранник где?

– Ушел отдыхать. Здорово перенервничал, я его отпустил.

Влад кашлянул, оглянулся через плечо на стоящего возле входа в зал Серого. Цыкнул зубом.

Потом неожиданно прыгнул вперед, сделал кувырок, легко вскочил и поднял руки:

– Ап!

Тишина.

– А я говорю – ап! – сказал Влад, поворачиваясь лицом к черным теньям за границей света. – Где аплодисменты? Где цветы? Вы же на клоуна смотрите? Вы же здесь подурчиться собрались! Разве нет? Иначе – зачем? Не так, Серый?

– Bravo, – Серый пару раз хлопнул в ладоши. – А сальто – можешь? Понравишься – возьмут в циркачи.

– На корм, – добавил молодой девичий голос из темноты. – Хотя свинина в рацион не входит...

– Вот, – Влад поднял указательный палец. – А ты говоришь – расследование, ссученные менты и все такое... Им и так хорошо – сидят, на покойника смотрят. Не удивлюсь, если они потом пирожки на поминки мясом виновника торжества начинают...

Влад улыбнулся вызывающе, мелькнула даже дурацкая мысль пнуть лежащее тело, но – только мелькнула.

– Владик, не зарывайся, – посоветовал из темноты Серый.

– Это почему? Они же не хотят сотрудничать. Им не нужна милиция. Единственный свидетель ушел... Директор труппы не знал, что менты захотят со свидетелем пообщаться? Есть ведь такая глупая привычка у ментов – трепаться с очевидцами и свидетелями. А я лишен этого удовольствия. Почему?

– Он все уже сказал, – медленный голос директора гулко отозвался под куполом. – Услышал шум, вышел. Увидел открытую дверь в зал... Осветил фонариком. Потом позвонил мне.

– Он шум услышал или крик?

– Шум. Сказал, будто что-то заскрежетало.

– А крика, значит, не было?

– Не было.

Влад кивнул, присел возле трупa, протянул руку к шее, потрогал.

– Значит, полтора часа...

– Полтора.

Влад огляделся, посмотрел на линялое покрытие манежа:

– А кто мне скажет, на что похоже положение тела? Драка здесь была? Или его просто принесли и положили? Какие есть мысли?

– Его бросили, – сказал директор. – Из-за манежа.

Влад кивнул. Верно гутарит циркач. Если бы кто-нибудь взял игрушку, помял в руках и швырнул – вот так, приблизительно, мягкий игрушечный Петрушка и упал бы. Голый Петрушка со всеми анатомическими подробностями, в полном соответствии с модными веяниями в игрушечной промышленности.

Жаль, что без одежды. Посмотрел бы, что у покойничка в карманах. А заглядывать в полости – лучше пусть этим займутся эксперты. Для всех лучше.

Значит, вызвать группу, откланяться и уехать. А завтра... то есть сегодня утром посмотреть отчеты и рапорта. Заодно познакомиться с трупной, выяснить, нет ли в ней какого-нибудь силача. Как там у них – силового жонглера, например. Или нижнего в пирамиде... Да еще – женатого. Да еще – ревнивого. Или не женатого, но ухаживающего за той же девушкой, что и покойный...

По лицу – лет двадцать покойничку. Но черт их разберет, этих уродов...

Влад тяжело вздохнул и, перепрыгнув через барьер манежа, пошел к выходу.

– Это все? – спросил Серый.

– А что еще? – ответил вопросом на вопрос Влад. – Тело я увидел, подачей – восхитился. То, что коллеги убитого будут молчать, даже если что знают – понял. Теперь пусть работают эксперты.

Влад вышел из зала в вестибюль, вытащил из кармана телефон.

– Не нужно, – сказал Серый, догоняя его.

– Что? – не понял Влад. – Что не нужно?

– Звонить не нужно, – пояснил Серый.

– Сам вызовешь?

– Никто никого вызывать не будет, – сказал чей-то голос сзади.

Влад обернулся.

Фразу произнес невысокий плотный мужчина лет шестидесяти на вид. Спортивный такой мужчина, крепенький. Директор трупы сам вполне мог быть силовым жонглером. В молодости.

– Мы согласились встретиться с вами только по просьбе... – директор глянул на Серого, – ...по просьбе уважаемого человека.

Директор скрестил руки на груди. Влад мельком глянул на крепкие, чуть удлиненные ногти циркача, скорее похожие на когти зверя, и отвел взгляд.

– Пока вы не ушли, я готов ответить на любые вопросы. Но как только вы покинете цирк – у нас ничего не произошло. Все живы.

– Ага, – кивнул Влад. – Покойничка скормите зверью, кости перетрете в муку...

Директор скрипнул зубами.

– Мы не будем это обсуждать, – помедлив, сказал он. – Обычно мы сами решаем свои проблемы.

– И сами хороните своих покойников! – патетически воскликнул Влад, взмахнув руками.

Он специально проделал это резко, так, чтобы правая рука его прошла перед самым лицом директора трупы. Но директор даже не дернулся.

– Ладно, – сказал Влад. – Нет, так нет. Фамилию охранника не сообщите?

– Какого охранника? – спросил директор спокойно.

– Действительно.

Драться с циркачом смысла не было никакого, да и вызывать подкрепление – тоже. Что-то подсказывало, что позвонить сейчас не позволят, а через пару часов искать тут уже будет нечего.

Смешная ситуация. И нелепая.

Крутые менты наездом не боятся. Крутые менты цедят обидные слова противнику прямо в лицо, мужественно встречают угрозы и...

Владу не угрожали. Просто из-за спины директора труппы не торопясь появились несколько циркачей. Бесшумно, словно и не ступая по мраморному полу, выскользнули они из темноты, растеклись цепочкой, охватывая Влада полукольцом.

С какой-то отрешенностью подумал Влад о пистолете в кармане куртки.

Оглушительно грохнуло стекло – двое циркачей чем-то тяжелым разбили сломанную дверь и принялись неторопливо отбивать мелкие осколки, застрявшие в петлях. То есть дверь была просто разбита неизвестными хулиганами.

Никаких странных событий с выгнувшимся и порванным стеклом.

– И на вопросы вы отвечать не будете, – констатировал Влад.

– Угадал, – сказал один из подошедших, по голосу – девушка, что говорила о рационе и свинине.

– Да чего тут угадывать... – тяжело вздохнул Влад. – Все понятно. А если я все-таки потребую? За ствол схвачусь?

Никто не засмеялся. Даже улыбок, насколько мог заметить Влад, не было. Крайне серьезные, сосредоточенные лица.

Владу очень не хотелось уходить просто так, вроде как струсив. Серый стоял чуть в стороне и явно не собирался помогать менту.... мусору сохранить достоинство. Прислонился в колонне, скрестив руки, и молча рассматривал Гетьмана.

Странный звук из-за спины заставил Влада оглянуться. Словно небольшой моторчик включился в темноте возле гардероба. И звук этот приближался.

– Вам пора, – сказал директор труппы.

Влад, не отрываясь, смотрел в темноту. Сгусток тени оторвался от стены и медленно двинулся к нему. Черное на черном.

Пантера подошла и остановилась. Здоровенная кошка, в холке – по пояс Гетьману. Пасть приоткрыта, из нее и вырывается этот странный звук. Котят так мурлычат. У пантеры это получалось гораздо внушительнее – желание почесать животинку за ушком у Влада не возникло.

– Мне действительно пора, – сказал он, отвернувшись от зверя.

Циркачи молчали. Влад прошел мимо них – битое стекло захрустело под ногами. Остановился над Крохой, потрепал того по щеке.

– А? – спросил Кроха.

– Вставай, прекрасное дитя, – сказал Влад.

Он не будет оглядываться, не станет высматривать – убрали циркачи пантеру или стоит кошка в пустом дверном проеме... Хотя – кошечку свою они, наверное, пожалеют, не пустят гулять по битому стеклу.

Кошечку – пожалеют. А вот в том, что в случае неповиновения тупого мента кошечку никто бы удерживать от свинины не стал, у Влада не возникло ни малейшего сомнения.

– А удар ты держишь слабо, – сказал Влад, протягивая руку Крохе. – Давай, помогу.

– Смотря какой удар, – ответил Кроха. – Я тут пока еще посижу... Как-то хреново мне.

– Заскочи в больницу, может – сотрясение мозга?

– Не смейся, гражданин начальник. Пацаны слышали бы – от смеха бы умерли, – Кроха сжал виски руками. – У меня – вдруг мозги... Скажешь тоже.

– Отвезти домой? – Серый, не останавливаясь, прошел мимо Влада и Крохи в сторону служебного входа.

Можно было гордо проигнорировать скрытое предложение, но тогда пришлось бы добираться на окраину своим ходом. Пешком, скорее всего, ибо вечерняя поездка на такси

пробила в бюджете Влада изрядную брешь. Второго такси бюджет не выдержит.

Серый прошел к машине, даже не глянув – идет за ним Влад или нет. Приблизился к передней левой дверце, открыл, что-то сказал водителю. Тот из автомобиля вылез и направился к главному входу. Наверное, чтобы помочь Крохе.

– Садись вперед, – Серый устроился за рулем, завел мотор.

Влад, поколебавшись, сел на переднее сиденье рядом с ним.

– Как тебе представление? – спросил Серый, выводя машину на улицу.

– Смешно.

– У них нет в труппе клоунов, – Серый усмехнулся краем рта. – Представляешь – цирк, и без клоунов. Цирк зверей. И, между прочим, пользуются успехом. Где только не гастрوليруют – по всему миру. К нам ведь случайно попали, должен был приехать московский цирк, но кто-то у них там заболел в последний момент. Обратились ко мне, а у меня с Арсеном контакт.

– Арсен – этот качок на пенсии?

– Ему до пенсии еще далеко. Но кадр потрясающий. Не поверишь – даже я его побаиваюсь. Ты когда рогом уперся, я уж было попрощался с тобой мысленно.

– А я мысленно дважды сменил подгузники, – кивнул Влад.

– Может, в кабак заедем? – предложил Серый. – За мой счет, естественно. Тут неподалеку, новый открылся.

– Я с уголовниками в кабаки не езжу. Мне это запаadlo.

– Так и я не езжу с уголовниками, – Серый даже засмеялся. – Вчера ужинал с замначальника УИНа – и ничего. Кушал генерал-майор с аппетитом, кусок в горле не застревал.

– Генералу – уже можно.

– И тебе можно. Тем более, что в кабаке том первый эпизод твоего дела и произошел. Я предупредил, чтобы службу всю, которая в тот вечер работала, на сегодня вызвали. А завтра у нас с тобой экскурсия в гостиницу «Белый лебедь».

– Будем тебе нары выбирать?

– Будем третий эпизод оценивать. Я хотел все по порядку расположить для ознакомления, но послезавтра уже камеру, нас интересующую, приберут и начнут ремонтировать. График у нас плотный получается.

– Ладно, – вздохнул Влад. – В кабак так в кабак.

– И это правильно!

Машина свернула с Сумской на Совнаркомовскую, простучала по трамвайным рельсам Пушкинской и по Дарвина выехала в самый низ, к реке.

Влад не успел сообразить, в какой именно из переулков они свернули. Машина затормозила перед металлическими воротами. Серый хлопнул ладонью по клаксону – ворота медленно отъехали в сторону.

– Кабак, говоришь? – Влад с интересом осматривал здоровенный двор, в котором стояло десятка полтора крутых тачек.

Влад себе и представить не мог, что в этом районе, плотно застроенном одно – и двухэтажными домами еще позапрошлого века, может быть такое огромное свободное пространство.

– Только для членов клуба, – сказал Серый, выходя из машины. – О нем почти никто не знает.

– Я – так точно. – Влад окинул взглядом площадку перед скромным одноэтажным зданием. – И в жизни бы не подумал.

– Понты – это для дураков, – хмыкнул Серый. – Икру ложками, по две королевы красоты в сауну. Умные и серьезные таким не балуются.

– Вот как ты?

– Как я? – переспросил Серый. – Я себе этого позволить не могу – положение обязывает. С пацанами в кабак, потом с девками – в сауну, потом на Ибицу или в Паттайю. Я

с людьми работаю, между прочим...

– Типа – отдел кадров?

– Типа – отдел кадров. И еще пиар, и пресс-атташе... Приходится крутиться. А вот тут я могу себе позволить немного расслабиться. В хорошем смысле этого слова.

– Ты поэтому водилу отпустил?

– И поэтому. И еще за Крохой нужно проследить, я как-то удар не рассчитал. Думал просто поучить... – Серый сделал паузу, и Влад подхватил:

– Язык за зубами держать. Так?

– Так.

Возле входа их встретил привратник. И вход был не особо пышным, и привратник был так себе – обычный, без наворотов типа парика, ливреи и других антикварных штучек. Скромный темно-серый костюм, под пиджаком – светло-серый гольф. И ствол под левой рукой, отметил Влад, в очередной раз сделав вид, что ничего особого не замечает.

Конечно, привратник мог держать в кобуре под мышкой газовый пистолет или травматический, но что-то подсказывало Владу, что на подобную ерунду в таком respectable заведении размениваться не будут.

Их пустили без вопросов, лишь мельком глянув на Влада. Сразу за входной дверью была гардеробная, но Влад сделал вид, что не заметил вопросительного взгляда тамошнего служителя – в кармане куртки у Влада был пистолет, оставлять его где попало он не привык, а перекладывать оружие из кармана в карман на глазах у заинтересованных зрителей получалось как-то неспортивно, что ли.

Ну, и не на банкет сюда приехал капитан милиции Влад Гетьман, а разобраться в деяниях вроде как маньяка.

«Интересно, – подумал Влад, – тутошнего покойничка тоже кто-то изломал и выбросил?»

За гардеробной широкая лестница вела вниз – темное дерево, тускло отсвечивающая бронза, свечи... Влад вначале себе не поверил, но свечи были настоящие и распространяли запах разогретого воска.

Лестница выводила в довольно большое помещение, исполнявшее, видимо, роль вестибюля или чего-то в этом роде – Влад не был силен в планировке ресторанов и элитных клубов. Но даже он мог сообразить, что еще одна лестница, ведущая на этот раз вверх, была слишком длинной, чтобы вписаться в одноэтажное здание.

По прикидкам выходило, что, поднявшись на самый верх лестницы, с зеркалами и канделябрами по бокам, они должны были миновать чердак дома и оказаться метрах в трех над крышей.

Влад краем глаза заметил заинтересованный взгляд Серого и опять сделал вид, что все нормально. Хотя... Ну не мог небритый тридцатилетний парень в мокрой кожаной куртке, потертых джинсах и разбитых ботинках ощущать себя нормально на мраморных ступенях, покрытых красной ковровой дорожкой.

Перед высокими дверями Серый остановился и указал вправо:

– Нам сюда. В зал, извини, тебе нельзя даже сейчас.

– Рожей не вышел?

– Фейсконтроль не прошел. Там клиенты отдыхают, а на тебя смотреть им совершенно никакого удовольствия. А вот тутошний администратор нас примет с удовольствием.

И Серый оказался прав – администратор разве что целоваться не кинулся.

Он так живо вскочил из-за стола, когда Серый и Влад вошли в его небольшой кабинет, таким неподдельным счастьем вспыхнула улыбка на его розовощеком лице, так живо и даже празднично полыхнули зайчики от здорового прозрачного камня в перстне на его правой руке, что любой другой на месте Влада растаял бы от умиления.

Любой другой.

– Здравствуйте, господа! – воскликнул администратор. – Я вас ждал. Столик вы не заказывали, но я могу распорядиться, чтобы накрыли прямо здесь...

Администратор замер, вопросительно глядя на вошедших. Все в его внешности говорило, что он жаждет услышать согласие, что он будет просто счастлив исполнить любое желание гостей.

– Не, – протянул Влад. – Я не буду, у меня понос.

Ему очень хотелось, чтобы на холеном лице хозяина кабинета улыбка стерлась и проступило что-нибудь более человеческое – раздражение или даже злость, но улыбка осталась, из гостеприимной превратившись в заботливую:

– Так вам что-нибудь из нашей аптечки? Могу рекомендовать великолепное средство...

– Потерплю, – ответил Влад. – Кого тут у вас убили?

Администратор чуть приподнял правую бровь и посмотрел на Серого. Тот прошел к столу и опустился в одно из кресел, предназначенных для посетителей. Указал Владу на второе, напротив:

– Садись, Владик.

Влад молча сел, решив сегодня на грубости и наглость не реагировать. Тем более что и сам сегодня был груб до наглости.

«Это, наверное, от испуга», – сказал себе Влад.

Многовато сегодня всего – от волков до пантеры и от лежащего без сознания Крохи до озверевшей цирковой труппы.

Администратор сел в свое кресло за столом, поправил чистый лист бумаги перед собой, легким движением руки стряхнул невидимую пылинку с полировки.

– Вам вкратце или подробно?

– Все по порядку, – сказал Серый.

– А ваш приятель... мнэ... не обгадится? – с самым светским выражением лица спросил администратор.

Глава 3

Домой Влад попал только к началу четвертого. Не то чтобы рассказ администратора был долог – толстячок был лаконичен и точен, но вот его подчиненные, по ходу рассказа вызываемые в кабинет, подобными талантами не обладали и норовили поведать все что угодно, кроме необходимого. Официант начал перечислять блюда, заказанные убиенным, охранник сообщил, на какой машине тот приехал и что именно сказал на замечание о хорошей погоде, девица из obsługi, составлявшая клиенту компанию, подробно и со вкусом описала, что и как они делали.

Влад терпеливо ждал. Никто так и не назвал имени и фамилии покойничка, и к тому, что же собственно произошло той ночью с посетителем ресторана, все изложенное отношения не имело. В голову пришла даже экстравагантная мысль, что беднягу просто до смерти заболтали тутошние работники, а потом решили списать все на маньяка, которого, кстати, никто и не видел.

Значимая часть рассказов заняла бы всего пять минут.

После хорошо и насыщенно проведенного вечера клиент распрощался с шалавой, метрдотелем, администратором и охранником и вышел во двор. Моросил дождь, и привратник, взяв зонт, проводил его до машины, стоявшей как раз там, где Серый сегодня поставил свою.

Клиент был доволен и весел, что-то насвистывал тихонько, а возле машины, открыв дверцу, сунул провожатому в карман пиджака купюру. Привратник сказал: «Спасибо!», а клиент вдруг вздрогнул – ну, как бы его тряхнуло, пояснил привратник, – и столбом рухнул навзничь.

Привратник решил было, что у того обморок или, не дай бог, эпилептический припадок – голова гулко ударилась о каменные плиты двора. Глаза были открыты, губы замерли в улыбке... То, что клиент мертв, привратник понял лишь через несколько секунд. Потом уже, когда прибежал охранник и появился администратор, и клиента попытались поднять, обнаружили под ним кровь и пулевое отверстие в спине.

– И? – спросил Влад, когда привратник замолчал.

– Что? – спросил привратник.

– Откуда стреляли?

Привратник глянул на администратора.

– Дальше я сам расскажу, – сказал администратор и небрежным жестом отпустил привратника. – Собственно, лучше даже покажу.

Он встал из-за стола, открыл дверь кабинета, подождал, пока посетители выйдут, и вышел следом. Спустился в вестибюль, поднялся к раздевалке. Гардеробщик протянул ему зонт, привратник открыл дверь – шум дождя ворвался в помещение.

– Однако... – пробормотал Серый, принимая от гардеробщика зонт.

Влад предложенный ему зонт проигнорировал, достал из кармана куртки кожаную кепку, надел и вышел под струи дождя.

– Вот там стояла его машина, – сказал администратор. – Вот точно так же. Лицом к воротам.

Влад прошел к машине Серого, остановился возле водительской двери.

– Вот тут стоял? – спросил он.

– Точно. Он вот тут, а Никита с зонтом вот здесь, – администратор подошел к машине и встал слева от Влада, прикрывая его от дождя зонтом.

Зонт был здоровенный, спокойно прятал двух человек.

– Он открыл дверцу, – сказал администратор, и Влад потянул за ручку. – Вот так. И повернулся к Никите.

Влад повернулся к администратору и оказался спиной к воротам.

– Ну, и тут он умер, – сказал администратор тихим, еле слышным из-за шума дождя голосом. – Стреляли из-за ворот.

Влад оглянулся – ворота были освещены, а то, что было за ними, скрывалось в темноте и за дождем. Вода сплошным потоком вылетала из мрака над фонарями и разлеталась в пыль, ударяясь о каменные плиты.

– Откуда именно стреляли? – спросил Влад.

До ворот было метров пятьдесят, стрелок должен был находиться минимум на втором этаже дома напротив.

– Из-за ворот, – повторил администратор. – Точнее, даже сквозь ворота.

Влад приподнял бровь – кого-то здесь принимали за идиота.

– Пойдемте, – сказал администратор и двинулся к воротам, смело ступая лакированными туфлями прямо по лужам.

Влад поднял воротник куртки и направился следом, оглянувшись на Серого. Тот аккуратно прикрыл дверцу машины, которую оставил распахнутой Влад, и пошел за ними.

– Вот, пожалуйста, – администратор указал рукой на ворота. – Вот тут, мы еще не заделывали.

В металле ворот, на уровне груди Влада, была дырка.

«Девять миллиметров», – прикинул он, протянул руку и прикоснулся пальцами к краю отверстия.

Ровная, аккуратная дырка. Металл даже не прогнулся в сторону двора, словно не пуля пробила ворота, а кто-то очень осторожно просверлил эту дырку.

– Ворота можно открыть? – спросил Влад.

Администратор махнул рукой, и ворота поехали в сторону. Звук мотора был почти не слышен, ролики бесшумно проехали по направляющей, только дождь гулко стучал по зонту, камням и по куртке Влада.

За воротами было пусто. Метрах в двадцати от небольшой площади смутно угадывался дом. Старый, одноэтажный. Дальше виднелись светящиеся окна высотки, но до нее было метров двести.

Собственно, для хорошей винтовки это не расстояние, но зачем администратору врать? Кроме того, с такой дистанции пуля из хорошей снайперской винтовки, скорее всего, прошла бы клиента, а тут, если верить рассказам свидетелей, пуля вошла и осталась в теле.

Влад повернулся к Серому:

– Что за пуля?

– «Макаров», – ответил Серый. – Если верить вашим экспертам – пистолет Макарова. Причем пуля не деформировалась.

Влад посмотрел на ворота – сталь в пять миллиметров.

– Не бывает, – сказал он.

– Не бывает, – согласился Серый. – И выходит, что либо ваши врут, либо что-то тут очень не так.

– Гильзу нашли?

– Естественно. Вот тут, – Серый указал пальцем куда-то в темноту, – в десяти метрах от ворот. От макаровского патрона, естественно.

– Естественно, – пробормотал Влад, пытаясь себе представить, что именно могло произойти здесь.

Выходило, что некто подошел к воротам...

Не так.

Стал напротив ворот метрах в десяти, выстрелил в них, в ворота, – мишень он не мог видеть по определению, – и пуля, пройдя сквозь пять миллиметров стали как сквозь бумагу, угодила точно в клиента.

«Не бывает», – подумал Влад.

Он поднял голову и обнаружил, что над воротами есть камера наблюдения.

– Камера работает?

– Естественно, – ответил администратор, даже легкая обида прозвучала в его голосе. – И в ту ночь, если вы об этом, она тоже работала. И та, что снимает двор, представьте себе, также работала. А записи мы передали вот...

Администратор посмотрел на Серого. Тот кивнул и закончил за него:

– А я сбросил кинуху в ноутбук, который сейчас у тебя дома, но ты в него так и не заглянул. В общих чертах все выглядит так: человек идет мимо ворот, останавливается на секунду, стреляет, и спокойно идет дальше. Это замечательно смотрится при сопоставлении записей двух камер, этой и во дворе.

Влад недоверчиво усмехнулся. Кино он, естественно, внимательно посмотрит, но даже если там все так же, как говорят уважаемые господа, то обычный мент просто не может поверить в такое. Не может, и все тут.

Не может в это поверить и Влад Гетьман. Только под давлением неопровержимых доказательств.

* * *

– Тебе очень тяжело будет притворяться, – сказал ему Хозяин. – Это самое трудное для тех, кто все время видит сквозь Пелену, но при этом не является магом. Если ты хочешь выжить – придется научиться выглядеть обычным полуслепым человечком.

* * *

– Кто у вас здесь осматривал место преступления? – спросил Влад, всем видом демонстрируя, что не поверил он ни слову из услышанного, что собирается все обсудить с теми, кто первым осматривал труп, кто нашел гильзу, кто опрашивал службу...

– Здесь у нас? – удивление администратора было настолько искренним, что Влад на несколько секунд тоже изумился глупости собственного вопроса.

Менты – здесь? Эксперты, ползающие на карачках между навороченными машинами, опера, задающие вопросы серьезным и влиятельным посетителям ресторана? Чушь. Естественно, чушь.

– Я тебе все в машине объясню, – сказал Серый.

Они вошли во двор, ворота у них за спиной закрылись.

– Тут ты уже все видел, – сказал Серый, когда они подошли к машине.

Администратор принял от него зонт и, не прощаясь, ушел в здание ресторана. Похоже, он обиделся именно на последний вопрос Гетьмана.

Влад молчал, пока машина выезжала со двора, пока выехала на улицу Шевченко. Только уже перед самым спуском Жиллярди поинтересовался, куда дели труп.

– В ментовку сдали, – ответил Серый. – Все по-честному – гильзу положили, машину подогнали, труп устроили так же, как было на самом деле.

В общем-то, Влад это и подозревал. Даже вспомнил, что в сводках проходило это убийство. И имя убитого вспомнил.

Нашли простреленного Васю Лодкина за городом, возле машины. Влад еще удивился, какого черта понесло банкира одного и без охраны в такую даль.

А это, значит, Серый подсуетился...

И что забавно, ведь всегда он, Влад, считал, что Серый хоть и в авторитете, но не настолько, чтобы так свободно действовать в городе. Кабак ведь явно не ему принадлежал, но администратор ни слова не сказал, суетился, как мать засидевшейся невесты перед сватами.

– Что с пульей? – спросил Влад, когда они уже подъехали к его дому.

– А что с пульей? Нашли в теле, целая, неповрежденная совсем. Точно в сердце. Не пробила насквозь и не застряла в ребрах, а замерла точно в центре, как специально.

Машина остановилась.

– Я за тобой заеду, – сказал Серый. – Часиков...

– В десять.

– В десять так в десять. Если что-то случится – я перезвоню.

Влад вышел под дождь. Постоял, пока машина Серого развернулась и уехала.

– Вот такие дела, – пробормотал Влад.

Странные и неприятные. На дворе четвертый час, а два придурка устроили засаду на Влада Гетьмана и думают, что он их не заметит. Один стоял в подъезде, а второй – на детской площадке, под навесом. Дождь льет, ветер холодный, нормальные люди спят, а эти двое в индейцев играют.

А в цирке клоунов не хватает, между прочим.

Влад поднялся по ступенькам на крыльцо, вытер с лица воду.

Тот, что стоял в подъезде, затаил дыхание. Влад мельком глянул через плечо на детскую площадку – темный силуэт сместился к качелям у самой дороги.

«Мокнет теперь, – со злорадством подумал Влад. – Ну, пусть мокнет».

Он тоже промок и продрог, но не мог отказать себе в удовольствии – сел на скамейку, стоявшую на крыльце и днем служившую клубом для местных старушек.

Что индейцы будут делать дальше?

Если бы тот, кто сейчас мокнет возле качелей, играл роль снайпера, то, ясное дело, имел бы все шансы его подстрелить. Но тогда и он, Влад, действовал бы по-другому.

А ежели они решили его хватать и вязать, то пусть теперь сами придумывают продолжение. Но недолго, минуты полторы им еще можно дать, а потом – домой, к водке и постели. Информация в ноутбуке может и подождать.

Первым, естественно, не выдержал красавец с детской площадки. Темная фигура прохлюпала по грязи мимо клумб и вышла на проезжую часть.

– А в подъезде, значит, Руслан, – громко сказал Влад. – Ну, Руслик всегда был умнее своего бестолкового брата.

– Если бы, – сказал Руслан, выходя из подъезда. – Мы минут десять как поменялись местами. И теперь мокрые оба.

– А нефиг в детство впадать, – Влад встал со скамейки. – Старшие лейтенанты милиции, мужикам по двадцать семь лет, а как дети малые. Богдану так вообще мокнуть не стоит – простудит свою рану, загремит на больничный. А там и комиссовать могут, ведь в прошлый раз чудом проскочили.

Богдан поднялся на крыльцо, протянул ладонь.

– Дуракам руку не подаю, – сказал Влад и спрятал руки в карманы.

– Так, значит? – осведомился Богдан неприятным голосом. – Дуракам, значит? Это мы

– дураки, слышал, Руслан?

– Слышал, Богдан. То есть это мы с тобой, блин мятый, пропустили контрольный звонок. Значит, умные ни хрена не помнят, убегают из дому, не позвонив и не предупредив, а дураки летят сквозь грозу и метель, чтобы посмотреть, а не случилось ли чего с господином капитаном. – Руслан поцокал языком. – А что если мы вот сейчас вдвоем пойдем на нарушение субординации и отбучаем старшего по званию за склероз и грубость?

Это да. Это он действительно напорол. Сам ведь ввел правило контрольного звонка и сам же его нарушил. А братья Лютые – люди серьезные и аккуратные. Сказано было приехать, если не было от него звонка – приехали.

– Здравствуйте, мальчики! – воскликнул Влад и протянул руку Богдану. – Я смотрю – знакомые вроде. А это вы!

Братья переглянулись и синхронно покачали головами.

– Два желания, – сказал Руслан.

– Три, – поправил Богдан. – Или одно желание три раза.

И пожал руку Владу.

– Одно, – Влад протянул левую руку Руслану. – Но большое. Идет?

– Идет, – одновременно ответили братья и засмеялись.

Засмеялся и Влад.

С Лютыми ему всегда было легко. С ними не нужно было притворяться, врать, прикидываться. Им можно было просто не говорить всей правды. Они и сами не лезли в подробности.

Они знали, что с Владом что-то случилось в Косово. Шрамы на его теле видели. Не хочет говорить – его право. Ведет себя иногда странно? И что из этого? Это был Влад Гетьман, человек, спасший жизнь Богдану. И потративший почти все свои привезенные из командировки деньги на его лечение. И на оставшиеся деньги заставивший комиссию признать Богдана годным к дальнейшему несению службы. И неоднократно отмазывавший Руслана, попадавшего со своими компьютерными делами в самые неприятные положения.

Если честно, то братья Лютые до сих пор не знали, почему именно их так опекает Влад Гетьман, да и не старались это узнать. Оба они были из детского дома, и Влад был для них старшим братом. Просто старшим братом. У самого Влада настоящих братьев не было, осиротел рано, а тетка, воспитывавшая его, своих детей не имела.

– Ты разбогател, – сказал Руслан, когда они поднялись в квартиру к Владу. – На крутых тачках катаешься...

– Да-да, – голосом дворового склочника подтвердил Богдан. – Наши люди в булочную на такси не ездят.

– И ноутбук у тебя навороченный. Я слышал о более крутых, но не видел, – Руслан сел к столу, повернул ноутбук к себе. – Я гляну?

– Вещь, между прочим, чужая. Тебя не учили, что в чужое лазить нельзя? – осведомился Влад, стаскивая с себя мокрую одежду. – Там, кстати, пароль!

– Ага, пароль, как же... – Руслан включил ноутбук. – Я еще, когда мы без тебя заходили, глянул. Вот, пожалуйста, смотри-читай. Да и смотреть тут толком нечего.

– Ты и посмотреть успел? – Влад достал из шкафа сухие джинсы и футболку, прикинул, гладить или нет, и решил, что и так сойдет.

– Я не один.

– Естественно, не один. С братом. Какого хрена вы делаете в милиции с замашками клептоманов? Ты роешься в чужих файлах, брат твой, как я понимаю, сейчас шакалит у меня в холодильнике.

– А я все слышу, – крикнул с кухни Богдан. – И попрошу подбирать выражения. Не шакалю, а... Ну, прикидываю, из чего можно сделать бутерброды для уставшего и вымокшего старшего по званию. Кофе будешь?

– Я еще спать собираюсь, – ответил Влад и сел на стул, возле Руслана. – И что вы тут нашли?

– Ну, фотки и кинушки. Странные какие-то. Камера в СИЗО произвела впечатление. И это... Ведь Лодкина грохнули в лесу? А тут он красиво падает где-то на автостоянке.

– Ты его в лицо знаешь?

– Кого я только лицо не знаю. Тоже мне, бином Ньютона. В Харькове миллион жителей, и все живут на одной улице. Не мной, между прочим, придумано. А, кроме того, я ведь в информационном отделе тружусь. У меня еще и память хорошая. Завтра пробью по номеру, на чьей машине ты ночью катался.

– Может, меня подвезли.

– Ты денег не давал. Не давал ведь, Богдан?

– Не давал, – подтвердил Богдан, входя в комнату с тарелкой в руках и полотенцем на плече. – Денег не давал, руку не пожимал, водителя не целовал. Вылез с переднего сиденья, так что прекрасной дамы на заднем явно не было. Или была, но не его.

– Или его, но не живая, – подхватил Руслан. – И если бы он ехал к бабе, то обязательно позвонил бы.

Богдан поставил на стол тарелку с бутербродами – хлеб с салом, – бросил Владу полотенце:

– Вытри голову.

– Какие мы заботливые, – умилился Влад.

– Скажи спасибо, что хоть кто-то к тебе хорошо относится и не прикидывает, как бы вломить тебе табуретом по голове.

– Во всяком случае, не говорит об этом вслух. – Богдан взял с тарелки бутерброд, откусил и что-то неразборчиво добавил с полным ртом.

– Что? – спросил Влад, вытирая полотенцем голову.

– Жениться тебе пора. Хлеб позавчерашний, сало уже пожелтело... Водку жрал. Я вчера уровень засек в бутылке. Пить без повода – признак алкоголизма. – Богдан доел бутерброд и взял следующий. – Вы напрасно щелкаете клювами, я сторонник свободной конкуренции. Бутербродов может не хватить...

Руслан, не отрываясь от ноутбука, взял бутерброд. Влад отмахнулся. Высушив волосы, он бросил полотенце на диван.

– Так я говорю, пьянка без повода...

– Был повод, – сказал Влад.

Братья посмотрели на него. Влад встал, подошел к окну – световое представление над площадью закончилось, тучи плотно легли на город, словно решив задушить его в объятиях.

– Всем спать, – сказал Влад, не оборачиваясь. – Я на раскладушке, вы – на диване.

Богдан хотел что-то сказать, но мельком глянул на брата и промолчал.

– В десять утра за мной приедут, – сказал Влад.

– Нам к девяти, отсюда добираться почти час, значит – подъем в семь, – констатировал Богдан. – Через три часа.

– Вы ложитесь, – сказал Руслан. – Я тут покопаюсь в машине.

Раскладушку в соседней комнате Влад никогда не убирал. Лег, не раздеваясь, закрыл глаза...

* * *

...Глаза, светящиеся красным, тонкие пальцы рук, бледные, похожие на лапки паука. Длинные тонкие зубы, выглядывающие из приоткрытого рта. И боль, выворачивающая наизнанку боль. Даже когда Влад терял сознание – боль не отступала, дотягивалась сквозь темноту, яростно рвала железными когтями его тело и мозг.

Залитые кровью лица погибших жителей деревни бесстрастно смотрели на Влада, что-то говорил Олежка... Говорил торопливо, задыхаясь, потом замирал и падал в серую горячую пыль. Волк выныривал из тени, его глаза останавливались перед самым лицом Влада, язык касался щеки, лба – с гигантских, похожих на кинжалы зубов стекали прозрачные вязкие капли...

Боль сжигала все вокруг, с сухим шелестом осыпались сожженные горы, выгоревшее

небо обрушивалось на растрескавшуюся землю, разлеталось вдребезги, и мельчайшие осколки впивались в тело Влада, прошивали его, рвали в клочья плоть...

Олег пытался что-то сказать, но снова умирал. Волк, расшвыривая в стороны мертвецов, снова прорывался к Владу и всматривался в его глаза, словно пытаясь увидеть что-то очень важное.

И снова рушился мир. И снова возникал только для того, чтобы вновь рассыпаться. И снова Влад кричал от боли и оттого, что ничего нельзя исправить, что не встанет Олег Столяров из пыли, что будут холодные звериные глаза что-то высматривать в лице Влада...

Боль отступила внезапно, словно накрыло Влада прохладной волной. Секунду назад горели раны и ссадины, и растекался жидкий огонь по всему телу, и вдруг – покой. Исчезла боль. Даже тело, кажется, исчезло, растворилось в прохладном полумраке.

Влад открыл глаза.

– Здравствуй, – сказал странный, словно клокочущий голос. – Теперь ты будешь здоров, я это обещаю.

Влад попытался оглянуться, чтобы увидеть того, кто говорил, но голова не повернулась. И рука не послушалась, когда Влад попытался поднести ее к лицу.

– Не нужно, – сказал голос. – Пока у тебя это не получится. Тебе нужно успокоиться и беречь силы. Ты потерял много крови.

«Крови», – гулко прозвучало где-то вверху, в темноте.

– Усни, – сказал голос.

«Усни-усни-усни-усни-усни-усни», – прошелестело многократное эхо, затапливая мозг, вязкой волной растекаясь по телу и закрывая Влада глаза.

Уже засыпая, уже проваливаясь в топкое забытие, Влад с трудом открыл глаза – красные огоньки пронзительно-холодно мерцали над ним в темноте.

Они были все ближе и ближе, Владу показалось, что он чувствует чужое дыхание на своем лице...

* * *

– Влад!

Чья-то рука коснулась плеча.

– Влад! – Руслан сидел на корточках возле раскладушки. – Проснись!

– Что? – спросил Влад.

Сердце колотилось как бешеное, словно только что он пробежал многие километры или преодолел полосу препятствий.

– Ты кричал, – сказал Руслан тихо.

Влад сел на раскладушке, спустив ноги на пол, сильно потер лицо ладонями.

– Извини, – сказал Влад. – Разбудил?

– Нет, я не спал, рассматривал картинки в ноутбуке. А Богдана и пушкой не разбудишь.

Влад глянул на часы – пять.

– Кофе будешь? – спросил он, вставая с раскладушки.

– Можно, – ответил Руслан. – Ты точно больше не будешь спать?

– А ты?

– Я спал днем. Сам знаешь, мне четырех часов в сутки хватает. – Руслан встал с корточек. – А вот ты... Ты вчера спал?

– Спал, – соврал Влад. – Как в одиннадцать ночи лег, так до самого утра...

Руслан не поверил. Руслан хорошо разбирался в интонациях Гетьмана.

– Может, тебе показаться врачу? – в который раз предложил Руслан, и в который раз Влад только хмыкнул в ответ.

Они прошли на кухню, Влад достал из шкафа банку с растворимым кофе:

– Нормальный у меня только в зернах, а кофемолку ночью...

Руслан отмахнулся, зажег конфорку и поставил чайник на огонь.

– Что-то случилось? – спросил Руслан, когда они, наконец, залили кофе кипятком и сели за стол.

– Можно и так сказать, – ответил Влад. – А можно сказать, что все по-прежнему.

– Что также не внушает оптимизма.

– Отчего же? – Влад даже усмехнулся. – Стабильность, она в наше суровое время дорогого стоит.

– Серьезно? – Руслан отпил из чашки и поморщился. – Где ты такое дерьмо только берешь?

– Нормальный кофе. Главное в нем – кофеин. Ты же не цепляешься к вкусу лекарств? Помогает – и ладно. – Влад сделал большой глоток. – Хотя да, дерьмовый кофе. Вот заработаю много денег – куплю много-много хорошего.

– Кстати, о деньгах, – сказал Руслан, полез в карман и положил на стол несколько стодолларовых купюр. – Твоя доля. Сегодня Анечка позвонила, попросила зайти, и вот...

Влад посмотрел на деньги, тронул их пальцем.

– Много, – сказал он.

– Анечка сказала, что нормально. Я тоже попытался, но она...

– Свое взяли?

– Я же сказал: твоя доля. Мы даже в резервный фонд положили немного. – Руслан взял чашку в руки, словно грел ладони. – Анечка что-то там еще начала говорить о следующих выплатах...

– На фиг!

– Я так и сказал. Но предупредил, если эти идиоты снова полезут с рэкетом, чтобы сразу нам звонила.

– Не полезут, – сказал Влад. – Я утром заезжал к Свату, он клялся, божился, готов был жрать землю и зуб давал...

– Тогда – да, – кивнул Руслан. – Тогда не полезут. Это трусливая сволочь, да еще после разговора с тобой... Анечка спрашивала: можно, чтобы мы с ее подружкой поговорили? Там тоже какие-то проблемы. Кто-то наехал...

– И тоже на публичный дом? – спросил Влад.

– А проститутки что – не люди? – в тон ему ответил Руслан.

– Люди.

– Так что сказать Анечке?

– Скажи, что в ближайшее время не получится – есть работа по основной специальности.

– Хорошо. А работа – это вот те эпизоды, что в ноутбуке?

– Да. Некоторые утверждают, что все это дело рук одного маньяка. Приказано найти.

– Тебе одному?

– Пока – да. Но подозреваю, что прицепят мне кого-нибудь в качестве надзирателя.

– Нас в группу не возьмешь?

Влад допил кофе, поставил пустую чашку на стол и молча покачал головой.

– Все так серьезно?

– Приказ из Киева, персонально для меня. Информация и ноутбук – от Серого. Вопросы есть?

– Из Киева потребовали лично тебя?

– Потребовал, собственно, Серый. Киев приказал Харькову. А тут возражать не стали, сам понимаешь. Маньяк – не маньяк, а спишут на меня. Или меня спишут. – Влад глубоко вздохнул, задержал дыхание, потом медленно выдохнул. – Второе – вероятнее.

Руслан продолжал греть ладони о чашку, внимательно разглядывая лицо Влада.

– Что смотришь?

– Но ты не только по поводу задания сегодня водку пил?

Влад кашлянул и, не выдержав взгляда, отвернулся к окну.

– И говорить не хочешь?

– Я сегодня с утра, похоже, буду бегать. И не все успею. Ты посмотри...

– Я гляну все, что найду по этим эпизодам. Поищу, с чем там они еще пересекаются.

Что-то еще?

– Еще... – протянул Влад задумчиво. – Еще, если получится, посмотри, кто у нас в цирке должен был гастролировать, какая труппа. Говорили, что москвичи, а потом у них кто-то заболел вроде... Глянь. Но только аккуратно, ни к кому не обращай напрямую, не светись, короче.

– Принято.

– И еще... – Влад замолчал, барабанил пальцами по столу. – Сможешь дать поиск по волкам?..

– Извини, по кому?

– В Харькове. Все, что есть за последнее время по волкам. Происшествия, непонятки, несчастные случаи, не дай бог. – Влад сцепил зубы и выдержал взгляд Руслана. – Сделаешь?

– Сделаешь, – кивнул Руслан. – А вот того типа с пистолетом я все-таки где-то видел. Не возражаешь, если я попытаюсь вспомнить и поспрашиваю знакомых?

«Нет, – хотел сразу ответить Влад. – Ни у кого не спрашивай».

Он ведь только что сказал Руслану, что не собирается их привлекать к этому делу. Но Руслан все равно сделает по-своему. И братца своего подключит. Обязательно подключит. И начнут они играть в секретность, в шпионов и партизан, и нарвутся на... на неприятности нарвутся.

– Хорошо, – сказал Влад. – Только очень аккуратно. Очень-очень. Как по минному полю. Серый нечистую силу поминал. И, если честно, то выстрел из пэма сквозь ворота меня удивил. Почти испугал.

– Я очень осторожно, – улыбнулся Руслан. – И Богдан – тоже очень осторожно.

– Тогда я в душ. – Влад встал из-за стола и потянулся. – Приведу себя в порядок перед рабочим днем. А ты помоешь чашки и придумаешь, что в этом доме годится для завтрака. Потом...

– Потом завтрак приготовлю, разбужу брата, – подхватил Руслан. – Мы позавтракаем...

– Вот-вот, – сказал Влад. – Главное в нашем деле – точность и научное планирование. Задачи поставлены, цели намечены... Вперед!

Но, как это обычно и бывает с тщательно составленными планами, все пошло не так.

Стоя под ледяным душем, Влад услышал, как в дверь позвонили. Щелкнул замок, послышались голоса. Первой мыслью было выйти прямо нагишом и выяснить, кого именно принесло в такую рань, и, если будет нужно, послать ко всем чертям.

– Какого дьявола, – пробормотал Влад и открыл кран с холодной водой на всю.

Он терпеть не мог холодную воду. Испытывал к ней ненависть, словно к заклятому врагу. И каждое утро заставлял себя снова и снова схлестываться с ледяными струями.

Это просто вода. Просто – вода. Она не может сделать ничего плохого. Он не будет прятаться от этих струй, ни от душа, ни от дождя, ни от водопада.

Он выдержал тогда – выдержит и впредь.

* * *

Ледяная вода била по голове и плечам, одежда не спасала от этих ударов, ноги сводило судорогой, и Влад боялся потерять равновесие на мокрых камнях. На свете не было ничего, кроме этих безжалостно хлещущих струй. И скользких холодных камней. Было странно, что вода еще не замерзла. Она казалась жидким льдом. Ледяным пламенем, обжигающим и без того израненное тело.

Прикрыть голову, хоть как-то уменьшить силу этих ударов. Но Влад продолжал стоять неподвижно, боясь даже переступить с ноги на ногу. Он уже ничего не ощущал ступнями, мелкие камни больше не впивались в подошву, сами ноги превратились в камень, и леденящее омертвление поднималось все выше и выше – к щиколоткам, коленям, бедрам... Он весь превращался в камень. В ледяную глыбу. Но лучше так, чем вернуться в пещеры. Лучше замерзнуть. Лучше...

Сердце медленно билось, перегоняя остывающую кровь, тело колотила крупная дрожь – руки, губы, плечи.

Замерзнуть. Замерзнуть...

Тело приняло решение само, не спросило у Влада, так, во всяком случае, Владу показалось. Левая нога сделала шаг. Он видел, как нога ступает по камням, но не чувствовал ее. Вот шагнула правая. И еще раз – левая.

Водяная стена расступилась, и Влад рухнул в небольшое озерцо в основании водопада. И холодная вода озера показалась обжигающе горячей.

Он вынырнул, перевернулся на спину – узкая полоса неба между темными, почти черными скалами. Ярко-голубое на фоне темно-серого.

Влад нашарил ногами дно, встал. Вода доходила до подбородка. С трудом заставил свое тело медленно повернуться. Он даже не удивился, увидев, что попытка была напрасной, что бесконечность, которую он провел в гремящем аду, не помогла – высокий сутулый силуэт вырисовывался на фоне скалы.

– Эта была хорошая мысль – спрятаться в водопаде, – кроваво-красные глаза вспыхнули ярче и погасли – Хозяин опустил веки.

Он часто разговаривал с Владом, не открывая глаз. «Я тебя слышу, – сказал он как-то. – Слышу, как ты дышишь... Как бьется твое сердце... Как течет кровь в твоих жилах... Я даже чувствую ее запах...»

– Это была хорошая мысль, – повторил Хозяин. – Только не здесь, в моих владениях. Я не слышал тебя, не видел, как ты стоял в водопаде, я даже предположить не мог, что ты пойдешь сюда... Но ручей пах тобой. Озеро пахло тобой. И мне нужно было только дождаться.

– Ты... ты мог вытащить меня сразу... – выдохнул Влад.

– Мог, – глаза снова полыхнули. – Но гораздо забавнее и поучительнее было дать тебе самому выбрать между смертью и службой мне.

Влад застонал.

– Собственно, для меня твой выбор ничего не менял – даже замерзшего я вернул бы тебя к жизни. Но он был важен для тебя... Оказалось, что ты очень хочешь жить. Любой ценой. И будешь драться за свою жизнь до последней капли крови... – Хозяин подошел к краю озера. – И ты отдашь мне ее всю до той самой последней капли. Это произойдет не сразу, и даже не скоро. Но ты сам выбрал это...

Хозяин протянул руку, и Влад почувствовал, как тело напряглось, словно в ожидании команды.

– Иди ко мне, – сказал Хозяин.

Матово-отсвечивающие когти скользнули из его пальцев.

– Ко мне, – сказал Хозяин.

Влад вылез из воды и подошел к Хозяину.

– Кровь, – проклокотал Хозяин.

Коготь легко коснулся лба Влада. Он даже не почувствовал этого прикосновения, только что-то горячее потекло по лицу.

– Какой я неловкий, – сказал Хозяин. – Я разливаю твою жизнь...

Рука Хозяина скользнула по лицу Влада, собирая кровь. Хозяин поднес окровавленную ладонь к своему лицу, принялся:

– Божественно.

Хозяин лизнул кровь, замер, закрыв глаза.

– И все-таки, что это за привкус? – пробормотал он. – Этот привкус... Я знаю его... И все равно не могу вспомнить, что он означает... Он не имеет отношения к Пелене... Я вспомню...

* * *

В дверь ванной постучали, и Влад выключил воду.

– Что?

– К тебе гости, – сказал Руслан.

– Уже выхожу. – Влад вышел из душевой кабинки, взял полотенце. – Через полторы

минуты.

Кто бы это мог быть? Серый решил приехать пораньше? Или кто-то из соседей? Или кто-то хочет, чтобы его защитили, отшили рэкетиров, припугнули хулиганов, отвадили торговцев наркотой от элитной школы? Заказов становится слишком много, нужно решать, наконец, оставаться в органах или уходить на вольные хлеба.

Влад вытерся насухо, оделся, глянул в зеркало. Решил, что можно побриться и завтра, и вышел из ванной.

– Доброе утро, – сказал подполковник Осокин.

– Доброе утро, – сказал парень, сидевший на кухонной табуретке напротив подполковника.

Парень был из той категории здоровяков, детское выражение с лица которых сходит только годам к сорока.

– Извини, что так рано, – сказал Осокин, – но ты все равно не спал. Я уезжаю в область, а напарника лучше представить лично, сам понимаешь...

– Напарника? – с веселым удивлением спросил Влад. – А комиссар полиции в курсе, что я работаю в одиночку?

– Не паясничай, Гетьман, – голос Осокина стал строгим. – Это твой стажер. Игорь Капустян, лейтенант.

Лейтенант кашлянул смущенно. Шмыгнул носом.

– Рост какой? – спросил Влад.

– Два ноль пять. – Капустян покраснел, будто ему стало стыдно за такой нескромный рост.

– Вес – сто двадцать? – спросил Влад.

– Сто двадцать пять.

– Большой мальчик.

– При чем здесь это? – подполковник Осокин встал с табурета. – Рост и вес здесь при чем?

– А что, мне у него оценки спрашивать? Или знает ли он тактико-технические характеристики пистолета Макарова? Знаешь?

– Это... – Капустян поднял глаза к потолку. – Вес со снаряженным магазином...

– Достаточно, – скомандовал Влад. – Отлично. Вид единоборства?

– Рукопашный бой.

– Оч-чень хорошо. В норматив по бегу укладывался?

– Да. Я в регби играл...

– Значит, бегаешь хорошо. Вот поэтому сейчас сбегаете на улицу, проявите оперативную сметку, найдите круглосуточный магазинчик или киоск и купите чего-нибудь на завтрак трем... если с тобой, то пятерым взрослым голодным сотрудникам милиции. Сам, небось, позавтракать не успел?

– Я... – Капустян встал из-за стола, и на кухне сразу стало тесно. – Вот товарищ подполковник...

– А товарищ подполковник завтракать не будет, товарищ подполковник торопится, и ты его уже не застанешь. – Влад, прижавшись к холодильнику, пропустил лейтенанта мимо. – Руслан, выдай лейтенанту денег. А вы присаживайтесь, товарищ подполковник.

Осокин сел. Покраснел, но сел. Руки сжались в кулаки, но подполковник молчал до тех пор, пока Капустян не вышел из квартиры.

– А теперь я хотел уточнить: пацан знает о маньяке и о том, что мы работаем с уголовником? – поинтересовался Влад.

Осокин медленно разжал кулаки, прижал ладони к столешнице, словно собирался оттолкнуться от нее и вскочить. И, может быть, даже броситься в драку.

– Вы же не хотели, чтобы я обсуждал это при нем? – осведомился, как ни в чем не бывало, Влад. – Или хотели?

– Он не в курсе, – помолчав еще с минуту, ответил Осокин. – И к тебе он приставлен,

чтобы быть на побегушках. И...

– И держать в курсе вас? – самым доброжелательным тоном поинтересовался Влад. – Типа, информировать? Или документировать мои связи с уголовником Серым, чтобы, если что не так, меня можно было даже и не турнуть из органов, а посадить на пару-тройку лет?

– Угадал. Что дальше? Начнешь отказываться от помощника?

– Нет оснований, – честно признался Влад. – С чего это я буду отказываться? Вон, сбегать в магазин, пивка, если что, притаранить. С рыбкой. Шестеркам это даже нравится, правда, товарищ подполковник? Мне бы еще ключик от квартирки явочной, хоть какой-нибудь.

– Злой ты человек, Гетьман, – сказал Осокин. – Была б моя воля...

– Бодливой корове господь рогов не дает, – продекламировал Влад. – Но потерпеть-то можно? Если мне полковник не соврал, то в случае успеха я смогу уехать куда-нибудь в Париж, на учебу для Интерпола. В случае неуспеха – боюсь, уеду ближе, но глубже. Да, а если полковник соврал, то меня и в случае успешного расследования заруют в шар земной. В любом случае – вы меня больше не увидите. Разве что на мемориальной доске в нашей ментовской часовне. Но вы туда можете не ходить. Так ведь?

– Так, – сказал Осокин. – Все ты правильно понял. Мне и полковник так пояснил. И, кстати, тут совпадение забавное получилось – новый помощник как раз по одному из эпизодов твоего нынешнего дела проходил. Меня вчера после твоего ухода полковник просветил, показал фотки, материалы – если честно, я в маньяка не верю, но с удовольствием уезжаю из города на неделю. Я закурю?

– Валяйте, – разрешил Влад. – В чем наш мальчик запачкался? Он же запачкался?

– Еще как! Его можно было, как минимум, выгонять из органов. Но не выгнали. Таких запачканных выгодно держать...

– Понимаю.

– У меня таких с десятков наберется. – Осокин курил аккуратно, стряхивая пепел в цветочный горшок на окне. – Когда полковник потребовал тебя пасти круглосуточно, я решил кого-то из них к тебе подключить, не сопляка этого, но когда полковник мне о делах рассказал, вышло, что он-то как раз тебе и подходит больше всего. И никого из своих надежных и проверенных стукачей я не свечу. Толково?

Влад несколько раз хлопнул в ладоши.

– Тогда я пошел. – Осокин загасил окурок, бросил его в мусорное ведро. – И, чуть не забыл. С сегодняшнего дня тебя хотели в отпуск отправить. На месяц. Врачи потребовали для восстановления здоровья. С сохранением оклада, разумеется.

– И с необходимостью сдать оружие?

– Обязательно.

– Но?

– Но теперь решили не отправлять. При мне полковник звонил, отдавал распоряжение.

Осокин, не прощаясь, вышел из квартиры и даже дверь не хлопнул.

Влад открыл форточку, чтобы проветрить кухню.

Значит, вначале в отпуск по состоянию здоровья, потом на обследование, потом – на пенсию по инвалидности. Выходит, полковник его выручил... Или наоборот, подставил.

– Вы так громко разговаривали, – сказал Руслан. – Даже брат проснулся.

– Я проснулся! – крикнул из комнаты Богдан. – И про стукача слышал. Зачем нам такой гембель, я тебя умоляю?

– Подрастешь, узнаешь, – ответил Влад. – Ты лучше вставай, умывайся и готовься к завтраку. Сейчас стажер...

– Стукач.

– ...стажер принесет еду. И я вас обоих прошу держать свое мнение при себе.

– Его фамилия Капустян? Я правильно запомнил? – уточнил Руслан. – Мы теперь как три мушкетера – Руслан, Богдан и Капустян.

– И Гетьман, – крикнул Богдан с ударением на последний слог.

– Я гляну внимательнее в ноутбуке, что там во втором эпизоде, – предложил Руслан. – Пока виновник торжества не вернулся.

– Не успеешь, – сказал Влад и оказался прав: запыхавшийся лейтенант вошел в квартиру.

– А звонить или стучать его, значит, не учили, – тоном заправского склочника прокомментировал Богдан.

– Извините...

– Сейчас все брошу и извиню, – буркнул Богдан, отбирая у лейтенанта пакеты. – Извините...

Взгляд, которым Капустян проводил Богдана, был печальным и обиженным.

– Не обращай внимания, ребенок, – сказал Влад. – Пока господа будут накрывать на стол, мы с тобой пойдем в комнату, покалякаем, и ты расскажешь, что же именно произошло с тобой месяц назад. Ведь расскажешь, Игорек?

Игорек отнекиваться не стал. Только поинтересовался – рассказывать официальную версию или так, как все и было?

– Обе, – сказал Влад.

Официальная версия гласила, что лейтенант Капустян Игорь Николаевич, находясь при исполнении служебных обязанностей, допустил халатность и проявил трусость, что привело к срыву операции. Оправдываясь, лейтенант попытался ввести в заблуждение свое прямое начальство.

– А своими словами? – спросил Влад, которому, как это ни было странно, лейтенант начинал нравиться.

– Официальную версию? – печально уточнил Капустян. – Поехали на задержание. Меня оставили возле заднего выхода со двора, чтобы под ногами не путался. Я стоял и караулил. Убийца вышел как раз на меня, пригрозил оружием, я струсил и пропустил его мимо. Потом, когда меня начали расспрашивать, стал врать, что не мог задержать, что он меня загипнотизировал... А он меня и вправду загипнотизировал! Или заколдовал!

– Не кричи, – приказал Влад. – От крика в рассказе достоверности не прибавляется. Заколдовал? Как заколдовал?

– А я знаю? – тихо, почти шепотом ответил дисциплинированный лейтенант. – Я стою, жду. Пистолет – в руке...

– И патрон в патроннике, – подсказал Влад.

– Нет. Нету патрона в патроннике. Нельзя досылать, пока...

– Понял, – кивнул Влад. – Глупо, но по инструкции. Дальше.

– Я его заметил только когда он ко мне уже почти подошел. И не очень темно вроде было, и двор пустой, а только он как из-под земли передо мной вырос. Я ему команду: «Стой!», а он улыбается так странно, будто собака зубы показывает, и идет себе. Даже не на меня, а мимо, как будто я столб. И оружия у него нет, и росту в нем ну, метр восемьдесят от силы при семидесяти килограммах веса, а мороз у меня по коже пробежал. Пистолет я в карман спрятал, куда ж он от меня все равно денется, руку протягиваю к нему, а пальцы... – лейтенант почти с удивлением посмотрел на свою руку, – ...пальцы скользят по его куртке, будто он и одежда его из камня. За руку его хватаю, он на меня глянул с ухмылочкой своей искоса, рукой чуть повел – я к забору отлетел, чуть дух из меня не вышибло. Я тут на него всерьез бросился, прыгнул – и в воздухе повис.

Капустян быстро глянул на Влада и снова уставился на свои руки.

– Ну, это мне показалось, что я в воздухе повис. Примерещилось. На самом деле, он меня... – лейтенант замолчал, тяжело вздохнул. – Когда он за углом скрылся, я, как висел, так и грохнулся прямо в грязь. Так и лежал, пока через пару минут наши не подбежали – встать не могу. Стыдно, мокро, а пошевелиться не мог, пока наш капитан меня не окликнул. Тут все само собой и прошло. Я и портрет толком не смог составить – не помню лица, только улыбочку его и запомнил. И...

– Что? – спросил Влад.

– Ничего.

– Что-то еще там было, не договариваешь.

– Нет, ну правда, все рассказал, что было. Только... Только он сказал, когда уже я повис в воздухе... Повезло, сказал, тебе, что ты человек. Он убил коллекционера одного, мне потом рассказали. Тот ему вроде сам дверь открыл. И ушел убийца только тогда, когда мы приехали, ну, за секунду до того, как наши к двери подошли. Как специально.

В дверях комнаты показался Богдан:

– Вы тут еще долго? Нам уже выезжать скоро.

– Ну, пойдем, поедим. – Влад встал с дивана. – История у тебя забавная.

– Ага, – кивнул лейтенант. – Оружие на предохранителе, в кармане, я лежу в грязи, при моих габаритах он без драки вырваться не мог, а у меня ни ссадин, ни синяков. Что произошло? Понятно, Игорь Капустян трусил и убийцу пропустил.

– Ясно. Ты кстати, вот сюда глянь, – Влад развернул ноутбук экраном к Капустяну. – Это лицо тебе не знакомо?

Капустян глянул. Пожал плечами.

– Не знаю... Он тут не улыбается. Улыбку я бы узнал, а так... Не знаю.

– Ну и бог с ним, пошли, позавтракаем. А то господам старшим лейтенантам на работу к девяти, а транспорт тут у нас утром битком...

– А им куда? В областное? – оживился Капустян.

– В областное.

– Так я могу подвезти. У меня машина.

* * *

После завтрака, выпроводив всех, Влад помыл посуду, вытер, поставил в шкаф. Об убийстве коллекционера он, естественно, слышал. И про облажавшегося лейтенанта тоже. Без подробностей, разумеется. И без упоминания гипноза или колдовства.

Собственно, старик изучал козацкую старину, собирал старые книги, рукописи, предметы, связанные с Запорожской Сечью. Естественно, приобретенные у черных археологов в первую очередь.

У него потом, по слухам, нашли в доме несколько предметов, украденных из исторического музея еще в девяностых, поэтому все списали на разборку среди своих. Не сошлись в цене или поставщик решил тоже стать коллекционером...

Хотя ничего ценного из коллекции вроде бы не пропало. Так, во всяком случае, утверждал приятель убитого. Коллекционер аккуратно вел свои бумаги, пометая, что, когда и за сколько купил; так вот, все упомянутое в описи потом было в квартире и обнаружено. Как и довольно большая сумма в валюте.

Дверь была бронированной, окна с решетками, квартира на сигнализации, дверь коллекционер открыл сам – убил знакомый, ясное дело. Вот знакомых перетряхивали до сих пор.

Какого черта Серый это дело лепит к убийству банкира? Нет, рост и телосложение в обоих случаях совпадают... И в показания лейтенанта Серый, в отличие от милицкого начальства, поверил сразу. Интересно, кстати, кто это ему слил информацию? В официальном отчете явно нет рассказа о колдовстве и гипнозе.

Влад потерял виски – начинала болеть голова. За неделю он спал часов десять в общей сложности. Если это можно назвать сном.

Сколько он еще так выдержит? И что, кстати, потом? Сойдет с ума? Выйдет на улицу, достанет пистолет и начнет стрелять? Можно будет не притворяться, можно будет даже сказать кому-то: «Тебе повезло, что ты человек».

Влад вернулся к ноутбуку, еще раз просмотрел всю информацию – во всяком случае, логика выбора жертв имела место быть. Обычные люди не пострадали. Убит банкир, коллекционер, авторитет, физик из национального университета, жена цыганского барона и торговец наркотой, закрытый в СИЗО.

В камеру, в которой был убит торговец, сегодня Серый и собирался везти Влада. Типа,

на посмотреть.

Хотя и видеосъемка выглядела достаточно живописно – кровь на стене, словно кого-то с силой в эту стену бросили. Разогнали и бросили в стену со скоростью километров сто в час.

Даже если все девять сокамерников в едином порыве принялись бы швырять наркоторговца в стену, у них бы ничего не вышло. А он, если верить одинаковым показаниям сокамерников, сам соскочил с нар посреди ночи и врезался в стену, между парашей и дверью. И все у него получилось с первого раза.

Вот такая ерунда. И еще была запись с видеокамеры наружного наблюдения, как раз с той стороны, где была камера убитого. Некто переходит через дорогу, останавливается, не доходя до старого тюремного здания, поднимает правую руку, словно приветствует кого-то, и резко руку опускает, будто что-то бросает.

Опять-таки, ничего особенного, если бы жест этот не совпал секунда в секунду со странным броском торговца в камеру.

Менты этого не связали, а Серый не просто связал, но даже смог получить видеозапись. И разрешение на посещение камеры. Не зря он с замначальника УИНа в кабак ходил. Ой, не зря...

Ровно в десять позвонил на мобильник Серый.

В десять ноль одну Влад вышел из подъезда и сел на заднее сиденье бумера, рядом с Серым. Машина сразу же тронулась.

– Все посмотрел? – не здороваясь, спросил Серый. – Кстати, выглядишь ты хреново, отдохнуть тебе нужно. Дело раскрутишь – выбирай на глобусе любое место. Месяц отдыха за мой счет.

– А если не раскручу?

– Ну... Тоже отдохнешь... Так ты посмотрел материалы?

– Да, – коротко ответил Влад, даже не пытаясь уточнять, где именно он отдохнет в случае неудачи расследования.

Окажется, что это была угроза, ему придется на нее реагировать, Серому придется все переводить в шутку или дожимать, а менту нужно будет выбирать – становиться в позу обиженной гордости или молча тянуть ляжку. В общем – лучше все оставить в неопределенном состоянии.

– Сейчас мы едем в СИЗО, а к двум часам нас будет ждать барон, – Серый заглянул в записную книжку, что-то пометил тонким карандашом. – Часам к десяти нас смогут принять люди Коленьки Темного. Если ты не возражаешь.

Это «не возражаешь» было произнесено после паузы и с легкой усмешкой – Серый явно наслаждался ситуацией, его, похоже, развлекало то, как мент реагирует на едва прикрытые оскорбления и даже угрозы.

– Не возражаю, – сказал Влад.

– Вот и славно, – Серый откинулся на спинку кресла.

Машина возле университета внутренних дел свернула не налево, к центру, а вправо, в Пятихаткам.

– Рванем по объездной, через Холодную гору, – пояснил Серый. – Центр забит наглухо.

Влад не ответил. От него все равно ничего не зависело, а впустую спорить он не привык. Он и в СИЗО не особо стремился, прекрасно понимая, что все равно ничего там, кроме высохшей крови, не найдет и что ничего нового сокамерники убитого ему не скажут.

И этого не мог не понимать Серый. Но все равно тащил его, расписав экскурсии на весь день. Зачем?

Влад прикрыл глаза и почувствовал, что проваливается в темноту. Нельзя. Нужно держаться.

Открыть глаза было необыкновенно трудно, усталость от бессонницы, накапливавшаяся несколько месяцев, вдруг навалилась разом, лишая сил и желания сопротивляться.

Открыть глаза. Нужно открыть глаза.

Они уже выехали на объездную, проскочили мост. Машин было немного, и водитель разогнал бумер так, словно куда-то очень спешил.

– На тот свет торопишься? – спросил Влад.

Водитель не отреагировал. Серый – тоже.

Влад достал мобильник, набрал номер:

– Богдан? У вас все нормально?

– А что у нас может быть ненормального?

– Как там новенький?

– А он не тут, он у тебя должен быть. Нас привез и сразу к тебе. Чтобы, наверное, из-под наблюдения не потерять. Тачка у него, кстати, неплохая, «Вольво». Серое такое. Не приехал?

– Вроде нет, – ответил Влад. – Вы у него номер мобильного взяли?

– Естественно.

– Звякни, уточни, что с ним. И скажи, чтобы к одиннадцати был у СИЗО. Сразу мне перезвони.

Влад выключил телефон, но в карман прятать не стал.

– Потерял кого-то? – спросил Серый. – Что за новенький?

Это был отличный повод послать обнаглевшего уголовника ко всем чертям, и Влад не видел причины, чтобы им не воспользоваться, но тут позвонил Богдан:

– Будешь смеяться, он висит у тебя на хвосте метрах в ста. Сказал, что не хотел тебя беспокоить и ждал в машине, а когда ты сел...

– Я понял. Все хорошо.

Влад еле удержался, чтобы не оглянуться на машину шустрого стажера. Забавный парень!

– Ты посмотрел материалы – какие-то есть мысли?

– Мысли? – переспросил Влад. – Мысли, конечно, есть.

– И?

– Но тебя они пока не касаются. Когда будет нужно, я тебе все сообщу.

– Лады, – кивнул Серый. – Только времени у тебя не очень много. Неделя, максимум, две.

И подполковник Осокин радовался, что уезжает на неделю. Все, похоже, что-то знают, но молчат. Влад не стал ни спорить, ни выяснять, просто кивнул, что могло означать как согласие, так и простую констатацию того, что пожелание услышано и принято к сведению.

Пассажиры бумера молчали до самого СИЗО, до гостиницы «Белый лебедь», как называли следственный изолятор в городе. По легенде, тюрьма была основана еще Екатериной Второй.

Влад застегнул «молнию» на куртке. Машина проскочила старый рынок, нужно было притормаживать и сворачивать вправо, к воротам СИЗО.

Они проскочили поворот, но водитель даже не сделал попытки затормозить или свернуть, сидел неподвижно, глядя перед собой.

Еще не понимая, что делает, Влад бросился вперед, схватил водителя за плечи и толкнул вправо – водитель манекеном опрокинулся на пассажирское сиденье, благо был не пристегнут ремнем безопасности. Перегнувшись через спинку сиденья, Влад вцепился в руль.

Все замерло вокруг – трамвай,двигающийся навстречу, поток машин, птица словно повисла перед самым лобовым стеклом, и сам Влад двигался медленно, по миллиметру отбирая у застывшего времени.

Низкий, протяжный звук слева – это что-то кричит Серый, но понять все равно ничего нельзя, звуки растягиваются, превращаются в низкий гул.

В сторону... Нужно сдвинуть машину в сторону, скоро мост, и шансов увернуться от столкновения уже не будет. Вправо – съезд. Вправо...

Руль медленно поворачивается. Очень медленно плывет в сторону картинка перед

лобовым стеклом – женщина, готовящаяся ступить на проезжую часть, «жигуленок», сунувшийся между трамваем и микроавтобусом.

Медленно-медленно-медленно...

И все-таки бумер поворачивает, сзади шарахается в сторону маршрутка, уходя от столкновения, ее водитель, кажется, ударил по клаксону... плевать... еще немного... столб, не торопясь, уплывает влево, освобождая дорогу... Влад чувствует, что машину подбрасывает – съезд не ремонтировали давно, – капот зависает в воздухе, руль тягучим рывком пытается выскользнуть из рук, но Влад держит его... держит-держит-держит... машина снова касается передними колесами старого, потрескавшегося асфальта... не обоими, понимает Влад в последний момент, вначале правым... удар, картинка оживает... справа дерево бросается наперерез, но бумер проскакивает, и дерево обиженно бьет в борт, сминая металл, сдирая краску...

Мир перед глазами Влада покрывается сетью трещин, машину заносит, она разворачивается на сто восемьдесят градусов, вылетает на тротуар и левым боком припечатывается к бетонной ограде.

Что-то осыпается с сухим шелестом, мотор заглох, и что-то шипит спереди под капотом.

Влад разжал пальцы и тяжело опустил на заднее сиденье.

«Вот такие дела, – крутилось почему-то в голове. – Вот такие дела».

А подушки все-таки сработали, подумал Влад, а он даже и не заметил, когда именно.

– Весело, – сказал кто-то справа.

Влад повернул голову.

– Я говорю, весело прокатились, – сказал Серый. – Хорошая у тебя реакция...

– А... – Влад почувствовал, что воздуха не хватает, и глубоко вздохнул. – А сам что? Не поспел?

– За тобой поспеешь, пожалуй. – Серый привстал, посмотрел на водителя, лежавшего на переднем сиденье.

Водитель не шевелился. Серый протянул руку, тронул его за плечо.

– Что? – спросил водитель неожиданно ясным голосом. – Все нормально, я сейчас. – Он выпрямился. – А что случилось?

– Это я тебя хочу спросить, – ласковым голосом произнес Серый.

– Я... – водитель протянул руку и начал стряхивать пыль с торпеды. – Стекло... – Он оглянулся на Серого, потом посмотрел на Влада. – Я же только что...

Влад попытался открыть дверцу, но та не открывалась. Влад толкнул плечом и чуть не вскрикнул – боль ударила неожиданно и резко.

– Заклинило. – Серый отодвинул Влада. – Дай я...

От удара дверца не открылась – отлетела, загредев консервной банкой по асфальту.

Влад вышел из машины.

Пахло дизтопливом. Влад оглянулся – от дороги бежали люди, серая «Вольво» остановилась рядом, из нее выскочил Капустян.

Кажется, он что-то спросил. Протянул руки, чтобы поддержать Влада.

«Не нужно, – хотел сказать Влад. – Все нормально. Только ноги вот...»

Мир словно поплыл куда-то вверх. Воздух стал вязким, дышать было трудно.

И больно. Как тогда... Как...

Капустян успел подхватить Влада, не дал упасть. Отодвинув в сторону зеваку, осторожно положил Влада на заднее сиденье «Вольво». Сел за руль.

Люди заглядывали в машину, пытались рассмотреть, как там пострадавший. Любопытство в глазах, жадный интерес...

Твердый, уверенный взгляд. Немного разочарованный. Уже проваливаясь в темноту, Влад протянул руку в его сторону ... Хотел показать лейтенанту. Или защититься от этого взгляда.

Глава 4

Врачу было лет сорок, он был волосат, мускулист и циничен. Осмотрев Влада, сгонял его под присмотром Капустяна в рентгенкабинет. Получил снимок, мельком глянул его на просвет, повернув к окну. Отложил – и извлек из ящика стола коробку конфет.

– Ну что я могу сказать, милостивый государь? – Врач открыл коробку и аккуратно, двумя волосатыми пальцами достал конфету. – У вас есть мозг. Не нужно только делать обиженное и разочарованное выражение лица – в наше суровое время наличие мозга уже повод для радости.

Конфета отправилась в рот, врач задумчиво ее прожевал и проглотил.

– Так что, если кто-то станет вас называть существом безмозглым, можете смело ссылаться на меня. И спорить с наглецом на большие деньги. Я подтверждаю и даже продемонстрирую вот эту фотографию. Да. – Врач выудил из коробки вторую конфету и отправил ее вслед за первой. – Теперь о главном: мозг у вас есть, но вы его слегка встряхнули. Самую малость. Это так и называется: легкое сотрясение мозга. На несколько дней я вам гарантирую головокружение, тошноту – легкие, естественно. Потом все пройдет. Хотите больничный?

– Нет, – коротко ответил Влад.

– Приятно видеть таких целеустремленных и где-то даже работающих сотрудников милиции. – Врач сунул в рот очередную конфету и посмотрел в бумагу, лежавшую перед ним на столе. – Э-э... Владислав Александрович. Сотрясение у вас легкое, но вот в остальном... Как-то вы неудачно сидели в той машине. Вы получили шикарный ушиб ребер. С совершенно восхитительной гематомой. И тут вам будет больно. Я бы рекомендовал тугую повязку и постельный режим, но вы ведь отказываетесь от больничного...

– Отказываюсь, – подтвердил Влад.

– И что мы с вами будем делать? – Врач отодвинул коробку и с сомнением посмотрел на Влада. – За рулем были вы?

– Не совсем.

– Это как?

– Не я, – не стал вдаваться в подробности Влад. – А что?

– Вы невропатологу давно показывались?

– Полгода назад проходил комиссию.

– Естественно, годны?

– Естественно.

– Замечательно... И с тех пор у вас особых стрессов не было? Работа нервная, я понимаю, но особых, выдающихся срывов не происходило? – Врач потянулся за конфетой, поддержал руку над коробкой, но брать все-таки не стал. – Не происходило.

Влад пожал плечами. Рассказывать о бессоннице дежурному хирургу? О кошмарах? О волках на улице и пантере в цирке?

– С нервами у вас проблемка, это я вам как специалист-многостаночник говорю. Вскрывать черепушку еще рановато, а вот на месяцок завалиться в неврологию – самое то.

– Я учту ваше пожелание, – сказал Влад. – Обязательно.

– Как только – так сразу, – кивнул врач. – Бывает. Только учтите, что голова это такой забавный механизм... Вроде все нормально, бился головой о деревья, стены и камни совершенно без последствий, а потом стукнулся в метро о поручень и... Бывали, знаете ли, случаи.

– Я знаю, доктор.

– Все у нас сейчас всё знают, даже противно, – врач опечалился, вздохнул и съел конфету. – А я вот сейчас сижу и думаю: вызвать санитаров или просто звякнуть вашему начальству? Сотрясение плюс ваше состояние могут дать совершенно очаровательные последствия. От суицида до геноцида. У вас ведь и пистолет при себе?

Лейтенант, сидевший в углу, что-то пробормотал.

– Что вы там бурчите себе под нос, молодой человек? – Голос врача даже чуть вверх пошел, не сильно, лишь обозначая неудовольствие, но намекая, что с дежурным служителем

Гиппократу лучше не спорить. – Полагаете, что с вами и вашими приятелями такого случиться не может? Уверены, что вот из вас-то гвозди получились бы самые крепкие, да еще с резьбой особохитроизошренной? Поверьте мне – крепкие уверенные парни ломаются куда чаще, чем слабые и гибкие.

– Да я не... я наоборот... – Капустян совсем по-детски шмыгнул носом.

– Наоборот? – переспросил врач. – Наоборот – можно. Наоборот – это правильно. Вы слышали... э-э... господин Гетьман? Вот, даже младшие и на вид совершенно бестолковые товарищи согласны с мнением медицины. Лечиться нужно.

– Некогда, – сказал Влад. – Честное слово, доктор, некогда. Я...

Влад хотел сказать «я пойду» и встал со стула, но пол вдруг качнулся, еще не убегая из-под ног, но намекая на такую возможность.

– Сидите, – приказал врач резким, не допускающим возражения голосом. – И если вы еще раз дернетесь, я вызову машину с Соборки. Знаете такую специальную больницу для чокнутых? У меня там работает много знакомых, мне поверят, что вы тут угрожали уничтожить вселенский заговор, объявить войну России и, что самое прискорбное, эту войну выиграть, водрузив флаг над Кремлем. Вас туда свезут, упаковав в смирительную рубашку, накачают для начала успокоительным, потом дождутся, пока вы придете в себя, потом проведут исследование – не торопясь, имейте в виду. Неделька, а то и две у вас таким образом набегит. Устраивает вас такой расклад?

Врач взял со стола громадную лупу, посмотрел на пациента сквозь нее, моргая гигантским глазом.

– Не устраивает? Не устраивает... Тогда мы сделаем вот что – вы остаетесь до завтрашнего утра. Не возражать! – врач снова повысил голос. – Одну ночь! Если к концу моего дежурства у вас... нет, не наступит улучшение, черт с вами, а всего лишь не произойдет ухудшения, я немедленно вас отпущу. Честное слово!

Влад осторожно повернул голову, посмотрел на дверь кабинета. Можно было встать и выйти. И пусть ненормально заботливый доктор делает что хочет: его угрозы – не более чем угрозы. Нужно уйти. Встать и уйти.

– Хорошо, – сказал Влад. – До завтрашнего утра. Только...

– Что еще?

– У вас есть какая-нибудь палата поменьше и подальше от остальных пациентов? – Влад вспомнил о деньгах, полученных от Руслана, и добавил: – Я заплачу, если нужно.

Врач задумался.

Он не стал спрашивать, почему именно, не стал иронизировать по поводу тонкой душевной организации и достойном финансовом положении сотрудников милиции – странный такой доктор.

Хирург поднял телефонную трубку, набрал номер:

– Петровна, у нас конуренка на девятом этаже свободна?

Ему, по-видимому, ответили утвердительно.

– Сейчас к вам подъедет молодой человек, так вы его примите, поселите... Знаю, что нужно разрешение. Знаю. Будет вам разрешение. Завтра? Сегодня! – теперь уже врач разозлился по-настоящему. – Я сам сейчас поднимусь, и вы попыгаете меня остановить. Да. Лично. Звоните куда хотите. Именно.

Врач бросил трубку на аппарат, встал из-за стола.

– Я очень ленивое существо, – сказал врач. – Я ненавижу работать. И необходимость переться на девятый этаж для того, что вправить мозги обнаглевшему персоналу, меня унижает и оскорбляет. Но я существо упрямое и гордое. И я пойду.

Он указал Владу и Капустяну на дверь кабинета:

– Подождите в коридоре, я сейчас.

Влад и лейтенант вышли.

– Значит, я останусь пока здесь, – сказал Влад Капустяну. – А ты... Ты никому об этом не болтай. Заедешь к Руслану, скажешь, что и как. Самое главное – чтобы он сюда не лез ни

под каким видом. Если совсем немогуту – пусть приедет Богдан. Привезет, кстати, ноутбук, я тут на досуге пасьянс пораскладываю.

– Хорошо, – сказал Капустян. – А мне что делать?

– Тебе?.. Проводишь меня в номер, потом поедешь к Руслану. И, кстати... – Влад внимательно посмотрел в лицо лейтенанта. – Ты возле машины... там, на спуске... Никого знакомого не видел?

Капустян не ответил сразу. Он задумался, чуть прищурившись, и молчал минуты полторы. Потом покачал головой:

– Нет. А что?

– Понятно. С другой стороны, он и не улыбался, – тихо сказал Влад.

– Кто? – не понял сразу лейтенант, но через секунду легкая виноватая улыбка исчезла с его лица. – Вы его видели? Это он вашу машину?..

– Во-первых, не мою. Во-вторых, не столько машину, сколько водителя, и, в-третьих, да. Кажется – он. – Влад осторожно помассировал виски кончиками пальцев. – Странное совпадение, согласен?

Капустян ответить не успел – врач вылетел в коридор и быстрым шагом направился к лифту.

Капустян протянул руку, чтобы поддержать Влада.

– Руку оторву, – тихо пообещал Влад. – Идешь слева сзади, контролируешь пространство. Вопросы?

Вопросов не было, они добрались до девятого этажа молча. Даже врач молчал, накапливая, по-видимому, заряд для беседы с Петровной.

Но скандала не получилось – Петровна, оказавшаяся яркой дамой лет тридцати, встретила их возле самого лифта, сунула врачу ключ с пластмассовым номерком и ушла, громко щелкая высоченными каблуками по каменным плитам пола.

Лейтенант проводил ее восхищенным взглядом.

– Не вывихните шею, молодой человек! – сказал врач. – Поверьте мне на слово – бессмысленно и даже опасно. Берите пример с вашего старшего и умного товарища. Он сразу понял, что сия особа не в его вкусе. Ведь так, Владислав Александрович?

Влад заставил себя посмотреть в глаза врачу. Сцепил зубы, но выдержал ответный взгляд.

Доктор улыбался, явно весьма довольный собой.

– Очень хорошо, – сказал он. – Великолепно! Что-то в вас есть такое... возвышенное, что ли? Мы сегодня еще побеседуем. Я немного разгрузюсь... Или даже нет, я просто нажму на коллегу, напомню, что он мне должен... много чего должен. И через часик я буду у вас. Да. Вам по коридору и налево. Комната в самом конце коридора, напротив пожарного выхода. Вот ключик. Устраивайтесь, отдыхайте.

Дверь лифта открылась, врач вошел в кабину. Дверь закрылась.

– Станный мужик, – сказал Капустян. – Трепло.

– Станный, – согласился Влад. – А я не странный? А ты?

– Я – нет, – Капустян улыбнулся. – Чего это я странный?

– Машина, – бросил Влад и пошел по коридору.

– Что машина?

– Твоя машина, «Вольво». Новая?

– Ага, три месяца.

– Брал в салоне?

– Да.

– Я даже не буду спрашивать, сколько тачка стоит. Откуда деньги, Билли? – Влад остановился перед покрытой лаком деревянной дверью, оглянулся на Капустяна. – Взятки тебе еще по сроку службы не положены. К тому же, ты на ней на работу ездишь, а это значит, что ты либо не соображаешь ни хрена, либо все у тебя прикрыто и законно.

– Законно, – сказал Капустян. – У меня батя – богатый человек. Машину мне подарил к

окончанию университета.

– А почему не квартиру?

– Квартиру он мне подарил, когда я поступил в университет. Не верил, что я без его помощи смогу поступить.

Влад открыл дверь, вошел.

Обычный гостиничный номер – деревянные панели, стенной шкаф в прихожей, дверь в ванную, в комнате – деревянная двуспальная кровать, телевизор, письменный стол, стул, два кресла и низкий столик возле них.

– Неплохо, – сказал Влад и сел на кровать. – Я, пожалуй, даже прилягу.

Он попытался наклониться, чтобы развязать шнурки, но зашипел, сжимая ладонью лоб.

– Я помогу! – Капустян присел перед кроватью на корточки, ловко развязал шнурки и стащил с Влада туфли. – И куртку давайте.

Влад медленно снял куртку, протянул лейтенанту, спохватился и забрал из кармана пистолет.

Лег, сунув, не глядя, оружие под подушку.

– Может, расстелить постель?

– И так сойдет... – Влад закрыл глаза. – Сойдет. Ты, значит, идешь, выполняешь, что я сказал. Тебе кому приказано стучать? Подполковник уехал. Неужели киевскому гостю?

Капустян промолчал.

– Гостю... Стучать по телефону или непосредственно?

– По телефону, – сглотнув, сказал лейтенант.

– А папа знает, чем ты тут занимаешься? – не открывая глаз, спросил Влад.

– Я ему сказал, – ответил Капустян ровным голосом.

– И что он ответил? – спросил, открыв глаза от удивления, Влад.

– Ответил, чтобы я сам решал. И выкручивался. Сам полез в органы, сам чтобы и...

– Забавный у тебя папа, – констатировал Влад. – Как-нибудь на досуге – познакомь. А пока...

Влад закрыл глаза. Мир резко провернулся вокруг него, тошнота подкатила к горлу.

– Связь через тебя, – тихо сказал Влад, достал из кармана джинсов ключи от квартиры и бросил Капустяну. – Заберешь ноутбук. Передашь то, что я просил. Ответишь на вопросы ребят. И еще раз напоминаю: пусть приезжает Богдан.

– Я понял, – сказал лейтенант. – А полковнику... что сказать?

– Сам решай. И выкручивайся. Сам полез в органы... – Голос Влада становился все тише, пока совсем не пропал.

– Я... – начал было Капустян, но, решив, что Влад уснул, вышел из комнаты, осторожно прикрыв дверь.

Влад тут же открыл глаза. Достал из-под подушки пистолет, снял с предохранителя и положил на кровать справа от себя. Прикрыл его краем покрывала.

Он уже привык, что ничто в жизни не происходит случайно. Нужно просто понять логику, отстраниться и посмотреть под другим углом. Тогда самые странные и случайные происшествия легко укладываются в общую закономерную картинку.

Если кто-то поступает нелогично – это значит, что ты чего-то не понимаешь. И это – опасно.

Он пару часов назад чуть не погиб. Лобовое столкновение с трамваем на скорости около ста километров в час штука весомая и категоричная. Водителя убивает руль, если не вмешиваются подушки безопасности, а пассажир с заднего сиденья вылетает через лобовое стекло на встречу с городским транспортом.

Водитель уснул? Просто так взял и уснул на скорости сто километров час? А тот взгляд капитану Гетьману примерещился?

Как же, как же...

В палате пахло новой мебелью и лекарствами. Влада продолжало мутить, но теперь уже было непонятно – от сотрясения мозга или от запаха.

Влад встал с кровати, подошел к окну и отдернул штору.

Лесопарк внизу, за окном, был серым и каким-то болезненным. Голые скользкие ветки, клочья тумана, которые с ночи застряли в мешанине сучьев, тучи воронья, кружившие над деревьями, не решаясь ни сесть, ни улететь.

В окно ударили несколько крупных дождевых капель. Налетевший ветер смазал их, заставив прочертить косые линии. Через секунду дождь забарабанил по стеклу и подоконнику, усилившийся ветер потащил ворон куда-то в сторону центра города.

Мерзко.

Погода мерзкая, на душе – мерзко, да и дела не назовешь особо хорошими.

Если поначалу расследование выглядело не слишком перспективным, то сейчас, после того, как неизвестный убийца легко включил милиционера в список потенциальных жертв, дело выглядело еще хуже.

А если принять во внимание возможности маньяка...

Вот сейчас он стоит внизу, у забора «неотложки», прикидывает... А потом поднимет руку, словно приветствуя знакомого, резко опустит ее, и Влад Гетьман разобьет голову о деревянную панель недавно отремонтированного номера. И голова лопнет, как переспелый помидор.

Или подойдет маньяк по коридору к элитной палате на девятом этаже, остановится на секунду, выстрелит, даже и не целясь, в стену... Пуля проделает аккуратные дырочки в стене, в шкафу и в сердце капитана милиции.

Влад задернул штору и вернулся на кровать.

Доктор обещал прийти поговорить. О чем?

Влад спохватился, взял пистолет, вытащил магазин, осмотрел, аккуратно извлек патрон из патронника, несколько раз передернул затвор.

Поговорить, значит. Такой добрый и отзывчивый доктор... Бывает, наверное. Увидел пострадавшего милиционера, решил плюнуть на все, совершить доброе дело. Вон как разволновался, устроил скандал.

Врачи умеют устраивать скандалы. Влад это знал хорошо.

Это было здесь же, в «неотложке», год назад, когда привез он Богдана, умудрившегося перехватить ту автоматную очередь, что предназначалась самому Владу. И ведь каким жадным оказался старший лейтенант – всю очередь забрал, все пять пуль.

И даже сознания не потерял – бормотал что-то тихо, глаза не закрывал. Говорил-говорил-говорил, только понять было ничего нельзя. Руслан держал его за руку и, не стесняясь, плакал. Влад сидел на переднем сиденье возле водителя и торопил сержанта.

Торопил, хотя прекрасно понимал, что шансов почти нет, что такие раны практически не оставляют шансов.

Богдан не умер по дороге, и это уже было чудом. Его отвезли в операционную, четыре часа латали, а потом врач вышел в коридор и сказал Владу, что шансов действительно нет, что с такими ранами жить старшему лейтенанту несколько часов. Пробыты легкие, печень, селезенка...

Врач сказал это даже без дежурного сочувствия – поставил в известность и, повернувшись, собрался уходить.

«Стоять», – сказал Влад. «Не понял?» – удивился доктор. «Ты его вылечишь, – сказал Влад. – Он не умрет». – «Я не волшебник», – сказал хирург. «Но своего сына ты бы спас, – сказал Влад. Его рука сжала окровавленный халат на груди врача. – Ты бы нашел способ...»

Врач закричал, потребовал, чтобы сумасшедший убрал руки, чтобы прекратил истерику и смирился.

«Обязательно, – сказал Влад. – Как только ты спасешь парня – обязательно. Я дам денег. У меня есть деньги – пять тысяч евро. Я отдам их тебе». Врач повысил голос, но что-то в его лице дрогнуло при упоминании денег.

«Пять тысяч, – повторил Влад. – Через тридцать минут они будут здесь». Хирург молчал. «Пожалуйста, – добавил Влад. – Я привезу...»

«Тогда и приступим», – сказал хирург. «Сейчас, – потребовал Влад. – Сейчас. Иначе...» Хирург хотел что-то возразить, но увидел Руслана, стоявшего возле окна. Увидел его глаза и автомат в его руке.

«Хорошо, – сказал хирург. – Я начну сейчас».

Операция длилась еще четыре часа. Оказалось, что чудеса случаются.

* * *

В дверь постучали.

– Войдите, – крикнул Влад. – Открыто.

Вошла та самая знойная медсестра, Петровна.

– Здравствуйте, – без улыбки сказала она. – Доктор просил наложить вам повязку на ребра. Вставайте, пожалуйста.

– Хорошо. – Влад встал с кровати. – Раздеваться?

– Естественно. До пояса.

Влад потянул джемпер через голову, застонал от боли.

– Это недолго, – сказала медсестра. – Раз...

* * *

...Вокруг люстры кружила муха. Раз за разом облетала плафон из матового стекла, выписывая идеальные круги.

«Поздновато для мух, – подумал Влад. – Ноябрь, спать пора...»

Он лежал на кровати. Кружилась голова, перед глазами все плыло, а руки, связанные за спиной, затекли вязкой тянущей болью.

– Живой, – сказал доктор.

Влад попытался приподнять голову, чтобы рассмотреть его, но темнота, внезапно навалившаяся сверху, припечатала к постели.

– Не так резко, – сказал доктор.

– Странные методы, – прошептал Влад.

– Что? Методы? Нормальные методы. Действенные.

– По сотрясенному мозгу и снова ударить? Это негуманно. – Влад снова попытался поднять голову и снова застонал от боли и бессилия.

– Клинь клином, так сказать, – пояснил врач. – Вы так настойчиво пытаетесь подняться... Расслабьтесь, я вас прошу. Иначе Лидия Петровна снова вас ударит.

– Хороший, кстати, удар, – сказал Влад. – Гантелей?

– Кулаком. Просто кулаком.

– Сильная самка, – сказал Влад.

– Самка? – переспросил врач. – Это у вас юмор такой?

– Какой тут юмор... – Влад заставил себя усмехнуться. – Скорее, сатира. Так?

Врач встал с кресла, подошел к кровати, рывком посадил Влада, прислонил к спинке кровати.

– Значит, я был прав, – удовлетворенно заключил врач. – Ты все видишь...

– На зрение никогда не жаловался. Или вы имеете в виду что-то другое?

– Я имею в виду то, что ты, не маг и человек, видишь сквозь Пелену. И я не ошибся. Не ошибся... Я давно изучаю этот феномен... когда воздействие Пелены на случайно прозревшего человека почему-то не восстанавливается... очень давно... я и врачом-то стал из-за этого, – врач хотел еще что-то сказать, но только махнул рукой и подошел к окну.

Толстый синтетический ковер гасил звуки его шагов.

– Сатра, который стал врачом, – сказал Влад. – Чтобы изучать людей. Как странно.

– Да, сатра! – врач вернулся к кровати. – Но я не хочу изучать людей, вы мне не интересны. Вы мне противны!

– Только вот кричать не нужно, – брезгливо поморщившись, попросил Влад. – И слюной брызгать не стоит. Противно. Как жвачное животное, честное слово!

– Животное? – врач-сатра схватил Влада за горло, сжал. – Это я – животное? Я?

– Ты... – сумел прошептать Влад. – Если я – человек, то ты...

Рука сатра сжимала горло все сильнее, дышать было нечем, и мозг стала заполнять темнота.

«Еще немного, – подумал Влад. – Все...»

Пальцы разжались.

– Я не убийца, – сказал сатра.

– Конечно. – Влад закашлялся, попытавшись восстановить дыхание. – Ты доктор... свято блюдешь клятву Гиппократата... а меня связал из соображений гуманизма... Ясное дело... И меня ты не убьешь, а устранишь ради какой-нибудь высокой цели... сохранения тайны, спасения рода...

– Да, спасения, – сатра повысил голос. – Ради спасения таких, как я. Ради того, чтобы...

– Чтобы вас не сажали в клетки, – подсказал Влад. – Чтобы не мешали захватывать наш мир, мой город... Это очень высокая цель! Куда уж выше!

– Да, высокая. Но почему захватывать? Почему твой город? А не наоборот? Ты уверен, что Харьков основали люди? – Сатра засмеялся. – У тебя очень странная логика, человек. Раз тебе кажется, что это твое, значит так и есть? Ты сколько времени видишь сквозь Пелену? Ведь не сегодня ты прозрел? Я бы понял. И ты не смог бы сдержаться, увидев монстра на козлиных ногах и поросшего шерстью, скажем, на пляже или в бане.... Не смог бы... Никто не может удержаться... Сколько?

– Полтора года, – ответил Влад.

– Полтора года... – протянул сатра. – Травма?

– Травма. И шок. Я напоролся на маах'керу. Не повезло.

– Не повезло? – перепросил сатра. – Напоролся – это как? Увидел?

– Напоролся, это вначале увидел, что они сделали с небольшой деревушкой в Косово, потом... – Влад закрыл глаза, сглотнул. – Потом слегка ушибся, в том числе головой, потом меня гнали волки... Не повезло.

Сатра сел в кресло, совершенно человеческим жестом закинул ногу за ногу. Выглядело это нелепо – выгибающееся в обратную сторону колено, раздвоенное копыто, торчащее вверх – но сатра это, видимо, не волновало.

– Не повезло, – повторил сатра. – Смешно. Ты сам не понимаешь, как тебе повезло... Уйти от маах'керу... от охотничьей стаи... Я такого не слышал раньше...

– Я и не ушел, – каждое движение, каждый выдох, каждое слово отдавалось болью в голове. – Они выгнали меня к Наблюдателю, тот убил моего друга и стреножил меня.

Сердце гнало кровь в голову с одной целью – взорвать мозг, проломить череп и выплеснуть серо-багровую смесь на потолок.

– Наблюдатель с маах'керу вместе?

– Странно? – спросил Влад.

– Очень.

– А я не удивился. Я тогда себе не поверил... Честно выстрелил в Наблюдателя... пуля не долетела.

Голова сейчас лопнет. Еще минута. Скорее бы...

– Но ты жив, – сказал сатра.

Жив.

На окно обрушился поток воды, словно кто-то громадный разом выплеснул небольшое озеро. В комнате потемнело, Влад почти не видел своего собеседника, только силуэт. И голос. Можно было даже попытаться забыть, что в кресле сидит не человек, а сатир из греческой мифологии, козлоногий обитатель леса.

– Как ты понял, что я вижу? – спросил Влад. – До тебя...

– Это моя профессия. Специализация, если хочешь. – Сатра заметно успокоился, говорил тише и медленнее. – Моторика, движение зрачков, реакции на некоторые мои действия...

– Отсутствие реакции на твою самку?

– На мою женщину. Реакция на мою женщину. Люди реагируют на нее сразу и

однозначно. А ты...

– А я не отреагировал?

– Ты отреагировал, но... брезгливость, ненависть. Реакция, кстати, ярче, чем на меня. Уже не скрывался?

– Уже не скрывался, – не стал возражать Влад. – Ты был слишком добрый. Нечеловечески добрый. Ты захотел поговорить, я не стал возражать...

– Ты подумал, что я хочу поговорить, – поправил его сатра. – Тебе показалось, что я хочу с тобой поговорить... А мне нужно было тебя изолировать, клянусь копытами Праотца. Обычная операция – изолировать, обработать.

– Убить?

– Зачем? Отправить в дурку. Ты же видишь монстров, у тебя с головой проблемы, кто угодно это подтвердит.

– Я не вижу монстров.

– Ты не говоришь об этом вслух, но мы-то с тобой знаем, как оно на самом деле. А я знаю, что это всего лишь вопрос времени. И ты, рано или поздно, займешься обычным для людей делом...

– Не заводись, – посоветовал Влад. – Ты когда нервничаешь – начинаешь козлом вонять. Или мускусом, черт тебя знает. Я же сквозь Пелену не только вижу, но, к сожалению, и обоняю...

– Полагаешь, твой запах способен вызвать у меня восторг?

– Нет? Отчего же ваши липнут к женщинам? К нашим женщинам, человеческим? Сколько раз я встречал на улице, в клубах такие неестественные пары. Да не только ваши – и оборотни, и джинна, и дейвона... Сколько раз я хотел подойти к сияющей дуре... или к влюбленному идиоту и сказать, кто рядом с ним... Сколько раз... Дейвона на крутой тачке цепляет девчонку на улице, а та млеет от восторга, не видит рогов, не чувствует запаха...

– А почему не подошел? Боялся, что тебе не поверят? Чушь. Не этого ты боялся, ты просто трусил... Вы трусы, вы можете уничтожать нас только собравшись в стаи или вооруженные против детей, женщин...

– Самок, – подсказал Влад.

Сатра зарычал, было похоже, что сейчас он бросится через всю комнату, разорвет человека в клочья.

– Зачем ты вообще пришел к людям? – словно не замечая этого, произнес Влад. – Вы можете жить в лесу, вас невозможно будет найти, если вы этого не захотите. И живите себе на здоровье. Питайтесь травой, кореньями, грибами, в конце концов... Или вам хочется жить в наших домах? Вам деньги нужны? Оставьте людям – людское. Нужны города – постройте себе города. Свои собственные. Мало, что ли, мест на земле? И всем станет легче...

– Легче... Мой отец... Мой отец считал, что мы должны не просто жить среди людей. Мы – часть человечества, говорил мой отец. Уж раз мы попали в этот мир, раз он приютил нас, то мы должны жить, как люди, внести свой вклад в общий мир, в общую цивилизацию. Он полагал, что Пелена – это плохо, неправильно, что это трусость и ложь, что мы должны выполнить свой долг... он считал, что у нас есть долг перед людьми... Он был странным существом, мой отец... – Теперь сатра говорил очень тихо. – Отец стал лесником. Тут, неподалеку. Мы ходили в школу... дружили с человеческими детьми... ходили в гости. С остальными сатра... с теми, кто считал отца странным и даже ненормальным, мы не общались, ни родители, ни дети. Все было хорошо – нас избегали соплеменники, но мне это не мешало. Ни мне, ни моим братьям и сестре. Нас было пятеро. Было... – Сатра замолчал.

Ливень продолжал неистовствовать за окном, словно решив затопить весь мир.

Влад уже думал, что сатра оборвал свой рассказ, но тот заговорил снова:

– Как раз в разгар сезона недалеко от нашего дома перепившиеся охотники на машине врезались в дерево и слетели в овраг. На четверых у них получилось с десятков порезов, пара ушибов, один перелом – ерунда. Ваш бог бережет пьяных и сумасшедших... Нас не бережет. Один из охотников, тот, что меньше других пострадал, выбрался из оврага и, зачем-то

захватив ружье, отправился за помощью. А вместо знакомого лесника и его семьи увидел стаю зверей, волосатых, козлоногих, вонючих...

Его потом даже не судили – сумасшедшего ведь не судят. Его отправили в лечебницу, где он благополучно и подох... А меня отправили в детский дом. Вначале долго лечили, а затем – в детский дом. – Сатра снова замолчал, но на этот раз ненадолго. – Смешная история?

– Очень.

– Я долго потом смеялся, – сказал сатра. – По ночам. Меня звали в нормальный клан. Приходили, уговаривали. Дважды я сбежал: и из детского дома, и из семьи сатра. Я уже тогда решил, что нужно... Нужно следить, чтобы такого больше не было. Чтобы такие случайно прозревшие и не ослепшие вновь, как положено...

– Да, конечно. Чтобы прозревшие не могли видеть... или рассказывать. Это опасно – сегодня один назовет доктора козлом, завтра – второй, третий. И кто-то вдруг заинтересуется: а отчего, собственно?.. Только ведь все равно никто ничего не сможет сделать – ваши контролируют все... всюду проникли... Я перестал смотреть телевизор, мне не интересно, кто именно имеет большинство в парламенте – маах'керу или Наблюдатели. Я не хочу знать, какой новый банк подмяли джинна или Часовщики.

– Мы пытаемся жить...

– Да? Правда? А что вы оставляете нам? Выживать? – Влад облизал пересохшие губы.

Спор был глупым и бессмысленным. Он не сможет ни в чем убедить сатра.

– Я закончил мединститут, – сказал сатра. – Честно поступил, честно учился и честно закончил. Мне пришлось выучить не только человеческие болезни. Сюда ведь попадают не только люди. А человек не сможет ничего сделать. Он честно будет копаться во внутренностях сатра или дейвона, видеть их сердца и другие органы, но сквозь Пелену, как человеческие. И будет честно лечить их, как человеческие... А потом все спишут на ошибку... или... Мало ли еще на что это спишут?

– Точно, как же я сам не подумал... – Влад дернул головой и застонал от боли. – Да, вас тут так много, нелюдей, что обычный человек может просто не дожидаться своей очереди... Или вы так увлечетесь изучением нечеловеческой анатомии, что начнете допускать ошибки при лечении людей. Ошибки или просто небрежность. Зачем стараться и лечить людей? Получилось, и ладно. Не вышло – списать на ошибку. Почему не вспоминаешь, что вы можете использовать магию? Для своих – магию. Для людей...

– Я не умею колдовать! – выкрикнул сатра. – Я...

– Ты можешь купить артефакт, амулет... Как там у вас это называется? Или сами пострадавшие, их родственники... Вы – можете. Если не срабатывает наука, включается ваша долбаная магия...

– Почему наша? Она общая. Среди людей тоже есть маги! Обращайтесь к ним! Оставьте нас в покое!

– Конечно. Конечно – мы можем обратиться к магам-людям. Это так просто. Мы ведь тоже прекрасно видим сквозь Пелену, видим это чертово тело Силы, прекрасно распознаем чакры – так ведь? Так? Мы даже не знаем, что можно спасти дорогого нам человека, купив за деньги, черт с ними, за огромные деньги, спасение. Мы не видим этого спасения. Не видим! – Влад тоже сорвался на крик, пытался пробиться сквозь боль и темноту, стегануть сатра хотя бы голосом, заставить его понять эту правду, человеческую. – Вы вошли во власть. Вы решаете, сколько денег нужно выделить на здравоохранение. Но вам-то это практически не нужно! Вы можете обойтись и без этого, только магией...

– Чушь. Нам тоже нужны томографы и рентген...

– Поэтому вы позволяете их и нам? Вы не просто отшвыриваете нас в сторону, вы еще и зарабатываете на нас. Год назад я привез сюда своего друга... И джинна из хирургического отделения честно прооперировал его... И сказал, что ничего сделать было нельзя. Но ведь я знал, что друга можно было спасти... И джинна спас его... за деньги. Я отдал все, что у меня было. И джинна соизволил использовать один из своих амулетов... – кажется, Влад сказал

что-то лишнее, но остановиться он уже не мог.

Впервые за последние полтора года он мог не скрываться. Впервые мог говорить то, что думает.

– Джинна? А ваши, люди, не берут денег? Анестезиолог-человек подходит к человеку-пациенту и спрашивает, хочет ли тот проснуться после операции... Не сатра, не джинна – человек. И хирург отказывается оперировать мальчишку, пока отец не привезет деньги, и санитарка вымогает у родных лежащего в коме еду, ведь ему нужно есть, и побольше! Почему маленькая баночка бульона? Несите трехлитровую, у него большой аппетит, а у нянечки большая семья. Это мы делаем, нелюди? Не сатра за мобильный телефон может зарезать позднего прохожего, а человек...

– Не сатра? Да, конечно, не сатра. Дейвона, джинна, маах'керу – эти тоже не могут? И не делают? И наркотой не торгуют, и не вышвыривают из домов...

– Да! Да! Да! Они это делают. И я беру деньги, мне они тоже нужны, раз я живу среди людей! Да! Но ведь этим мы ничем не отличаемся от людей. Вы тоже это делаете!

– Мы не прячемся за Пеленой, – сказал Влад.

– Мы не прячемся! Не прячемся... Пелена нужна, чтобы могли жить все, и люди, и сатра, и все... уже много веков...

– Я знаю, мне рассказали. У меня был хороший учитель. И про то, как и зачем была создана Пелена, и про то, какая резня шла до того, как представители всех двенадцати сфер сотворили ее... И даже про то, что далеко не всегда люди побеждали в этой резне. Знаю. Но я знаю, как человека, талантливого и одаренного, не принимают на работу именно потому, что он человек, а не Часовщик. Знаю, как валят на экзаменах людей только потому, что они люди, а нужно принять в университет или в мединститут сатра, чтобы спасти своих. Знаю, что делают с человеческими женщинами...

– И ты наверняка знаешь, как не берут на работу человека из-за того, что он еврей или не еврей, как девчонки попадают на сцену или на подиум только через постель, что делают с вашими женщинами такие же люди, как и ты... Ты это тоже знаешь. И ты не можешь не знать, что среди жертв маньяков и серийных убийц более семидесяти процентов не людей. Что в случае войны именно нас начинают уничтожать. Не специально. Пелена нас скрывает надежно, но ведь как-то люди все равно ощущают ненависть к нам. Не понимают отчего, но ненавидят. И убивают, – сатра будто перегорел, говорил все тише и тише, словно силы покидали его с каждым словом. – Я хочу понять. И хочу это прекратить. И не только я...

Дождь стих, ураганный ветер разорвал тучи в клочья и расшвырял их в разные стороны. Небо стало голубым. Пронзительно голубым.

И полыхнула радугой верхушка скрытого в лесопарке здания сатра. И отразилось солнце в полированных стенах дома Наблюдателей за Сокольниками.

– Красиво, – сказал сатра.

– Красиво, – неожиданно для себя подтвердил Влад. – Только...

– Что только? Только это на украденной земле? Ты не видел этого раньше, значит, мы украли у тебя твой город? Но ведь все это было здесь тогда, когда ты не видел сквозь Пелену. Это было даже тогда, когда ты еще не родился. Еще не было Харькова, а сатра здесь жили. Это вы пришли незвано... Это вы валили деревья, выжигали леса... Вы пришли после нас. Разве этого тебе не говорили? Маах'керу здесь тоже жили, к сожалению. Сюда приходили джинна. До вас. Или вместе с вами. Это ты – хозяин этих мест? Или я? – Сатра встал с кресла, подошел к кровати. – Хватит, пожалуй. Разговор затянулся и ни к чему, пожалуй, не приведет.

– Повезешь в дурдом?

– Нет. Не вижу смысла. У тебя было сотрясение мозга, к вечеру стало хуже, кровоизлияние в мозг... Неприятный случай, – сатра протянул руку к лицу Влада.

В руке что-то было, похожее на цветок, сплетенный из тончайших нитей.

Владу захотелось зажмуриться, чтобы не видеть мерцания этих нитей. Он знал, что долго не проживет, ему это объяснил Хозяин. Таких вот, случайно прозревших и способных

выдать тайну чужаков, находят и обезвреживают. Тем или иным образом.

С каждым днем он сам убеждался в этом, ощущал приближение финала, и даже научился не бояться этого, просто идти, ступая шаг за шагом, не ускоряя движений, но и не пытаясь ухватиться за что-нибудь, удержаться на этой стороне.

Он знал, что осталось ему мало, но не предполагал, что конец наступит вот так просто и нелепо, что смерть придет в виде хрупкого цветка в узловатых пальцах сатра.

– Он умер.

– Что? – Влад не сразу сообразил, что рука сатра замерла в воздухе.

– Он умер, – повторил сатра. – Тот джинна, который оперировал твоего друга.

– Умер?

– Нелепая история, клянусь копытами Праотца. Глупая, – цветок светился перед самыми глазами Влада, меняя окраску от лиловой к желтой. – Ты дал ему денег, он использовал артефакт... амулет... как хочешь назови. Средство использовал, чтобы спасти человека, думал, что успеет восстановить свою особую аптечку... и успел бы, к утру. А маах'керу привезли через час после окончания операции твоего друга. Нужно было торопиться, бригада «скорой помощи» оказалась человеческой, разницу, естественно, не заметили. Пока привезли, пока доставили на стол, пока пришел настоящий врач... Но у него уже не было того самого артефакта. Попытался сделать хоть что-то, но... Маах'керу умер на операционном столе. Знаешь, что бывает, когда умирает маах'керу?

– Ищут виновника?

Сатра вздохнул, убрал руку от лица Влада.

– Искать не пришлось. Врач виноват. И даже его родичи не стали возражать – жадность не украшает джинна. Он признал свою вину, и казни не было, ему позволили защищать свою жизнь в честном бою. – Сатра отошел к окну. – Ты знаешь, как выглядит маах'керу в бою?

– Даже видел...

– Ты много видел, человек...

– Я...

– Но так и не научился молчать, – закончил сатра. – И не научился толком думать. Ты спас своего друга, отдал последние деньги – это понятно, это славно, героически, но ты убил двух нелюдей. Двух.

В комнате снова потемнело – тучи, собравшись с силами, опять навалились на город и отрезали его от солнечного света. Несколько капель ударили в окно.

– Что мне с тобой делать? – спросил сатра.

– Убить, – не задумываясь, ответил Влад.

– Убить...

Сатра оглянулся на Влада, посмотрел внимательно, словно пытался понять, насколько искренне тот говорит.

– В дурку не нужно, – пояснил Влад.

– Это понятно, – кивнул сатра, и Владу в голову пришел вдруг нелепый вопрос: а этот жест – человеческий, подхваченный козлоногим среди людей, или это люди научились ему у сатра? – Что ты будешь делать, если я тебя отпущу?

«Прямой вопрос, – оценил Влад. – И требует прямого ответа».

– Буду искать убийцу, – ответил Влад. – Человека, который убивает нелюдей. Правда, звучит, как заискивание?

Действительно, было похоже, будто напуганный до полусмерти человек, получив небольшой шанс уцелеть, торопливо пытается набрать очки в глазах сатра, сообщить о своей лояльности и толерантности.

Сатра прошел по комнате, от окна к двери. Копыта ступали по ковру бесшумно.

– А вы подковываетесь? – спросил Влад.

– Что?

– Я говорю – копыта свои подковываете? – А теперь было похоже, что человек нарывается на неприятность, что тяга к смерти возобладала над инстинктом самосохранения.

Сатра подошел к кровати, рывком перевернул Влада на живот. Раздался треск рвущейся веревки, и руки Влада обрели свободу.

– Теперь мне будет очень больно, – пробормотал Влад.

– Еще не поздно подохнуть, – напомнил сатра.

– Я потерплю.

– Разотри запястья. – Сатра отошел от кровати и сел в кресло.

Влад начал попеременно тереть запястья, не обращая внимания на боль. Ему нужно вернуть подвижность рукам. Пусть через боль. Он потерпит.

Этому сатра кажется, что разговор закончен, а капитан Гетьман в этом не уверен. Совсем не уверен.

Тонкие огненные иголки вонзились в пальцы Влада – это хорошо. Еще пару минут...

– Я не должен тебя отпускать, – сказал сатра.

– Накажут?

– Можно и так сказать.

– Твое племя, род, триба? Как там у вас? Никак не запомню толком.

– Не племя, не род и не клан.

– Подельники? Члены тесного коллектива злоумышленников?

Сатра не ответил.

– Кто знает, что я вижу сквозь Пелену? – спросил Влад.

– Моя женщина.

– Она будет молчать, полагаю?

– Она – будет. Но ты...

– Что я?

– Ты болен. Ты действительно болен. Нервы – ни к черту. Ты на самой грани срыва. Чуть-чуть, самая малость, и ты сорвешься. – Сатра скрестил руки на груди. – Что будешь делать тогда? Тихо умирать? Убивать?

Влад продолжал растирать руки. Молча.

– Тебе нужно лечиться, – сказал сатра.

– Что возвращает нас к Соборке. – Пальцы начали сгибаться и разгибаться. – А я не хочу туда.

Правым бедром Влад ощущал под покрывалом свой пистолет. Его доктор и помощница не нашли. Это радовало.

– Я могу тебя лечить, – сказал сатра.

Влад усмехнулся.

– Я ведь мог тебя и убить. – Сатра кивнул на цветок, все еще светившийся на столике возле кресла.

– У нас может быть разное толкование слова «лечить». Мне не очень нравится то, что я увидел сквозь Пелену, но я не хочу снова ослепнуть...

– У тебя и не получится. Тот, кто прозрел и не ослеп снова... Это навсегда.

– До самой смерти, – поправил Влад и положил правую руку на покрывало. – До скорой. Так ведь?

Теперь усмехнулся сатра. Вполне по-человечески. Даже ирония ясно прочиталась в этой усмешке. Кто кого научил этому – люди сатра или наоборот?

– Почему же? Я обнаружил пять человек. Трое из них до сих пор живы.

– А двое?

– Двое покончили с собой. Не нужно иронии, правда, покончили, я проверял. У меня есть не только обязательства, но и права. Я могу, например, в любое время посетить моих бывших пациентов.

Пальцы Влада нащупали оружие. Еще чуть-чуть...

– Отчего люди начинают видеть сквозь Пелену? – спросил Влад.

– После травмы, после стресса, после клинической смерти... – начал перечислять сатра, но Влад его оборвал.

– Я не спросил: после чего? Я спросил: отчего? Что происходит? Что именно?

– Не знаю, – развел руками сатра. – Не знаю... Особенности строения мозга, наследственность, химический состав... Не знаю. Частота прозрений не зависит ни от группы крови, ни от характера воздействия. Мы обмениваемся информацией...

– Сатра?

– Почему только сатра? Ты не понял, что я не общаюсь со своими соплеменниками? И ты не понимаешь, что не только сатра волнует все происходящее? Пелена есть и должна быть, она непреодолима для людей. Мы должны понять, как это происходит, чтобы выявлять... Чтобы...

– Чтобы преодолеть Пелену? – Палец лег на спусковой крючок. – Или чтобы предотвратить прозрение?

– Чтобы понять. Чтобы... – Сатра оборвал фразу, увидев, что дуло пистолета смотрит ему в лицо.

– Продолжай, – сказал Влад. – Мне интересно. И мне очень интересны фамилии тех, кого ты отправил в дурку. Имена, явки, пароли. Кто координирует ваши замечательные разработки. Не дергайся!

Пистолет выстрелил, пуля ударила в стену возле головы сатра.

– У вас тут хорошая звукоизоляция, я обратил внимание. Двойная дверь, внешняя с уплотнителями. Я смогу прострелить тебе брюхо и уйти...

– Прострели.

Пистолет снова выстрелил. Пуля на этот раз отколола щепку от спинки кресла.

– У меня плохо с нервами, ты сам сказал, – напомнил Влад. – У меня совсем плохо с нервами. Ты откажешься отвечать на мои вопросы, я чуть напрягусь и бац... начнется геноцид в отдельно взятой палате. Ногу положи на ногу, руки за голову. Считаю до трех. Два.

Сатра выполнил приказ.

– Уже хорошо. Межрасовый диалог продвигается семимильными шагами.

«Слишком много болтаешь, – напомнил себе Влад. – Спокойнее».

Рука с пистолетом начала дрожать, ее нужно обо что-то опереть. Влад прислонился спиной к спинке кровати, упер пистолет рукоятку в бедро.

– Мне выстрелить из этого положения, чтобы у тебя не возникало иллюзий? – поинтересовался он.

– Я тебе верю.

– Хорошо. Ты думаешь, один такой умный? Засек меня на приеме? Такого заботливого врача разыграл – думаешь, я поверил? Дано: человек – обычный человек, не маг – человек, который видит сквозь Пелену, и врач-сатра, который после десяти минут общения с этим человеком проникся к нему небывалым расположением. Ты совсем расслабился, доктор. Если я только что прозрел, после сотрясения, то должен был бросаться на тебя с криками ярости или бежать с воплями ужаса. А я общался. Если же человек давно видит сквозь Пелену, то он не может поверить в твою искренность. – Влад потер лоб левой рукой, аккуратно, чтобы не заслонить сатра.

– Ты специально приехал? – спросил сатра.

– Нет. Конечно, нет. А когда почувствовал подвох, хотел сразу слинять. Потом стало интересно, подумал, что можно будет кое-что узнать. – Комната медленно покачивалась перед Владом, тошнота снова подступила к горлу. – Кое-что узнать...

– Ты сейчас вырубись, – сказал сатра.

– Вначале – выстрелю. Потом – вырублюсь... – пробормотал Влад. – Ты сказал: пять человек...

– Да.

– Мне нужны фамилии...

– Зачем?

– Не исключено, что один из них... – Комната вновь качнулась, Влад вцепился левой

рукой в постель. – Один из них... убивает... ваших... Семь трупов за два месяца... Сатра, дейвона, два джинна, Часовщик и два маах'керу. Меня... меня наняли... знаешь такого – Серого?

Сатра кивнул.

– Вот ему меня и сдало в аренду мое высокое ментовское начальство... Я с ним в аварию попал... И аварию организовал человек, который видит сквозь Пелену. Во всяком случае, он там был...

Вязкая слюна заполнила рот, Влад с трудом сглотнул. И тут же еле сдержал рвотный позыв.

– Ты сейчас вырубись, клянусь копытами Праотца, – снова сказал сатра.

– Вначале...

– Я помню, вначале – выстрелишь. А я тебя убивать не стал...

– Это очень здорово. Я счастлив. А сейчас – фамилии. – Влад видел только сатра, вся остальная комната исчезла в наползающей темноте.

Небольшой просвет и сатра, сидящий в кресле. Как старинная фотография.

И фотография становится все меньше и меньше.

Только лицо.

Влад попытался поднять пистолет. Рука не послушалась. Даже палец отказался нажимать на спуск.

Теперь в комнате... во всем мире не осталось ничего, только глаза сатра – страшные, без белков. Глаза приблизились.

* * *

– Они не так просты, эти сатра, – сказал Хозяин. – Внешне – животные. Шерсть, вонь, грубость... Достаточно одного слова, чтобы вспыхнула драка, и одной драки достаточно, чтобы вражда длилась столетиями... Уже не между отдельными особями, а между семьями, кланами... Они не способны остановиться. Этот... – Хозяин протянул руку, указывая на сатра, лежавшего в каменном гробу в самом углу пещеры. – Этот «зеленый» решил, что сможет меня победить. В его лохматую голову взбрело, что я не имел права отнять жизнь у его подруги. Мне было скучно, я позволил ему охотиться на меня, строить коварные планы, готовить ловушки и оружие. Двадцать лет он следил за мной. Двадцать лет я встречал его неумело скрытые следы все ближе и ближе к моему дому. Запах его тела, его дыхание, стук его сердца – я ощущал их постоянно. А потом мне это надоело. И я его схватил и привел сюда. Он – первый в моей коллекции, первый после того, как я обосновался в этих местах... Самый, наверное, забавный...

Хозяин повернулся к Владу, глаза полыхнули красным.

– Я могу дать бессмертие... Почти бессмертие. Могу погрузить в сон на многие, многие годы... И ты будешь чувствовать каждую минуту, осознавать каждую секунду этого бессмертия. Ты даже будешь видеть, если я оставлю твои глаза открытыми. Будешь смотреть в потолок пещеры, год за годом, пока пыль не закроет твои глаза... Но я беспокоюсь об экспонатах своей коллекции. Я сметаю пыль... Или приказываю своим временным спутникам сметать пыль с остеклевенных глаз. С завтрашнего дня это будешь делать ты... Ты ведь хочешь мне помогать?

Владу нужно было только промолчать. Не выкрикивать отказ, не бросаться в драку – промолчать, не подчиниться требованию... пустяковому требованию Хозяина.

– Ты хочешь мне помогать? – повторил свой вопрос Хозяин.

Звук его голоса взлетел к своду пещеры, ударился о камни и рухнул вниз, дробясь и множась.

Влада швырнуло на колени. Осколки слов рвали его тело, рассекали плоть и ломали кости.

– Ты хочешь мне помогать? Ты хочешь...

– Да! – закричал Влад. – Да, да, да, да!

– Гордыня – это очень больно, – прозвучало в тишине. – Ты это поймешь. Ты успеешь

осознать, как тебе повезло. Успеешь, прежде чем умрешь... или займешь свое место в коллекции... Я, возможно, даже позволю тебе выбрать. Потом.

«Потом-потом-потом-потом», – невесомой пылью осыпалось со свода пещеры. Пыль мелкими звездочками вспыхивала в огне факелов.

– Сейчас я закончу свой эксперимент, – сказал Хозяин. – Этот сатра лежит здесь уже триста лет. Согласись, у него было время сделать выбор.

«Выбор-выбор-выбор-выбор», – полыхнуло в факелах, и тени метнулись прочь, к выходу из пещеры.

Влад попытался встать на ноги – сердце колотилось как безумное, на теле не было ран, но Влад все равно их чувствовал, они саднили и кровоточили. Хотя, конечно, крови не было, Хозяин бы не допустил такой пустой ее траты.

Встать удалось. Влад выпрямился и поднял глаза на Хозяина, готовясь принять новый удар, но Хозяин был занят другим. Его длинный сутулый силуэт наклонился над каменным гробом у стены.

«А говорили, что у них нет тени, – подумал Влад. – Что их можно убить осиновым колом. Что они не могут перейти через бегущую воду. И все это оказалось ложью. Почти все».

– Я предложил ему выбрать, – не оборачиваясь, сказал Хозяин. – Еще тогда, триста лет назад. Если он после всего этого времени попытается меня убить – я снова уложу его в этот гроб, навсегда. Если он встанет и попросит у меня прощения...

«Прощения-прощения-прощения-прощения», – подхватили факелы.

– ...я подарю ему смерть. Как ты думаешь, что он выберет?

Влад промолчал. Не потому, что снова хотел бросить вызов Хозяину и своей слабости. Просто не было сил. Они все уходили на то, чтобы стоять. Чтобы дышать. Чтобы не рухнуть на запыленный каменный пол пещеры между каменными параллелепипедами гробов.

– Я тоже не знаю, – Хозяин истолковал его молчание по-своему. – Сейчас мы это выясним...

– Триста лет... – произнес Хозяин, и огонь факелов вздрогнул от ужаса перед такой глыбой времени. – Триста лет.

Хозяин протянул руку к гробу, когти блеснули, угловатая тень руки скользнула по стене.

Влад расслышал только неясное бормотание, невнятное сочетание звуков, череду почти бесшумных возгласов и хриплые выдохи. Хозяин мельком оглянулся на Влада, глаза блеснули.

– Встань и иди, – выпрямившись, провозгласил он своим клокочущим голосом.

Сатра встал – медленно. Дрожащая тень на стене разогнулась неуклюже, словно его тело было сделано из дерева. Или вырезано из бумаги. Как кукла в театре теней, которой пытался управлять неопытный кукловод.

Хозяин отступил на два шага назад, давая возможность сатра выйти из гроба. Но тот стоял неподвижно.

Все замерло в пещере, ожидая развязки. Даже огонь факелов кажется, застыл.

Сатра поставил ногу на край гроба, оперся рукой о стену.

Капли воды звонко шелкали в темном углу пещеры.

Сатра согнул ногу – колено выгнулось назад, как у животного, что-то сухо треснуло под копытом.

Каждое движение давалось сатра с видимым трудом, за триста лет тело почти разучилось работать. Все нужно было вспоминать, перед каждым новым движением нужно было все взвесить, прикинуть, понять, какие мышцы сейчас должны напрячься, какие сухожилия...

Сатра прыгнул. У него не было шансов, но он все-таки прыгнул. И даже дотянулся до Хозяина.

Скрюченные пальцы метнулись к горлу, но замерли в нескольких сантиметрах от него,

хотя Хозяин даже не пошевелился.

Сатра тяжело упал на камни. Что-то прошептал. Его рука поднялась – сатра тянулся к Хозяину, к его ногам, скрежеща зубами.

– Он выбрал... – сказал Хозяин. – Он сам выбрал...

Сатра рывком дотянулся до Хозяина, но тот быстрым движением ноги отшвырнул его прочь.

– Почему? – спросил Хозяин, повернув лицо к Владу. – Как думаешь, почему?

Сатра снова пополз к Хозяину, опираясь на руки.

– Глупость... – сказал Хозяин. – Он животное, потерявшее самку. В его лохматую голову не может вместиться что-либо, кроме мести.

– Любви... – тихо сказал Влад.

– Что? – переспросил Хозяин. – Любви? Конечно, любви. Ты видел их брачный обряд? Поверь, изнасилование выглядит куда эротичнее и благороднее.

Сатра подполз, снова протянул руку.

– Он сошел с ума. Он был безумен, но за триста лет ожидания... Он, наверное, даже и не помнит, что я ему говорил, какой выбор предоставил, – когти снова блеснули в неверном свете факелов.

Удар, хруст сломанной руки – рычание сатра перешло в стон. Сатра встал на колени и попытался ударить левой, здоровой рукой. Промахнулся и потерял равновесие. Упал лицом на пол.

Снова встать ему Хозяин не позволил – удар в спину припечатал сатра к полу и сломал ему позвоночник. Сатра захрипел, пальцы заскребли по камню.

– Это будет даже веселее, – изрек Хозяин. – Теперь его ожидает не просто вечная неподвижность. Теперь с ним будет боль. Перетащи его в гроб. – Хозяин отступил в сторону.

Сатра хрипел, ноги его конвульсивно дергались, копыта постукивали по полу.

– Я могу положить тебя на его место, – сказал Хозяин, увидев, что Влад медлит. – На тех же условиях. Ну?

Влад шагнул вперед – ноги держали, хоть тело казалось пустым. Наклонившись, Влад увидел взгляд сатра – взгляд затравленного животного? Страх или ярость?

Влад опустился на колени, протянул руки, искоса посмотрел назад, на Хозяина. Тот отвернулся, рассматривая что-то за колонной.

Пальцы Влада сомкнулись на мускулистой шее сатра. Сжались. Сатра дернулся, мышцы его напряглись, но всего лишь на мгновение. Потом тело расслабилось. Сатра даже не хрипел, задыхаясь. Он затаил дыхание, словно помогая Владу.

Только бы Хозяин не оглянулся.

Тело сатра снова напряглось, теперь он его уже не контролировал. Тело, несмотря ни на что, хотело жить. Влад сжимал горло изо всех сил, чувствуя, как пульсирует под пальцами артерия... Такая же, как у человека. И расположенная почти там же, где и у человека.

Тело сатра дернулось и ослабло, но Влад не разжал руки. Он не имел права ошибиться.

«Я могу положить тебя на его место», – вспомнил Влад.

Пусть. Он согласен. Согласен. Триста лет. Вечность. Согласен. Лишь бы...

– Он уже умер, – сказал Хозяин тихо.

Влад разжал пальцы и оглянулся – Хозяин стоял у него за спиной, чуть наклонившись, словно для того, чтобы удобнее было рассматривать смешные потуги человека. Это так потешно, когда человек пытается обмануть того, кто живет уже почти десять веков.

– Можешь его отпустить, – сказал Хозяин. – И вставай.

Влад встал.

Оглянулся через плечо на пустой гроб возле стены. Хозяин заметил этот взгляд, и тонкие острые зубы его блеснули.

Коготь легонько коснулся лба Влада. Капля крови попала на тонкие белые пальцы.

Ноздри Хозяина дрогнули, когда он поднес окровавленные пальцы к лицу.

– Никому из вас этого не понять... Ни вашим пьяницам, ни вашим наркоманам... Это

высшее наслаждение... Я не просто ощущаю вкус и запах, нет... Ты не сможешь понять, даже если я попытаюсь тебе объяснить... Но то, что ты можешь понять... Я не просто испытываю наслаждение, я этим еще и отбираю у тебя частичку жизни. Не убиваю тебя, нет, а забираю маленькую толику жизни... медленно, не торопясь...

Хозяин ногой перевернул сатра на спину.

– Не очень приятное зрелище, – сказал он. – Эти синяки на горле, вывалившийся язык. Но ведь ты его не просто убил... И не убил даже. Ты отнял жизнь, но и мучения ты тоже отнял. Так ведь? И ты не испытываешь раскаяния. Страх перед наказанием, перед моим гневом, перед своей участью, которую ты избрал, даже не подумав толком. Не жажда смерти, но жалость... Ненависть, но не к нему, а ко мне – и все это смерть. И все это только ее часть, крохотная, исчезающе малая частица того, что вы называете таким коротким словом. Коротким, как последний выдох.

Рука Хозяина вдруг оказалась у горла Влада, ледяные пальцы сжались.

– Я предложил ему выбор, – прошептал Хозяин. – Он мог смириться и получить смерть или продолжить свой глупый бой и вернуться в гроб. Я предложил ему только одно из двух. И только одно из двух я мог ему дать – мое слово нерушимо, человек. Оно крепче даже этих гор. Дав слово, я просто не могу его нарушить.

Факелы стали меркнуть. Они сожгли весь воздух в пещере. Выжгли воздух в груди Влада. Они зажгли его легкие и горло.

Огонь разгорается медленно, но языки его уже проникают в мозг, жадно облизывают глаза...

– Думаешь, это животное ощущало то же самое, что и ты сейчас? Оно радовалось. Оно ликовало! И жалело только об одном – что не может снова броситься на меня... А что чувствуешь ты? Ты успел понять, что жить, пусть даже возле меня, это неизмеримо лучше, чем умереть... Чем умирать год за годом, десятилетие за десятилетием, – пальцы разжались, и Влад осел на пол, возле тела сатра.

– Убереешь эту падаль, – сказал Хозяин, – и придешь в зал. Тело бросишь в пропасть.

Хозяин вышел из пещеры. Он больше ничего не сказал, но Влад и так понял.

«Я предложил ему выбор, – говорил Хозяин. – Только одно из двух я мог ему дать. Мое слово нерушимо».

Хозяин сказал это ровным голосом. Раньше Влад не смог бы уловить в этом голосе ничего, кроме констатации.

А сейчас... Сейчас он слышал легкое ударение на словах «я» и «мое».

Хозяин мог дать только одно из двух. А Влад... Влад мог поступить так, как считал нужным он. И как считал нужным Хозяин.

Всего лишь легкое ударение на двух простых словах.

Влад посмотрел в мертвые глаза сатра. Понял ли тот, что хозяин его отпустил? Понял или нет?

Влад наклонился к телу, пристально вглядываясь в глаза.

Глаза без белков, темно-зеленая радужка закрывает всю глазницу.

– Они не способны остановиться, – сказал Хозяин.

* * *

– Я вылечу тебя, – сказал сатра. – Вылечу.

Глава 5

Влад проснулся. Это было странное, почти забытое чувство – проснуться. Проснуться, а не вырваться из сна, захлебываясь криком, прижимая рукой безумно колотящееся сердце и обливаясь потом.

Влад проснулся.

Он не открыл глаза, и лежал, прислушиваясь к своим ощущениям, смакуя легкую дремоту, медленно тающую в глубине мозга. Прошла целая вечность с тех пор, как он вот так же просыпался, когда он мог всплывать из своих сновидений вот так же легко и тихо, без всплеска.

Влад знал, что находится у себя в доме, лежит на диване, укрытый пледом.

Дома.

Этого не могло быть – последнее, что видел Влад перед тем, как забыться, были руки сатра, тянущиеся к его лицу. Узловатые пальцы, поросшие грубой шерстью.

Сатра обещал его убить. Но не убил. Потом... Потом, кажется, он сказал, что вылечит его... И...

И вылечил?

Влад открыл глаза – он действительно у себя дома. За балконной дверью – темнота. В комнате – полумрак. Горит лампа старого, допотопного торшера с матерчатым колпаком.

– Капустян? – позвал Влад.

– Да, – лейтенант обернулся к Владу от стола с включенным ноутбуком.

– Тебе говорили, что нельзя трогать чужие вещи?

– А старший лейтенант Лютый сказал, что можно... – растерянно произнес Капустян. – И пароль сказал.

– Какой из двух старших лейтенантов Лютых тебе это сказал?

– Руслан.

– Сволочь. И сам жулик, и молодежь развращает. Когда-нибудь я соберусь и начну наказывать. Физически. Хотя с тобой, пожалуй, это может и не получиться. – Влад сел на постели, приготовившись к головной боли, но ее не было. – Славно...

– Что? – не понял лейтенант.

– Чувствую себя хорошо, – объяснил Влад. – Незаслуженно хорошо. И как я попал сюда?

– А я вас принес, – оживился Капустян, радуясь, что тема несанкционированного доступа к ноутбуку закрыта. – Врач сказал, что вы уснули и что вас лучше отвезти домой. Сказал еще, что дал вам сильнодействующее средство, и вы будете спать часов двенадцать.

– И я спал...

– Двенадцать часов. – Лейтенант глянул на часы. – Одиннадцать часов пятьдесят минут.

– И за бортом сейчас сколько?

– Два часа ночи. Почти.

– Славно... – Влад встал с дивана.

Укладывая в постель, его не стали раздевать, только сняли обувь и куртку. Пистолет лежал на табурете возле дивана.

– Ты меня один сюда принес?

– Ага, пара пустяков. Вы, извините, и не весите почти ничего, кожа да кости, простите. Старший лейтенант Лютый сказал...

– Руслан?

– Богдан. Он сказал, что вы почти не едите ничего и не спите. И кофе много пьете. Сказал, чтобы я вас покормил, как вы проснетесь, пусть даже насильно. Я там приготовил кое-что...

– Кофе принеси мне чашку, покрепче, – приказал Влад.

– Нет, – быстро ответил лейтенант.

– Не понял... – Влад наклонился и заглянул сидящему лейтенанту в глаза. – Папа нам разрешает умничать? Или говорил, что с начальством не спорят?

– Говорил, но врач сказал, что вы можете получить инсульт. Кровоизлияние в мозг. И умрете...

– Не твоё дело.

– Или попадете в дурку, навсегда, – закончил Капустян. – Так и сказал – в дурку.

– Та-ак... – протянул Влад. – Ты кому больше веришь?

– Врачу. Он сказал, что вы будете спать – вы спали. Сказал, что вам будет легче – и вам стало легче. И он просил вас передать вот это, – Капустян указал рукой на стол возле ноутбука. – Сказал, что эта штука уже разряжена, но чтобы вы смотрели на нее и думали.

Влад осторожно взял со стола цветок. Тот самый, которым сатра угрожал ему. Только сейчас нити не светились, лишь свет экрана ноутбука отражался в лепестках.

Казалось, что цветок ничего не весил, был сплетен из паутины. Влад сжал руку... Попытался сжать – цветок не смялся, ни одна из нитей даже не согнулась.

– Классная штука, – оценил Капустян. – Я не знал, как ее нести, а врач сказал, что можно хоть в кармане, хоть ногой пинать. Умеют же делать некоторые.

– Умеют, – согласился Влад.

– А еще к вам пытался сюда прийти этот... – Капустян неопределенно помахал рукой. – Тот, с кем вы в аварию попали.

– Серый?

– Почему серый? Нормальный. Приблатненный, но нормальный.

– Это у него погремуха такая, Серый. А так – уважаемый человек, Сергей Леонтьевич Салунский, предприниматель, даже где-то филантроп и меценат. Ты о Шкворне слышал, летеха?

– О Шкворне?... – переспросил Капустян и задумался; он очень серьезно относился к заданным вопросам и всегда тщательно обдумывал свои ответы. – Это который...

– Это который один из самых крутых пацанов нашего славного города. Шкворень – это, опять-таки, погоняло, а зовут его Никита Петрович Марченко. Слышал о нем?

– Слышал. Это его кабак на выезде...

– И на выезде, и в центре, и не только кабак. Девочки, наркота, рэкет, вымогательство... И так далее и тому подобное. Так вот, Серый – его правая рука. Ударная, так сказать, конечность. И он пытался сюда прийти? – Влад вернулся к дивану и сел.

Этот забавный лейтенант решительно ему нравился. Похоже, Капустян не совсем понимал, в каком мире живет и кого в этом мире можно останавливать на пороге, а кого нельзя. Не стоит.

– Он не сам в дверь ломился, прислал такого крупного парня, – Капустян развел руки, словно рыбак, демонстрирующий размер сорвавшейся рыбы.

– Кроху, что ли? А ты?

– А я его не пустил.

– А он?

– А он попытался пройти.

– А ты?

– А я не пустил.

– Он же крупный?

– Но неустойчивый, – вздохнул Капустян. – Кто ж за руки хватает при столкновении?

– А он схватил?

– За правую. Я чуть провернул, перехватил, потом перевел к локтю...

– Результат?

– Он упал. И рука, кажется, это...

– Сломал? – весело спросил Влад.

Ну, не везет, похоже, Крохе в последнее время. То контузия, то конфузия.

– Не знаю. Что-то хрустнуло, я отпустил сразу. Он упал, я закрыл дверь. Потом Серый позвонил на ваш телефон, на городской, сказал, что не обижается, и что когда вы проснетесь, чтобы позвонили.

– Обязательно, – кивнул Влад, – как только, так сразу. Где у нас телефон?

– На полу, возле дивана.

– Сам знаю. – Влад взял аппарат с пола, набрал номер мобильного Серого.

Было бы здорово разбудить гада, поднять из постели. Или еще лучше – с какой-нибудь его очередной красотки.

Но Серый ответил почти сразу, замешкался всего на пару секунд:

– Проснулся?

– Проснулся. Ты хотел меня услышать.

– Хотел. Извиниться хотел и...
– Обойдусь.
– И спасибо сказать. Ты ж меня вроде как спас. Если бы не ты, то все бы всмятку. И ты, и я, и Стасик...

– И снова скажу: обойдусь я без твоих благодарностей. Ты лучше своего Стасика к врачу отправь. С чего это он за рулем засыпает, засранец? Не знаю, как ты, но я жить привык. И собираюсь это делать еще лет пятьдесят, как минимум. И на твоих поминках выпить.

– Обязательно включу этот пункт в свое завещание, – сказал Серый. – Всенепременно. А пока будем считать, что я тебе торчу жизнь.

– Типа, не будешь с первого раза мочить, если что?
– Типа. Ты как себя чувствуешь?
– Нормально. Современная медицина, оказывается, способна творить чудеса. Не знал?
– Я редко с лепилами общаюсь. Тебе тоже не советую к этому делу привыкать. А то вон Кроха...

– Мне уже рассказали, – засмеялся Влад, покосившись на Капустяна. – Сильно извиняются, просят прощения и говорят, что не специально.

– Это Кроха как раз понял. Вышел с вывихнутой рукой, ссадиной на роже и с глазами с блюдце. Он же, говорит, меня случайно уронил. Ни я, говорит, ни он ни хрена не поняли. Сказал, что с удовольствием выпил бы с твоим парнем. А это для Крохи, сам знаешь, высшая степень.

– Еще что-то? – спросил Влад.
– До завтра терпит, в принципе. – Серый помолчал, вздохнул и добавил: – Я на всякий случай видеозапись сегодняшнюю просмотрел с площадки перед СИЗО, с внешних камер...

Влад решил не перебивать.

– Ты слышишь меня?
– Слышу.
– Так вот, мой Стасик не виноват, кажется. Там был тот самый урод, которого мы ищем. Подходил почти к проходной, потом спустился к дороге. Там камера уже не берет, но я так думаю...

– А ты не думай, – посоветовал Влад. – От этого голова болит, понимаешь. Уголовникам вообще не стоит напрягать мозги, Серый.

– Ты не понял, Владик, – голос Серого стал неприятно сладким. – Он же убить хотел. Меня или тебя.

– Или Стасика твоего.
– Не смешно шутишь, капитан. Не въехал, что ли? Ты вечером занялся его поисками, а утром он уже засаду устраивает. Сечешь?

– И опять скажу – не напрягайся. Как это он нас убивать собрался? Водителя загипнотизировал? Зачем? У него же, если тебе верить, такие пули, что машину навывлет пробить – пустяк. Пару раз выстрелить – и все, при его меткости. Мог даже просто подождать, пока мы из машины выйдем, и потом уже стрелять. Бах, бах и мы точно знаем, по чью душу он пришел. По светлую, ангельскую душу мента, или по загаженную душонку Серого. Я полагаю, что по твою. Ты сам сказал, что я только вечером за дело взялся, а ты по этому поводу вон уже сколько суетился, нет? Можешь не отвечать, мне надоело болтать с тобой по ночам. Утром звякни, и если у меня будет настроение – поговорим. Это если твой маньяк тебя за ночь не пристрелит. Или по стене не размажет. Или сердце не вырвет, или...

– Вот в том-то и дело, – мрачно и серьезно сказал Серый. – Я уже вон сколько времени этим занимаюсь и ничего, а ты только взялся и уже результаты. Так что я голову поберегу, думать не стану, а ты – прикинь. Завтра это перетрем.

Влад задумчиво посмотрел на телефонную трубку в своей руке.

Правильно говорит Серый. Молодец, знает, как достучаться до сердца одинокого капитана милиции. Припугнуть болезного, пусть начнет искать супостата из личных

побуждений. Из чувства самосохранения. Как правильно говорил дедушка Фрейд...

Влад бросил трубку на телефонный аппарат.

Вот спрашивается, какого хрена конкретный пацан звонит пострадавшему менту среди ночи, старается его напугать всякой ерундой? Утром не мог всего рассказать? Чего ж он так суетится, бедняга?

Телефон снова оглушительно задребезжал.

– Да? – сказал Влад в трубку.

– Я за беспокойство извиниться хотел, – сообщил Серый, – что, типа, среди ночи разбудил. Спокойной ночи, Владик.

Короткие гудки.

Некоторые удивлялись, отчего у Гетьмана такой старый телефон, здоровенный, угловатый, тяжеленный. Такие, наверное, стояли в тридцатые годы в присутственных местах, по нему вполне могли отдавать приказы о чистках и репрессиях.

Владу нравилась эта махина именно своей нездешностью. Не хлипкая штучка из хрупкой пластмассы, не новодел из красного дерева под старину, а такой вот заслуженный монстр с бронебойным дребезжающим звонком, способным поднять любого.

Вон, даже Богдана Лютого в соседней комнате.

– А давай, – сказал Богдан, появляясь на пороге, – я тебе, товарищ капитан, телефон подарю. Чтобы он тебе на ухо шептал «подъем», а остальных, усталых и никуда не торопящихся, не беспокоил. У меня уже возникало пару раз желание расстрелять этот черный обелиск из штатного оружия.

Влад задумчиво посмотрел на Богдана.

– Нет, правда, – Богдан сделал вид, что не заметил угрозы во взгляде. – Только я зацепился за нормальный сон, можно сказать, эрекция только стала подкрадываться, старшая лейтенантица из центра общественных связей только наклонилась к моему уху, страстно дыша... И тут, вместо чего-нибудь эротического, вдруг как заорет!..

Влад медленно встал, не спуская взгляда с Лютого. Выставил перед собой руки с растопыренными пальцами. И медленно, словно преодолевая сопротивление, пошел к Богдану.

– Эй! – сказал Богдан. – Играй-играй, а рукам воли не давай!

Капустян встал и поспешно направился к двери.

– А ты чего сваливаешь? – обиженно спросил Богдан. – Старшего по званию идут убивать. Ты должен грудью...

– Хренушки, – спокойно ответил Капустян. – Когда капитан идет убивать старлея, лейтенанту лучше переждать. На суде могут понадобиться показания свидетеля. Или победителю понадобится помощь в сокрытии трупа побежденного. Вот тут и я сделаю шаг к карьере.

– Сволочи, – сказал Влад и опустил руки. – И задушить никого толком не получится, все вокруг какие-то корыстные и преднамеренные. Один я интуитивист. Можно даже сказать – сенсуалист.

– Оп-па! – восхитился Богдан. – Это откуда же мы столько слов знаем? Запиши.

– Запиши... Это нужно помнить. Мне Гринчук... помнишь Юрку Гринчука?... говорил, что достаточно минимума слов, чтобы прослыть умным и образованным. Для художников вообще нужно только три слова знать – и все. В любой богемной тусовке не просто за своего сойдешь, а даже и одним из самых тонких ценителей прослывешь.

– Какие слова?

– Штаны надень, старший лейтенант, потом уж вопросы задавай. А вам, лейтенант, что самый умный из братьев Лютых приказывал?

– Следить. Накормить, – Капустян спохватился. – Я сейчас. Я быстро. Десять минут.

Лейтенант вылетел из комнаты.

Богдан тоже вышел и вернулся уже одетый.

– Ты себя как чувствуешь, капитан?

– Лучше, – сказал Влад. – Что накопал Руслан?

– Руслан... Руслан накопал. Что касается цирка.

Что касается цирка, ничего особо важного и подозрительного Руслану выяснить не удалось. Вроде все нормально.

Прибыла труппа в Харьков два месяца назад. Действительно, должны были приехать москвичи, но на них навалилась целая куча неприятностей – звери болели, гимнасты травмировались, пожар случился в фургоне с реквизитом, в общем, ни о каких гастролях речи идти не могло. И у харьковского цирка половина сезона, новогодняя притом, летела к свиньям собачьим, если бы не вмешательство известного филантропа Сергея Леонтьевича Салунского. Он по своим каналам договорился с «Цирком зверей», благо тот как раз вернулся из заграничного турне. И, говорят, доплатил циркачам за выступление. На всех афишах гордо значилось, что гастроли при поддержке... и так далее.

Ни о каких происшествиях в цирке или с циркачами не заявлено, даже о разбитых дверях милиции ничего не известно. Выяснить, кто из охранников дежурил в ту ночь, неофициально не удалось, а официально сам Влад запретил. Так что – тут нарисовалась полная непонятка.

О происшествиях с участием волков данных оказалось чуть больше. За последнюю неделю в милицию трижды сообщали о том, что видели волков на улице. Один раз даже высылали наряд, но сержанты ничего не обнаружили, а отличить волка от собаки трудно, поэтому официально решено было считать, что люди видели собак. Бродячих крупных собак.

А вот в зоопарке прошлой ночью произошло чрезвычайное происшествие – исчез волк. Из клетки. Сторож плел что-то несуслазное, клялся, что не пил, что его собака, с которой он совершал обход зоопарка ночью, вдруг как с ума сошла, заскулила, рванулась в сторону и чуть ли не поволокла сторожа за собой подальше от вольера. А когда успокоилась – волка в вольере уже не было.

Ни следов, ни кусков – ничего. Мысль, что кто-то просто взял на руки здоровенного волка и унес, в головах у администрации зоопарка и у вызванных милиционеров как-то не укладывалась. Посему дело возбудили, но сразу же отнесли его к «глухарям».

– Такие дела, – сказал Богдан.

– Такие дела, – повторил за ним Влад.

Значит, волков все-таки видели и другие люди, значит, шастают эти твари по родному городу, не примерещились они капитану милиции Гетьману.

– Еще Руслан на всякий случай по другим зверям прошелся. – Богдан сел на стул верхом, и положил руки на его спинку. – Сказал, что раз уж про волков заговорили...

– И?..

– Значит... – Богдан взял со стола блокнот, перелистнул несколько страниц и шмыгнул носом. – Волки – один раз на Павловом Поле, проспект Ленина – две штуки. Один раз в районе Большой Даниловки, тут неподалеку от тебя, возле цыганских домов – одна штука, и один раз на Салтовке, на Героев Труда. Это о волках. Далее – гигантская птица, типа беркута, на Краснознаменной, возле Худпрома. Заявитель клялся и божился, что птичка была метра полтора в высоту, а когда распахнула крылья, то почти на всю улицу. Мужика в райотделе послать хотели на фиг, но он стоял насмерть, норовил устроить скандал, кричал, что такая тварь опасна для людей... В общем, заявление приняли.

Влад молча кинул.

– Ага... – Богдан перевернул еще страницу. – Начало Московского проспекта, возле моста. Там, где русский с украинцем братья навеки. Женщина видела змею.

– Что? – вздрогнул Влад.

– Змею. Здоровенную такую, метров пять, если верить женщине. Поползла гадина вдоль реки, по Шевченко. Там перекопано было, так что приехавшие наши обнаружили следы, измерили и сфотографировали. Показали специалистам, и те в один голос утверждают, что таки да, змея, но таких размеров, что в доме держать никто не станет, а из зоопарка на сегодня сбежал только волк. Да и не было в зоопарке такого экземпляра.

Предположили, что кто-то удавчика дома держал, потом выбросил в канализацию, а тот на крысах и кошках наел себе харю...

– Харю... – повторил Влад. – Когда змею видели?

– Неделю назад.

– А уже недели две температура держится не выше плюс пяти. Так?

– Так.

– Змея получается какая-то морозоустойчивая. Ей бы спать до лета. Нет?

– Нет. В смысле – да. А что?

– Ничего, – Влад встал с дивана. – Пошли на кухню, похлебаем от щедрот стажера.

– Стукача, – напомнил непримиримый Богдан. – Стукача, мать его так. Хотя должен признать, для стукача он неплохо держится и даже почти вызывает симпатию.

Влад пропустил Богдана, оглянувшись, вернулся к торшеру и выключил свет.

Крылатый силуэт за балконной дверью чудился ему давно, а сейчас, на фоне огней с территории «Хартрона», бывшего флагмана советской космонавтики, фигура прорисовалась очень четко.

Но простой человек, не умеющий видеть сквозь Пелену, не мог увидеть ничего особенного. Вот и Влад ничего не увидел.

У него здорово получалось делать вид, что ничего странного не происходит.

* * *

– Это единственный для тебя способ выжить, – сказал Хозяин. – Хотя... Тебя могли бы защитить свои, люди-маги, но ты им не нужен, ведь ты не колдун. Так что ты все равно погибнешь. Скорее рано, чем поздно ты не сможешь удержаться от брезгливой гримасы, от неловкого замечания, просто от ненавидящего взгляда. Человеческая женщина у тебя на глазах будет принимать ласки, скажем, от сатра. Или от Часовщика. Высокую длинноногую красавицу будет лапать маленький лопухий уродец с длинным носом или красавец на козлиных копытах с вывернутыми коленями... И ты сорвешься. Наверняка. Может быть, это будет мелочь – ты замешкаешься с рукопожатием, увернешься от дружеского похлопывания по плечу, – они это заметят, они внимательно следят за такими вещами. Очень внимательно. И, заметив, не успокаиваются, пока не устраняют потенциальную угрозу. Ты мне должен быть благодарен.

Влад ничего не сказал. Он молча смотрел перед собой, уперев взгляд в стену. Он не хотел видеть Хозяина.

– Ты даже не спросишь, за что ты должен быть мне благодарен? – Хозяин откинулся на спинку кресла. – Спроси.

– Я... – Влад, сглотнул и решил не начинать бессмысленную борьбу. – За что?

– Во-от, – удовлетворенно протянул Хозяин, и огни свечей в канделябрах по сторонам от кресла тоже удовлетворенно кивнули. – Ну, раз ты так настаиваешь... Наблюдатель и стая не ушли.

Влад механически кивнул.

– Наблюдатель бродит неподалеку, – сказал Хозяин. – Вчера я видел след одной из его тварей возле водопада. Если бы ты умудрился сбежать, то сейчас нежился бы в объятиях твоего знакомого. И маах'керу предъявили бы тебе счет за одного из своих – мальчишка оказался действительно хорошим стрелком. И счастливчиком – умер быстро. Но ведь это он тебя прикрывал, так ведь? Маах'керу очень хотят предъявить тебе счет. Ну а сам Наблюдатель наверняка решил выяснить, как это ты его оберег увидел.

– Я и сам не знаю, – тихо сказал Влад. – Сам бы хотел понять...

– Ты испугался, – засмеялся Хозяин. – И сильно ушибся – это иногда срабатывает, и человек начинает видеть сквозь Пелену. Так бывает – человек вначале видит, потом слепнет... А если не слепнет, то сходит с ума... Или не сходит с ума. Но в любом случае он умирает. Рано или поздно. Кто-то кончает самоубийством, кого-то убивают, кого-то увозят, долго изучают и только потом – убивают. Но тебе это не грозит.

Хозяин поднял руку, длинный изогнутый коготь выскользнул из указательного пальца.

– Мне нужна моя доза. – Хозяин поманил Влада пальцем, коготь блеснул в свете факелов. – Мне нужна доза. И пока она мне нужна – ты недосыгаем для Наблюдателя и маах'керу. Как бы им ни хотелось добраться до тебя – пока источник у меня. Пока источник не иссяк... Иди сюда.

Невидимая удавка сжалась на горле Влада – сегодня Хозяин не хотел управлять его телом, сегодня он хотел принудить человека к повиновению только болью. Хозяину нравилось чередовать пытки. «Чтобы они не приелись», – сказал Хозяин.

* * *

– А еще цыгане узнали, что ты занимаешься убийством Ирины, – вспомнил Богдан, когда доел свою порцию и отказался от добавки. – Хотел тебе сразу сказать, но вылетело из головы. Я когда к дому подошел, меня пацанчик перехватил, цыганчонок. Шустрый такой, сказал, что отец велел кланяться, что слышал о тебе, очень уважает и просит тебя в гости. Завтра утром. С шести утра – в любое время.

– Я занимаюсь убийством Ирины? – переспросил Влад.

– Ну да, Ирины Ивановой. Ее десять дней назад убили. У тебя в ноутбуке информация.

– А... Верно. Ирина Иванова, семидесяти лет. Сгорела.

Если быть совсем точным, то Ирина не сгорела, а, скорее, выгорела. Было похоже, что огонь выел ее изнутри, почти не повредив оболочки. Даже одежда осталась целой.

Ирина шла по улице, когда кто-то ударил ее в живот ножом. Рукоять ножа была найдена рядом, а вот лезвие куда-то исчезло. Имелась рана с запекшейся кровью, и выгоревшие внутренности.

Если бы Ирину убили на собственной территории, никто, скорее всего, об этом бы ничего не узнал – цыгане к таким событиям внимания общественности старались не привлекать. Тихонько бы похоронили уважаемую женщину, нашли убийцу и так же тихо похоронили бы и его.

Но Ирина погибла среди бела дня возле магазина. И дело попало в список Серого.

Каким образом, кстати, оно туда попало, также было непонятно. Не было свидетелей, маньяка никто не заметил и не описал. Серый знал что-то такое, о чем не догадывался никто?

– Пойдешь к цыганам? – спросил Богдан.

– Подумаю.

– Подумай, но они вроде очень просили. Но только без Серого.

– Во как! – Влад усмехнулся. – Значит, про Серого они тоже знают. И не любят...

– Он и сам бы к ним не пошел. Столкновение интересов. Они по наркотикам разошлись, сам знаешь. Серый от имени Шкворня наезжал в прошлом году, но его парни умылись кровью и отошли, – Богдан всегда был в курсе событий. – Заключили договор вроде.

– А ведь я тогда схожу, это уже становится интересным. Только не один – Игорька с собой возьму.

– Сказали, только ты...

– Ничего, примут. Он, тем более, Кроху только что искалечил...

– Не искалечил я, – не отрываясь от мытья посуды, поправил Капустян. – Повредил немного.

– Ничего-ничего, ромале это все равно оценят. У них к Крохе длиннющий список претензий. Человек, умудрившийся случайно повредить Кроху, произведет на них неизгладимое впечатление. – Влад допил чай, поставил чашку на стол. – А сейчас я, с вашего позволения, отправлюсь спать. И спать я буду на диване. Как вы станете делить раскладушку – ваше дело. Вопросы?

– Нету, – быстро ответил Богдан, а Игорь молча пожал плечами.

– Если кто сунется в комнату – стреляю без предупреждения, – Влад встал из-за стола и потянулся. – Врач ничего не говорил, как там у меня будет со сном?

– Сказал, что все нормализуется и...

– Что?

– И сказал, что вам стоит запоминать свои сновидения. – Капустян повернулся к Владу.
– Внимательно, сказал, пусть смотрит, и запоминает.
– Смешно. – пожал плечами Влад и вышел из кухни.
– Он серьезно говорил, – крикнул ему вдогонку Капустян. – И сказал, что это очень для вас важно. И что-то про генетическую память.
– Очень важно... – пробормотал Влад, входя в комнату.

Крылатого на балконе уже не было – это не могло не радовать. А вот то, что стали летучие чужаки уделять внимание капитану Гетьману – настораживало. Нет, время от времени и раньше мелькали их тени мимо балкона, но никогда не рассматривали сквозь Пелену Влада крылатые так внимательно, словно пытаясь понять – видит он их или нет.

Раздеваться Влад не стал. Не включая свет, прошел к дивану, лег и закрыл глаза.

Нужно внимательно посмотреть свои сны и запомнить. Так врач сказал! Влад повернулся на бок. Если честно, то он полагал, что после двенадцати часов сна отключиться по новой сразу не получится. Придется долго ворочаться...

Но уснул, едва коснулся щекой подушки. И не видел, как сплетенный из паутинки цветок, лежащий на столе, вдруг засветился легким розовым светом, бесшумно взлетел и, словно подгоняемый ветерком, приблизился к дивану, повис над головой.

Свет усилился, розовое стало красным – не угрожающим ярко-красным, а теплым, мягко пульсирующим. Внутри переплетения нитей мелькнула белая искорка. Погасла. Снова мелькнула. И еще одна. И еще. Рой искорок закружился в крохотном водовороте, уплотняясь, превращаясь в перламутровый шарик, в жемчужину в самом центре красного цветка.

Цветок раскрылся – жемчужина медленно опустилась на лицо Влада. Коснулась кожи и исчезла во вспышке.

* * *

...Солнце нестерпимо палило, словно пыталось дожечь все, что еще осталось в степи. Даже терпеливый ковыль стал сухим и ломким, норовил рассыпаться в пыль при малейшем прикосновении. Одинокое облако, застигнутое жарой, казалось, присохло к выжженной тверди, а само небо, потеряв цвет, начинало покрываться трещинами, как корка на солончаках.

Всадников было десятка полтора. Покрытая пылью одежда потеряла цвет. Волосы, лица, руки всадников были одинакового серо-рыжего цвета, будто не люди, а глиняные истуканы ехали на усталых глиняных конях с севера на юг.

Люди не разговаривали. Не оттого, что боялись привлечь своими голосами внимание врагов – столб мелкой въедливой пыли сопровождал их с самого утра, указывая всякому зрячему их местонахождение. В глотках пересохло. Губы, обожженные солнцем, трескались при малейшем движении, и невесть откуда взявшиеся в степи мухи липли к ранам, не обращая внимания на взмахи рук.

Всадники обвязали лица платками.

Кони шли ровно, опустив головы, высматривая хоть какую-нибудь травинку, не сожженную солнцем.

Ослепительный диск, целую вечность медленно взбравшийся вверх, теперь, казалось, вообще замер, не собираясь двигаться дальше.

Влад протянул руку к висевшей у седла сулее. Старший пить запретил, но терпеть уже не было сил. Конь Влада отстал от остальных, никто и не заметит, если Влад отхлебнет воды...

Боль полоснула по руке – Влад вскрикнул, его конь скакнул в сторону, чуть не сбросив седока.

– Я ж тебе говорил – не пить, – совсем без гнева в голосе произнес Черепень. – Вода из тебя сразу по том и выйдет, дурачина. Потом еще захочешь, а удержаться уже не сможешь. Так?

Влад сдвинул рукав и посмотрел на вздувшийся рубец, прочертивший руку от запястья

до локтя. Выступившая кровь запачкала полотно рубашки.

– Жалеешь ты его, Черепень, – искоса глянув на Влада, пробурчал Чугайстр. – Меня за такое в первом походе атаман через всю спину канчуком перетянул, крест-накрест. Я до самого Крыма на животе спал.

– Ты с кем ходил? – спросил Косач, ехавший слева от Чугайстра.

– С Кривым, матери его ковинька, – ответил Чугайстр. – Вот уж лютый был зверь. Его нехристи боялись, детей им пугали. Когда его в Кафе на крюк повесили – татары со всего Крыма съезжались, чтобы посмотреть и убедиться – подход Кривой. Говорят, сам хан велел праздник устроить и сотню рабов отпустил в Украину, чтобы рассказали они, как умирал Кривой. Приказал ослепить и отпустить. Долго умирал, упокой господи его душу, три дня материл татар, Аллаха их, хана, а вечером третьего дня, когда подумали, что помер уже Кривой, и палач подошел к нему – плюнул прямо в его рожу Кривой, кровью плюнул!

Влад хотел опустить рукав сорочки, но Задуйсвичка схватил его за локоть:

– Не дергайся, дурень. Муха сядет – руки лишишься. Кому ты однорукий нужен будешь? – Задуйсвичка зубами вытащил пробку из пороховницы, присыпал рубец порохом.

– Девкам скажешь, что в бою шрам получил, от татар. Любить больше будут.

– Любить будут, если он гостинцев привезет из Крыма, а за рубцы да шрамы – мать пожалеет да жена отругает, – философски заметил Рубайголова. – Вот когда он следующий раз надумает наказ атамана нарушить, вот тогда на рубец глянет, вспомнит.

– Жалеешь ты его, – повторил с неодобрением Чугайстр. – В походе жалеть нельзя, ты козака пожалеешь, татарин не пожалеет...

Старый козак еще что-то сказать хотел, поучить молодого, только кони вдруг всхрапнули, дернули уздечки, сбиваясь в кучу.

– Тю на тебя, дурень! – прикрикнул Чугайстр, взмахивая канчуком. – Ну, не бисов сын? Сколько сказано ему было – скидай личину подальше, не ходи к коням в зверином облике...

Здоровенный волк длинным прыжком вылетел на верхушку холма, замер, запрокинув голову, и коротко взвыл.

Конь под Владом рванулся в сторону, и Влад с трудом удержал его на месте, вцепившись в поводья.

Волк мотнул головой, словно приглашая за собой, и медленной рысью двинулся на восток, оглядываясь время от времени на всадников.

Так они проехали может с час, может чуть поболее. Кони, настороженно нюхавшие пахнувший зверем воздух, вдруг приободрились, ускорили шаг. Владу показалось, что потянуло прохладой, еле заметно. Сам бы он на такое и внимания раньше не обратил, но кони тоже чуяли воду.

Волк перевалил через очередной холм и спустился в балку, стенки которой у самого дна поросли зеленой травой.

Всадники остановились перед балкой.

– Чугайстр, – приказал Черепень тоном, не терпящим возражений, – ты с Приблудой будешь сторожить.

– Я? С молокососом? – Чугайстр вскинулся, будто кто плюнул ему в лицо. – Самого молодого нашел?

Канчук свистнул в воздухе и сбил с Чугайстра шапку.

– Что ты говорил про приказы атамана в походе? – ласковым голосом поинтересовался Черепень, похлопывая канчуком по голенищу. – Что бы с тобой Кривой сделал, если б ты с ним спорить стал?

На краю балки остались только Чугайстр с Черепнем да Влад. Его, оказывается, звали Приблудой. Влад не удивился, просто отметил это про себя.

– В Сечь вернемся... – пробормотал Чугайстр, сходя с коня.

– Если вернемся, – спокойно сказал Черепень, забирая повод Чугайстрова коня. – Ты не забыл, что мы только с Сечи едем? Дела мы еще и не начинали вовсе.

– Вернемся – поговорим иначе, – пообещал Чугайстр.

– Поговорим, отчего ж не поговорить, – Черепень еле заметно улыбнулся. – На хутор ко мне приедешь – потолкуем.

Атаман обернулся к Владу:

– А ты чего в седле? А-ну, живо!

Влад спрыгнул с коня, под ногами захрустела выгоревшая трава.

Черепень съехал в балку, уведя с собой коней.

– Тьфу ты, – сплюнул Чугайстр. – Все из-за тебя, Приблуда! Ну чего ты ко мне прицепился? Козаки сейчас водичку свежую пьют, а я тут...

Чугайстр поднялся на холм, сел на землю, по-турецки скрестив ноги, достал из-за пояса пистоль, пороховницу и стал менять порох на полке, бормоча что-то в длинные вислые усы.

Влад сел в стороне от него, не слишком далеко, но и не вплотную, чтобы не вызвать очередного приступа воркотни. Чугайстр славился вздорным характером и умением цепляться к любой мелочи в словах или поступках людей, которых он недолюбливал. А таких, чтобы Чугайстр любил, на свете было мало. Даже себя самого старый козак держал в черном теле и рваной одежке.

Как в думе про козака Голоту, что пел слепой лирник прошлой зимой на Сечи. Вот свое оружие Чугайстр холил и лелеял, чистил при каждом удобном случае, перезаряжал пистолеты, подправлял лезвие сабли и кривого кинжала, украшенного яркими камнями большой цены, как говаривали знающие люди.

Даже в самые тяжелые для себя дни Чугайстр не соглашался продать свое изукрашенное оружие, даже камешка не вытащил, чтобы купить себе жупан или свитку. Зимой у него тулупа не было, сидел Чугайстр до самой зимы в коше с другими бессемейными козаками, трубку курил, песни пел, и вспоминал старые годы, походы и друзей, равных которым в нынешние куцые годы и нет больше.

У Влада – он все не мог привыкнуть к тому, что должен называться Приблудой – пистолета не было. А сабля была выкована кузнецом на Сечи из старого железа, рукоять была деревянная, обтянутая кожей, ножны простые, без украшений и узоров.

Козак в походах богатеет, а у Влада-Приблуды этот поход первый. Да и не поход, а так, вылазка. Поход – это десятки «чаек», сотни всадников, горящие татарские села и города, горы захваченного добра, визжащие пленницы... или сотни чубатых голов на кольях вдоль Перекопа, десятки тел с содранной кожей на рынках Кафы и Бахчисарая, если не повезет козакам.

Влад вытащил из ножен свою саблю, осмотрел лезвие. Чистое, ровное, без зазубрин. Да и откуда зазубрины, если еще ни в одном бою не побывал Приблуда. И саблю ему справили только перед самым походом.

Приемный батька, Охрим, после того, как пришел в дом Черепень и про что-то проговорил с ним целую ночь, пошел к кузнецу, захватив с десяток серебряных талеров, что привез из самой Германии лет двадцать назад.

На следующий день кузнец сам принес саблю в дом, молча положил на стол и ушел, не прощаясь, как и не поздоровавшись.

Родные сыны Охрима подошли к столу, молча рассматривали саблю, не имея права к ней прикоснуться, а Охрим подтолкнул Приблуду, велел взять оружие и поцеловать.

Сейчас уже серебро на лезвии потемнело, но тогда блестело, отражая свет лампы под образами.

– В поход тебе, сынок, – сказал Охрим, а Охримиха всхлипнула возле печки.

Хоть и не родной был Приблуда, а любила она его. Жалела. То ли за то, что пережил он раньше, то ли за то, что суждено ему испытать в будущем.

– На, – сказал Чугайстр.

Влад вскинулся, отгоняя видение прошлого, и с удивлением увидел, что Чугайстр протягивает ему один из своих пистолей, с раструбом на конце ствола.

– Заряди, – сказал Чугайстр. – Учись с оружием обращаться, пригодится.

От балки потянуло дымком – козаки готовили обед. Оно и правильно – лучше сейчас,

чем ночью. Ночью и огонь виднее, и дым слышен дальше. А в такую жару, да еще с ветром – дым от небольшого костра и не заметен вовсе.

– А куда мы едем? – спросил Влад.

Вот уже три дня мучил этот вопрос Приблуду, но все не решался он спросить у козаков.

– Не закудыкивай! – строго сказал Чугайстр. – Трясця твоей матери! Как приедем – сразу поймешь. Если приедем.

Голос старого козака стал сухим, безжизненным. У Приблуды даже мороз по коже пробежал от этого голоса. Будто и не живой уже Чугайстр. И все они уже не живые. Даже оба характерника уже не живут, а так, доживают последние дни.

Из балки вылетел орел, сделал круг, пролетев над самой головой Приблуды. Тот пригнулся, схватившись рукой за шапку – прошлый раз характерник шутки ради шапку у него с головы сорвал и отнес на две сотни шагов в сторону.

– От бисов сын! – буркнул Чугайстр, без особой злобы, впрочем. – Полетел округу смотреть. Значит, скоро и мы к котлу пойдем.

Приблуда успел пистолет перезарядить, прежде чем Самохвал появился из балки и позвал обедать.

Костер уже загасили, козаки сидели вокруг казана, держали ложки в руках. Ждали, пока Чугайстр с Приблудой сядут в круг и Черепень разрешит есть.

Влад, сядя к котлу, заметил свеженасыпанную кучу земли, пару чужих коней в татарской сбруе и татарское же оружие, сложенное на кошке возле обложенного камнями родника: два сагайдака, два лука, два копия с пучками лошадиных волос у наконечника, два кожаных щита. Переметные сумки стояли возле оружия.

– С богом, – приказал Черепень, и ложки принялись работать, но не как попало, а по старшинству своих хозяев, по возрасту, по заслугам.

Дошла очередь до Приблуды. Густой кулеш из пшена с салом обжигал, и Приблуда часто задышал с открытым ртом, чтобы остудить.

– Что, горя че? – участливо спросил Звыняйбатько.

– Горя че, – кивнул Приблуда, зная, что последует за этим, но выполняя ритуал.

– Студи, дура че! – разом выдохнули козаки и засмеялись.

Засмеялся и Приблуда.

– Тут кто-то был? – отсмеявшись, спросил он.

– Был, – ответил Волк. – Два татарина сторожили дорогу, да не усторожили себя.

– Дорогу? – удивился Приблуда. – Тут же нету дороги, степь одна. Шлях там, западнее.

– То общий шлях, все его знают, а тут... – Волк усмехнулся, облизал ложку и сунул ее за голенище, рядом с ножом. – Тут та дорога, что мы ее искали. И нашли. И значит это, что этой ночью...

– Волк! – Голос Черепня прозвучал резко, как свист атаманского канчука.

– Волк, – сказал Волк и усмехнулся недобро, по-звериному скаля зубы. – Я – волк. Я вас сюда привел. А он... Ты ему когда скажешь?

– Пасть закрой! – прикрикнул Черепень.

– А, ну вас! – махнул рукой Волк и вскочил на ноги. – Хочешь, Приблуда, я тебе саблю подарю? Хочешь? И татарского коня отдам, будет у тебя запасной. Выбирай!

Приблуда недоверчиво посмотрел на Волка, перевел взгляд на Черепня, на лица остальных козаков. Козаки хмурились, опускали глаза, только Чугайстр выдержал его взгляд, прищурившись.

– Болтать прекрати, – медленно, словно перекатывая тяжеленные камни, проговорил Черепень. – Поедим, потом – дело у нас еще. Дело.

Приблуда не сообразил сразу, что за дело, но потом, когда кулеш был съеден, котел вымыт и спрятан в мешок, увидел, что козаки вынесли из-за поворота балки татарина, связанного, с кляпом во рту и бросили на землю возле сизых углей кострища. В глазах пленника был дикий ужас. И только тогда сообразил Приблуда, что именно сейчас будет происходить, что будут делать его товарищи с плененным татаринном.

Он слышал о таком. Только слышал, но даже рассказы зимними вечерами о допросах вызывали у него приступы тошноты. Он мог себе представить, как лишить жизни человека в бою. Пусть даже не человека, нехристя, но живого, дышащего, проткнуть копьем, прострелить пулей или полоснуть саблей.

Но вот так, связанного, испуганного медленно убивать, не обещая жизни, а лишь суля в качестве награды быструю смерть – от одной мысли об этом становилось тошно, живот сводило болью, и мир вокруг начинал покачиваться и меркнуть.

Сейчас это должно было случиться наяву.

– Чугайстр! – сказал Черепень.

Старый козак подошел к татарину, присел над ним. Остальные расступились.

– Здоров будь! – тихо-тихо, даже ласково сказал Чугайстр.

Татарин зажмурился.

Чугайстр медленно через голову стащил с себя рубашку, которая когда-то была белой. Поправил на шее ладанку, крестик и оберег.

– Вот, смотри, – все так же ласково проговорил Чугайстр. – Видишь? У меня ханская грамота есть. Посмотри, как красиво на мне бахчисарайские писари расписались. Читай!

Татарин зажмурился сильнее, будто так мог спрятаться от Чугайстра.

– А ты не закрывай глаза, паренек. Если ты на меня смотреть не хочешь, я тебе веки отрежу, чтобы тебе все видно было... – Лезвие кинжала коснулось щеки татарина возле самого глаза. – Как бог свят – отрежу.

Пленник открыл глаза.

Приблуда хотел встать и отойти подальше, чтобы не видеть этих глаз, не слышать голоса Чугайстра, но казаки, сидевшие по бокам от него, вроде как случайно оперлись руками о его плечи, удержали на месте.

– Я тебя не буду мучить, – ласково-ласково протянул Чугайстр, и от тягучести его голоса Приблуду замутило. – Я кляп выну, вопросы задам, а ты мне ответишь. И я тебе обещаю, Богом клянусь, что отпущу тебя быстро и без боли. Слышишь?

Татарин быстро кивнул.

– Веришь?

Снова быстрый кивок.

Чугайстр медленно вытащил тряпку изо рта пленного.

– Дать воды?

– Да, – еле слышно выдохнул татарин.

Чугайстр, не оборачиваясь, взял протянутую Задуйсвичкой сулею, вытащил пробку и поднес горлышко к разбитым губам пленника. Тонкая струйка воды только коснулась губ, как Чугайстр отдернул руку в сторону.

– Чуть не забыл, старый дурень, – покачал головой Чугайстр. – Ты еще и не сказал ничего. Не сказал... Ты скажи – далеко до крепости?

– Медленным ехать... – сказал татарин, облизнув губы. – Сейчас ехать – до захода солнца приехать.

– Медленно, говоришь... – Чугайстр оглянулся на Черепню. – А почему медленно?

– Ямы копали. Кони ноги ломать... В ямы падать, на колья... И огонь... Не видеть огонь. Вступить в невидимый огонь... сгореть...

– Невидимый, говоришь, огонь... Не врешь?

Чугайстр, словно забывшись, провел лезвием кинжала по лицу пленника. Выступила кровь.

– Не врешь! Не врешь! – закричал татарин. – Невидимый огонь. Пять мест с огнем вокруг крепости... и бродячий огонь...

– Если не врет – мы на место приехали. – Чугайстр вытер окровавленное лезвие об одежду пленника. – Водичку ты заслужил.

Татарин глотал воду жадно, со стоном. Чугайстр лил ее, не скупясь. Когда татарин стал захлебываться, Чугайстр сулею не убрал, лил воду на лицо, в глаза...

Пленник дернулся, пытаясь уклониться от струи.

– Не хочешь больше воды? – спросил Чугайстр.

Татарин закашлялся, брызги попали на лицо козака.

– Я его водой пою, а он мне в лицо плюет! – обиделся Чугайстр. – Нехристь неблагодарный.

Лезвие кинжала чиркнуло по лицу, теперь уже брызги крови полетели вокруг, ударяя по глине. Одна капля попала на руку Приблуды, и тот торопливо вытер руку об одежду.

– Сколько там ваших, в крепости? – спросил Чугайстр.

– Половина сотни. Пять десятков... – быстро, захлебываясь словами, проговорил татарин. – И Степной Орел.

– А пленных сколько?

– Десять, десять! – Голос татарина сорвался на визг. – Было двенадцать – двое вчера умерли. Вчера...

– Кто?

– Старик... Старик. И женщина.

– Какой старик?

– Старый старик... Совсем старый... Волосы белые... чуб... усы белые... пальцев на правой руке нет... три пальца всего было... три...

– Значит, Лихолета убили... – сказал Чугайстр. – За что?

– Он двух воинов убил... Руку освободил, махнул... Два воина ударились о стену... со всей силы ударились... Степной Орел приказал охранника, который связывал старика, казнить... Спину ломать... А старика приказал на стену, на крюк серебряный. Долго умирал, кричал... потом совсем умирал, через два дня умирал...

– Не дождался Лихолет... – сказал Чугайстр. – Совсем чуть-чуть не дождался. Всегда нетерпеливым был. А женщина...

– Молодая, красивая, Степной Орел ее в гарем хотел взять, она кричала, ударила... Степной Орел не сдержался, тоже ударил... Убил совсем.

– Убил, – глухо произнес Стриж. – Катерину – убил...

Стриж вскочил на ноги, простонал что-то нечленораздельно, и ушел прочь из балки.

Солнце опустилось к горизонту, тень от края балки поднялась из-под ног вверх, как вода, заливая лица сидящих козаков.

Татарин хрипло дышал, будто и на самом деле тонул... Или был рыбой, выброшенной на берег, пытающейся дышать пересушенным горячим воздухом.

– Когда вас ждут в крепости? – спросил Чугайстр, и кинжал снова скользнул по лицу татарина.

– К полночи... К полночи сюда приедут другие воины... Десяток воинов и огненноглазый чужак...

– Огненноглазый... – повторил за татарин Чугайстр.

– Огненноглазый... – пробормотал сидящий справа от Приблуды Задуйсвича.

– Сколько таких чужаков в крепости?

– Трое. Степной Орел, три огненноглазых и один оборотень... – Татарин заскулил: – Не нужно резать... я правду говорю... правду...

– Оборотень? – Волк вдруг оказался рядом с татарин, рывком за веревки поднял его, заглянул в глаза. – В кого оборачивается?

– В змею... – выкрикнул татарин, рука Волка разжалась, и татарин упал на землю. – В змею...

– Еще в кого? – спросил Волк.

– Только в змею, только в змею... В огромную змею, ядовитую... Он плюнул – верблюд умер... живьем сгнил от яда... Сразу сгнил... только мясо гнилое осталось...

Козаки молча переглянулись.

Приблуда смотрел перед собой, на глиняную стенку балки над лежащим татарин, чтобы не видеть изуродованного лица.

Змея.

Он раньше слышал сказки о гигантских змеях, охраняющих путь к Крыму. Думал, что это только сказки.

Характерники умеют превращаться в зверей – в волка, в орла, в громадную кошку. Но это характерники. И даже их вблизи увидел Приблуда только недавно, перед самым походом. Да и тогда не сообразил, кто именно перед ним, только к концу второго дня пути, когда перекинулся Волк в серого зверя, а балагур Синица стал вдруг орлом, понял Приблуда, с кем ему выпало идти в первый поход. И заподозрил, что не простой поход ему предстоит.

Характерники умеют превращаться, но они оборачиваются обычными зверями, каких можно встретить на самом деле. Но гигантская ядовитая змея... Плевком способная убить верблюда...

– Пять десятков воинов, Степной орел, три огненноглазых и оборотень... – перечислил Чугайстр. – Ничего не спутал?

– Нет, не спутал... всю правду сказал. Правду!.. Дай смерти... Дай! – закричал татарин. – Дай-дай-дай-дай!

Приблуда зажал уши, чтобы не слышать этого крика, крика, в котором не осталось ничего человеческого.

Так позапрошлой зимой кричала лошадь приемного отца, сломав ногу на льду. Тонко, пронзительно, пока старый Охрим не перерезал ей горло.

Тогда Приблуда подумал, что Охрим – жесток. Сейчас... Сейчас жестокий Чугайстр все не перерезал горло визжащему татарину. Не желал отпустить того.

– Пойди, погуляй! – сказал Черепень, положив руку на плечо Приблуды.

– Я с ним. – Волк подхватил Приблуду под мышки, легко поставил на ноги. – Я с ним пройду.

– Хорошо, – сказал Черепень. – А мы тут. Кто хочет что у татарина спросить – спрашивайте, братья-товарищи. Все спрашивайте.

Ноги почти не держали Приблуду, когда Волк вывел его из балки.

Стриж сидел на вершине холма, держа на коленях саблю и осторожно полируя ее лезвие куском кожи. На Волка с Приблудой он даже не оглянулся.

Приблуда глубоко вдохнул горьковатый воздух, закашлялся.

– Ничего, – сказал Волк, – у всех так бывает по первому разу. Когда смотрят. Потом по первому разу, когда сами пытаются. Получается, правда, не у всех. Я вот так и не научился. А Чугайстр... У него учителя были хорошие, в Кафе, в Бахчисарае, даже в Царьград, говорят, возили его, как в плен взяли. А он выжил.

Приблуда осторожно высвободил руки и сел. Волк сел рядом.

Солнце опустилось уже почти к самой земле, тени козачков далеко вытянулись по рыжей, выжженной земле.

Волк посмотрел вверх, прикрыв глаза рукой от солнца.

– Я Синице завидую, – сказал Волк. – Он умеет летать. Рассказывал, что живет только от полета до полета. Не любит по земле ходить. Когда-нибудь... Когда-нибудь он не сможет превратиться в человека...

Волк вдруг засмеялся.

– В человека... – повторил он со странной интонацией. – В человека!

Волк наклонился к уху Приблуды:

– Ты думаешь, я человек?

– А кто? Ты – характерник.

– Характерник... Вы молодцы, придумали название и успокоились, вроде как вопроса больше и нет. Ты слышал такое слово – маах'керу?

– Нет... – ответил Приблуда.

– Запомни его. Мы уже привыкли, а кто-то другой из наших... тот же змей... обидится. Маах'керу. Повтори.

– Маах'керу, – медленно произнес непривычное слово Приблуда.

– Молодец! – похвалил Волк. – И батька твой – молодец. Он ведь саблю тебе посеребрил?

– Он.

– Жаль только, что может не пригодиться. Хотя... Степной Орел может не ожидать, что мы привели тебя... Может не ждать. Змей будет впереди, чтобы убить, испугать... Маах'керу трудно убить. А серебро... серебро помогает. Сумеешь достать змея саблей – все может и по-другому сложиться. Главное – не робей.

От балки донесся крик – словно зверь кричал, получив смертельную рану.

– Зачем они...

– Зачем? – переспросил Волк. – Правдивость проверить нужно. Вначале – без пытки, с угрозами. Я ведь его дружка не просто убил – рвал медленно, заодно и поел. А татарин лежал и ждал, когда его очередь наступит. Если бы я его не напугал, Чугайстру еще дольше возиться бы пришлось. Потом наступает очередь обещаний. Кому жизнь, кому облегчение... А уж потом – проверка болью. Если врет пленный – то от страха и боли люди врут по-разному. И не могут запомнить, как ввали совсем недавно. А если одно и то же говорят – значит, правда.

Татарин снова закричал.

– Козаки сейчас его про оружие в крепости, про привычки стражи, про обычаи Степного Орла спрашивают, – пояснил Волк. – Подробно спрашивают, чтобы умирать, значит, не зря. Потом, когда выжмут татарина досуха, отправят кого-то, по жребию, назад, чтобы добытое не пропало. Синица или я добрались бы быстрее, но мы в жребии не участвуем. Ты – тоже. Нас некому заменить.

Некому... Некому... Некому...

* * *

– Что, дверь открыть некому? – услышал Влад, уже просыпаясь, голос Богдана. – Лейтенант, забурел совсем, старшим по званию спать не даешь?

В дверь позвонили.

«Не первый раз, судя по всему, – подумал Влад. – Вон как Лютый лютует».

– Кто там? – спросил Влад. – Я сейчас! – Щелкнул замок, открылась входная дверь. – Доброе утро!

– Участковый инспектор старший лейтенант Свиридов! – донеслось из прихожей.

– Ты, что ли, Колька? – спросил Влад, вскочив с дивана и выходя туда. – Случилось что?

Капустян отступил в сторону.

Участковый, Колька Свиридов, с которым было столько выпито за прошлый год, вид имел всклокоченный и растерянный. Он, странно раздвинув ноги, молча стоял на пороге, вроде как не решаясь посмотреть в глаза Гетьману.

– Что случилось? – повторил свой вопрос Влад, подойдя к двери.

– Мамочки, – неожиданно произнес Капустян и указал пальцем на дверь, открывшуюся внутрь квартиры. – Ни хрена себе...

Наверное, если бы кто-то набрал в кружку красной краски и плеснул ее на дерматин обивки, все выглядело бы именно так – потеки, брызги. Только не краской залили дверь квартиры капитана милиции Влада Гетьмана, а кровью.

Кровавая дорожка тянулась от двери по лестничной площадке к лестнице.

– Докуда кровь? – спросил Влад.

– До седьмого этажа. До девяносто седьмой квартиры. – Участковый снял фуражку и вытер лоб платком. – Сосед из квартиры напротив утром вышел на работу, увидел кровь, позвонил. Перезвонили мне – тела нет, сам понимаешь, только что-то, похожее на кровь. Я прибыл. Толкнул дверь – там... там, понимаешь, трупы. И кровь. И ведет к твоей квартире. Кто-то налил целую дорожку. Спустишься со мной, посмотришь?

Уже успевший натянуть штаны и свитер Богдан стоял за спиной Влада и слушал историю участкового. Капустян отступил к кухне, неуверенно, словно слепой, снял с себя

фартук, который надел перед тем, как приступить к приготовлению завтрака.

– Трупы точно? – Влад осторожно переступил через потеки крови, вышел на лестничную клетку.

– Два видел сам, – ответил участковый. – Мужчина почти на пороге, женщина – подальше, в коридоре. Везде кровь.

– Там еще двое детей было, – сказал Влад.

– Пойдешь, посмотришь?.. – В голосе участкового проступили просительные нотки.

Он разве что не добавил: «Вместо меня».

– Посмотришь?

– Посмотрю, – сказал Влад.

Он спустился на седьмой этаж по лестнице, держась ближе к стене – кровь была на всех ступеньках.

– Четыре человека, – бормотал участковый, спускаясь следом за ним. – Четыре человека.

– Маах'керу, – тихо сказал Влад.

– Что? – не расслышал участковый.

– Четыре человека. В квартире девяносто семь жила семья из четырех человек: муж, жена и два сына. Трех лет и пяти. Пяти и трех.

Сосед из сотовой квартиры так и стоял на пороге, не решаясь ни закрыть дверь, ни ступить на площадку.

– Вы когда увидели? – спросил Влад.

– В седьмом часу, – сосед судорожно вздохнул. – Я минут в двадцать седьмого вышел... а тут... Я, значит, позвонил... позвонил... А Семеныч мне дрель так и не отдал. Я потом смогу забрать дрель?

– Сможешь, – кивнул Влад. – Скажешь, я разрешил. А пока иди, посиди дома. На работу уже не пойдешь?

– Я позвонил... Сказал, что не приду... – Сосед все никак не мог отвести взгляд от крови. – Бригадир разрешил.

– Это не ты сюда наступил? – спросил Влад, заметив отпечаток ботинка в крови.

– Что? – сосед посмотрел на свои ноги. – Нет, я не выходил. Я как увидел, сразу позвонил. И стоял тут, чтобы никто, значит, не проходил. Потом он пришел... участковый.

– Я не вступил, – сказала участковый, – вот, можешь на подошвы мои глянуть. Что я, первый раз, что ли? Я на лифте подъехал на шестой этаж, потом поднялся наверх. Дальше уже осторожно. К двери, потом к тебе.

– Лады, – кивнул Влад. – Со мной пойдешь?

– Я... – участковый неопределенно поводит в воздухе рукой. – Я тут, если можно, постою. Хорошо?

– Хорошо, – сказал Влад. – Хорошо.

Осторожно ступая на чистые участки лестничной клетки, Влад подошел к двери. Она открывалась наружу – хозяин поставил новую металлическую дверь всего пару недель назад.

Влад посветил фонариком – дверь и замок были без царапин, гладкий металл замка отсвечивал чисто, кожзаменитель на двери выглядел неповрежденным.

Достав из кармана платок, Влад аккуратно взялся за дверную ручку, надавил на нее и потянул.

До командировки в Косово Влад даже здоровался с соседом снизу за руку. И угощал старшего мальчишку конфетами, с разрешения его матери, естественно.

А когда вернулся из Косово и обнаружил, что в квартире номер девяносто семь живут оборотни, с трудом сдержался, чтобы не сказать на приветствие главы семейства что-нибудь резкое.

Счастье еще, что кроме этой семьи, в подъезде жили только люди.

Теперь в подъезде живут одни люди. Без исключения.

Он так и не выяснил, в кого превращаются его соседи. В кого умеют превращаться. В

волков? В пантер? Или в змей?

Оказавшись с ними в лифте, Влад испытывал одновременно и неловкость, и отвращение. Сейчас – только стыд.

«Это из-за меня. Их убили из-за меня...»

Влад знал, кто убил этих маах'керу. И, убивая оборотней, человек наверняка улыбался.

Этой семье не повезло – они не люди.

Глава 6

Половина дня пропала. Причем, не только у Влада, но и у Богдана Лютого. Возможно, были на первую половину дня какие-то планы и у Игоря Капустяна, но его никто об этом не спрашивал, а сам он помалкивал, отвечал на вопросы, писал объяснительную и терпеливо ждал в коридоре областного управления, пока отпустят капитана Гетьмана.

Влада задержали дольше, чем остальных. И допрашивал его целый полковник из штаба. Допрашивал долго, въедливо, будто подозревал, что это сам капитан Гетьман ночью убил своих соседей.

Напрямую, естественно, это обвинение не прозвучало, но в суровом полковничьем взгляде читалась ненависть почти классовая, а вопросы полковник задавал таким тоном, будто готов был сразу после допроса приступить к пыткам.

«Не знаю» – к этому словосочетанию сводились в основном ответы капитана милиции Гетьмана. Не знаю. Откуда мне знать? Не слышал. Не видел. Понятия не имею. Кровью дверь облили – мстит кто-то из бывших подопечных.

Мелькнул у Влада соблазн сообщить, что Кроха со вчерашнего вечера может иметь зуб если не на него, то на его стажера-лейтенанта, но соблазн этот был преодолен и отвергнут, как бессмысленный и бесполезный. Полковник и дальше допрашивал бы капитана, если бы не звонок в тринадцать ноль пять.

Полковник трубочку поднял, внимательно выслушал то, что ему было сказано, собрал на лбу складки, глянул исподлобья на Гетьмана и, тяжело вздохнув, быстро свернул допрос.

Звонок был по внутренней связи, отметил Гетьман, вопросов полковник позвонившему не задавал, а это значило, что звонил начальник, а начальников в областном управлении у полковника было не слишком много. Из этого следовало, что либо кто-то из областных генералов был заинтересован в свободных передвижениях капитана Гетьмана, либо у Серого были очень веские аргументы в разговоре с этими самыми генералами.

Серый, кстати, дожидался выхода Влада из областного управления. Прогуливался по скверу Победы, прикрывшись от дождя громадным зонтом.

Кроха, с рукой на перевязи и в длинном кожаном плаще, маячил на углу Совнаркомовской и Мироносицкой. Увидев Влада, бросился к нему и пригласил на собеседование к Серому.

Капустяну, молча следовавшему за Владом, Кроха улыбнулся и протянул левую, не пострадавшую при вчерашнем знакомстве, руку:

– Ты чем занимался?

– Рот закрыл, – буркнул Влад. – А ты, лейтенант, даже и не открывай. Иди и молчи.

Лейтенант вздохнул.

– Твоя машина где? – через плечо спросил Влад, когда они перешли через дорогу.

– Возле оперного.

– Иди и жди. Молча, – напомнил Влад. – А ты, Кроха, если сейчас за ним погрешься, получишь от меня пулю в задницу.

Кроха хотел что-то ответить, но рассмотрел выражение лица Влада и сник. А заметив, что Серый идет к ним навстречу, совсем погрузился.

– Мне куда? – спросил Кроха у Серого.

– В машину, – ответил Серый. – Если что – я позвоню.

– Ага, – кивнул Кроха. – Я в машину...

Серый чуть приподнял зонт, словно собираясь предложить мокнущему Владу укрытие, но промолчал.

– Кто знал, что я занимаюсь этим делом? – спросил Влад.

Лучше, конечно, смотрелась бы эта сцена по-другому. Удар с правой, Серый отлетает, взмахнув лацкан своего шикарного серого пальто, падает в лужу, а Влад наклоняется над ним, сгребает лацкан в кулак и спрашивает: «Кто знал, что я занимаюсь этим делом?»

Смотрелось бы лучше. Но Влад не стал экспериментировать. Он просто спросил.

– А я тебя предупреждал, – сказал Серый. – Специально позвонил. Кто-то из ваших ссучился. Иначе – никак.

– Ты себя слышишь? – закипая, спросил Влад. – Слышишь ту фигню, которую сейчас несешь? Маньяк-одиночка подкупил кого-то из ментов? Ты меня за идиота держишь? Позавчера вечером я согласился. Знали об этом трое – киевский гость, подполковник Осокин и ты. К ночи круг расширился на твоего водителя и Кроху.

– И циркачей, – напомнил Серый.

– И циркачей, – согласился Влад. – Только я им не представлялся. И в клубе я тоже не называл ни имени, ни фамилии. Тем более, адреса. Утром мы едем к СИЗО и нас уже ждут. Ты мне рассказываешь, что это меня хотели убрать, но по всему выходит, что тебя. И не иначе. А вот этой ночью пришли уже по мою душу. При этом обо мне уже знали цыгане, которые очень хотели сегодня утром со мной пообщаться. Без тебя, заметь. А это значит, что информация у них не из ментовки, там о твоём участии в деле ничего, насколько я знаю, не ведают. И ночью кто-то убивает моих соседей. Бессмысленно, между прочим. Мне предупреждение? О чем? Чтобы я отошел от дела? Или чтобы не водился с тобой?

– Думаешь, соседей твоих – цыгане? – спросил Серый.

– Что? – Влад хотел сразу же сказать, что чушь, что ерунду несет Серый, но осекся.

Цыгане хотели говорить с ним. Утром. И на всякий случай решили его подготовить к разговору. Эмоционально раскатать, так сказать.

Влад медленно стер дождевую воду с лица, покачал головой – все-таки Серый не дурак. Совсем не дурак. Умеет подкинуть забавную версию. Совершенно ложную, но очень, очень правдоподобную.

– Иди ты в жопу, – сказал Влад, отвернулся и быстрым шагом направился к оперному театру.

К чертям собачьим этого Серого. И всех на свете полковников милиции, и областных, и министерских. В игры они играют, уроды.

Кто-то мочит нелюдей – на здоровье. Бог в помощь! Не людей, людей не трогает. Ведь мог же он грохнуть лейтенанта Капустяна на месте, возле дома убиенного коллекционера. Мог. Единственного свидетеля убрать. Но не убрал. Почему? Потому что Капустян – человек. Единственный аргумент, перевесивший все остальное, включая собственную безопасность.

Мораль? Мораль простая – кто-то научился видеть сквозь Пелену и начал освободительный поход против чужих. Кто-то очень волевой и сильный, сумевший сразу же после прозрения взять себя в руки, затаиться, чтобы нанести удар точно, наверняка.

Человек, мать его так!

Влад остановился возле светофора. Мимо проскочил внедорожник, влетев правым передним колесом в лужу. Капли грязной воды ударили по брюкам, по куртке Влада и несколько попали в лицо.

– Урод! – крикнул вдогонку Влад. – Тварь.

Едущая следом за внедорожником красная «тойота» обдала Влада новым фонтаном брызг из той же лужи.

Ублюдки! Им наплевать на стоящих на тротуаре людей. Наплевать. И джинна за рулем внедорожника, и человеческой бабе в «Тойоте». Наплевать.

Загорелся зеленый, Влад перебежал через дорогу.

«А ведь, если вдуматься, никакой разницы», – вдруг пришла в голову мысль.

Никакой: человек, джинна... Как там у Ильфа и Петрова? Человечество делится на пешеходов и автомобилистов?

Забавно. Выходит, делить нужно не на людей и нелюдей, а на тех, кто сидит за рулем, и тех, кто ходит пешком? Не новая мысль. Не откровение.

И, кстати...

Ладно, убивал всех человек. Все очень просто – решил очистить любимый город. И принялся убивать первых встречных.

Дейвона, прикидывается цыганкой семидесяти лет Ириной Ивановой – получи нож в живот. И не просто нож, а огненный клинок какой-то, выжигающий жертву изнутри. И банкира-джинна пристрелил так, походя. Шел мимо клуба, глядь сквозь закрытые ворота – джинна, блин, ненавистный. Пистолет из кармана достал, стрельнул в сердце и дальше пошел...

Пошел...

Влад, задумавшись, брел мимо ряда припаркованных машин. Дверца одной из них распахнулась и выглянул Капустян:

– Я здесь.

– Хорошо, – кивнул Влад. – Я сейчас. Сейчас...

«О чем это я? – подумал Влад. – Что-то ведь пришло в голову, но тут лейтенант... Так...»

Капитан милиции иронизировать изволил. Язвил. Типа – шел, увидел, выстрелил... Зарезал...

Блин горелый. Эта мысль должна была прийти в голову сразу же после просмотра видеозаписи стрельбы и посещения клуба.

Все замечательно и логично – прозревший человек двигается крышей и отправляется в крестовый поход. Убивает-убивает-убивает ненавистных захватчиков. Стреляет, режет – так ведь не просто так стреляет и режет.

Обычный свихнувшийся прозревший человек берет обычный нож и тычет им цыганку-дейвона. Если очень повезет человеку – зарежет ее к чертовой бабушке. Если ОЧЕНЬ повезет, дейвона существа шустрые. Влад успел много историй о дейвона услышать за месяцы, проведенные в горах Косово. Нож в руках человека для дейвона, конечно, угроза, но не слишком. Обычный нож. А вот тут появляется нож необычный. И где его, скажите, берет прозревший? Где он берет пистолет, пули которого пробивают стальные ворота и вслепую находят сердце джинна? И в СИЗО оборотня-наркоторговца он убивает очень странным, необычным способом. Но при этом – человек? Маг?

* * *

– Среди людей тоже есть маги, – сказал Хозяин. – Странное извращение законов природы. Если бы не это... Если бы не это – все было бы значительно проще. Вас бы выкосили, как траву, сразу, как наши предки пришли в этот мир... Вы мешаете. Вас слишком много. Без вас... Хотя, если честно, я бы сохранил несколько тысяч людей, небольшое коллекционное стадо. Пить что-то нужно...

В горле Хозяина заклокотало – так он смеялся.

– Но, насколько я знаю, не сложилось. Кто-то решил вас не замечать, кто-то – сделать союзниками... Особо мудрые хотели использовать людей как аргумент в споре с врагами. Сейчас бы сказали – как пушечное мясо. Людьями так просто управлять. Самые изощренные попытались стать вашими богами... А тут еще маги. Люди-маги! Ошибка природы... Магические бутылки для крови! Чушь, невозможное сочетание. Немыслимое. – Хозяин взял со стола человеческий череп, погладил его. – Вот, как этот. Он полагал, что равен нам... мне. Что может потребовать... не попросить, не умолять, а потребовать... А я был в не слишком хорошем настроении. Молодым я тогда был, резким... А череп сохранил как напоминание о человеческой наглости... или глупости...

– Или силе, – прошептал Влад.

– Что ты сказал? – Хозяин даже не удивился и не разозлился. Просто переспросил, как переспрашивают заболтавшегося ребенка, с одной целью: чтобы тот сам сообразил, что сказал глупость.

Но ребенок решил проявить упрямство.

– Ты сохранил этот череп, как напоминание о человеческой силе, – сказал Влад, глядя в полыхнувшие красным глаза Хозяина.

– Хочешь мне объяснить? Или это просто глупый бессмысленный вызов, странное желание получить новую порцию боли? – Хозяин еле заметно шевельнул пальцами правой руки, и Влад почувствовал, как удавка тихонько легла на горло. – Попытаешься ответить?

– Да... – Влад хотел было откашляться, но решил, что если Хозяин не захочет слушать, то все равно сказать ничего не получится. – Я объясню.

Удавка ослабла, почти исчезла.

– Ты убил многих, – сказал Влад. – И я не видел здесь их черепов.

– Ты многого еще не видел, – заметил Хозяин, скрестив руки на груди. – Это еще не значит...

– Ты искренне полагаешь, что люди годятся только в пищу...

Хозяин поморщился пренебрежительно:

– При чем здесь пища? Мы не питаемся вашей кровью, я тебе уже объяснял...

– Я помню. Не пища – наркотики...

– Пусть наркотики, ты все равно не поймешь. Пусть – наркотики.

– Я сталкивался с наркоманами, – сказал Влад. – Они очень странные люди... существа... Очень странные. Но ни один из них не хранит пустые ампулы, как напоминание... Использованное – выбрасывают, а не складывают на стол и не хранят в течение сотен лет.

– Это люди, – напомнил Хозяин. – Всего лишь люди.

– Люди. Люди хранят пули, которые их чуть не убили, камни, извлеченные из почек... Дикари до сих пор хранят головы врагов, самых опасных врагов...

– Это люди! – повысил голос Хозяин. – Они могут делать все, что им заблагорассудится. А я...

– А ты хранишь своих врагов в каменных гробах, я видел. Там есть и люди...

– Коллекционные бутылки, – быстро сказал Хозяин.

– Пусть бутылки. Но сатра не был бутылкой, он был твоим врагом, настойчивым и целеустремленным. Там есть и маах'керу, и дейвона, и Наблюдатель, и Часовщик...

– Ты будешь перечислять всех?

– Но там нет человека-мага. Есть только его череп у тебя на столе. Ты не решился... или не смог его усыпить и уложить в каменный гроб. Не смог... Испугался! – почти выкрикнул Влад. – Он почти победил тебя, ведь так? Так? Ты выжил чудом... каким-то недобрым чудом... И этот череп на столе напоминает тебе об этом. Не так?

Влад закрыл глаза. Сейчас удавка захлестнет ему горло, стиснет... А если повезет, если ему удалось разозлить Хозяина, то невидимая удавка будет сжиматься, пока не сломает горло и позвоночник, пока он не ускользнет из этого мира...

– Так... – тихо ответил Хозяин, так тихо, что Влад еле расслышал это короткое слово. – Так.

Влад ждал.

– Ты угадал, – сказал Хозяин. – Он был...

Хозяин положил череп на стол.

– Он был... силен. Я до этого и не предполагал, что человек-маг может быть таким сильным.. Если бы не обстоятельства... Я не мог ничего поделать... Если бы... если бы не... – Хозяин вдруг поднял голову, посмотрел в лицо Владу. – Ты угадал? Или тут что-то другое? Что? Я тебя спросил – что?

Теперь Хозяин кричал, и kloкочущий его голос заполнял зал, выдавливая воздух и гася свечи в канделябрах – одну за другой. И по мере того, как гасли свечи, разгорались глаза Хозяина, полыхали огнем, обжигая лицо Влада.

Или Владу это только казалось.

Погасла последняя свеча, два ослепительно-красных огня приблизились к Владу. Влад поднял руку, защищаясь от жара.

– Ты скажешь... – прошептал Хозяин. – Скажешь...
Боль и темнота обрушились на Влада одновременно.
* * *

– Вам плохо? – Капустян оказался возле Влада, подхватил его под руку. – В машину, пойдете в машину. И, может, съездим к врачу?

– К врачу? – переспросил Влад. – Может быть... Может...

Лейтенант почти подтащил его к машине, помог сесть на заднее сиденье. Аккуратно закрыл дверцу, сел за руль.

– Подожди, – пробормотал Влад. – Подожди... Дай отдышаться.

Горло саднило, будто удавка на самом деле сжимала его горло, будто вот только что он разговаривал с Хозяином.

– Там есть полотенце, – сказал Капустян. – Чистое. Справа, в пакете.

– Зачем?

– У вас голова совсем мокрая, вытрите, а то простудитесь...

– Ага, – кивнул Влад. – Или еще чем заболею... Как говаривал мой сержант, одному ходить скучно, хочу с менингитом.

– Так возьмите полотенце...

– А может, мне и вправду скучно одному ходить?

– А вы не один. Я вот, братья Лютые опять же. И машина Серого стоит неподалеку, точно по вашу душу.

Влад оглянулся – точно такая же тачка, как и та, что они вчера разбили на Холодной горе. Привычка – вторая натура. Серый всегда на черном бумере. Ну и черт с ним. Только вот к врачу сейчас ехать нельзя, с Серым на хвосте.

Домой? Домой тоже не очень хочется. Совсем не хочется. Кровь с двери еще не отмыта. И испуганные лица соседей. Еще бы, четверых людей убили. Целую семью.

А если бы... Если бы соседи могли видеть сквозь Пелену... Или если бы сами рассмотрели, как их соседи по подъезду меняют облик... те, кто жил в их подъезде... Так же горевали бы и ужасались чужой, нечеловеческой жестокости или сказали бы, что, мол, так этим тварям и нужно?

Сам он, Влад, что думает об этом?

– У тебя есть телефон полковника Петренко, из Киева?

– Есть, – подтвердил Капустян.

– Позвони, скажи, что хочешь лично с ним переговорить. Есть дело. Информация очень важная. Только лично.

– В Киев позвонить?

– В Харьков. В Харькове он. Ты что, не знал?

– Нет, мне подполковник Осокин дал его телефон, приказал докладывать... – Капустяну было неловко, что вот так он опростоволосился, проявил некомпетентность. – Я позвоню...

– Тогда не говори, что хочешь лично с ним встретиться. Скажи, что нужно хоть с кем-то посоветоваться, что ты кое-что нашел у меня... А подполковник Осокин в командировке. Ты растерян, не знаешь, что делать... Усек?

– Усек, – кивнул Капустян.

– Вот и молодец. Когда он скажет, где у вас встреча, езжай туда, это на Есенина, в районе проспекта Ленина...

– Я знаю, – сказал Капустян. – Там спортдиспансер неподалеку.

– Молодец, – пробормотал Влад, закрывая глаза. – Пока туда не приедешь – меня не буди. Что-то меня того...

Влад почувствовал, что проваливается, вздрогнул.

– ...капитан! Товарищ капитан!

– Что? Приехали? – Влад открыл глаза и обнаружил, что машина так и стоит перед театром. – Какого?..

– Полковник Петренко трубку не берет.

– Перезвони.
– Я уже минут пять звоню – без толку.
– Отключен?
– Нет, звонок проходит, но полковник не берет трубку.
– В сортире, – сказал Влад. – Или в ванной. Полковники любят по ванным да по сортирам шляться. Давай, я все-таки подремлю, а ты позвони ему еще... И потихоньку трогай на Есенина.

– А Серый?
– А Серый пусть за нами едет, если ему нужно. Не стрелять же... – Влад понял, что начинает нести чушь. – Извини, меня что-то развезло... Хреново как-то.

Влад снова закрыл глаза, спрятав руки в карманах куртки. Правую руку он привычно держал на пистолете. Левую... Пальцами левой руки он незаметно для себя гладил хрупкие на вид, неощутимые лепестки цветка сатра.

Влад не замечал этого, как и не замечал, что цветок начинает еле заметно светиться...

* * *

Солнце почти село. Лишь самый его край багровой полоской выступал над горизонтом. Приблуда так и не вернулся в балку, лежал на холме, раскинув руки и глядя в темнеющее небо.

Волк сидел рядом, покусывая травинку.

– А ты не из наших краев, – сказал Приблуда. – Разговор у тебя вроде как чужой.
– А это плохо? – спросил Волк. – Если я нездешний?
– А чего? Лишь бы человек хороший. – Приблуда чуть скосил глаза, глянул на Волка. – Чтоб в бога веровал...

– И горилку пил, – закончил Волк. – Пью. И вот...

Волк вытащил крестик из-под рубахи.

– Вот я и говорю... – Приблуда снова посмотрел на небо. – Но ты не из тутошних?
– Я, брат, из Сербии, – сказал Волк.
– Откуда?
– Из Сербии. За Черным морем, за Турцией, за Средиземным морем...
– Далеко, – сказал Приблуда.
– Далеко, – согласился Волк.
– У вас красиво?
– Красиво.
– Как у нас?
– Нет. Не так, по-другому. У нас – горы. Высокие. Красивые.
– Как крымские? – Приблуда никогда не видел гор, но слышал про то, что в Крыму горы высокие, лесом поросшие или голые, как кости.

– Выше.
– Посмотреть бы... – протянул Приблуда.
– Посмотришь еще, – сказал Волк.
– Я бы попутешествовал... Хотел с чумаками, да батька не разрешили. Сказали, еще успею...

– Успеешь.
– Скорее бы. Вот разведаем, что нужно, вернемся в Сечь...
– Разведаем?
– Ну, мы же разведать идем? – Приблуда даже приподнялся на локте. – Крепость разведаем, да и назад. Так ведь?

Волк не ответил. Солнце совсем скрылось из глаз, оставив темно-красную полосу в небе на западе.

«Как кровь», – подумал Приблуда, и тошнота снова подступила к горлу – вспомнил, как пытали татарина.

* * *

– Ты прямо из Сербии сюда? – спросил Приблуда.

– Нет. Я поездил по миру, и в Италии был, и в Чехии, и в германских землях...

– Мой батька тоже были в Германии. Рассказывали, как там...

– А как там? – спросил Волк странным тоном.

– Тоже люди живут, – ответил Приблуда. – Воюют, проклятые, друг с другом. За веру воюют, за земли... Наших часто туда зовут, большие деньги платят. Да еще добыча. Батька талеров привез серебряных.

– Из них серебро для сабли плавил?

– Из них. А зачем – батька не сказали.

– А против оборотней, – пояснил Волк. – Вот против меня. Обычной саблей ты меня долго убивать будешь, я тебя скорее заем. А серебром... Он тебе пуль серебряных часом не дал с собой?

– Дал. Только у меня ни пистоля нет, ни самопала... – развел руками Приблуда.

Волк молча вытащил из-за пояса пистолет и протянул Приблуде.

– Мне? – удивился тот.

– Бери-бери, как выстрелишь пулю из него, свою, серебряную, заряди... – Волк снова усмехнулся, показав крупные острые зубы. – И тогда уж стреляй не в людей, а в меня стреляй, в Синицу...

– Типун тебе! – перекрестился Приблуда.

– Ну, тогда в змея стрельнешь, если встретишься.

– Так змей в крепости. – Приблуда не мог отвести взгляда от подарка. – Змей в крепости, мы тут. К полуночи появится татарва, мы их кого побьем, кого повяжем... Нет?

Приблуда насторожился – что-то в Волке было не так, что-то он не договаривал. Ну, не полезут же они в самую крепость, там же и полсотни воинов, и этот проклятый Степной Орел, и змей опять-таки.

– Мы что, в крепость пойдем? – шепотом спросил Приблуда.

Улыбка Волка стала еще шире и еще неприятнее – будто хищный зверь скалил зубы.

– Что на роду написано, то и будет, – сказал Волк. – Только надеюсь я, что тебе еще долго жить, еще со мной в путешествие отправишься. В Прагу. Хочешь в Прагу? Колдовской город, колдовской... Или к мадьярам? У них там хорошо, костров не жгут...

– Как это – костров не жгут? И в поле не жгут, и в походе?

– Для таких, как я, не жгут, – непонятно ответил Волк. – Ведьм не жгут. Их король закон написал, что у мадьяров ведьм нет.

– И нету? – недоверчиво спросил Приблуда. – Закона послушались?

* * *

Лейтенант тронул Влада за плечо.

– Что?

– Мы на Есенина приехали, – пояснил Капустян. – Только полковник трубку все так и не берет...

– Не берет... – протянул Влад. – Слышь, Игорек, ты в Венгрии был когда-нибудь?

– Нет.

– Не слышал, там и вправду ведьм нету?

– Не слышал. А что, нету? Они ж везде есть.

– Ну, здравствуйте! – засмеялся Влад. – То есть ты у нас, товарищ лейтенант, в ведьм веришь?

– Обязательно. Я ж в ведьмовском месте жил, под Полтавой.

– Близ Диканьки?

– Зачем? В Пелипейченках. Я там родился и до десяти лет жил. Так что всякого такого насмотрелся. Меня даже и не крестили из-за этого, соседка сказала – нельзя. А с соседкой, бабкой Мотрей, у нас никто в Пелипейченках не спорил, так как ведьма, и на своем могла настоять... Ей сто лет было, как я родился...

– Крутая бабка... – сказал Влад, оглядываясь.

– Крутая, – согласился Капустян. – У нас в войну в деревне немцев не было.
– Бабка всех под откос пустила?
– Они болеть начинали, как приезжали. Болеть там, руки-ноги на ровном месте ломать.
– Бабе орден не дали? Или медаль партизанскую?
– Не дали. Партизан у нас, правда, тоже не было.
– И по той же причине? – предположил Влад.
– По той же, – вздохнул Капустян.
– И бабка была твоя родственница?
– Двоюродная сестра моей бабки.
– Ясенько... А машины Серого я не вижу... – Влад демонстративно покрутил головой.
– Когда мы его потеряли?
– А как от театра отъехали, так он сразу и потерялся. Мы на Рымарскую, потом по Классическому на Клочковскую, и по Космической поднялись на проспект. А они с Совнаркомовской направо...
– Понял-понял, – прервал лейтенанта Влад. – Можно без подробностей.
– Как сюда приехали, я еще раз полковнику позвонил, он на звонок не ответил, я вас и разбудил.
– Молодец. Возьми с полки пирожок...
– Какой? С какой полки?
Влад посмотрел на Капустяна с уважением:
– Где ж тебя, болезного, растили и воспитывали? Элементарных вещей не знаешь... Возьми с полки пирожок, сотри пыль и положи на место. Классика.
– Шутка? – помолчав, неуверенно спросил Капустян.
– Очень смешная, у нас весь детский сад смеялся. Но ты ведь не ходил в детский сад?
– Нет. Я же сказал, до десяти лет я жил в Пелипейченках...
– Не начинай, прошу... – Влад поднял руки, словно сдаваясь. – Лучше скажи, мы пойдем к полковнику Петренко стучать в дверь или поедем по делам?
– А зачем стучать? Он же на звонки не отвечает? И дверь не откроет.
– Логично. Тогда поехали в «неотложку».
– К врачу?
– Естественно.
– К тому самому, ко вчерашнему? – уточнил Капустян.
– А к кому еще?
– Так его там, наверное, нету. У него ж дежурство было. Сутки прошли, он домой ушел.
– Домой... Что-то я сегодня с головой не дружу. – Влад потер лоб. – Вот не болит голова, особенно как поспал, а не соображает почти ничего. Как же я теперь его найду?
– А по телефону. Он мне, прощаясь, телефончик свой мобильный записал. Для вас.
– И когда ты мне его собирался передать? – с сарказмом поинтересовался Влад, но Капустян сарказма не заметил.
– Как только вы спросили бы, так я и передал бы сразу. – Капустян достал из внутреннего кармана куртки портмоне, открыл его, из бокового кармашка извлек сложенную вдвое бумажку и протянул капитану. – Пожалуйста.
– А ты пока позвони полковнику еще раз, для очистки совести.
Полковник снова не ответил. Зато врач ответил сразу.
– Я ждал твоего звонка, – вместо приветствия сказал сатра.
– Уже слышал о том, что произошло? – спросил Влад.
– Такие известия среди нас распространяются очень быстро, – ответил врач. – Но я сейчас не об этом. Я хотел услышать о твоих снах.
– Снах? – переспросил Влад. – Что тебе до моих снов? Что моим сном до тебя?
– Тебе снилось прошлое? Чужое прошлое.
– Не знаю... Может, мне вообще ничего не снилось...

– Нужно встретиться.
– Встречайся.
– Нам с тобой нужно встретиться, клянусь копытами Праотца, – настойчиво повторил врач. – Ты понимаешь?
– Я понимаю, но... Зачем?
– Ты давно спал?
– Только что проснулся. Вырубился в машине, задремал... Доктор, это нормально? Я не болен? А еще меня обижают, задают дурацкие вопросы и никто ничего не хочет говорить. Вернее, все несут всякую чушь, но правды никто сказать не хочет.
– Я хочу.
– В самом деле, доктор? – восхитился Влад. – Честно-пречестно? И где?
– В лесопарке. Конечная станция детской железной дороги. Сможешь быть через час?
– Могу через пятнадцать минут. Не хотелось бы в лесу...
– Через двадцать минут возле конечной станции, – сказал врач. – Можешь прийти не один, если боишься.
– Какая разница, боюсь я или не боюсь? И если два человека припрутся к вашему забавному домику в лесопарке, это что-то изменит в результате?
– Не изменит, – честно сказал врач. – Но тебе будет не так страшно.
– А как?
Врач выключил телефон.
Дождь усилился. Капли лупили по крыше, выбивая нервную дробь.
– У тебя оружие есть? – спросил Влад у Капустяна.
Тот молча откинул полу куртки.
– Ты как насчет прогулки по лесу? – Влад еще раз осмотрелся – в пределах видимости ничего подозрительного не наблюдалось. – Под дождем, в сопровождении капитана милиции со вздорным характером и плохим настроением?
– А я люблю ходить в лес, – лицо Капустяна приобрело даже какое-то мечтательное выражение. – В детстве с бабой Мотрей по грибы ходили, за травами. Она мне показывала, какие можно собирать, какие – нет.
– И передала свое искусство тебе? – с улыбкой спросил Влад, предвкушая очередное замешательство лейтенанта.
Но тот, став вдруг серьезным, мотнул головой:
– Не успела.
– Что значит, не успела? Ты уехал?
– Я уехал уже после того, как она... Как она погибла.
Желание продолжать расспросы у Влада пропало сразу. Он почувствовал себя подонком, издевающимся над мальчишкой.
– Извини, – пробормотал Влад. – Я...
– Ничего, за что извинять? Вы спросили, я ответил... Я бабу Матрену почти и не помню вовсе. И тот день почти не помню. Мы пошли в лес летом, наверное, за грибами... А вечером меня нашли возле деревни, без сознания... Бросились ее искать, нашли только к утру. Потом мне отец сказал, что забил ее кто-то до смерти. А старухи шептались, что леший на нее обиделся. Я слышал, как моя родная бабушка подруге своей сказала, что леший меня хотел забрать... Но бабу Матрена не дала. Она и лешего не боялась, такая была... А я ее не помню совсем.
– Ладно, – откашлявшись, сказал Влад. – Поехали. Через Сокольники. Сразу за подстанцией – поворот налево, в лесопарк.
Машина плавно тронулась.
А зачем, собственно, он собрался встречаться с врачом? Допросить? Поблагодарить за лечение? Или встряхнуть из козлоногого всю правду об отправленных им в дурку людях? Или вопрос не так нужно ставить? Нужно спросить, зачем сатра хочет говорить с ним? Врача ведь явно интересуют его, Влада, сны.

Или это сам сатра вызвал эти видения? Теперь хочет проверить. Сличить.

Машину тряхнуло, Влад оглянулся – он зацепили колесом выбоину прямо посередине дороги.

– Машину не жалко? – спросил Влад.

Капустян не ответил.

И ладно – его право.

Влад набрал на мобильнике номер телефона Богдана.

– У аппарата, – сказал Богдан.

– Тебя уже отпустили?

– Раньше, чем тебя. Тебя, я слышал...

– Ничего нового не узнали?

– Про убийство? Почти ничего. Холодное оружие, около четырех часов утра. Дверь не взломана. Почему никто из них не кричал – загадка. И драки не было. Отца семейства вначале убили, потом вскрыли горло, и кровь... Это самое. Ты понял.

– Понял. Вариантов нет?

– Какие варианты? Он работает... работал водителем грузовика, развозил по киоскам продукты. Она сидела с детьми. У них там и брать-то было нечего. В общем, все склоняются к тому, что это для тебя было сделано. Припугнуть, отомстить...

– Следы?

– Один след в крови на лестничной площадке. Ботинок сорок третьего размера. Подошва рубчатая, почти новая. Ну, ты и сам же видел.

– Видел... – сказал Влад задумчиво. – Говоришь, одним ударом отца убили?

– Одним, точно в сердце. А что?

– Ты сможешь сам к экспертам сходить?

– Да. Зачем?

– Пусть побыстрее выяснят, чем нанесены раны. Металл.

– Металл?

– Состав. Остались частицы в ране или нет. И как можно быстрее. Нужно будет – поставь бутылку, две, три, ящик. Денег дай. Но чтобы быстро сделали анализ. Остальное меня интересует меньше. Выяснишь – сразу мне отзовишься. У Руслана как?

– Руслан продолжает копать, полез зачем-то в файлы Интерпола. Доиграется когда-нибудь наш мыслитель, задницей чую. Но, судя по загадочной физиономии, чего-то такое уже накопал. Я его знаю. – В голосе Богдана явственно прозвучала гордость за брата и еще одна, очень знакомая Владу интонация.

– Богдан! – строго сказал Влад.

– Что?

– А я чую, что ты снова с братом соревноваться решил.

– Да что вы, товарищ капитан. Да ни в жисть. Я ж человек дисциплинированный...

– А я тебя знаю давно и очень хорошо...

– И насквозь вижу, это если немцы скажут, что рентген изобрели они, – бодро подхватил Богдан. – Зуб даю...

– Если бы я каждый раз тебя на этом ловил, то ты бы уже без зубов остался, – сказал Влад. – Не вздумай никуда без меня лезть. Иначе...

– Утонешь – домой не приходи. Я помню. Я знаю. Я сделаю. Вот только одну штуку выясню – и сразу прекращу. Честное ментовское. Пока, мне некогда.

– Твою мать, – ровным голосом произнес Влад, пряча телефон в карман.

Братья устроили соревнование. Умный лезет в чужие файлы, за что вполне может огрести неприятностей по самые некуда, хитрый может получить по голове в самом прямом смысле этого слова.

Но остановить ни того, ни другого уже не получится. Лютые на тропе войны. Черт!

– А они вправду – братья? – спросил, не поворачивая головы, Капустян. – Ведь не похожи совсем. Богдан светлый, кость крупная, а Руслан такой худощавый, брюнет. Цвет

глаз – разный. Если бы мне не сказали – никогда бы не подумал.

– А ты и не думай. Братья – братья и есть. Даже больше, чем братья.

– Это как?

– Как?.. Они сами выбрали себе брата. Руслан – Богдана, Богдан – Руслана. В детском доме. С трех лет – не разлей вода. Их попытались в разные заведения отправить, так оба сбежали, встретились на полпути. Во всяком случае, так гласит легенда. Сами они этого не помнят, им воспитатели рассказывали. А мне – директор детского дома.

– Заведующий.

– Анна Николаевна Сторожева, – оборвал начинающийся спор Влад. – Мы ездили в гости с ребятами, подарки отвозили, вот она и рассказала. Фамилию им, как водится, завхоз подобрал. Лютые, говорит, во всем – в драке, в работе. Им понравилось. С тех пор так и живут, братья Лютые. Не знаю, как кто, а я полагаю, что это больше, чем просто кровные братья. Нет?

– Наверное, – сказал Капустян. И добавил, немного подумав: – А у меня нет братьев. И сестер нет.

Лейтенант притормозил, пропуская машины, аккуратно повернул, въехал в лесопарк.

– Вот тут останови, – приказал Влад. – Постоишь здесь, внимательно посмотришь, чтобы никто из знакомых не нагрязнул. Понятно?

– Понятно. А если нагрязнут?

– Мне позвонишь.

Влад поднял воротник куртки, осторожно, чтоб не щелкнуло, снял пистолет с предохранителя и вышел под дождь. Струи воды ударили по лицу, голове, потекли за шиворот. Влад с сожалением подумал о кепке, которую оставил дома.

«Ничего, не растаешь», – напомнил он себе на всякий случай и пошел к платформе.

В годы его детства линия детской железной дороги заканчивалась небольшим побеленным сарайчиком с расписанием движения поезда и плакатами о правилах поведения на железной дороге на стене. Сейчас тут построили вполне приличную, почти европейскую платформу. Плакаты, правда, остались те же.

Врача еще не было.

Влад прошел по перрону, заглянул под навес. Никого. Прошел еще раз, теперь уже за перроном. Опять никого.

И то верно – нужно быть полным идиотом, чтобы в такую мерзкую погоду идти в лес. Полным идиотом, товарищ капитан. Капитан парохода наклоняется к переговорной трубе и зычным голосом командует в машинное отделение: «По-олный идио-от! Самый по-олный идиот!»

Влад даже улыбнулся. Смешно получилось. И у сатра получилось смешно – вытащить милиционера под дождь, а самому опоздать на... – Влад глянул на часы – ...на пятнадцать минут.

Можно, конечно, позвонить врачу, спросить: «Доколе?», или просто повернуться и уйти с высоко поднятой мокрой головой. Все можно. Можно даже встать под навес... Хотя под навес идти как раз и не стоит. Дождь стучит по листьям, по перрону, а по навесу он просто грохочет, и торчать там, все равно, что залезть в барабан – будет слышен только грохот и ничего другого.

Влад отошел подальше от навеса.

Ему стало холодно. Глаза все время приходилось вытирать, левой рукой придерживать поднятый воротник куртки, чтобы хоть как-то уменьшить количество воды, вливающейся за шиворот.

Врач опаздывал уже на полчаса. И это настораживало.

Влад достал телефон, нажал на кнопку – пошли гудки, но врач не отвечал.

«Смешно, – подумал Влад. – Вначале полковник Петренко. Потом – доктор. Никто не хочет разговаривать с ментами. Обидно даже».

Повторный вызов также был проигнорирован. И еще один. И еще.

«Так, – строго сказал себе Влад. – Ловить здесь нечего. Доктор не придет. Почему – вопрос, но ждать его...»

Иногда очень трудно отличить причины от следствий. Влад не мог потом сообразить – он поскользнулся, и поэтому пуля прошла над самой его головой, или он рухнул прямо в лужу оттого, что пуля свистнула над ним.

Вторая пуля ударила в лужу, взметнув фонтанчик воды. Влад откатился в сторону, все еще не увидев стрелка.

Выстрелов он не слышал, но от ударов пуль в стену полетела кирпичная крошка, а от ударов в покрытие перрона раскололась плитка. Как в хреновом ночном бреду – понимаешь, что подступает смерть, а ничего... Влад попытался вскочить на ноги, поскользнулся и проехал метра три на животе. Пуля снова высекла крошку из стены.

«Где же ты?!»

Влад перевернулся на спину, вскинул пистолет. Деревья-деревья-деревья... Он оттолкнулся спиной от стены, пролетел вдоль перрона, ударился локтем о камни и чуть не выпустил оружие.

За спиной удар, визг пули, ушедшей рикошетом. Пятая? Или шестая? Влад пропахал борозду в мокрой земле, но добрался таки до более-менее надежного укрытия.

Пуля глухо ударила в ствол.

Дождь прекратился, капли падали с листьев и веток деревьев, гулко шлепались на перрон. И все. Больше никакого шума. Даже птицы не кричали.

Влад перевел дыхание, осторожно выглянул из-за дерева. Судя по всему, стрелок ему попался не слишком хороший, иначе лежал бы уже Влад Гетьман, посвистывая дырочкой в боку.

Возле дерева напротив платформы что-то шевельнулось – Влад прицелился. Не хватало еще подстрелить какого-нибудь лесника. Или ненормального спортсмена. Был кто-то за деревом, точно – был, только рассмотреть не получалось, по-осеннему быстро стемнело.

При хорошем раскладе и оппонент должен был видеть так же хреново. Влад прикинул расстояние до соседнего дерева, посмотрел под ноги – мокрая пожухлая листва не самое лучшее покрытие для беговой дорожки, но придется рискнуть.

Раз, два, три – Влад оттолкнулся левой рукой от дерева и прыгнул.

Теперь он явственно расслышал хлопок пистолета с глушителем. «Макаров» Гетьмана дважды грохнул, оглушив и ослепив Влада.

– Твою мать, – пробормотал Влад, прижимаясь к мокрому стволу дуба.

Ну не его конек стрельба в темноте. И пистолет не слишком для этого приспособлен, слепит выстрелом, зараза, и выдает местонахождение стрелка.

«Выдает», – подтвердила пуля, смачно впечатавшись в дерево.

Влад выстрелил, не целясь, прикрыв глаза. Попасть – не попал, но увидел, как темное пятно за деревьями напротив качнулось в сторону. Он выстрелил еще раз, прицельно... И снова мимо.

Собственно, товарищ капитан, у обоих участников дискуссии есть только один разумный выход – делать ноги, осторожно перемещаясь от дерева к дереву. Они тут натяканы густо, лесопарк все-таки. Несколько шагов, и пуля уже не проскочит за тобой. И...

Влад выстрелил и перебежал к соседнему дереву.

Противник с выстрелом замешкался, выстрелил уже после того, как Влад спрятался. И это славно. Скоро будет совсем темно. Тогда... а что тогда? У капитана милиции проснется ночное зрение? Капитан милиции вообще ничего видеть не будет. А с его гроыхающей и сверкающей пушкой и вообще наступит полный гаплык, как говаривали дальние предки капитана – запорожцы. То есть абсолютный.

Нужно бежать. Нужно...

Влад присел, пошарил вокруг себя левой рукой в поисках какой-нибудь палки. В этот момент супостат выстрелил, и на голову Влада посыпалась труха. Обошел таки, паразит.

Влад на корточках отодвинулся за дерево. Нет, этот гад видит в темноте значительно

лучше его. И не хрустит ветками, не шуршит листьями, хотя да, мокрые листья не шуршат. Влад поднял пистолет, прислушался.

По дороге, проходящей неподалеку, едут машины. И визгливые троллейбусы. А стрелок сейчас крадется, снова обходя притаившегося милиционера...

Влад вскинул пистолет, но в последний миг удержался от того, чтобы нажать на спуск. Не психовать. Только не психовать.

Дождаться очередного выстрела, застонать и вроде как упасть. Он подойдет посмотреть и добить... Подойдет, в кино всегда подходят и напарываются на встречную пулю. Будем надеяться, что противник этих фильмов не смотрел...

Что-то хрустнуло, не в той стороне, откуда прилетела пуля до этого. Чуть правее. Обходит. Влад прицелился в темноту. Еще разик. Сделай еще один шаг. Ну...

Снова щелчок, но не оттуда, где хрустнула ветка, метров на пять левее. Да что же их там, двое?

Влад левой рукой подпер правую руку с пистолетом. Или их двое, или...

Снова шорох, и снова выстрел. Стрелок явно увлекся кем-то другим. А этот кто-то другой, похоже, либо не понял, что в него стреляют, либо не совсем дружит с головой. И все это напоминает одного знакомого...

Влад набрал в легкие воздуха, но в последнюю секунду удержался от крика. Если это Капустян, то он явно подкрадывается. От одного хруста ветки до другого прошло три или четыре секунды, значит, ступает лейтенант медленно, остерегается. И местоположение противника, пусть приблизительно, но представляет.

А Влада противник потерял из виду. Решил, что это Влад отошел так далеко от места первоначального огневого контакта. Кто же это придумал эти долбанные глушители? Порядочному человеку и прицелиться толком не во что.

Капустян, похоже, не просто наступил на ветку, а споткнулся и вломился в мелкий кустарник всей своей немаленькой массой. Снова щелкнул пистолет с глушителем. Еще раз. То ли действительно видит паразит лучше, то ли торопится воспользоваться ошибкой противника.

Влад медленно выдохнул, чтобы успокоить колотящееся сердце и руки, ходящие ходуном. Спокойно. Если у Капустяна проблемы, помочь ему можно будет только после того, как невидимый стрелок умрет. Или уйдет, во что почему-то не верилось. Вот не верилось и все.

Настойчиво гад старается отправить милиционера на тот свет. «Да прекрати ты ворочаться!» – чуть не закричал Влад. Кусты хрустят. Зацепил. Точно, зацепил. Ну, где же ты?

Снова щелкнул пистолет в темноте, хруст веток прекратился. Все? Лейтенант так и не выстрелил в ответ. Влад затаил дыхание.

Ты убил противника. Убил, он больше не шевелится. Что нужно сделать убийце? Правильно, убедиться в том, что противник действительно умер. Каким способом? Тоже правильно, подойти поближе. Или, если он такой умный, то осветить фонариком убитого из-за дерева.

Ну? Умный ты или очень умный?

Влад застыл, целясь в темноту. Давай. Давай.

Блеснул свет фонарика. Влад нажал на спуск. И еще раз. И еще раз. Фонарик отлетел в сторону, конус света от него уперся в ветки деревьев.

– Вот так, – прошептал Влад.

Вот так, и не иначе. Сейчас мы встанем и подойдем к Капустяну. Подожди немного, Игорек. Совсем чуть-чуть. Сейчас только дыхание вернется в норму, и ноги снова смогут идти.

Влад медленно выпрямился. Перед глазамиплыли желтые пятна, во рту был мерзкий привкус сгоревшего пороха.

И как он теперь будет объяснять произошедшее? Каким образом объяснит, что

лейтенант попал под пулю, а он уцелел? Подставил молодого? Нехорошо получилось.

Влад шагнул вперед. Что-то дернуло его за полу куртки. Пистолет щелкнул почти в упор, Влад опрокинулся навзничь, в падении дважды нажал на спуск. Вспышки выстрелов осветили стоявшего прямо перед ним человека. Стоявшего, не падавшего.

А вот Влад падал на спину. Медленно-медленно. И вспышки выстрелов не гасли, освещая пистолет с уродливым, длинным от глушителя стволом в руке человека. И отсветы этих выстрелов в глазах убийцы. И...

Влад тяжело рухнул, взмахнув руками, пистолет отлетел в сторону.

И прогрохотал выстрел. Вспышка полыхнула за спиной противника, высветив его силуэт. И еще раз гроыхнуло не по-пистолетному. Как из пушки.

Что-то обрушилось на ноги Владу. Что-то или кто-то.

– Товарищ капитан! – позвал голос Капустяна в зазвеневшей тишине. – Вы целы?

Влад попытался ответить, но закашлялся.

– Я вас не задел? – спросил Капустян, приближаясь.

– Это ты из чего... – Влад перевел дыхание. – Из чего ты это так шарахнул?

– Помповое ружье, двенадцатый калибр. А что?

Капустян подошел к Владу, и тот почувствовал, как навалившаяся на ноги тяжесть исчезла.

– Как там он, мой неизвестный друг? – спросил Влад.

– Это ваш друг? – в голосе Капустяна даже успел мелькнуть ужас, прежде чем он сообразил, что капитан решил пошутить. – Шутите... Я его убил. Кажется.

Теперь голос лейтенанта стал слабеть, будто собрался он падать в обморок.

– Спокойно, лейтенант! – приказал Влад, вставая на ноги. – Если что, вали все на меня. Я возражать не стану. С ружьем может получиться неувязка...

– Оно мое, на меня зарегистрировано. Я вчера заехал домой, забрал из сейфа. Мне старший лейтенант Лютый сказал, чтобы я вас охранял, вот я и подумал...

– Кто из старших лейтенантов Лютых приказал? Тот, что умнее?

– Тот, что Богдан.

– Бутылка ему от меня. Две бутылки... У тебя нет фонарика?

– У меня нет. Я могу вот тот взять.

Капустян пошел за фонариком, Влад прислонился спиной к дереву.

Его только что убили. Несколько секунд назад пуля убийцы попала ему в живот, разрывая кишки. А потом этот гад подошел и добил Влада Гетьмана. Подошел и добил.

Желчь подкатила к горлу. Успокойся, баба. Не попал супостат. Не попал.

Пуля зацепила полу куртки – Влад нащупал дрожащими пальцами дырку. Чуть-чуть. Если бы не этот бестолковый лейтенант. Если бы не он...

Капустян вернулся к убитому, осветил голову, лишенную волос, татуировку на шее сзади, под самым затылком. Рану на спине.

– У тебя чем ружье заряжено было? – спросил хриплым голосом Влад.

– Пуля.

– Пуля двенадцатого калибра... – пробормотал Влад. – Ну, ты, блин, даешь. Ты как здесь оказался? Только не нужно мне цитировать «Белое солнце пустыни».

– Так действительно стреляли. Я вначале вас ждал в машине, потом, когда начало темнеть, вышел с зонтом, полез в багажник, собрал ружье и зарядил.

– А с собранным ты ездить не можешь?

– Так не положено...

– Понял, извини.

– Потом дождь прекратился, я закрыл зонт и пошел к платформе. А тут вы как раз начали стрелять.

– Я?

– Ну, «макаров». Если вы стреляли, значит, вам нужна помощь. Если в вас – то же самое, только еще нужнее. – Луч фонаря опустился к земле, и теперь освещал мокрые бурые

листья и топчущиеся на месте ноги Капустяна – лейтенант, похоже, смущенно потупил взор.

Это лучше, во всяком случае, чем если бы он падал в обморок и начинал пускать слезу по своему первому убиенному. В таких случаях нужно молодых нагружать работой. Например, поиском утерянного старшим по званию табельного оружия.

– Слышь, Игорек, ты тут с фонариком поищи мой пистолет. Нехорошо может получиться, если мы его потеряем. Поищи, а я пока тут постою.

– Ладно, – сказал Капустян, и луч фонарика принялся тщательно обшаривать листву и остатки травы.

– А ты чем шуршал? – спросил Влад. – Ты же, как я теперь понимаю, в кусты не падал.

– Не падал. Я зонтом шуршал. Раскрыл и шуршал из-за дерева. А он в зонт попал дважды. Хорошо стрелял. – Фонарик замер, лейтенант собрался задуматься.

– Ты не отвлекайся, – посоветовал Влад. – Ищи.

Луч света снова заскользил по корням деревьев и кустам.

– А как теперь объяснять? – спросил Капустян через минуту. – Я же его действительно убил. И в спину. Нужно же было предупредительный... Теперь пулю извлекут, проверят, а на ней масло, значит, первая пуля пошла на поражение, без предупредительного...

– Если бы ты не выстрелил, а начал выполнять инструкцию по применению, то сейчас тут было бы два трупа, и среди них не было бы этого шустрика. Вначале ты подавился бы своим «Стой, бросай оружие», потом бы уж я захлебнулся слезами и соплями отчаяния. Ты все сделал правильно.

Фонарик снова замер.

– Но ведь человек...

– Ты предпочел бы почетные похороны внутреннему расследованию? – поинтересовался Влад.

Дыхание полностью вернулось, руки и ноги больше не тряслись и вполне сносно выполняли свои функции. Ничто так не восстанавливает человеку настроение и силы, как слабость ближнего своего.

– Ему всю спину...

– Не ему всю спину, а мне жизнь спас. Старайся смотреть на происходящее с позитивной точки зрения. Кто к нам с мечом придет, тот, соответственно... Или эту фразу ты тоже в детстве не слышал?

– Слышал, – тяжело вздохнул Капустян. – Только легче от этого не становится. Мутит меня очень.

– Мутит – блевани, нельзя отказывать себе в мелочах, – посоветовал Влад.

Капустян ответил что-то совсем невнятное, даже, кажется, всхлипнул.

– Ну да, – как мог бодро произнес Влад, подошел к лейтенанту и отобрал у него фонарик. – Мы еще плакать сейчас начнем. Когда руку Крохе сломал – не плакал?

– Так то – руку. А то – человека убил, – лейтенант уже говорил сквозь слезы. – Человека...

– А если бы не человека? – неожиданно для себя спросил Влад и осветил лицо Капустяна. – Не человека, а, скажем, лешего?

– Лешего так просто не убьешь, – шмыгнул носом Капустян. – Он и глаза отвести может, и деревом прикинется...

– Но если бы тебе повезло, а лешему – нет. Ты бы тоже переживал? – Влад не отводил фонарика от лица лейтенанта, хоть тот начал щуриться и пытался заслониться от режущего света. – Тоже слезу пустил бы?

– Того, что бабушку мою убил – не жалел бы. А так... Не знаю. Он же не убил...

– Убил, в мыслях своих он уже меня убил. И тебя убил. Он в своих мыслях всех людей вокруг убил. Не слышал: «Согрешил в мыслях – согрешил наяву»? Слышал?

– Нет, я, конечно, слышал, но...

– Не нужно никаких «но», – как можно тверже сказал Влад. – Посмотри мне в глаза. Посмотри...

Влад осветил себе лицо.

– Я в своей жизни убивал. И не один раз. И даже не два, к сожалению. И к моему большому сожалению, некоторых убил слишком поздно, а некоторых не убил вообще. Если бы я мог сейчас все это вернуть, то убивал бы без малейшего сомнения. И мне не пришлось бы высылать деньги семье Олега Столярова, его вдове и двоим детям. И мне не пришлось бы кричать по ночам от страха и ненависти к самому себе. Слышишь? Слышишь?!

Влад опустил руку с фонариком.

– Вот он, – сказал Капустян. – Пистолет.

Лейтенант наклонился, поднял пистолет и протянул его Владу.

– Нашелся, – сказал он.

– Номер покажи, – потребовал Влад. – А то бывали прецеденты, знаешь ли. У меня приятель вот так тоже, нашел оброненное в реке, обрадовался... А потом выяснилось, что пистолет не его, проходит по трем заказным убийствам, а свое оружие он забыл, оказывается, у любовницы, и она из него чуть не застрелила своего супруга по пьяному делу.

– Вот, – сказал Капустян, отерев рукавом с пистолета воду и прилипшие листья. – Ваш номер?

– Наш, – глянув, сказал Влад. – Может, тебя еще заставить гильзы поискать?..

Лейтенант забрал у Влада фонарик, и луч снова зашарил по земле, отражаясь в сотнях капель.

– Я пошутил. – Влад поставил пистолет на предохранитель и спрятал в карман куртки.

– Я вообще – шутник. Не заметил?

– Заметил. Вы ведь и про приятеля с любовницей пошутили?

– Пошутили. Отдай фонарь.

– А я сразу понял, что пошутили. Смешно. Чуть не застрелила... А я застрелил. Наверное, нужно было по ногам... – голос лейтенанта снова сник. – По ногам, чтобы он не смог бежать и мог дать показания...

– Ну да, по ногам. А если бы ты промазал по его ногам, то как раз попал бы по мне, лежащему в грязи и позоре. Запомни, все, что ты делаешь с ходу, по наитию, правильно, иногда – единственно верно. При условии, что не делаешь ты заведомую глупость. Знаешь, чем отличается нарушение приказа от проявленной инициативы?

Капустян задумался.

– Слушай, лейтенант, давай проще. Если с ходу не знаешь, так сразу и скажи, не затягивай экспромт и не порть афоризм.

– Нарушение приказа – это...

– Короче. Напорол – нарушил приказ. Все получилось – проявил разумную инициативу. Причем, и в первом и во втором случае происходить может одно и то же. Оценка по результату. Усек? Как с кухонным ножом. Кухонная утварь, и кухонная утварь. А если ткнуть кого-нибудь в пузо?..

– Холодное оружие.

– Молодец. Похоже, это ты усек.

– Усек.

– Вот.

– Но ведь...

– Ты меня достал, лейтенант. Достал.

– Но ведь нужно будет вызвать машину, доложить...

– Не нужно, – отрезал Влад. – Ни хрена не нужно. Вернее, нужно будет одно... два. Первое – решить, куда мы денем ничейный «ствол». Есть варианты?

– Сдать можно... – неуверенно предложил Капустян.

– Типа, нашли на улице...

Лейтенант даже не кивнул, столько в голосе Влада было сарказма.

– Просто выбросить же нельзя... Вдруг найдет кто-то, случайно выстрелит. Или не случайно...

– Соображаешь, – Влад похлопал лейтенанта по плечу. – Значит, что остается?

– Спрятать?

– Пять баллов. Ты успешно проскочил проверку и каверзность в моем вопросе. Ведь ты мог еще сказать, что пистолет с глушителем и продать можно. Но ты не сказал, что свидетельствует о твоей высокой социальной ответственности.

«Боже, какую чушь я несу, – с тоской подумал Влад. – Я стою возле убитого Наблюдателя и несу всякую ахинею вместо того, чтобы бежать отсюда как можно дальше. Если Наблюдатели из того же ордена узнают, что это мы, я и лейтенант Капустян, угробили их соплеменника, то они просто убьют. В смысле, просто убьют, а вот умирать оба милиционера будут ой как непросто. Наблюдатели – не маах'керу, не станут играть в благородство и устраивать поединок чести. Убьют самым долгим и мучительным способом. Благо за тысячи лет накопился у них в этом деле громадный опыт...»

Влад посмотрел на часы. С момента гибели Наблюдателя прошло почти полчаса. Времени на принятие решения практически не осталось. Если не показать Игорю то, что сейчас произойдет, он так и будет мучить себя мыслью об убийстве. Если показать... Сволочь ты, Владик. Не зря тебя так не любят многие товарищи по службе.

Втягивать пацана в эти дела. Так заботливо отстранять братьев Лютых от возможных двусмысленностей, и так просто бросить мальчишку в самое пекло.

Ладно. Будем надеяться, что если и будет хуже, то не намного.

– Иди сюда, – сказал Влад, подойдя к лежащему на земле телу.

Капустян подошел и встал рядом.

Влад опять посмотрел на часы. Потом навел фонарик на тело. Капустян глубоко, со всхлипом вздохнул.

– Смотри, – приказал Влад. – Не отрываясь, смотри.

Сейчас Капустян видит здорового бритоголового парня в кожаной косухе, запятанной алым. Красное на черном. Левая рука лежит вдоль тела, правая, с пистолетом, вытянута вперед, будто даже умирая, убийца хотел выстрелить.

– Не нужно, – попросил лейтенант.

– Смотри, уже скоро.

– Что скоро? – успел спросить Капустян, но времени на ответ уже не осталось.

Дождь начался снова, крупные капли из темноты сверху влетали в освещенный круг, били по куртке мертвеца, размывали кровь... А потом вдруг как-то так получилось, что кровь перестала быть красной, кровавые ручейки и капли, размываемые дождевой водой, вдруг изменили цвет.

Серая жидкость почти слилась с черной курткой. Кисти рук, выглядывающие из рукавов, стали серыми, кожа головы и шеи...

Тело в световом круге начало терять очертания, оползать, таять, как медуза на солнце, растекаться мутными серыми каплями, сгустками, растворяющимися в этой жиже.

– Что?.. – выдохнул Капустян.

– Смотри, это быстро. Смотри внимательно. И запомни – кого бы ты сегодня ни убил, ты убил не человека.

– Не человека, – повторил за Владом Капустян.

– И ничего здесь не было. Понял? Вообще ничего.

Капустян, не отрываясь, смотрел на то, что еще несколько минут назад выглядело человеком и что менее часа назад пыталось убить его и Гетьмана.

– Что это? – спросил лейтенант, и Влад ему ответил, максимально точно и честно:

– Не человек.

Глава 7

Нужно было все бросить и уйти. Как можно быстрее. Лучше даже убежать. Киллер мог быть один, а мог – с помощниками. Хотя...

Влад кое-как вытер воду с лица рукавом, так, чтобы не выпачкаться слизью, оставшейся от убитого.

Капустяна он отправил к машине – осмотреться, посторожить, ну, и не лезть под руку, пока сам Гетьман будет копать в останках мертвого Наблюдателя.

Хотя называть останками липкую от слизи одежду, наверное, неправильно.

Фонарик Влад неловко зажал под мышкой, луч прыгал со стороны в сторону при каждом движении. Дождь усилился, и Влад промок насквозь. Это было неприятно. Но с другой стороны – и слизь меньше липла на руки, вода размывала то, что еще не успело вытечь из одежды на землю.

Откуда здесь взялся Наблюдатель? Какого хрена? В списке жертв убийцы-одиночки не было ни одного Наблюдателя. Дейвона, часовщик, джинна, маах'керу – да, были. И если бы их соплеменники стали проявлять любопытство и участие, было бы понятно. Но Наблюдатель?

Влад был близко знаком с одним Наблюдателем и особой нежности к этим безволосым тварям не испытывал. Понимал, что, наверное, не прав, что нельзя по одному уроду судить весь народ, но ничего не мог с собой поделать.

* * *

Курт Мюллер поднимает руку, целится в Олега Столярова указательным пальцем, словно играючи, и Олег умирает. Падает в раскаленный песок мертвым.

* * *

В карманах почти ничего не было. Пусто, если не считать трех полных магазинов к «беретте». И все – ни денег, ни документов, ничего другого.

И это странно. Да, убийца обычно не берет с собой на дело лишнего. Но Наблюдатель без магического оборудования? Вот Курт Мюллер, например, был с медальоном, который успешно останавливал пули. А этот...

И еще, Влад, как правило, успевал почувствовать опасность. Сам не понимал, как именно это у него получается, но чуял он затаившуюся угрозу всегда, иногда четче, иногда – на самом краю сознания, как легкое беспокойство. С самого детства.

А тут... Его попытались убить, а он ничего не почувствовал. Он даже не смог толком рассмотреть нападавшего. Наблюдатель, конечно, и без артефактов может многое, но все-таки... Все-таки...

Нужно эти сомнения отложить в сторону, засунуть куда подальше в память, чтобы не мешали, а потом, когда будет время, обдумать все еще раз, еще много-много раз...

Нет ни медальона, ни перстня, ни какого другого амулета. И это к лучшему, если оценивать вещи трезво. Если бы он имел амулет, то завалить его так просто у Капустяна не получилось бы. Ни фига не получилось бы.

Куртка, джинсы, ботинки, футболка, трусы, носки. Ничего, способного дать зацепку. И ничего, что связало бы Наблюдателя с добрым доктором-сатра, так удачно вызвавшим Влада прямо на линию огня. Кстати, зачем?

Зачем сатра вначале оставлять Владу жизнь в больнице, где все можно было проделать чисто и аккуратно, и вместо этого затевать ганфайтерские разборки под проливным дождем? Не нужно. У козлоногих, конечно, свои взгляды на жизнь, на смерть и на приоритеты в способах убийства, но, если верить рассказам Хозяина, то убивать сатра предпочитают собственными руками.

Черт-черт-черт-черт... Шмотки с покойничка нужно куда-то деть. Дождь, конечно, смывает все следы, но это для бестолковых полуслепых людей. Любой Наблюдатель легко опознает место гибели соплеменника. Интересно, а убийцу своего соплеменника он проследит?

Черт и еще раз миллион чертей! Принадлежащий Наблюдателям дом тут, рядом, меньше полукилометра, на территории авиационного завода.

За спиной послышался шорох, Влад оглянулся, схватившись за «беретту» Наблюдателя, но это был Капустян.

– Там все тихо, – сказал Игорь.

Говорил лейтенант уже почти спокойно, даже деловито. Главная проблема снята – убит

не человек. То, что убитый растворился, растекся в жидкую гадость – да, поражало, но для парня, у которого двоюродную бабушку убил леший, в происшествии не было ничего из ряда вон выходящего.

– Хорошо, – одобрил Влад то ли то, что все было спокойно, то ли нормальное состояние стажера. – Сейчас решим вторую проблему...

– Куда девать одежду? – уточнил Капустян. – Я пакет принес. Можно сложить туда, бросим в багажник, а потом я буду ехать мимо реки, суну в пакет камень и все утоплю. Нормально?

– Более чем. – Влад встал с корточек, со стоном разогнув колени. – Жаль, что гильзы придется оставить. Не дергайся, все равно не найдешь.

Влад достал телефон, набрал номер врача. Понятно, что не ответит, но попробовать стоит. Не ответил. У пессимистов есть одно преимущество – они вполне довольны, когда их предположение оправдывается.

– А позвони-ка ты, Игорек, полковнику. – Влад решил проверить свою проницательность по полной. – Может...

– Не может, – ответил Капустян. – Я пока сюда шел – дважды набирал, без толку. Не берет.

– Никто не хочет с нами разговаривать. Вот этот, Наблюдатель, хотел...

– Кто, простите?

– Вот этот, с пистолетом. Вот он пообщаться с нами хотел, своим, специфическим способом. А остальные...

– Еще тот, который ночью, – сказал вдруг Капустян.

– Что? – Влад осветил лицо лейтенанта. – Что ты сказал?

– Я сказал, что ночью, когда дверь кровью облили. Тоже что-то хотели передать. Знак. «Забавно, – подумал Влад. – Устами младенца глаголит истина».

– А что ж ты скрывал, – недовольным тоном спросил Влад, сунул Капустяну фонарик, а сам, скомкав, стал запихивать одежду Наблюдателя в пакет. – Что ж ты мне сразу не сказал, что умный?

– Это... – Капустян совсем засмутился. – Я...

– Скромный, значит. И это правильно, – одобрил Влад. – Продолжай в том же духе. Жаль, что я не смогу отметить твое мужество и сообразительность в рапорте...

– Не надо.

– Что не надо? Надо, но нельзя. Ты пьешь?

– Нет.

– И с бутылкой тоже не получилось... Могу в кабак сводить, на предмет пожрать от пуза... Посвети вокруг, ничего не забыли?

Капустян посветил – в траве матово блеснула гильза. Влад наклонился, подобрал – его, «макаровская». Вот бы и все остальные так же легко нашлись.

– Ты свою гильзу, от мушкета, поищи, – посоветовал Влад.

– А свою я уже подобрал. – Капустян взял у Влада пакет. – Мы в машину?

– В машину.

По дороге Влад не удержался и еще раз попытался дозвониться до врача. С тем же результатом.

– Машину я тебе совсем испачкаю, – усевшись на переднее сиденье, предупредил Влад. – Замучаешься отчищать.

– Ничего. Мне отец говорил, что вещи отличаются от людей тем, что их нужно использовать. – Капустян повернул ключ в замке зажигания. – Далеко едем?

– Нужно бы домой... Но давай немного посидим, подумаем.

– Давайте, – кивнул Капустян. – Подумаем. О чем?

– Порассуждаем. Функции делим следующим образом – я несу чушь и задаю дурацкие вопросы, а ты меня уличаешь и даешь умные ответы. Идет?

– Идет. Я только машину разверну к выезду, мало ли что...

Мало ли что. Это он опять правильно сказал. Молодец, Игорек. И папа у него – молодец. Толковый мужик. Только фразочки у него двусмысленные, так и не поймешь, людей нужно использовать или вещи. Честный и добрый Игорь Капустян решил, что вещи. А вот что имел в виду его отец?..

Ну, да бог с ним.

Капустян аккуратно развернул машину капотом к дороге. Включил «дворники»: ших-ших, ших-ших...

– О чем будем думать?

– Ты видел, как я вчера в машине чуть не убился?

Ших-ших, ших-ших...

– Практически нет, – подумав, ответил Капустян. – Я держался подальше, чтобы вы не заметили. Подъехал, когда вы уже остановились. Вам повезло тогда.

– Повезло, – согласился Влад. – Водитель вдруг вырубился, а ногу с педали газа не снял. Бывает?

Ших-ших, ших-ших...

– Не знаю. Всякое бывает. Вот, был человек, и в грязь превратился...

– Бывает, – кивнул Влад. – А скажи мне, прелестное дитя, а если бы машина шла снизу, от вокзала, а не сверху, с Холодной горы... Все так же плохо могло быть?

– Снизу вверх? Вряд ли. Там подъем довольно крутой. Даже если очень хочешь, сильно не разгонишься. Вряд ли.

– Вот и я так подумал. Как полагаешь, если наш неизвестный маньяк хотел подстеречь, скажем, Серого, то где бы он его ловил?

Ших-ших, ших-ших...

– Возле дома. Или возле офиса. У него же есть офис?

– Есть. Но он, предположим, не знает ни офиса, ни домашнего адреса – я ведь предупреждал, что вопросы будут идиотские...

– Дурацкие.

– Что?

– Вы сказали, будут дурацкие, а не идиотские, – уточнил Капустян. – А я...

– Ладно. Дурацкие. Не знает наш злоумышленник, где живет и работает Сергей Леонтьевич Серый. Но знает каким-то образом, что возит этот самый многоуважаемый филантроп капитана милиции по местам боевой славы того самого злоумышленника. Где будет сделана засада?

– На месте преступления, – не задумываясь на этот раз, ответил Капустян. – Только как он мог водителя...

– А как он мог тебя? В воздухе, говоришь, повис?

– Ну..

– А ты все в ноутбуке посмотрел? По всем эпизодам?

– Ну...

– Еще раз нукнешь, в лобовой отсек схлопочешь, прямо в область клюва. Все прочитал?

– Все.

– И все понятно тебе там?

– Нет. Не все. Совсем непонятно. Как он убивает? И сквозь ворота, вслепую, и с улицы в тюрьме...

– В СИЗО.

– В СИЗО... И цыганку. И коллекционера моего, после которого я с убийцей пересекался. Там же не было внешних повреждений на теле. Внутри, под ребрами – все в кашу, будто молотом паровым ударил, а снаружи – чистая кожа, ни кровоподтека, ни ссадины... В университете, опять же...

– То есть, убить он может странным образом, а вырубить водителя на расстоянии – хренушки?

Теперь Капустян задумался надолго, Влад его не торопил.

Он не сможет рассказать лейтенанту всего, но раз уж так сложилось, раз уж увидел лейтенант так много, пусть и дальше поработает в области нереального и загадочного. Тем более, что ведьмы есть везде, а бабушку его убил леший.

– Наверное, может, – сказал, наконец, Капустян. – Если по этой логике, то может.

– Во-от! – удовлетворенно протянул Влад. – Теперь, если загремлю я в дурку, то не один, а с тобой на пару. Будем сидеть в смиренных рубашках и переговариваться на мистические темы. То есть, мог?

– Мог.

– И еще мне скажи, друг любезный, в десять часов утра дороги очень в центре загружены? С Жуковского к гостинице «Белый лебедь» обязательно ехать через объездную трассу? Через Пятихатки и так далее...

– К СИЗО? Наверное, нет. Если бы дальше, к рынку. Или к Залютино – поехал бы. А к СИЗО... Наверное, ехал бы через центр. В крайнем случае, по Сумской, до Сокольников, там по Отакара Яроша, потом...

– Можно без подробностей, – разрешил Влад. – Признаем, что ты бы выбрал маршрут через центр.

– Мимо вокзала...

– Но не по объездной? – С Капустяном нужно будет поработать на предмет борьбы с излишними подробностями. – От вокзала бы поднимался к тюрьме?

– К СИЗО.

– Твою дивизию...

– От вокзала.

– Вот. А чем у нас отличается маршрут от вокзала от маршрута со стороны холодногорского рынка? Мы уже с тобой это выяснили. Ну?..

– Снизу – безопаснее? – спросил Капустян.

– Молодец, возьми с полки пирожок... Хотя о пирожке не будем, – спохватился Влад. – Тяжелое детство – железные игрушки...

– Почему железные?

– Не будем! – повысил голос Влад и сделал дирижерский жест, требующий замолчать. – Потом поговорим о фольклоре. Потом. Сейчас мы примем в качестве бреда идею, что маршрут к СИЗО был избран не оправданный, но делающий последствия обморока водителя куда более разрушительными.

– Нет, снизу тоже можно разогнаться. Я сам видел, как кто-то шел на скорости сто пятьдесят через мост...

– Я же сказал – в качестве бреда. Давай подумаем.

Капустян снова задумался. И снова Влад его не торопил. Ничего нового лейтенант ему сообщить не сможет. Ничего. Тем более что не знает Капустян всех подробностей. Просто Владу никуда не хотелось ехать. Совершенно никуда. Потому что Влад понял, кого хотели убить возле СИЗО. И даже возникло у Влада подозрение о том, что именно произошло прошлой ночью в его подъезде. И почему сегодня стреляли в капитана Гетьмана.

– Если в порядке бреда, то можно, – сказал Капустян. – Только одна заковыка. Это Серый сказал, чтобы ехали по объездной?

– Серый.

– Но он же не самоубийца? При аварии, особенно если ехали сверху, он бы тоже погиб. Почти наверняка. Вы и он. И водитель. То есть, мало того, что Серый знал, что будет нападение, так еще и погибнуть собирался вместе с вами? Нет, если в рамках бреда...

– В них, родимых. – Влад посмотрел на свои руки и обнаружил, что они все еще испачканы грязью, слизью и тухлой.

Влад опустил боковое стекло, выставил кисти наружу и стал мыть под струями дождя, как под краном.

Капустян достал из бардачка тряпку.

– Зато красиво получается, – вытирая руки, сказал Влад. – Авария, честная, без подделки. Скорость не так чтобы превышена. Покушались, скорее всего, на Серого. Это если вообще кто-нибудь станет рассматривать это как покушение. А если и закрадется подозрение, то, опять-таки, убивец-одиночка чудил, не иначе. А капитан милиции Гетьман попал под раздачу случайно. Совсем случайно. На его безвременную гибель можно внимания и не обращать. Смешные версии получаются иногда в рамках бреда. Учись, студент. И что из этого следует?

– Не знаю.

– А из этого следует, что надо бы мне позаботиться о здоровье и сохранении жизни. Как полагаешь?

– Мне старший лейтенант Лютый... – Капустян глянул на Влада и добавил торопливо: – Тот, который Богдан. Как раз и говорил, чтобы я присмотрел... охранял.

– Молодец старший лейтенант Лютый, тот, который Богдан. Благодарность ему от капитана Гетьмана, того, который Влад. – Он положил тряпку в бардачок. – А мы, пожалуй, поедem домой.

И тут, как в кино, подал голос его мобильник.

– А мы, старший лейтенант Лютый, только-только о тебе говорили, – сообщил Влад в телефон. – И даже хвалили. С меня, кстати, бутылка. Этикетку выберешь сам.

– С ума сошли? – уточнил Богдан. – Люди целый день, как проклятые, носятся по городу, разговаривают с разными неприятными типами, ищут, можно сказать, жемчуг истины в навозе повседневности, а их старший товарищ вместо того, чтобы подавать им пример, пытается спаивать. Этикетки, между прочим, разные бывают. И я знаю такие, что ваш убогий бюджет вычистят на год вперед.

– Подходит, – Влад покосился на Капустяна. – Сейчас скажешь или возьмешь время для углубленного исследования рынка?

– Все так весело? – совсем невеселым тоном спросил Богдан. – Нужна помощь?

– Да нет... Мы сами управились. Теперь прикидываю, ехать ли домой или...

– Или. То есть совсем или. Только что получил информацию – у тебя там снова проблема. И опять – смерть. Только на этот раз не в доме, а во дворе. И не житель дома, а пришлый цыган. И не зарезали. Собаки порвали. Буквально час назад произошло, пять минут назад я узнал, выяснил немного подробностей и сразу же перезвонил. Так что – или. Ты меня слышишь?

– Слышу, – сказал Влад, чувствуя, как немеет кожа на скулах. – Хорошо слышу. Подробнее.

– Подробнее... Бродячие собаки, здоровенные бродячие собаки. Сколько их – никто толком не видел и не слышал, что характерно. Парня восемнадцати лет собаки рвали в клочья, а он молчал. Ни звука. У тебя во дворе сад, перед самым домом детская площадка и дорожка. В дождь туда никто не ходит – грязно. А цыган, похоже, сидел там под навесом... Как я позавчера. – Богдан на несколько секунд замолчал, словно переводил дыхание, и Влад его понимал. – Как я позавчера. Да... И на него собаки там и напали... Сразу, как стемнело, похоже. Пацаны с бутылкой пошли прятаться от дождя, а там... Ты понимаешь...

– Понимаю.

– Этюд в багровых тонах. Вот... Я решил перезвонить – домой тебе ехать не стоит.

– Есть варианты?

– Ты же на машине?

– Не без того.

– Славно. Тогда совершаешь финт имени Юры Гринчука. Через задний проход. Помнишь?

– Помню.

– Вот и славно. Там тебя перехватит Руслан и ответит... Куда надо ответит. Хорошо?

– Хорошо. Телефон у ты, судя по всему...

– А с каких хренов мне ему доверять? Я теперь вообще никому доверять не буду. Если

какая собака ко мне ближе, чем на три метра подойдет – буду стрелять без предупреждения. Хоть болонка на поводке, хоть бультерьер орденосный. На всякий случай.

– А Руслан...

– Руслан убит ровно пять минут назад, сейчас петляет и проверяется. Ты, кстати...

– Не учи отца. Это я тебя, между прочим, учил «хвосты» рубить. Я... – Влад кашлянул.

– Что-то я расчирикался. Извини. Все сделаю, как нужно.

– И лейтенанта отпусти куда-нибудь. Заранее. На всякий случай. Не то чтобы я считал его стукачом...

– Ты именно так и считаешь.

– Я именно так и считаю. И мне не нравится, что я потихоньку схожу с ума. Ты мне честно скажи – можешь соскочить с этого дела?

– Нет.

– Хреново. Тогда не забудь свой телефончик куда-нибудь пристроить. Временно. Я свой, например, вот сейчас прямо на работе и оставлю. Руслан уже без связи.

– Я все понял, – оборвал Лютого Влад. – Все понял, все сделаю. Конец связи.

Телефон он выключил. Потом подумал и вынул из него аккумулятор. И карточку. С трудом поборол желание зашвырнуть телефон в темноту леса. Или выйти из машины и растоптать в мелкую крошку.

– Мне тоже? – спросил Капустян, с готовностью вынимая свой телефон из кармана.

Влад задумался.

Если отслеживают по телефону, то без разницы по чьему, его или Капустяна.

– Разряжай, – приказал Влад. – Подвезешь меня в центр, высадишь где скажу. Потом можешь ехать куда угодно и телефон включишь. Полковнику не звони. Я с тобой свяжусь. Еще бы знать, нет ли у тебя в машине чего...

– Нету.

– Откуда такая уверенность?

– Уже нету. Я когда домой заезжал за ружьем, заскочил к приятелю старшего лейтенанта Лютого – который Руслан, – в фирму «Око», кажется. И мне машину проверили...

– И?

– Что-то сняли, – спокойно сказал Капустян.

– И ты снова молчал?

– Я сказал старшему лейтенанту Лютому. Он сказал, что сам вам сообщит. Я... Что-то не так?

– Все, мать вашу так, не так. Абсолютно все. За меня все всё решают. Ступить некуда, кругом альтруисты и филантропы.

– Вы были в больнице, потом спали. Потом снова спали, а потом – убийство, допросы. Я думал...

– Думал-думал... Много будешь думать – фуражка не налезет. Думатель, блин, нашелся. Взять бы тебя за шкурку, да Русланчика, да врезать лбами друг о дружку, как крашенками на Пасху. Чей череп прочнее... – Влад глубоко вздохнул, задержал воздух, выдохнул. Еще раз. – Ладно, проехали. Сейчас выдвигаешься на дорогу, сворачиваешь налево, разгоняешься, но перед мемориалом резко тормозишь. Останавливаешься и стоишь минуту. Затем осуществляешь разворот через две сплошные... Не смотри на меня диким взглядом, гаишники в такую погоду дома сидят, деньги считают. Значит, разворот делаешь резкий, по-молодецки, и уходишь к центру. Там я скомандую, где меня посадить. Повторить?

– Не нужно, я запомнил.

Машина тронулась.

«Ночью, когда дверь кровью облили. Тоже что-то хотели передать. Знак», – сказал Капустян над покойничком. И очень правильно сказал. Очень правильно.

Только кому знак и от кого? Вот ведь проклятый вопрос...

Машина выполнила маневр возле мемориала – вроде бы никто не ломанулся следом

нарушать правила дорожного движения. И это славно. Это значит, что... А что это значит?

Если бы Наблюдатель с «береттой» был не один, то, во-первых, группа поддержки явилась бы сразу, как только последним аккордом шарахнула база Капустяна. Жирная такая точка в перестрелке, ни с чем не спутаешь. Влупило неучтенное оружие, исполнитель не вышел ни из лесу, ни на связь, а его, Влада, убить хотели по-настоящему – обязательно включилась бы группа зачистки.

Если не включилась – ее и не было, стрелок был один. Запишем. Запомним.

Возле авиазавода, когда проплыла слева странная и пугающая громада дома Наблюдателей, Влад вдруг понял, что втягивает голову в плечи, чтобы, наверное, не быть таким заметным. Чуть, конечно, и свидетельствует о шалящих нервах.

Но тут уж ничего не поделаешь. Нужно только пытаться держать себя в руках и постараться не умереть прежде времени.

«Итак, выставим приоритеты», – сказал себе Влад.

Найти убийцу? Еще вчера это вполне могло быть на первом месте по степени важности. Сегодня... Сегодня, пожалуй, важнее всего не подохнуть.

«И, боюсь, не от руки неизвестного борца с нелюдями», – прикинул Влад.

Вчера ночью...

Вчера ночью убийца совершенно спокойно мог подняться этажом выше и перебить трех обитателей сто первой квартиры, трех ментов. Мог-мог, как бы ни хорохорились все три и не демонстрировали окружающим и друг другу свою крутизну.

Семья маах'керу это вам не просто так. Что самка, что самец просто так не сдадутся, и по силе средний представитель маах'керу рвет среднего представителя человечества в клочья даже без применения магии и артефактов.

Но ничего не смогли поделать с убийцей. Как не могла справиться мать одного из кланов дейвона, как не смог ничего поделать и Вася Лодкин в совершенно безопасном дворе великолепно охраняемого ночного заведения. И старый, опытный сатра-коллекционер умер, не сумев справиться с одним-единственным человеком.

Что-то остановило убийцу?

Что? Что его послало на дело, желание чего? С чужими – понятно, мент тут при чем? Да еще и человек.

И еще одна деталь – накануне предупреждение, а днем уже удар на поражение? О чем тогда предупреждали? Или это две разные группировки крутятся вокруг очень важного, невероятно значимого капитана милиции?

Так убивать нелюдей начали задолго до того, как он появился в этом деле.

«Спокойно, спокойно», – напомнил себе Влад.

Смотрим и раскладываем по полочкам. Без глупостей, только то, что было на самом деле.

Его подключили к делу по настоятельной просьбе Серого. Так? Так. Возражений нет. Серый принялся активно вводить в курс дела, зачем-то отвез в цирк. Зачем? Ничего, кроме трупа, увидеть все равно не удалось. Ему, Владу, не удалось, а циркачи имели возможность рассмотреть его во всех подробностях, можно сказать, обнюхать со всех сторон.

Так какой был смысл в посещении цирка? Его показали труппе. И, кроме того, позволили ему произвести на циркачей самое неприятное впечатление. Ничего другого и не могло получиться при том раскладе.

Потом его повезли в кабак. Тоже показали? Тут уж вряд ли, повезли на место преступления, дали пообщаться со свидетелями, он наметил планы...

Черт, он ведь после СИЗО должен был встретиться с цыганами. С вожаком, жену которого, Ирину Иванову, так необычно убили.

Что там говорил Богдан? На почве наркотиков пересеклись цыгане с Серым, была разборка, Серый отступил... И так вот просто назначил свидание с вожаком? А цыгане просили о встрече без Серого. В тот день просили, когда сорвалась встреча, организованная Серым.

А сорвалась встреча, организованная Серым, в результате аварии, в которую они попали после изменения Серым же маршрута движения машины. И если бы не реакция его, Влада, то сейчас все было бы иначе...

Мертвый или сильно покалеченный Влад, погибший или покалеченный в результате нападения мистического убийцы, и не на него, Влада, а на Серого, который слишком активно взялся убийцу искать.

– Где высаживать? – спросил Капустян.

Влад огляделся – они, не торопясь, выехали на площадь Конституции.

– Сделай пару кружков по городу, посмотри за собой, прикинь, – попросил Влад. – Я тут пока подумаю.

Капустян промолчал.

Толковый парень этот Капустян. Просто находка. Спасибо подполковнику Осокину. Побольше бы нам таких стукачей.

Вернемся к нашим странностям, господин Гетьман. Вернемся, господин Гетьман. Вы красиво рассуждали о бреде и гипотезах в его рамках... Не хотите продолжить? Отнюдь. В смысле – обязательно.

Убийца ждал возле СИЗО. И убивать он собирался, именно вырубив на расстоянии водителя, организовав катастрофу. Откуда он знал о времени визита? От милицейского начальства?

Нет, начальство, конечно, может много всякого, даже договориться с уголовниками и заказать неугодного, но работать напрямую с маньяком-одиночкой... Серый на это намекал, а это еще один аргумент против такой версии.

Еще убийца мог получить информацию от водителя и от самого Серого. Водителя откинем – не он выбрал маршрут, а Серый. Значит, Серый предупредил убийцу. И Серый же привлек его, Влада, к расследованию серии убийств.

Серый-Серый-Серый...

Катастрофа у СИЗО, гибнет ни в чем неповинный мент. Серый чудом спасается. Спасается-спасается, Серый не самоубийца. Серый все рассчитал. Но мент не гибнет. И даже в больнице каким-то чудом расходится с врачом-сатра, озабоченным судьбой своего народа.

Врач что-то сказал и... Что? Серому сказал? Ой, вряд ли, не похоже, чтобы сатра стал договариваться с Серым.

Что было в сообщении? И кому оно было адресовано?

Ему, Владу? Не дергайся, мол, а то хуже будет? Так он и не дергался. Но убивать его все равно пришли, правда, не таинственный человек, а Наблюдатель, причем профессионал. Что тоже выбивается из рисунка серийного убийцы.

Там что было? Человек самыми странными способами убивает нелюдей. Сейчас что произошло? Нелюдь самым обычным способом пытается убить человека. Что называется – с точностью до наоборот.

А соседей убил человек, опять-таки, странным способом. И убил семью маах'керу, а не людей. Что получается?

Влад поежился – стало холодно и тоскливо.

Нет, хорошо, когда наваленная информация вдруг принимает вид логичного и пропорционального рисунка. Плохо, что смысл рисунка все равно не так чтобы очень понятен.

В рамках бреда, исключительно в рамках самого разнузданного бреда.

Человек убивает нелюдей. Ясно-понятно, борец за свободу и так далее. Убивает всех, до кого может дотянуться? Нет. Выбирает не самых легкодоступных товарищей, хотя в городе полно монстров попроще, которые, как врач-сатра и семья маах'керу, пытаются жить обычной жизнью, вне племен, кланов и прочих нечеловеческих стай.

А если это Серый передал убийце списочек и средства исполнения? Бред? Точно – бред. Но так мы о нем и говорим. В нем и рассуждаем.

Список был составлен по какому-то алгоритму, который еще нужно понять. Но –

составлен чужим, не человеком. Тем же Серым, например. И с оборудованием Серому проще разобраться, чем обычному, хоть и прозревшему человеку. Значительно проще.

Чужие друг с другом воюют, никуда от этого не деться. Но сильно раскачивать лодку они не станут. Это Владу в свое время объяснили и вбили в голову крепко-накрепко. Что такое война между магическими кланами и орденами – Влад себе представлял слабо, но даже Хозяин на эту тему распространялся не особо.

Если кто-то начнет такую войну, то, пожалуй, за него возьмутся все остальные. А если это начнет делать человек? Один из таких вот случайно прозревших? Просто найдут этого человека и уничтожат.

Серый нашел исполнителя, сделал заказ, дал обеспечение – все хорошо, но теперь нужно обеспечить свое алиби. Каким образом? Начать искать убийцу. Делать вид, что очень озабочен.

Правильно. Замечательно. Для этого нужно суетиться. Он и суетится.

Не вывалились за рамки бреда, господин Гетьман?

Не вывалились, господин Гетьман. До этих рамок еще ой сколько места осталось. Еще кучу разного можно всунуть. Например, что убийца после неудачной аварии получил указание убить мента ночью. Просто, без экивоков.

Получил и не стал этого делать. Более того, выбрал новую жертву... новые жертвы, демонстрируя тем самым... Что демонстрируя? Правильно, свой лозунг: «Им не повезло, что они не люди». Ну, или наоборот, ему, Владу, повезло быть человеком.

Послание не ему, Владу, с предупреждением, а заказчику о разрыве договора. Типа – не буду я больше ваши приказы выполнять, и человека я больше не трону, а буду мочить ваших, и не по списку, а где встречу.

Тогда становится понятным, почему его, Влада, пришел убивать не человек. Отправили кого смогли. Без артефактов – чтобы на всякий случай не подставиться. Типа, а вдруг мент выкрутится, а след будет самый нечеловеческий, а он, Влад, – может видеть сквозь Пелену... Нет, а вдруг действительно может? Не могли не дотянуться сюда слухи о произошедшем в Косово.

Не все там погибли. К сожалению.

Было подозрение на то, что он, Влад, видит сквозь Пелену. Просто подозрение. И его решили просто убрать, прицепив к действиям серийного убийцы.

А Наблюдатель, как ни крути, товарищ малозаметный, если захочет. Причем во всех отношениях – и живой, и мертвый. Кстати, убрать его, после разборки с ним, Владом, можно было под ту же марку серийного убийцы.

Но он, Влад, и Капустян справились сами.

И это значит, что, с одной стороны, маньяк-убийца в городе, а с другой стороны – его, Влада, еще не убили, хоть и попытались. И это значит, что могут попытаться снова. И еще это значит, что нужно либо выходить из игры – как? – или находить аргументы, чтобы заказ на убийство, как минимум, отложили.

Как?

Позвонить и попросить Серого, чтобы пощадил.

«Замечательная идея, – оценил Влад. – На высший балл. С плюсом. Наверное, так и поступим. Только не делайте удивленное лицо».

– А знаешь, – сказал Влад Капустяну. – А давай-ка мы с тобой съездим в цирк. Ты в цирке давно был?

– Неделю назад.

– Серьезно?

– А я люблю цирк. Только сейчас уже около семи, мы, наверное, не успеем...

– А мы билеты покупать не будем, – успокоил Влад. – Мы – со служебного хода. Вернее, даже не мы, а я. Ты там уже был, все видел... Интересное представление?

– Класс. Если бы я сам не видел – в жизни бы не поверил, что звери такое могут вытворять. Там, в самом начале, пантера черная выходит...

– Пантеру я видел, – пробормотал Влад. – Впечатляет. Очень впечатляет.

– Меня тоже. Но и медведь, я вам скажу, внушает. Такой... – Капустян попытался развести руками, но салон машины оказался недостаточно обширен даже только для контуров медведя. – Но движется легко и быстро. Не дай бог с таким встретиться один на один.

– Даже если с другом будешь ты, а медведь – без друга? – спросил Влад.

– С каким другом?

– Извини, проехали. Высадишь меня перед мостом, на Университетской. Потом разберешься со шмотками и свободен. Не забудь включить телефон. Потом.

– Может, я все-таки с вами?

– И с уликами?

– Но ведь пистолет у вас остался.

– Дурак. Пистолет я нашел и несу сдавать. Хоть завтра сдам оружие, мне ничего не будет. А одежду... Короче, действуем по программе. Лады?

– Лады, – тяжело вздохнул Капустян.

– Вот и славно.

Машина остановилась, Влад вышел под морозящую с неба дрянь, спрятал руки в карманы.

Дисциплинированный лейтенант, переехал мост и свернул налево, на Красношкольную набережную.

«Вот ты вечно придумашь что-нибудь такое-претакое, – сказал себе Влад, поднимая воротник. – И как с такими идиотскими привычками до сих пор живой? Как у тебя это получается?»

Гетьман посмотрел на стеклянное здание цирка, похожее на смятую пластиковую коробку от торта.

Совершенно не хотелось туда идти.

Видел он эту пантеру, до сих пор под впечатлением. Не в цирк, не к этой жуткой трупке сейчас следует идти. А рвануть на встречу с Русланом, тот наверняка организовал ночлег в безопасном месте. Высохнуть, поесть, выпить, в конце концов, рассказать друг другу страшные истории на ночь... Даже про Наблюдателя, расползающегося в слизь под каплями дождя, рассказать.

Не поверят? Их проблемы. Потом братья Лютые расскажут что-то интересное о накопанном за день.

А утром...

Влад остановился перед входом в подземный переход. Самое неприятное место в центре города. Битая плитка на стенах, грязь, вечно не работающее освещение. Правильно было бы закрыть его давно, но перекресток сложный, широченная проезжая часть, три дороги с трамвайной линией в придачу, движение бурное...

Уже спустившись на пару ступенек, Влад махнул рукой и повернул обратно.

«К чертовой матери! Назовите меня психопатом, но не то настроение, чтобы под землю добровольно лезть».

Влад прошел вправо вдоль дороги до тех пор, пока не закончилось ограждение. Постоял на обочине, принаравливаясь к ритму движения машин.

На старт! Внимание! Пошел. Пошел-пошел-пошел!

«И вышел», – удовлетворенно отметил Влад, выходя на противоположный тротуар.

Теперь к служебному ходу цирка.

Он остановился под уличным фонарем, скептически осмотрел себя. Даже если бы очень хотел пройти через парадный вход – никто бы не пустил настолько вывалянного в грязи человека. Еще бы и милицию вызвали.

Остается надеяться, что с освещением на вахте хуже, чем в вестибюле. Влад достал из внутреннего кармана удостоверение, переложил в боковой – это чтобы успеть выхватить до того, как начнется недоразумение с дежурным.

Машин на стоянке не было.

Влад поднялся на крыльцо, постучал в дверь. Ему не ответили.

Влад постучал снова, сильнее и настойчивее.

– Кто? – спросили из-за двери.

– Милиция, – не стал притворяться Влад. – Капитан милиции Гетьман. Областное управление.

За дверью залегла пауза.

– А никого нет, – сказал тот же голос.

– А вы откройте, – твердым голосом предложил Влад. – Или мне вызвать спецназ?

За дверью снова немного подумали, потом щелкнул засов, и дверь открылась.

– Документы покажите, – потребовал старик в бушлате. – В развернутом виде.

Влад протянул удостоверение, старик осветил его фонариком, присмотрелся, придерживая очки.

– Та никого все равно нет, – сказал старик. – Начальство ушло, остальные...

Старик сделал неопределенное движение рукой, обозначающее, наверно, что остальные, кто не задействован в представлении, тоже ушли, а те, кто задействован, заняты.

– Мне нужен директор труппы, – сказал Влад, пряча удостоверение в карман. – Не знаю его фамилии-имени, такой массивный.

Влад начал разводить руки в стороны, но сообразил, что сейчас повторяет нелепое движение Капустяна в машине.

– Он занят, он выступает, – сказал вахтер. – Вот после представления...

– Вы же можете позвонить за кулисы и попросить кого-нибудь из труппы? Вот возьмите и позвоните. Или мне вызывать спецназ? – повторил Влад самую идиотскую угрозу, которую только мог придумать.

Вахтер потоптался на месте, потом, всем видом выражая несогласие с милицейским произволом, пошел в здание, не прикрыв за собой дверь. Логично восприняв это как приглашение, Влад вошел следом.

Когда-то, очень давно, ему доводилось бывать здесь. С тех пор ничего и не изменилось. Стены последний раз видели ремонт как бы не перед самым открытием цирка в середине семидесятых прошлого века.

Возле дряхлого письменного стола стоял электрообогреватель. Воздух был сухой и несвежий. И, судя по запаху тушеной капусты, вахтер совсем недавно поужинал. Литровая банка со свежесваренным чаем еще стояла на столе, но кипятильник уже лежал на блюде рядом.

– Что сказать? – спросил вахтер, снимая трубку с телефона. Трубка была перемотана синей изолянтной, край аппарата, под диском, был отколот.

В любое другое время Влад даже умилился бы всему этому старью, но сейчас настроение было не слишком ностальгическим. Скорее, совсем не.

– Скажите, что пришел милиционер, который был позавчера. По поводу двери.

– Что хулиганы разбили? – уточнил старик. – Нашли?

– Ищем. Нужны дополнительные сведения.

– Сведения... – пробурчал старик, набирая номер. – Руки рубить паразитам, вот и все сведения. По самые плечи.

Влад промолчал. Хотя, опять-таки, в другое время с удовольствием поддержал бы разговор на злободневную тему борьбы с преступностью.

– Алло, – строго сказал старик. – Тут к вам капитан милиции Гетьман Владислав Александрович. Был тут позавчерашней ночью в связи с разбитой дверью. Один. Хочет видеть Арсена Михайловича для получения дополнительных сведений. Что? Хорошо.

Старик аккуратно положил трубку на стекло, покрывавшее крышку стола:

– Попросили подождать. Сказали, спросят у Арсена Михайловича.

– Хорошо.

– Сказали – быстро спросят.

В трубке что-то щелкнуло.

– Але, – сказал старик, неторопливо подняв трубку со стола. – Да. Хорошо.

Он нажал пальцем на кнопку телефона, потом положил трубку.

– Сейчас придут, сказали подождать.

Старик сел на скрипучий стул, глянул искоса на Влада, прикидывая, очевидно, не выставить ли посетителя на улицу. Решил не выгонять, достал из стола чашку, почерневшую внутри и с отбитой ручкой. Осторожно налил туда темно-коричневое варево из банки.

«Крепенький чаек пьет дедушка», – оценил Влад.

И если принять к сведению перстенок, наколотый на пальце вахтера, то это еще и слабая заварочка. Наверное, на службе не чифирит.

Влад прошелся от стола вахтера до противоположной стены. Вернулся. Снова прошелся.

Тому, кто придет за ним, путь по внутренним переходам цирка неблизкий. Да еще идти будет не торопясь... Минут десять, как ни крути.

Влад посмотрел на висящие на стенах афиши. Цирк зверей, впервые, после всемирного турне. Фотография пантеры, медведя, несколько волков...

– Это... – Влад повернулся к вахтеру. – А волка вашего уже похоронили?

– Волка? – Чашка замерла в руке старика. – Какого волка?

– Ну, того, что подох давеча... Нет, я понимаю, что велели молчать, но я ведь знаю. Мне просто всегда было интересно – как их цирковые хоронят? Есть ритуалы?

– Отвезли в лес да закопали, – буркнул старик. – Только я вам ничего не говорил.

– Что, накажут?

– Сам ты... – обиделся старик. – Сдохло животное. Что нужно сделать? Правильно, вскрытие, сообщить в санстанцию. А там начнут разбираться, не инфекция ли. Закроют представление до выяснения. Или пока денег им не дадут. Совсем оборзели. Пожарным – дай, санстанции – дай, налоговой, перелоговой... Ей-богу, воровать честнее...

– Сам по какой статье чалился? – поинтересовался Влад. – Я отсюда перстенок рассмотреть не могу.

Старик глянул на свою татуировку, поставил чашку на стол, а руку спрятал в карман бушлата.

– Знаю, не мое дело, – сказал Влад. – Даже – не мое собачье дело. Так, вырвалось. Ментовская привычка.

Старик что-то пробормотал себе под нос. Если бы на месте Влада был кто-то более мнительный, то наверняка бы ему послышалось: «Сука».

– Да, – сказал Влад, – мы такие.

Внутренняя дверь открылась, и на пороге показался рослый паренек в черном обтягивающем костюме. По фигуре – акробат. Хотя кто их, спортсменов, разберет.

– Вы к Арсену? – спросил акробат.

– Он-он, – буркнул вахтер. – Мент.

– Пойдемте, – акробат отошел в сторону, освобождая проход. – Прошу!

Влад подошел к двери – света за ней не было, сэкономили в цирке электроэнергию, что подделаешь.

Влад переступил порог – звук его шагов отозвался вверху.

– На второй этаж, – сказал акробат.

Влад пошел, аккуратно ставя ноги на ступеньки. Его провожатый шел сзади совершенно бесшумно, дышал ровно, спокойно.

– Как вы здесь не теряетесь? – поинтересовался Влад. – Темно, как у афро-американца в заднице.

Акробат не ответил, но когда они поднялись на второй этаж, тронул Влада за плечо и посоветовал держаться правой стороны. Влад, касаясь кончиками пальцев правой стены, пошел по коридору.

Собственно, отправляясь в цирк, он не рассчитывал на особо радостный прием. Был

готов даже к тому, что ему будут совсем не рады. Что к концу разговора могут возникнуть различные осложнения.

Но вот к тому, что прямо на второй минуте визита, в кромешной темноте, где-то во внутренностях циркового здания его просто ударят по голове, Влад готов не был.

С другой стороны, даже если бы он и был к этому готов, то как бы мог избежать удара? Нет, в самый последний момент Влад уловил присутствие кого-то перед собой, то ли запах, то ли легкое движение воздуха попытались предупредить его, но чьи-то железные пальцы сжали запястья Влада, а когда он дернулся, сзади на голову обрушился тот самый удар.

* * *

Из темноты слышалось лисье тьяканье. Приблуда замер, вжимаясь во все еще горячую землю. Пыль лезла в нос, и Приблуда очень боялся, что чихнет ненароком. Но пока бог миловал.

Луны в небе не было, зато звезды были громадные и висели, казалось, над самой головой.

Лиса тьякнула снова. На этот раз ей ответила другая, от балки. Приблуда не видел, кто из козаков отвечает татарам, а по голосу узнать не смог – то ли Голяк, то ли старый Чугайстр. Лиса и лиса. Показалось даже поначалу, что это настоящий зверек попался на татарский зов.

Козак подал голос дважды.

Послышался шорох со стороны балки, на фоне звезд мелькнул едва заметный силуэт.

Под пыткой татарин рассказал и об условном знаке, и о том, что огней жечь нельзя, и в голос разговаривать тоже нельзя, а, подав сигнал лисьим лаем, выйти на холм, чтобы смогли подъезжающие рассмотреть стоящего.

Как там они собирались видеть в такой темноте, Приблуда не совсем понимал, но после того, как у него на глазах два самых обычных козака превращались в волка и беркута, стал проще относиться ко всему происходящему вокруг.

Когда слушаешь страшную сказку или легенду, не перебиваешь рассказчика, не пытаешься уличить его в вымысле? Ведь нет? Вот Приблуда и решил, что попал именно в такую сказку, что удивляться тут нечему, а нужно готовиться к первому в своей жизни настоящему бою. Не драка на кулаках с парубками после вечерницы, не шутивная схватка с братьями на батьковских саблях, а настоящий бой, в котором можно не только вражью голову срубить, а и свою потерять.

То, что Волк посоветовал вперед не лезть, Приблуду останавливало не слишком. Даже строгий приказ Черепня оставаться в стороне от драки не остудил желание и азарт парня.

Он лежал среди пересохшего ковыля, сжимая в правой руке рукоять сабли, а в левой – пистоль, подаренный Волком. Только один выстрел, сказал Волк. Потом – рубка. Пистоль после выстрела не бросать, держать в руке, чтобы можно было отбить вражий удар как щитом, отвести кривой татарский кинжал в сторону.

Батька такому не учил. Батька, как оказалось, много чего не говорил и не объяснял. Но это ничего.

И ничего, что колотится сердце у Приблуды, как у пойманного кролика. Так стучит, что, наверное, слышно за несколько шагов.

Голяк и Чугайстр вышли на вершину холма. Один из них еле слышно постукивал древком копья о край щита – про это тоже татарин сказал, вымаливая себе, наконец, смерть. Нужно стоять и ждать. Чтобы слышно было, что это они, дозорные.

Послышался стук копыт по спекшейся земле.

«Много, – подумал Приблуда. – А что, если соврал татарин? Что, если не десяток всадников приехали от крепости, а все полсотни? Или даже не все, а всего три десятка. И с ними этот страшный змей?»

Ладони вспотели, захотелось вытереть их о рубаху, но тогда придется выпустить из рук оружие, а что если в этот самый момент все и начнется?

Козаки лежали, прикрывшись свитками. Черепень приказал в бою всем быть только в

сорочках, чтобы в темноте можно было отличить своих от татар.

Глухой стук копыт приближался. Приблуда всматривался изо всех сил, но ничего, кроме неясных темных пятен на холме да звезд на черном небе, не рассмотрел.

Приблуда глянул вправо – Волка не было. Только-только лежал рядом – и не стало. Уполз бесшумно назад, чтобы перекинуться в зверя до боя и не переполошить коней.

Значит – скоро.

Приблуда бесшумно зашептал выученные еще с детства слова заговора от внезапной смерти, от вражьей стали, от беды да горести.

Еще Волк велел, даже если ввяжется Приблуда в драку, чтоб к огненноглазым чужакам не лез, все одно не выстоит. Кто такие эти чужаки, или «джинна», если правильно, Волк так и не объяснил, сказал только, что в начале боя нет у Приблуды ни малейшего, ни самого крохотного шанса, а вот когда намашется эта нечисть, тогда можно и с ними помериться. Дыхание у них короткое, пояснил Волк.

Всадники ехали по двое, рассмотрел Приблуда.

Он набрал воздуха в грудь, почувствовал, как запершило в горле, прижался лицом к рукаву, чтобы заглушить начинающийся кашель. Не вовремя. Так он всех может подвести...

Ба-бах! Ба-бах!

Два огненных снопа вылетели из пистолей козаков на холме, два передних всадника слетели с коней, кони остальных рванулись в стороны...

– Бей! – вскричал Черепень и бросился вперед, на холм, где два козака уже рубились с татарами.

Приблуда вскочил на ноги, закричал что-то несусветное, не соображая, что и как, бросился за атаманом, размахивая саблей. Белые фигуры товарищей неслись справа и слева от него, свист, дикий крик, ругань катились валом на застигнутых врасплох всадников.

Звенела сталь. Искры отлетали от сталкивающихся клинков и гасли, как падающие звезды.

Еще не добежав до вершины холма, Приблуда заметил, что только один человек отмахивается от всадников саблей. Темная масса начала окружать козака, сабли высверкивали в облаке пыли...

Пронзительно завизжал татарин, конь его метнулся в сторону, на бегущих козаков. Кто-то слева от Приблуды, по фигуре вроде как Стриж, уклонился и, присев, полоснул саблей по ногам коню.

Конь споткнулся, тонко вскрикнул, как человек, полетел кубарем с холма. Всадник вылетел из седла и упал прямо под ноги Приблуде. Вскочил, размахивая саблей.

Приблуда повернул в его сторону пистолет, нажал на спуск, но ничего не произошло – татарин опустил саблю, целясь парню в голову.

Сбоку мелькнула тень, резкий удар отбросил татарскую саблю в сторону, татарин потерял равновесие – следующий удар пришелся в шею. Влажно хрустнуло, визг прервался.

– Не зевай! – крикнул Качура. – Бей-руби!

На вершине холма ударил пистолетный выстрел. Еще один. И еще. Сдвоенный залп самопалов осветил оскаленные лошадиные морды, в крови и пене.

Приблуда снова поднял пистолет, спохватился, взвел курок. Теперь он не помнил, что у него есть сабля, что его самого могут заколоть или полоснуть по горлу – он видел только всадников, слышал выкрики и звон оружия, вдыхал пороховой дым и думал только об одном – не промахнуться, всадить пулю в это месиво на холме. А потом...

Отделившийся от общей массы конь гигантским прыжком оказался возле Приблуды, тот закричал от страха или от азарта – выстрелил, но татарин поднял коня на дыбы, и пуля ударила коня в брюхо.

Животное еще не успело опрокинуться навзничь, как всадник ловко спрыгнул с седла и ткнул копьём, целясь Приблуде в грудь.

Тот отбил удар пистолетом, даже не отбил – отвел, одновременно уклоняясь в сторону, выставил саблю перед собой и почувствовал вдруг тяжесть, навалившуюся на оружие.

Хруст, треск рвущейся ткани, влажный, протяжный звук, и прервавшийся вдруг стон... Приблуда рванул саблю назад, чтобы не утащил падающий татарин ее за собой.

Перед глазами плыла багровая завеса, он судорожно дышал, но воздух был упругим, колючим, как крапива, и так же обжигал, не давая возможности перевести дыхание.

Белая сорочка вдруг возникла перед самым лицом Приблуды, замерла. Что-то черное появилось посреди сорочки, прямо между лопаток.

Застонал Задуйсвичка, подкосились у него ноги, и упал козак лицом вниз, ломая стрелу, пробившую ему сердце.

Крики прекратились, только лязг железа да высокий, вибрирующий звук спущенной тетивы время от времени. Сухое, надрывное дыхание дерущихся. Звон клинков, торжествующий крик, оборвавшийся на самой высокой ноте, чей-то истошный вопль взлетел к звездам и угас между ними.

– Господи! – выкрикнул кто-то из козаков и захлебнулся кровью.

Приблуда не мог бежать, его силы закончились на том единственном ударе, на выпаде, пронзившем татарина. Но он должен продолжать бой. Он обязан, по закону братства, по обычаям козацким, по голосу своей души.

Козаки расступились – высокий татарин стоял на вершине холма, держа в руках две сабли, вращая ими с немыслимой скоростью; только свист рассекаемого воздуха да тяжелое дыхание козаков.

Это было похоже на танец – козацкий круг и человек, играющий клинками в центре этого круга. Завороженный Приблуда шагнул вперед, чтобы занять свое место в круге.

– Назад, – прохрипел Черепень. – За спины отойди.

Приблуда непокорно мотнул головой, поднимая саблю.

– Я что тебе сказал?! – выкрикнул Черепень и наотмашь, не глядя, хлестнул Приблуду левой рукой по лицу. – Не лезь!

Из рассеченной губы потекла кровь, Приблуда вытер ее рукавом и остался стоять слева от Черепня.

– Дурень! – выдохнул атаман, бросаясь к татарину.

Тот отбил саблю Черепня, пропустил его мимо себя и полоснул вторым клинком атамана по ногам.

– Бей! – взревели остальные козаки, наступая в середину круга. – Бей!

Но две сабли, два проклятых клинка, как по волшебству, остановили их, отразив десятки ударов и ответив только двумя, но точными. Упал, захрипев, Стороженко. Выронил саблю Мороз, зажал рассеченное лицо и опустил на колени.

Татарин что-то выкрикнул, и еще пронзительнее засвистели его клинки, готовясь отмерить последнее мгновение жизни кому-то из козаков. И те отступили. Черепень тяжело упал на бок, перекатился, отодвигаясь подальше от визжащей смерти.

Огненноглазый чужак. Джинна. Это джинна, понял Приблуда и пожалел, что уже выпустил свою пулю, что теперь не сможет зарядить пистолет до самого конца схватки, каким бы он ни был.

Глаза татарина светились, Приблуда с ужасом заметил это и выставил перед собой саблю. Только восемь козаков стояли вокруг джинна.

Приблуда облизал губы. Он теперь видел в темноте, но это его не удивляло. Он видел лицо противника, его улыбку – он действительно улыбался, с ужасом понял Приблуда.

Они не смогут его победить. Не смогут. Одного за другим достанет этот страшный джинна козаков своими саблями. Одного за другим.

Черепень возился на земле, пытался зарядить пистоль. Джинна это заметил и сделал, не прекращая рубить воздух вокруг себя, шаг в сторону Приблуды. Еще шаг. Попытавшегося поднырнуть под клинок Страха он даже и не заметил вроде, просто сорочка козака вдруг стала черной, а сам он упал и замер в ковыле.

Еще шаг.

Вот и все. Все. Еще два таких шага, и джинна окажется прямо перед ним, перед

Приблудой. И закончится первый поход. И последний поход, потому что других уже не будет. Будет боль, а потом смерть.

Луна вставала за спиной Приблуды, освещая клубы пыли, замершие и еще трепещущие окровавленные тела, сверкая на саблях джинна.

С клекотом сверху, из звездной темноты, упал орел. Джинна отмахнулся клинком, птица мелькнула у него над головой и снова исчезла во мраке.

Джинна ощерился, на губах его выступила пена, как у бешеного пса.

Снова заклекотал орел, джинна замер, обернулся на крик и в этот момент низко, над самой землей, мелькнуло тело волка. Хруст, крик боли – джинна упал лицом вниз, не выпуская оружия. Он еще не сдался. Его еще не остановил волк, рвущий тело.

Джинна нужно было только повернуться, один раз взмахнуть саблей... И это ему удалось – почти удалось. Сабля, сверкая в лунном свете, поднялась вверх, замерла, но хищная птица впиалась когтями в руку, пригвоздила ее к земле.

Только теперь джинна закричал, тоскливо и страшно, прощаясь с жизнью. Волк прыгнул ему на спину, зубы сомкнулись на шее. Раздался хруст – ноги и руки джинна дернулись одновременно и ослабли. Орел отпустил руку, медленно отошел в сторону, лег, превращаясь в бесформенную грудку перьев.

Грудка потекла, словно воск в огне.

– Помоги, – попросил Черепень.

Приблуда обернулся на голос – атаман пытался поясом перетянуть себе ногу.

– Помоги, – повторил атаман, – а то истеку кровью.

Приблуда воткнул саблю в землю, бросил пистоль, который все еще сжимал, оказывается, в левой руке, отобрал у Черепня тонкий сыромятный ремешок и затянул у него над коленкой.

Черепень лег на спину.

Грудь высоко вздымалась, лунный свет отражался в капельках пота.

– Смогли, – выдохнул Черепень. – А я уж думал – все. Тут и останемся все.

– Ты где так долго, перевертень? – со стоном вымолвил старый Чугайстр. – Смерти нашей хотел?

Приблуда посмотрел на характерника – Волк сбросил звериное обличье и сидел рядом с убитым джинна, стирая с лица кровь.

Приблуде показалось, что рана убитого еле заметно светится, словно тлеет там что-то.

– Что-то видишь? – спросил Волк. – Видишь?

– Не знаю, – ответил Приблуда.

– Ты чего так долго? – Чугайстр, тяжело опираясь на татарское копьё, подошел к характернику и сгреб того левой рукой за чуб. – Прятался, бисово семя?

– За тебя работу делал, – засмеялся Волк. – Трех вы упустили, еле нагнал. Если бы не Синица – точно бы не нагнал. Пока догнал, пока убил... Думал, вы тут уже справились. А вы с одним-единственным джинна сладить не могли.

– Чтоб тебя... – простонал Чугайстр и сел рядом с Волком. – Чуть все на тот свет не отправились. Что бы мы Лихолету сказали там? Прости, друг, только напрасно ты муки принял и смерть мученическую? Слабы мы оказались, прости. Думаете, простил бы нас старый Лихолет? В глаза бы плюнул, смолы кипящей в рожи наши плеснул, сам бы вместо чертей нам огня задал, как бог свят!

– Волк, – слабым голосом позвал Синица. – Глянь – не серебро у гада на саблях?

Волк нашарил сабли у себя за спиной:

– Нет. А что?

– Плечо жжет, как от серебра. Чуть сильнее бы он меня достал – и не летать мне больше.

– Вечно ты плачешь, птичка, – усмехнулся Волк. – У тебя все сейчас заживет. А вот у них...

– Перевяжите тех, кто жив, – сказал Черепень. – Сколько сможет на коней сесть?

– Шестеро, – осмотревшись, ответил Волк.

Луна полностью вышла из-за горизонта, светила ярко, так, что у Приблуды потекли слезы.

Или текли они оттого, что рассмотрел он тела товарищей своих. И раны на их телах.

– Ты со мной считал? – спросил Черепень.

– И с Чугайстром.

– А гонца считал?

– Тогда пятеро сядут в седло. А гонцом кого пошлешь?

– Должен был Страх ехать, его жребий выпал.

– Он сейчас со святым Петром здоровается, – тихо, еле слышно сказал Качура.

– Он с Петром? – в голос захохотал Чугайстр. – От бы и Страх посмеялся, когда б тебя услышал. Деготь он сейчас с остальными пьет. С Задуйсвичкой, со Стрижом...

Старик замолчал, понутив вдруг голову.

– Не, – подумав немного, сказал Чугайстр. – Стрижа Катерина отмолила. Сама в рай пошла за мучения свои и его отмолила.

– Нам к утру нужно возле крепости быть, – сказал Черепень.

– Рану перевязать, я перетянул только. Нога гнить будет. – Приблуда вскочил, бросился было к балке, к сумкам, где лежали снадобье и чистые тряпки для перевязки, но Черепень его остановил.

– Не успеет сгнить, – сказал он. – Мы до крепости раньше доберемся. А там...

– Заждались меня друзья-товарищи, – снова засмеялся Чугайстр. – Все, небось, к околице пекла ходят, высматривают. Место мне погорячее приготовили.

– Тебя там Кривой встретит, по старой памяти шкуру канчуком спустит.

– А и спустит, – согласился Чугайстр. – И прав будет. Только не сможет – теперь я старше его почитай годков на двадцать. Это он мне за дегтем бегать будет, черт одноглазый. Вот там я ему все и припомню. Чего сидим? Заждался уж Кривой. Ты мне своего канчука не одолжишь, атаман?

– Забирай, – махнул рукой Черепень. – Вот посмеемся поутру в пекле. Всегда мне интересно было, как оно там? Вроде как заснул, а проснулся...

* * *

– Вроде как заснул, – сказал кто-то над Владом.

Поток холодной воды обрушился на Гетьмана, вышвырнул его из сна.

– Трясця твоей матери, – пробормотал Влад. И даже немного удивился, что до сих пор живой.

«Теперь скоро, – подумал он. – Наверное, и меня заждались козаки на том свете».

– Ну, ты, урод! – сказал Влад, открывая глаза.

Глава 8

Глаза лучше закрыть. Свет прожекторов режет, пронизывает голову насквозь, достает до затылка. Лучше глаза держать закрытыми, но нельзя.

Есть у Влада Гетьмана своя собственная, особенная гордость. Тихое ментовское достоинство. Или достоинство человеческое, которое нужно продемонстрировать нелюдям, сидящим сейчас в партере возле арены.

Их не видно – проклятые прожектора стараются выжечь глаза гордому и независимому милиционеру. Всего пару дней назад клоунствовал на этом самом манеже перед теми же самыми зрителями этот милиционер. И тогда ему казалось самым главным – не показать своего страха, сделать вид, что только обнаглевших циркачей видит перед собой Влад Гетьман, собрание распоясавшихся людей.

Людей.

Сейчас, похоже, можно уже не притворяться. Осталось не так много времени. Ведь не для того, чтобы просто снова посмотреть, доставили его сюда.

Влад медленно, чтобы не расплескать головную боль, встал на ноги. Медленно, чтобы не потерять равновесие, отряхнул с одежды опилки и пыль. Попытался рассмотреть, вся ли

труппа собралась или разбираться с ним будут небольшим кругом. Даже заслонившись от яркого света, он не смог рассмотреть ничего.

– Ты хотел поговорить, – прозвучало из ослепительной темноты. – Давай.

– Это с каких таких мне «тыкает» непонятно кто? – Влад осторожно ощупал свой затылок, зашипел, зацепив здоровенную шишку. – Удар по голове – еще не повод...

– Мы тебя можем просто так убить, без разговоров, – сказал высокий девичий голос.

– Рассматривай это как плату за разговор. Или ты будешь разговаривать так, как мы того хотим, либо разговора не будет вообще. – Это пояснил директор труппы, его голос Влад запомнил с прошлого посещения. – Так как?

– Убивайте, – махнул рукой Влад. – Все сразу меня рвать будете или выпустите кого-то одного?

Оставалось надеяться, что в голосе у него сейчас больше наглости, чем испуга. Влад никогда не был сторонником того, что умереть стоя лучше, чем жить на коленях. Правда, в последний момент всегда срабатывало упрямство, но это было именно упрямство, а не какие-то высокие и благородные мотивы. Так, во всяком случае, убеждал себя Влад.

Не отдать мелочь старшекласснику в школе, объяснить преподавателю, что не стоит так уж с ходу обвинять студента в тупости, плюнуть в ненавистную бледную рожу Хозяина – из упрямства, не от храбрости.

И сейчас нарываться на окончательные неприятности – это от глупости и от упрямства. Только от них. Жить ведь хочется. Ой, как хочется жить.

Из-за гудящей световой завесы появился директор труппы. Легко перепрыгнул эту... Влад снова забыл, как называется та штука, по которой бегают дрессированные собачки по кругу. Ограждение арены. Или как там оно... Неважно.

Теперь – неважно. И навсегда – неважно.

Вот директор труппы сейчас убьет его в человеческом обличье или превратится в медведя? Наверное, лучше бы в человеческом. Потом задолбаются объяснять рваные раны на трупе. Хотя...

Как там он сам еще недавно шутил – пирожки с мясом на поминки делаются из мяса виновника торжества? Заодно труппа и пообедает. Для такой своры восемьдесят килограммов Гетьмана – на один укус. Для каждого.

– Хорошо подумал? – спросил директор труппы.

– Вы лично меня будете употреблять, Арсен Михайлович? – поинтересовался Влад. – Никому из своих шавок не доверите? Это у нас признак уважения или вам просто нужно усиленно питаться?

Арсен Михайлович подошел поближе. Прищурился, всматриваясь в лицо Влада. Потянул воздух, расширив ноздри. Принюхался?

– А ведь и вправду – воняет, – сказал Арсен Михайлович. – И свежим.

– И мертвым, – сказал кто-то. – Один из пистолетов просто разит «бесцветным». Мертвым Наблюдателем.

– Хороший Наблюдатель, – сказал кто-то другой, помоложе, – мертвый Наблюдатель.

Никто не засмеялся. Влад смотрел прямо перед собой, даже не мигая, потом сообразил, что игра в гляделки ничего не даст, и опустил веки.

– Ладно, – сказал циркач. – Вы хотели поговорить? Давайте.

Влад усмехнулся – он специально выработал у себя такую вот мерзкую ухмылку для таких вот мерзких случаев. Пару раз сразу после нее на Гетьмана бросались с кулаками. Но директор на приманку не клюнул – очень серьезный и уверенный в себе маах'керу.

– Я хотел спросить, – теперь Влад убрал ухмылку и решил говорить громко и четко, так, чтобы все слышали – нет у него в голосе дрожи.

Нету, и все. Вам на это наплевать, а мне – нет. Для меня это важно. И важно, что пальцы не дрожат. Не дрожат, и все – Влад сцепил пальцы за спиной. Нечего на них смотреть.

Ты слишком напряжен, прошептала головная боль. Тебе не стоит так напрягаться,

подтвердила тошнота, подбираясь к горлу. У тебя ведь легкое сотрясение мозга, ты не забыл? Спасибо доброму доктору-сатра – та, вчерашняя боль, исчезла, но эта, новая, легла на старые дрожжи. Не дергайся, так будет лучше.

– Я хотел спросить, так, для себя, это ведь вы украли волка из зоопарка? Да?

– Зачем это нам? – теперь в голосе директора труппы проскользнула заинтересованность. Легкая, так – мимолетная.

– Значит, – вздохнул Влад, – имеем труппу, состоящую из маах'керу, в миру именуемую цирком зверей. Зверюшки такое вытворяют на арене, просто такие же умные, как люди...

Влад сделал паузу, давая слушателям возможность обидеться.

– ...или даже умнее людей. Гораздо умнее. Откуда такие таланты? Обычные зрители, пляшущие на мир сквозь Пелену, полагают, что это высочайшее искусство дрессировщиков. Но тому, для кого ваша Пелена не помеха, совершенно понятно: тут звери и дрессировщики – в одном лице. Оборотни на гастролях. Я пока не буду углубляться в изучение причин такого странного поведения благородных и злобных маах'керу – выеживаться перед неполноценными людьми. Никакие деньги не смогут окупить подобного унижения. Важно другое – кто-то убил одного из актеров. Поскольку за мной по улице Есенина бежали волки, полагаю, что наружное наблюдение вы ведете именно в таком виде – проще сойти за собак. – Влад снова улыбнулся, на это раз без злого умысла, просто ему показалось забавным, что он сейчас рассказывает своим будущим убийцам элементарные вещи. – За мной ходили волки, у меня во дворе волки убили дейвона... Ведь ваша же работа, не так ли?

– Ты об украденном волке в зоопарке, – напомнил директор труппы.

Влад изогнул правую бровь в изумлении.

– Вы начали об украденном волке, – скрипнув зубами, сказал Арсен Михайлович.

– Да. А вы у нас превращаетесь обычно в медведя, – Влад указал пальцем в грудь циркача. – А ваш покойный товарищ – в волка. И еще он выступал на арене. Так вот, когда его убили, вы смогли тело спрятать. Да хоть сожрать, в конце концов, не знаю я подробностей ваших обрядов...

Кажется, кто-то из сидящих в зале зарычал – директор оглянулся и посмотрел в сторону слабого духом.

– И у вас уменьшилось количество артистов. И это нужно было как-то объяснить. Человек мог уехать – так вы, наверное, и объяснили исчезновение актера, а вот зверь... Если бы он сбежал, начались бы поиски, вам пришлось бы что-то объяснять, с кем-то взаимодействовать. Опять же, просто так по улицам передвигаться уже не получалось бы – всем ментам сообщили бы, что на улицах волки. Много мороки и проблем. Но все это легко устраняется, если предъявить кому-то труп животного. Волка. Съел что-то не то, мало ли? Вот тут вам пригодился волк из зоопарка. Ну, а местной администрации вы все объяснили как нежелание разборок с санстанцией, директору цирка и самому все это не нужно. Труп предъявили и в лесу закопали. И никаких проблем. Я нигде не соврал?

Арсен Михайлович несколько раз хлопнул в ладоши.

– Красиво, – сказал он. – Не то чтобы поражало, но впечатление производит. И что из этого следует?

– Не из этого. Не только из этого... – Влад поморщился и снова осторожно потрогал шишку на затылке. – Ни у кого нет таблетки? Анальгина, аспирина? Очень болит голова...

– Скоро пройдет, – пообещал девичий голос. – Очень скоро.

– Самки всегда злее самцов? – поинтересовался Влад. – Или это подружка убиенного? У нее личные мотивы не любить людей?

Послышался какой-то странный шум, рычание – словно кто-то пытался удержать на месте крупную собаку. Или волка. Влад подождал.

– Очень скоро, – повторил девичий голос, сдавленный от ярости. – Я сама...

– Я продолжу?

– Продолжай...те.

– Спасибо. Значит, такой странный цирк. И так странно попал к нам на гастроли. Заменял так странно вышедшую из строя московскую труппу. Меня бы это не насторожило и не удивило, если бы не ряд других странностей – тот, кто вас пригласил, ряд странных событий уже в Харькове и так далее и тому подобное...

«Приходится блефовать, – подумал Влад. – Если бы точно знать, что там накопал Руслан в интерполовских файлах. Господи, дай соврать красиво и точно».

– А тут еще и странные совпадения почти во всех городах, где вы гастролировали... – напрасно он сказал «почти», нужно демонстрировать больше уверенности. – Умирают люди...

Влад сделал ударение на «люди» скорее по наитию, чем сознательно.

– Это вы придумали – цирк киллеров. Неуловимых и неподражаемых. Сами придумали или традиция такая?

– Традиция, – спокойно сказал директор труппы. – Уже много веков.

– Забавно, – кивнул Влад и схватился за голову. – И ни разу никто ничего не заподозрил?

– Ты четвертый. За последние пятьдесят лет. И что?

– Остальные проницательные умерли?

– Да.

– Вы очень откровенный... Очень откровенное существо, – не мог не оценить Влад. – Забываетесь иногда, сбиваетесь на пошлое «ты», но, в общем... Вас пригласили выполнить заказы?

– Да.

Маски сброшены, перспективы определены, можно не скрывать. Ответы короткие, но честные.

– Только убийства? Или как вы предпочитаете? Ликвидации?

– Охота, – ответил Арсен Михайлович.

– Вот так вот... Только охота?

– Слежка. В основном – слежка. И только при необходимости...

Если бы еще не эти прожекторы. И не проклятый манеж, который покачивается под ногами и крутится вправо-влево, медленно, противно, тошнотворно.

Сесть бы. Но требование кресла будет уже явным перебором.

– Зачем – вам не объясняли?

– Не интересуюсь.

– Тоже верно. Меня зачем сюда привели? Вы ведь не удивились, что сюда зачем-то привезли мента, вас неприятно покорило его поведение, не более того. Зачем меня привезли?

Циркач ответил не сразу. На лице его проступило сомнение, но длилось он не очень долго – всего пару секунд. То ли сработало правило трех «да», и несколько раз откровенно ответив на малозначительные вопросы, он уже не смог удержаться, то ли не было особой разницы в том, умрет мент, получив половину информации или всю. А может, и Влад на это надеялся, отказ отвечать на вопросы выглядит проявлением слабости, и на глазах всей труппы предводитель себе позволить такого не мог.

– Вам меня предъявили для запоминания? – вбросил мяч в игру Влад. – Типа – чтобы вы меня хорошо рассмотрели и запомнили.

– Ошибся, – не без злорадства ответил директор. – Не для этого. Нужно было проверить – видишь ты сквозь Пелену или нет. Ты можешь скрывать свои чувства там, в толпе, когда замечаешь одного-двух чужаков... А когда тебя внезапно окружают оборотни... Нас попросили...

– И что вы ему сказали?

Арсен Михайлович снова улыбнулся и покачал головой:

– Ненависть из тебя так и перла. Клокотала и лилась наружу. Но не было страха. Вот сейчас ты боишься... Не дергайся, не нужно. Ты хорошо держишься, но страх спрятать

нельзя. Ты продолжаешь нас ненавидеть, но страх всплыл на самый верх, пенится на поверхности. А ночью ты сумел его сдержать. И ненависть твоя была очень мотивирована. Я в восторге! Честно. Ты так мастерски изобразил свою обиду, так хотел вызвать бригаду, следователей и экспертов... Я списал твои эмоции на это. Еще раз – молодец.

– Мерси за комплиман, – Влад даже хотел сделать реверанс, но вспомнил о своей головной боли и остался стоять ровно. – Вот если вы снова перестанете «тыкать», я буду просто в восторге. Вы сказали, что я не вижу сквозь Пелену. Так?

– Так.

– И я в результате доехал до дома живой. А мог не доехать. И ребята ждали бы меня под дождем совершенно напрасно... Но ведь и следить за мной вас тоже просили?

– Да. Только раньше. Вечером. За местным подполковником, за приезжим полковником и за капитаном, который там обязательно появится.

– А за кем следил тот, которого убили?

– За полковником. Двое побежали за тобой, а он остался у дома. Когда остальные вернулись – его уже не было. Мы решили, что он что-то заметил, искать не стали. Ночью его труп кто-то подбросил на арену.

– И все?

– И все.

– Мне говорили, что маах'керу не прощают убийц своих соплеменников. Это правда?

– Это правда.

– И кто его убил?

– Мы не знаем.

– Seriously? – удивился Влад. – Вам даже не удалось узнать, кто бы это мог быть?

Директор цирка молча ступил вперед, сгреб Влада за лацканы куртки:

– Ты. Знаешь. Кто. Это. Сделал?

– Поставь на место, – сказал Влад, твердо глядя в меняющееся лицо Арсена Михайловича.

Мелкая шерсть полезла сквозь кожу, лицо удлинилось, верхняя губа стала короче, обнажая громадные желтые клыки.

– Поставь. На место, – повторил Влад. – Я не буду ничего говорить животному. Я...

Резкий толчок отбросил Влада, он попытался удержаться на ногах, но сильный удар швырнул его на арену. Вспышка боли полыхнула в голове, непомерная тяжесть обрушилась на грудь.

– Я не буду с тобой говорить, тварь! – выкрикнул Влад. – Не...

Удар в солнечное сплетение, и воздух исчез во всей вселенной.

– Ты скажешь! – прорычал зверь. – Скажешь...

– Скажу... – еле смог пробормотать Влад. – Если ты прекратишь...

Еще удар – Влад закашлялся, перевернулся на бок. Прижался щекой к вонючей ткани манежного покрытия.

Удар, на это раз – по ребрам. И, кажется, ногой. И еще раз – точно ногой. Директор все-таки берет себя в руки. В лапы. Нет, все-таки в руки. Снова стал человеком. Почти человеком.

– Отревел? – со стоном спросил Влад. – С тобой снова можно разговаривать?

А ведь всего пару минут назад директор был таким невозмутимым.

Влад медленно, прижимая руку к ушибленному боку, встал. Выпрямился.

Если бы арена перестала раскачиваться... И немного воздуха. Не этой звериной вони, а нормального чистого воздуха. Всего несколько глотков.

Медведь снова исчез. Снова перед Владом стоял силовой жонглер на пенсии. Тяжело дышащий жонглер, скалящий зубы силовой жонглер в изодранном в клочья спортивном костюме.

– Несколько глубоких вдохов... и медленных выдохов, – посоветовал Влад. – Но если ты мне ребра повредил – пеняй на себя. Я...

– Кто убил? – выдохнул оборотень.

– Кто-то очень сильный? – предположил Влад. – Кто-то, кто смог схватить молодого здорового маах'керу, скомкать как тряпичную куклу и принести с Павлова Поля к цирку... И обратите внимание – он точно знал, откуда этот конкретный маах'керу. На вашем ведь не было ошейника с просьбой привести его к хозяину. Не было? Откуда он это узнал? И, подозреваю, запаха никакого не было на трупe, иначе вы бы выследили... Вы умеете, я знаю...

Директор труппы отошел и опустилсЯ на барьер манежа.

Влад подошел и сел почти рядом, правда, боком, так и не сумев заставить себя повернуться к труппе оборотней спиной.

– Все так? – спросил Влад.

Оборотень кивнул.

– А если бы вы узнали, кто это сделал?

Оборотень усмехнулся.

– А если это человек? – спросил Влад.

– Человек? – недоверчиво протянул Арсен Михайлович. – Человек?!

Ненависть и недоверие в голосе. Недоверие, ненависть и... Человек?

– Вам не сказали, что в Харькове гастролируете не только вы? – Влад прижимал локтем наливавшийся болью бок и одновременно боролся с головокружением.

Темнота была рядом. С утробным бульканьем переливалась за лучами прожекторов. Она ждала своего момента.

– Убери свой зверинец, – сказал Влад.

– Нет.

– Убери. Потом ты сам все поймешь, а сейчас – убери.

– Нет.

– Ты их сможешь удержать, если они узнают? Сможешь остановить? Они могут просто погибнуть. Чик, и готово. И тебе придется воровать из зоопарка пантеру, еще волков, ну и других животных, – Влад даже смог повысить голос.

Дышать мелкими глотками и одновременно почти кричать было непросто. И очень больно.

– С ними не будут сражаться. Их просто убьют. Я не знаю, что будет использовано на этот раз, но, похоже, у человека этого богатый магический арсенал. Очень богатый. – Влад тихо застонал. – Убери остальных. Не бойся, я на тебя не наброшусь... И фонари... Достали. Выслушай, потом – убивай, ешь, откладывай на зиму... Что хочешь...

Остановиться. Прекратить нести это бред. Медведь все и так понял. Теперь он примет решение...

– Всем выйти, – глухо произнес оборотень. – Всем – выйти.

– И фонари, – напомнил Влад.

– Пушки, – сказал оборотень, и прожекторы погасли.

Стало темно. Влад словно ослеп. Он слышал, как кто-то шел к выходу, как несколько раз стукнули сиденья кресел. Никто из циркачей не проронил ни звука. Они все настолько хотели узнать, кто убил волка, что готовы были сносить оскорбления.

Они могут и потерпеть.

Дверь закрылась.

Кромешная темнота.

– Я слушаю, – сказал оборотень. – Только...

– Что?

– Если ты надеешься выторговать жизнь...

– Конечно... – Влад попытался засмеяться, но зашипел от боли и закашлялся. – Дурак неумный... Кто же так бьет? Медведь.

– Кто убил?

– В городе появился борец против чужаков, – сказал Влад. – Ваш... родственник стал

седьмым. Шестеро погибли до этого. Были убиты. Человеком.

– Человеком, – произнес оборотень тусклым, безжизненным голосом.

– Вам действительно ничего не сказали?

– Кто?

– Тот, кто вас пригласил.

– Мы его не видели.

– Как? – не понял Влад. – Что значит – не видели? Он же со мной приезжал...

– Этот? – Влад не видел собеседника, но иронию смог уловить сразу.

Иронию и пренебрежение.

– Нас вызвал не он.

– Но на афишах...

– На сарае написано что? А в нем – дрова. Я правильно воспроизвел вашу поговорку?

– Да.

– Нас вызвал не он. И заказчик – не он. Для него мы бы не приехали. И на него мы бы не работали. Понятно?

– Понятно. Но и Серый вам ничего не говорил...

– А кто он такой, чтобы мне что-то говорить? Он может сидеть возле чужого стола и ждать, когда ему бросят подачку. Со мной он говорить не может.

– Понял, – пробормотал Влад.

Потрясающая характеристика для уважаемого предпринимателя, филантропа, альтруиста и вообще конкретного пацана Сергея Леонтьевича Салунского. Ради одной этой характеристики стоило прийти в цирк этой ночью... Хотя удары по ребрам уже были явным перебором.

– Ладно... – протянул Влад. – Ладно. Об этом – потом. Сейчас о другом. Скажи, ты знаешь, что этой ночью в моем подъезде вырезали семью маах'керу?

– Нет.

– Они были... не знаю, как вы это называете... они жили как люди. Работали. Получали зарплату. Не уверен, что они учили своих детей превращениям...

– Этому не нужно учиться. Это приходит само, рано или поздно. Их убил...

– Один человек. Один-единственный. Просто вошел среди ночи и нанес четыре удара. Для четырех маах'керу.

– Это неправда.

– Это правда. Думаю, что он использовал оружие с серебром. Мне не успели сообщить результаты экспертизы.

– Ты разобрал свой телефон.

– Да. Боюсь, что за мной следили. В том числе и вы. Твои ведь порвали дейвона этим вечером? Не боишься войны?

– Я уже послал сообщение матери клана...

– Ее убили. Она в том самом списке. А дейвона ждал меня – они хотят со мной встретиться. Что-то обсудить.

– Мне сказали... Мне сказали проследить за домом. Если придешь ты – проследить. А ночью... Ночью, возможно, вывести тебя из дому и...

– Убить?

– Не знаю. Мне должны были сказать потом. Мои пришли к дому, а там... Дейвона атаковал первым, мои защищались. У него был амулет... и нож... Они вообще носят много серебра. Я послал сообщение и предложил плату за кровь. Или поединок чести, на выбор.

– Без магии?

– Без.

– А если они не примут ни один из вариантов?

– Они примут, – спокойно сказал оборотень.

– Я ищу убийцу, – сказал Влад. – Меня нанял... Я думал, что Серый, но после твоих слов, полагаю, что это был не он, а его... хозяин.

Влад сделал паузу перед последним словом не специально. Так получилось. Не выходило у него произносить это слово просто так, легко, как обычный набор букв.

– Найти убийцу...

– Да.

– Человека?

– Да.

– Что тебе обещали?

– Какая разница? Сделали предложение, от которого я не мог отказаться. Сразу после этого я наткнулся на ваших, потом меня привезли сюда... пытались убить, вылечили, снова пытались убить... понеслось, в общем...

– И ты решил умереть проще? Прийти сюда... И ты вправду убил Наблюдателя?

– Да, – не стал вдаваться в подробности Влад. – Я защищался.

– Орден, естественно, примет это к сведению. – Наверное, директор цирковой труппы улыбнулся с иронией, произнеся эту фразу. – Орден устроит суд по всем правилам и оправдает тебя. Знаешь, ты сделал правильный выбор, когда пришел сюда. Тут ты умрешь быстро. А «бесцветные» казнили бы тебя не торопясь. Есть у них очень забавные способы... Я точно знаю о казни длиной в год. А слышал... слышал о том, что как-то это продолжалось семь с половиной лет. Хотели и дальше, но как раз вспыхнула схватка между орденами, и в суете пришлось концовку казни скомкать. Мы, пожалуй, окажем тебе милосердие...

– Очень признателен. Очень. Только останется маленький нюанс. Крохотный. Вы никогда не узнаете, кто виновен в смерти вашего волка. Не так?

– Мы спросим. Ты сказал, мы теперь знаем, у кого спросить.

– И вам скажут правду?

Ирония, побольше иронии, не впадать в патетику и не говорить о высоких материях и долге перед стаей.

– Ты хочешь выйти отсюда живым, – констатировал оборотень. – Ты очень хочешь выбраться живым. И что еще?

– Я хотел, чтобы вы мне помогли.

Маах'керу засмеялся.

– Человек – только оружие, – сказал Влад.

– Ты хочешь жить...

– Вы не сможете.

– Что ты знаешь о наших возможностях, человек?

– Многое, – просто ответил Влад. – Больше, чем ты подозреваешь. Я убивал маах'керу.

Оборотень хмыкнул. Он даже хотел снова засмеяться, но человек говорил слишком спокойно. И очень честно.

– И ты жив? Тебя не настигли мстители?

– Когда я уходил – живых не было, – наверное, не нужно было об этом.

Не нужно.

Тогда не появилась бы снова перед Владом картина, которую он так тщательно пытался закопать в глубине памяти.

* * *

Острые камни, залитые кровью. Издыхающий волк, тянущийся к нему окровавленной пастью. Волк захлебывается собственной кровью, он уже должен был умереть, но злость – его злость, удерживает его на этой стороне. Он все еще надеется дотянуться до человека. До человека, посмеявшегося победить. Посмеявшегося не умереть в этом ущелье. Посмеявшегося убить нескольких маах'керу... Подло. Нечестно. Неправильно...

Оборотень захрипел, посеребренное лезвие вошло в напряженное волчье горло... пробило мозг.

Умирая, они становились похожи на людей.

* * *

– Ты очень странный человек. Может быть, я подарю тебе поединок.

– Я предлагаю сделку...

– Мы...

– Не спеши. Я приведу к вам убийцу, – сказал Влад. – Того, кто убил вашего...

– Моего приемного сына, – тихо, ровным голосом сказал маах'керу. – Я сам найду...

– Я приведу. Я смогу... Только не мешайте.

– Зачем ты пришел тогда? Если бы не появился, не было бы этого разговора, не было бы причины тебя убивать.

– Тебе бы это приказали завтра...

– Мне никто не может приказать, – холодно оборвал маах'керу.

– Тебе бы заплатили за мою смерть, – сказал Влад. – И ты бы не стал спорить.

– И я бы не стал спорить, – согласился маах'керу. – Но что мне мешает убить тебя просто так? Твоего прошлого разговора с нами вполне достаточно. Или сегодняшнего. Не все же делать за плату, что-то можно сделать и для удовольствия. Пожалуй, будет поединок. Можешь гордиться.

– Мне нужно всего несколько дней, – сказал Влад. – Несколько сраных дней. Я найду...

– Попытаешься сбежать?

– От вас можно сбежать?

– У тебя есть опыт.

– Не совсем. Те маах'керу имели предводителем Наблюдателя. И выполняли все, что он приказывал.

Дыхание оборотня, кажется, оборвалось. Он словно умер.

– Ты слышишь меня? – позвал Влад.

– Где ты их видел? – изменившимся голосом спросил оборотень. – Где этот Наблюдатель?

– Он умер.

– Ты лжешь.

– Он умер. Тогда многие умерли.

– Ты убил его?

– Можно сказать и так.

– Ты тоже умрешь. Сегодня, – подумав, сказал оборотень. – В поединке. Со мной. Можешь выбрать оружие. Холодное оружие.

– Я повторяю – дай мне всего несколько дней. Я найду убийцу. Ты... ты мне поможешь, а потом...

– Разговор окончен.

– Потом можешь выдать меня Наблюдателям! – выкрикнул Влад.

– Я скажу тебе вот что, – медленно, словно строя стену из слов, проговорил оборотень.

– Ты не можешь жить. Ты видишь сквозь Пелену, но ты не маг. Ты ненавидишь нас – нас всех, маах'керу, дейвона и других. Мы оба понимаем, что рано или поздно ты не сможешь сдержаться и начнешь убивать. Как тот, кого ты зачем-то хочешь найти. Поэтому...

Влад услышал, как оборотень встал и выпрямился.

«Не получилось, – подумал Влад. – Не получилось... Не нужно было сюда идти. Не нужно было делать такую ставку в игре. Ва-банк?»

Номер не прошел. Обидно.

Оборотень что-то крикнул, неразборчиво, но громко.

Раздвинулись шторы перед входом в зал, кто-то вошел.

– Свет, – приказал оборотень, и загорелся свет, не пронзительные лучи световых пушек, а желтые фонари под куполом.

Директор труппы вышел на середину арены. Остальные маах'керу стояли возле арены, полукругом. Можно было рассмотреть их лица, но Владу это было не интересно. Уже не интересно.

– Я буду говорить, – торжественно произнес оборотень.

– Слушай, свободная стая! – вполголоса сказал Влад. – Акела будет говорить. Решать

судьбу человеческого детеныша. Или сейчас у вас за главного Балуг?

Оборотень проглотил оскорбление молча. Подождал, не скажет ли еще что-то обезумевший от страха человек. Но заговорил не Влад.

– Пришел чужой, – сказал парень, стоявший в первом ряду.

– Зачем? – спросил директор трупы.

– Он сказал, что за своим другом, – ответил парень.

– Где он?

Оборотни расступились.

– Какого черта... – вырвалось у Влада.

Руслан легко запрыгнул на арену, подошел к Гетьману.

– Сейчас мы уходим, – сказал Руслан и положил руку на плечо Владу. – Вдвоем.

– Ты угрожаешь?

– Я сообщаю. – Руслан достал из кармана мобильный телефон, набрал номер.

Оборотни молча ждали.

– Я его нашел, – сказал Руслан в телефон. – Если через пять минут мы не выйдем – начинай.

– Что ты собрался делать? – спросил Арсен Михайлович.

– Я собрался увести отсюда своего друга. Через пять минут...

– Через пять минут вы оба сможете подохнуть! – выкрикнула девушка из первого ряда. – Оба!

– Я знаю, – кивнул Руслан. – Только и у вас будут проблемы. Группа поддержки уже наготове. Перед зданием – другие люди...

– Тоже твои друзья? – поинтересовался директор.

– Мои друзья. И его.

– Думаешь, они выживут?

– Они к этому готовы. Им нужно только начать стрельбу. И отдать команду.

– Умрут многие...

– И вы тоже. Многие из вас. Или вам придется разбежаться в разные стороны. Во всяком случае, в городе вы больше не появитесь. И, боюсь, вашей гастрольной деятельности придет конец. Ну, и думаю, что найдется, кому сопоставить бойню в Харькове с несчастными случаями в Марселе, Неаполе, странными смертями в Берлине и Праге. Это только с начала этого года...

– Не стоит нам угрожать...

– Мое предложение остается в силе, – быстро проговорил Влад. – Я ищу убийцу. Нахожу его. После этого – вы сами решите, что со мной делать. Можете выдать Наблюдателям. Можете – порвать меня в поединке. Слышите меня?

– Слышу. Я это уже слышал, мне не интересно. Пусть скажет он, – Арсен Михайлович указал на Руслана. – Он готов принять участие в нашем договоре?

– Да, – не задумываясь, ответил Руслан. – Мы придем вдвоем. И в поединок вступим оба.

Директор трупы молча обвел взглядом стоявших у арены оборотней. Никто не произнес ни слова.

– Человек и его... друг, – громко, так, что отозвалось под куполом, сказал Арсен Михайлович, – предлагают сделку.

– Нет! – выкрикнула девушка.

Директор медленно подошел к краю арены, взмахнул рукой – Руслан не успел заметить, как ладонь превратилась в медвежью лапу – четыре кровавых полосы появились на лице у девушки, голова мотнулась, но упасть девушке не дали, удержали стоявшие рядом.

Оборотень стряхнул с руки кровь. Капли ударились о покрытие манежа.

Оборотень вернулся на середину арены.

– Они находят убийцу, – сказал маах'керу. – Если им понадобится для этого наша помощь – мы поможем.

Девушка, не стирая кровь с лица, горящими глазами с ненавистью смотрела на Влада.

– После этого вы все решите их судьбу, – закончил маах'керу. – Я приму ваше решение. И они примут ваше решение. Это все.

– Пойдем, – тихо сказал Руслан.

– Пусть вернут мне оружие, телефон, документы, – потребовал Влад.

Парень взмахнул рукой, и на арену перед Владом упал пакет.

– Пойдем, – повторил Руслан, наклонился и поднял пакет. – Нас ждут. Время.

– Денежки нужно посчитать, – Влад попытался отобрать пакет у Руслана. – Денежки – счет любят. Вон рожи какие воровские у всех. Сам посмотри. Циркачам никогда доверять нельзя. А у этих даже клоунов нет...

Влад все-таки отобрал у Руслана пакет, заглянул:

– Так и есть. Где пистолет иностранного образца «беретта»? И патроны к нему? Где, я вас спрашиваю?

– Пойдем! – Руслан подтолкнул Влада к выходу.

– Нет, пусть ответят! – потребовал Влад.

– Они останутся у нас, – сказал Арсен Михайлович. – Подарок для Наблюдателей, если что.

– Если что... – Влад переложил свой пистолет в боковой карман куртки, удостоверение спрятал во внутренний, а деньги, скомкав, сунул в карман джинсов. – А что если?

Влад выкрикнул свой вопрос и засмеялся, не обращая внимания на боль и головокружение:

– Отважные маах'керу хотят меня шантажировать? Обосретесь, милые! У вас мозгов не хватит!..

Руслан дернул Влада за руку, потащил его к выходу.

– Мы поговорим потом, обязательно поговорим, уроды! – остановившись перед дверью, прокричал Влад. – Завтра пришлешь кого-нибудь к моему дому, пусть со мной переговорит. И не вздумайте никого больше там убивать, придурки. Завтра... А сколько сейчас времени?

– Половина второго, – сказал Руслан.

– Тогда не завтра, а сегодня. С утра пришли. Часов в шесть... Отставить. В восемь. Ясно? Иначе...

Руслан выволок Влада в вестибюль.

– А меня здесь не было! – прокричал Влад, надсаживаясь. – Не было! Никому не говорите!

Они вышли из цирка. Прошли через площадь перед ним, не обращая внимания на лужи и дождь.

– С ума сошел? – спросил Руслан, когда они подошли к стоящей возле бордюра машине Капустяна.

– Классно я орал? – спросил Влад.

– Совсем как дурак, – оценил Руслан. – Я бы тоже поверил, если бы тебя знал чуть хуже.

– Ты как сюда попал?

– Ты не появился... Садись в машину, чокнутый.

Влад махнул рукой, оперся о машину и задрал голову, ловя дождевые капли открытым ртом.

– Про кислотные дожди слышал? – поинтересовался Руслан.

– Наплевать. Ты рассказывай, рассказывай...

– Ну, что... Ты не приехал, я взял запасной телефон, позвонил тебе – голяк, вне зоны. Я позвонил Капустяну. Со второго раза он ответил. Сообщил, что ты отправился в цирк, как последний идиот. Просился на вакантную должность коверного? Или теперь такие заковыристые способы самоубийства в моде?

– Получилось же... – сказал Влад, продолжая пить дождевую воду. – Почти так, как

планировалось.

– Скажешь, что я мог не приходить, что у тебя все было под контролем?

– Совсем дурак? Что это тебе – кино? Под каким, на хрен, контролем? Меня чуть не порвали в клочья... Не порвали. – Влад весело посмотрел на Руслана, потом поморщился. – Но по ребрам настучали. Да. А ты про спецназ наврал, про готовящийся обстрел наврал – не замечал за тобой такой тяги к блефу. Хорошо еще, что лейтенанта с Богданом не прихватил. Где они, кстати?

– Богдан ждет тебя на условленном месте, на случай, если ты сам бы выбрался из этой задницы. А Капустян сейчас мокнет вон там, за мостом. Поехали? Напился уже кислоты? – Руслан открыл дверцу, сел за руль. – Поехали? Вначале заберем Капустяна, потом промокшего и злого...

– Лютого.

– Лютого старшего лейтенанта Лютого, – не стал возражать Руслан.

– Ты ничего не рассказал Богдану? – спросил Влад, усаживаясь рядом.

– О чем?

– О себе.

Руслан хмыкнул.

– Понятно. И правильно. – Влад сунул руку в левый карман куртки и с удивлением нашупал цветок сатра.

А он думал, что оборотни его забрали. Непонятно только, хорошо это или плохо.

Машина тронулась, Влад погладил левой рукой цветок. Палец натолкнулся на дырку в кармане.

Пуля прошла сквозь карман. Влад как-то не обратил на это внимания сразу, сейчас же заметил, что пуля должна была попасть в цветок.

Как странно промахнулся Наблюдатель. Влад снова погладил цветок, и ему показалось, что тонкие жилки дышат теплом. Мягким, почти незаметным. И пульсируют, тоже еле заметно.

«Наверное, это все-таки хорошо», – подумал Влад.

Возле бывшего кинотеатра «Зирка» они остановились, мокрый, но счастливый Капустян залез на заднее сиденье и стал что-то говорить, радостно, но непонятно. Влад хотел было прислушаться, но потом решил, что все это ерунда, что все он успеет услышать и узнать.

Сейчас достаточно того, что он жив. И что его левая рука наливается теплом, что это тепло распространяется вверх, растекается по плечам, и ползет вниз, к ногам, омывая все тело.

«Наверное, это хорошо», – еще раз подумал Влад.

* * *

– Ты думаешь, это хорошо? – спросил Хозяин.

– Я... – Влад, застигнутый врасплох, замер, боясь пошевелиться.

Хотя все это было уже лишним – его снова настигли. Снова попытка закончилась ничем.

«Пытаешься себя обмануть, – со злостью сказал себя Влад. – Закончилась ничем – ты об этом можешь только мечтать. А все закончится новым наказанием».

Хозяин медленно не вышел – выплыл из темноты коридора, бесшумно скользя над каменным полом. Он, кажется, не ступал по нему – Влад не слышал шагов.

Тихое, неотвратимое движение. Обещание боли. Прожигающие насквозь глаза. Холодная рука с длинными костлявыми пальцами. Лезвия когтей, словно возникающие из пустоты на кончиках этих пальцев. Прикосновение невидимой удавки. Бесшумный гром, крушащий мозг, и невидимая молния, испепеляющая тело.

Хозяин не тянет с наказаниями. Он даже не задумывается никогда, что выбрать. Он наказывает. Наказывает-наказывает-наказывает...

– Пора бы уже привыкнуть, – выдохнул Хозяин.

Его выдох – невидим, это дыхание Влада клубами пара вылетает изо рта и оседает инеем на стене. Снаружи – зима. В пещерах – тепло. Сухо и тепло.

И совсем безопасно. Достаточно протянуть руку по требованию Хозяина и постараться не вздрогнуть, когда коготь ланцетом рассекает кожу и рубиновая капля медленно упадет в подставленную белую морщинистую ладонь.

У Хозяина очень долгая линия жизни.

Когда коготь разрезает плоть – это не больно. Это совсем не больно, к этому можно привыкнуть. Боль – это когда Хозяин рассержен, когда он судорожно сжимает кулаки, решив не сдерживать свою ярость и выдержанную столетиями жестокость.

Вот тогда...

Влад стоял неподвижно, глядя перед собой. Хозяин приблизился. Протянул руку.

– Мне будет тебя очень не хватать, – сказал Хозяин.

Коготь коснулся лба, капля крови скользнула на палец, бледный язык слизнул каплю.

– Мне этого будет не хватать, – тонкие губы Хозяина растянулись в подобие усмешки.

Так, наверное, могли бы улыбаться мумии.

– Можешь идти. – Хозяин отодвинулся с пути Влада и даже указал рукой направление, словно человек не знал, где выход из этого коридора.

Влад стоял неподвижно.

– Я говорил тебе, что ты проживешь долго, если не будешь бунтовать. Ты все равно пытался бежать. Я говорил, что там, за стенами замка, тебя подстерегают враги, – но ты снова пытаешься бежать... Нельзя уговорить человека жить. Кто-то делает все, чтобы выжить, а кто-то – чтобы умереть. Не перерезать себе горло, не сунуть голову в петлю или отхлебнуть отравы – нет, что вы! Такие люди с негодованием откинут всякое подозрение в желании самоубийства. Они сильные, они жизнелюбивые, они жаждут свободы... Подохнуть они жаждут. Залезть в такую ловушку, чтобы уже и не выбраться оттуда, и умереть, обманывая себя и других, жалуясь на безвременную смерть, на жестокую судьбу, на то, что жизнь оказалась хитрее... Ты ведь не хочешь жить? – шепотом, на самое ухо спросил Хозяин у Влада, и стылый выдох его коснулся щеки человека. – Ты хочешь умереть... Попроси меня, я отниму у тебя жизнь. Попроси...

«Можно ударить его по лицу», – отстраненно подумал Влад.

Хлестнуть по неподвижному воплощению гордыни, сорвать с промерзшего черепа маску высокомерия, заглянуть в пустые глазницы.

Это будет так здорово...

«Это могло быть так здорово», – поправил себя Влад.

Однажды он попытался. Если бы он смог хотя бы зацепить это лицо, мимолетно, невесомо – даже тогда в этом был бы смысл, пусть даже после этого последовало бы самое жестокое наказание.

Влад больше не будет пытаться. Он не будет развлечением.

– Иди, – повторил Хозяин и подтолкнул Влада в спину к выходу. – Я открыл дверь. Слышишь, как завывает метель? Чувствуешь, как холодный ветер проник сюда и припал щекой к твоим ногам? Иди. Я не могу больше играть с тобой в поддавки. Иди. Сейчас метет, может быть, тебе повезет проскользнуть мимо маах'керы... Никто не любит холода...

Голос Хозяина становился все медленнее и медленнее, словно засыпал Хозяин, словно медленно заполнял его лед, сковывая движения и гася огонь в глазах.

Влад шагнул навстречу холодному ветру.

– Прощай, – прошептал Хозяин.

Влад сделал еще несколько шагов и оглянулся – в коридоре никого не было.

Тяжелая дубовая, окованная сталью дверь была полуоткрыта – дальше ее не пустил громадный сугроб. Влад совсем забыл об этом, и, наверное, сам бы не смог открыть дверь и сдвинуть наметенный к ней снег. Не хватило бы сил.

Хозяин, наверное, сделал это небрежным движением руки. Или вообще не прикасался, а просто шевельнул пальцем.

Ветер швырнул в лицо Владу пригоршню сухого снега.

А может быть, он, Влад, действительно хотел, чтобы его поймали? Остановили, и он остался бы чистым перед собой, гордым, не смиренным... Он бы мог уважать себя за эту непокорность. И не нужно было бы выходить под безжалостные удары ветра.

Наверное, можно было вернуться. Хозяин не стал бы возражать, Хозяин, наверное, сделал бы вид, что ничего не произошло, что Влад никуда не уходил, а сам Хозяин ничего не говорил ему в темном каменном коридоре, продуваемом ледяным ветром.

Влад шагнул через порог, мгновенно ослепнув от бьющего в лицо снега.

«Трусишь? Он прав? Прав?»

Влад схватился за край двери и попытался швырнуть ее назад, хлопнуть дверью на прощание, но та только чуть двинулась от его толчка.

Не получится гордо хлопнуть дверью. Подписать себе приговор можно только навалившись на нее, приложив все силы... Дверь двигалась с неохотой, петли не смазывались давно. К тому же – заледенели.

Еще! Влад почувствовал, как ладони прилипли к стальной полосе на двери. Надавил сильнее. Дверь почти закрылась, сухие снежинки стучали в нее, дробно и жалобно.

«Навались! Давай», – приказал себе Влад.

Дверь сдвинулась еще немного. Щелкнул, закрываясь, замок.

Что-то оборвалось внутри у Влада, болезненно звякнуло в сердце.

Он оторвал руки от двери. Именно оторвал, оставив на промерзшем металле клочки кожи и кровь.

– Это тебе на память, – сказал Влад, но сам ничего не услышал из-за воющего ветра и шороха снега.

«Можешь идти, – напомнил себе Влад, наклонился и зачерпнул в обе кровоточащие ладони снег. – Ты свободен».

Он повернулся спиной к двери, ветер наотмашь ударил его в лицо, залепил рот снегом, пытаясь задушить сразу, на первом же шагу, чтобы человеку не пришлось мучиться. Сколько? Час? Два?

Скоро начнет темнеть. У него не было шансов. Не было. И он знал это с самого начала. Но он готов был пожертвовать жизнью ради свободы... Ради того, чтобы показать – он не смирился. Он гордый, свободный человек.

А Хозяин одним движением руки превратил его в жалкого щенка, которого жестокий... жестокий Хозяин вышвыривает на улицу за то, что щенок так и не научился вести себя правильно.

Жестокий Хозяин.

Дверь захлопнута. И теперь есть только один способ доказать хоть что-то – уйти как можно дальше. Не превратиться в ледышку под самой дверью, а уйти... До водопада. Или даже до расселины на той стороне... Или, если уж совсем повезет, умереть в ущелье, в километре отсюда.

В целом километре.

Влад шагнул, провалился в снег, попытался выбраться, но провалился снова, на этот раз по пояс. Дверь исчезла в белом водовороте, а еще после двух шагов Влад не смог бы с уверенностью сказать, где она находится.

Вытянув руки перед собой, Влад двигался навстречу ветру, словно собираясь его обнять... Нет, обхватить, сдавить ему горло, повалить в снег и заткнуть, наконец, его глотку.

– Сволочь! – бормотал Влад, не переставая. – Сволочь-сволочь-сволочь-сволочь...

Что-то темное показалось слева, немеющая на морозе рука скользнула по камню – он выбрался из ложбины. Ветер, подтверждая это, ударил в лицо еще сильнее, отскочил в сторону и толкнул в бок, а потом – в спину.

Влад находился на узком гребне скалы. Тут всего ничего: десять шагов, потом начинается ровная площадка до водопада. Десять шагов. Но их нужно пройти. Узкий гребень, словно хребет рыбы, застывшей в своем прыжке в водопад. Справа и слева –

пропасти. Метров сто.

Если бы не снег. И не ветер. Они такие жесткие, упругие, на них можно будет опереться, сорвавшись вниз. Они не пустят, они удержат. Он медленно будет падать, протискиваясь между снежинок.

Влад опустился на колени. Руки уже почти ничего не ощущали. Нужно стучать пальцами, чтобы почувствовать хоть что-то. Холод – снег под пальцами. Боль – камень под снегом. Еще. Еще.

Пальцы провалились в пустоту. Это край. Теперь можно выбрать – ползти вдоль него или шагнуть в сторону, проверить ветер на упругость.

«Иди-и! – прокричал ветер. – Иди-и-и...»

– Я иду, – пробормотал Влад.

Он еще может двигаться, значит, умирать не время. Это потом, когда силы закончатся. Когда захочется спать.

Влад вспомнил, что замерзать – не больно. Совсем не больно. Нужно только перетерпеть первые минуты.

Левая рука скользила по краю обрыва. Влад поднес на мгновение руку к лицу – кровь. Свежая, он снова разорвал руку, разрезал камнем. И тут он оставит гостинец Хозяину. Придет, облизнет. Помянет.

Гребень закончился. Узкий проход к водопаду, такой узкий, что даже ветер не смог в него протиснуться. Завяз где-то на самом входе, завыл тоскливо, потом вскрикнул и улетел, наверное, к выходу, чтобы подстеречь упряма там.

Влад встал на ноги, отдышался. Все хорошо. Все нормально. Снег падал сверху, бесшумно засыпая человека. Постоять десять минут... Лучше лечь. И все.

Влад оттолкнулся рукой от промерзшего камня, оставив кровавый отпечаток, пошел по проходу. Он слышал шум водопада. И вой ветра. И понимал, что не сможет преодолеть замерзшие валуны, не удержится на них под ударами ветра.

– Значит, так тому и быть, – пробормотал Влад. – Значит – там и подохну.

Ноги переступали с трудом, рук он уже не чувствовал, прижал ладони к груди.

Вот сейчас. Сейчас проход свернет под прямым углом и откроется водопад. И крутой каменный спуск к озерцу в его основании.

Влад любил в детстве кататься с горки. Если бы ему тогда сказали, что можно будет проехать с такой потрясающей высоты... Обрадовался бы, наверное, и ни на секунду не задумался – поехал бы.

Значит, нечего думать и сейчас.

Нога подвернулась, Влад понял, что падает, что не устоять на ногах, попытался выставить руки, но они не слушались, примерзли к груди, прямо напротив остывающего сердца.

Удар. Лицом о шершавую ледяную корку. Словно огнем обожгло. Опоры не было – Влад рухнул в пропасть. Крик разорвал ему горло.

* * *

– Влад, что с тобой, Влад? – Теплая рука коснулась лба. – Не кричи, все нормально. Мы дома. Все живы.

Влад открыл глаза – он дома. Ему не соврали.

– Пить хочешь? – спросил Руслан.

– Нет.

– Чаю?

– Нет. Не нужно.

– Есть коньяк.

– Мне Игорек передал совет врача – не пить. Сказал, что это вредно. Можно умереть.

– Что тебе приснилось? – спросил Руслан, возвращаясь в кресло напротив дивана.

– Не твое дело.

– Косово?

– Косово-шмосово... Хреносово! – выпалил Влад, поморщившись. – Цирк мне снился, по горячим следам, можно сказать. Ставшие родными лица, доброжелательные улыбки...

– Оттого и кричал?

– Оттого и кричал. Типа – э-ге-гей! Радостно так, с азартом.

– Я слышал. И нечего тут выпендриваться – Капустяна нет, Богдана нет. А передо мной выпендриваться...

– А давай я сам решу: перед кем мне можно выпендриваться, а перед кем – нельзя. Давай? – Влад повернулся на спину, посмотрел украдкой на свои ладони – чистые и целые.

– Хорошо, – пожал плечами Руслан. – Можешь выпендриваться. А я...

– А ты... Ты можешь рассказать, что нового накопал.

– А я уже, считай, все и рассказал там, в цирке. Прогнал я по компьютеру календарь их гастролей, вытащил тамошние сводки, наложил одно на другое... Кое-что и проявилось. Думаю, они там интенсивнее поработали, но я искал то, что лежало на поверхности. Этаким эскадрон смерти. Мочим, чистим, зачищаем. Коллективный подряд, можно сказать. Ничего из ряда вон выходящего.

– Все?

– Все.

– Мало.

– Завтра еще накопаю. Богдана бы вот только стреножить...

– Что учудил твой смекалистый брат?

– А мой смекалистый брат сегодня общался с цыганами.

– Идиот.

– Идиот, – согласился Руслан. – Но что я могу с ним поделаться?

– У тебя есть пистолет? Напоминаю, что пулевое ранение в коленный сустав выводит человека из строя на очень длительное время, а если совсем повезет, то и навсегда. Хочешь, я сам ему коленку прострелю?

– А кто тебе прострелит? – спросил Руслан.

– А мне – не положено. А теперь – еще и бессмысленно. Какого черта ты полез в мои разборки с циркачами? Кто тебя просил лезть в поединок? Меня бы и одного хватило. Не идиот? Два брата-идиота. Куртку мою куда дели?

– Капустян постирал перед отъездом. Лично отмыл все, повесил в ванной, чтобы просохла.

Влад сел на диване, стал на шаривать ногами тапочки.

– Ты за цветочком? – спросил Руслан. – У тебя под подушкой. Лейтенант вытащил из кармана, а я сунул тебе под подушку от греха подальше. Это тебе врач подарил?

– Да.

– Жаль, я с ним не познакомился.

– И уже, боюсь, не получится.

Влад осторожно встал с дивана, прислушиваясь к своим ощущениям, к голове и ребрам.

– Твою мать... – пробормотал он восхищенно. – Здорово.

– Что?

– Не болит. Вот, смотри. – Влад энергично присел, взмахнул руками, несколько раз наклонился из стороны в сторону. – Не болит. Совсем не болит.

– Он светился, – сказал Руслан.

– Кто?

– Цветочек аленький, блин лохматый.

Влад сунул руку под подушку, вытащил цветок. Хрупкое на вид переплетение тонких нитей. Холодная изящная игрушка.

Лежит на руке, как ни в чем не бывало. А ведь совсем недавно грела эту самую руку. А Руслан говорит, что светился цветочек.

И Руслану нужно верить.

Влад положил цветок на подушку.

– Тебе лучше завтра уйти, с утра пораньше, – сказал Влад. – Лучше бы прямо сейчас, но я не садист.

– Хорошо, – сказал Руслан. – Что делаем?

– В общем, все то же самое. Я пойду к цыганам. Надеюсь, Богдан там не все испортил. Пообщаюсь. А ты... Ты копаешься, ищешь, вспоминаешь... Мы так и не выяснили, кто такой этот наш убивец.

– Отчего же? – сделал удивленное лицо Руслан. – Очень даже выяснили.

Он, не вставая с кресла, дотянулся до стола, взял с него листок бумаги, передал Владу.

– Я правильно все понял? – спросил Руслан, глядя, как Влад рассматривает лист. – Это же о нем?

– Откуда это?

– Значит, Капустян моет куртку, я готовлю ужин, тут в дверь звонок. Я открываю быстро – никого. Я бегом по ступенькам вниз, Капустян, даром что лейтенант, сообразил и рванул вверх, до чердака. Лифт, имеем в виду, не гудит. Я пулей слетел до первого этажа и даже на улицу, Капустян смотался наверх, а потом свесился из окна и внимательно следил, не выбежит ли кто из подъезда.

– И?..

– Никого. Я даже наверх поднялся пешком. Лифт вызвал, осмотрел, и пошел пешком.

– Соседи?

– Ну, я не стал вламываться к спящим людям, но, по моему разумению, если бы кто-то из них баловался, я бы стук дверей услышал. Не было ничего – полтретьего ночи, между прочим.

– И?.. – повторил Влад.

– Возвращаюсь, а Капустян держит в руках листок. На двери висел. Я проскочил, не заметив, а он, как человек обстоятельный, выходя, дверь прикрыл за собой, а, возвращаясь – увидел прикрепленный листок. Взял его, передал мне. А я – тебе. Так это убивец?

– Каменецкий Константин Игоревич, – прочитал Влад вслух. – И с чего мы взяли, что это данные на нашего фигуранта?

– Не знаю. В голову пришло. Божественная интуиция, типа.

– Типа... Почерк такой... Небрежный. Профессиональный...

– Полагаешь, врач? – сообразил Руслан.

– Или медсестра, – задумчиво сказал Влад. – Довольно внятный почерк. Где-то даже женский. Но как-то немногословно...

– Немногословно, – подтвердил Руслан, вставая с кресла. – Я, пожалуй, пойду у себя в Центре переночую. У нас там, знаешь, диван какой?

– Слышал я о вашем диване. Начальник грозился его лично во двор вытащить, порубить и сжечь. Я рядом был – чуть не испугался, так он полыхал. Я имею в виду вашего начальника.

– Фефе у нас такой, он может еще и не так орать. Если нужно. Небось, там дежурный стукнул, что бабу постороннюю туда кто-то из наших водил. Вот Федор Федорович и разорвался. Он сам, если хочешь знать...

– Не хочу. В смысле, сейчас не хочу, потом как-нибудь поделишься компроматом на Федю. А сейчас давай договоримся – сидишь на работе, копаешься в файлах и никуда... слышишь? Никуда не лезешь. Богдана предупреди, что я очень зол. И что мне, в общем, все равно, за убийство кого садиться на пятнадцать суток. Первое, что ты делаешь утром, звонишь мне и сообщаем все, что есть на этого самого Каменецкого К. И. Вопросы?

– Дверь за мной закрой, – уже из прихожей сказал Руслан. – И никому не открывай. Телефон я свой включу. Запасной тоже. Звони, если что. Контрольный звонок – в семь утра. Завтрак в холодильнике. Не забудь поесть.

Руслан подождал, пока Влад вышел в прихожую, и захлопнул за собой дверь. Постоял на лестничной клетке, дождался, пока в замке повернется ключ.

Детский сад, в общем-то. Если кто-то захочет достать капитана Гетьмана на восьмом этаже, то сделает это легко и играючи.

Влад вернулся в комнату, сел на диван и снова посмотрел на листок бумаги.

Доктор все-таки свое обещание сдержал. Неважно, каким способом, но сдержал. Ладно.

Влад взглянул на подушку – может, снова лечь спать? На этот раз ему просто не повезло – снова приснился старый сон. Привет из солнечного Косово.

И что самое обидное, ведь соврал сон. Не тот зонтик Оле-Лукойе открыл над Владом Гетьманом. Какой-то старый, с прорехами.

Не так все было. Совсем не так.

* * *

Влад шагнул к водопаду. Широко, не страшусь. Лед? Черт с ним. Больше не было сил ни бояться, ни злиться. Он сделал выбор. Он сделает так, как решил. Лучше умереть... и почему вы решили, что он умрет?

Нужно только сделать шаг. И еще один. А если ветер собьет с ног, если лед...

Сердце оборвалось, когда нога скользнула вперед. Он даже успел испугаться... или обрадоваться, прежде чем рухнул в пропасть.

Ледяная рука сжала его запястье, удержала на ногах.

– Я передумал, – прошептал Хозяин, и шепот этот прозвучал громче, чем рев ветра. – Ты мне еще нужен.

Глава 9

Влад ночью так и не заснул. Когда цветок стал наливаться светом, и веки отяжелели, Гетьман вскочил с дивана.

Спать. Лечь и уснуть. Это самое важное сейчас. И единственно правильное. Влад отнес цветок на кухню, подумал и положил его в морозильник.

Глупость, конечно, но так стало гораздо спокойнее. И сон пропал. Наверное, он пропал бы и без морозильника, нужно было просто убрать подарок сатра подальше, но проверять это Влад не стал.

Он включил ноутбук и снова внимательно изучил материалы. Снова и снова – ничего общего. Только убийца.

От того, что Влад выписал все имена на отдельный лист бумаги, ничего не изменилось. Имена, даты, обстоятельства. Из материалов никак не следовало, что все фигуранты списка хотя бы встречались друг с другом. Если бы они были людьми – точно не было шансов для их встречи. Разве что авторитет в девяностые мог крышевать банкира. Или тупо его рэкетировать.

Остальные...

Физик из университета. Фотография четко указывала, что был доцент Часовщиком, ни особыми талантами, ни научными достижениями не отличался. Умер в университете, в своей лаборатории в подвале, что-то там на него опрокинулось тяжелое. Настолько тяжелое, что опрокинуться ну никак не могло. Само не могло. Нужно было подогнать бульдозер и толкнуть эту установку, предварительно зафиксировав несчастного Часовщика.

Бульдозера не было, шума не было, Часовщик не был связан... Списали на несчастный случай. И правильно – не на мистику же с волшебством списывать.

Спасибо, догадались опросить свидетелей, не было ли кого постороннего в подвале. И нашелся аспирант, который запомнил-таки неизвестного, описание которого было очень похоже на описание убийцы коллекционера, составленное Капустяном, и вполне могло подходить к внешности, запечатленной камерой в ночном клубе.

Это если внимательно сличать. Серый все это увязал, ловко выхватив из котла несчастных случаев, убийств, происшествий, закипавшего ежедневно на улицах родного города.

Если он сам составлял список – понятно. Непонятно, по какому принципу список составлялся, зато понятно, как его получил Серый.

Ничего не пропало. Ни у кого ничего не пропало. У цыганки – понятно, что там на

улице у нее отберешь... У остальных – черт его знает. А вот коллекционер-сатра... Обычно у этих собирателей что-то изымают. А вот чтобы убить, но ничего не взять... Зачем тогда мочить его в квартире? Ведь вон как ловко все получается на улице, при скоплении народу...

«Да, – сказал себе Влад, – ты молодец. Тут можно цепляться. Можно и нужно».

Значит, цыганка-дейвона убита на улице. Контакт сведен к минимуму, ни обыскать, ни, простите, вскрыть – времени нет. Мог выбрать другое место и время? Мог.

Мог. В конце концов – пристрелить ее. Издалека, без проблем.

Можно? Можно.

Маах'керу-наркоторговца он настиг в камере следственного изолятора. Четко, красиво, что свидетельствует о знании расположения камер и о владении уникальными магическими приемами. Что можно было получить с этого убийства?

Материального – ничего. Закрыть рот? Может быть. Напугать еще кого-то? Вполне. Найти другой способ? Несомненно. Обязательно. Из всех убийств списка – это самое загадочное с точки зрения обычного, непосвященного человека.

Загадка, которая неминуемо вызовет пересуды и самые фантастические предположения. Даже если бы все обитатели камеры, все двадцать арестантов, схватили несчастного оборотня, раскачали и влупили им о стену – хренушки у них получилось бы так красиво и эффективно.

С другой стороны – придушили бы оборотня, никто бы и искать не стал. Мало ли сердечных приступов в камерах происходит. Сколько раз самому Гетьману приходилось видеть трупы с посиневшим лицом и распухшим языком и с указанием «сердечная недостаточность» в бумагах.

Способ умертвления выбран слишком нарочитый. Запомним.

Джинна, широко известный в узких кругах под кличкой Саладин, был найден мертвым на крыльце своего дома. В двадцать три пятнадцать тела не было, а в двадцать три восемнадцать – появилось. Причем пришел Саладин самостоятельно, попрощавшись с водителем, а в дверь своей квартиры так и не позвонил.

Если добавить к этому тот факт, что смерть наступила в результате сильнейшего удара в область сердца, то дело выглядит загадочным, но налет мистики проявляется не слишком сильно. Какого хрена дело это прилеплено к остальным? Влад еще раз посмотрел запись. Вот. Дальше по улице имел место ювелирный магазин с камерой видеонаблюдения, и на записи мелькнул все тот же товарищ. И все так же неразборчиво.

Только если знать и искать целенаправленно – можно опознать.

Влад хотел сходить на кухню и сделать себе кофе, но вспомнил о цветке в холодильнике и решил обойтись без допинга.

Банкир – на автостоянке, там ничего не возьмешь. Прицепиться не к чему. Хотя... Если очень захотеть... Очень-очень...

Приехал господин Лодкин в машине самостоятельно, без охраны и сопровождения. Провел в клубе много времени, развлекаясь. А что, если он должен был с кем-нибудь встретиться? Что-то показать?

Получается сюжет для детектива? Вполне. Он приезжает на своей крутейшей тачке, то, что собирался показать, держит либо в салоне, либо в багажнике. Замочки там у него наверняка не просто так, помимо железа еще и магические прибабасы могут быть навешаны. Если бы у самого Влада такая возможность была – обязательно воспользовался бы. Обязательно. Значит, убили его не по дороге в клуб. И не по дороге из клуба. Даже не просто на пути к машине, а именно в тот момент, когда он дверцу открыл, снял, так сказать, заговор.

Все начинают суетиться, все бегает, вызывают того же Серого, тот принимает меры... А забрали что-то из машины или нет – остается покрытым завесой тайны.

Книги бы тебе писать, Гетьман.

Но если бы у него было время и возможности, начал бы искать именно в этом направлении – с кем собирался встретиться банкир, встретился ли, было ли что-то в его

банковской деятельности в ближайшее время нечто такое, стремное...

Но времени, похоже, нет. И остается отложить прекрасный результат собственной фантазии на потом.

Значит, убили в домашней обстановке только физика и коллекционера. Ничего у них не пропало? Не факт. Ой, не факт!

Влад встал и прошелся по комнате.

Умный ты, Владислав Александрович, когда хочешь отвлечь себя от мыслей тяжелых и неприятных. Что угодно готов придумать, лишь бы хоть на секунду забыть о разговоре с циркачами, о смешной перспективе на будущее.

В конце концов, что этой «свободной стае» до предложений какого-то мента, да еще человека, если поступит прямой заказ... нет, не от Серого, Влад прекрасно запомнил интонации директора труппы и его слова о том, что с Серым они дела иметь не будут... если поступит прямой заказ от того самого загадочного и влиятельного.

Убьют? Или проявят извечную вздорность характера? Дадут довести дело, потом убьют. Или им надоест ждать, и они решат поторопить события...

Еще и Руслана втянул во все это. Не хотел, держал Руслана подальше от себя, но так получилось. И это тоже теперь придется принимать к сведению. С другой стороны – совсем не факт, что если бы Богдан поперся в цирк среди ночи, все закончилось бы так же. То есть – совершенно даже понятно, что там бы они вдвоем и остались, два глупых человека, дерзнувших восстать... и так далее.

Русланчик принял единственно верное решение, но легче от этого не стало. Он мог бы, конечно, просто не прийти...

Не мог, честно сказал себе Влад. Как и он сам не смог бы поступить иначе.

Такие дела.

Отвлечься.

Скажем, порассуждать о том, чем именно занимался врач-сатра в свободное от общения с ним, Владом, время?

Что он сказал? Выясню, сказал, что там с людьми, попавшими в дурку через его, сатра, ласковые и умелые руки. Выяснил? Скорее всего – да, раз появилась эта бумажка с фамилией, именем и отчеством. Без проблем? Скорее всего – нет, раз не пришел он на назначенную встречу в лесопарк и появилась вот эта самая бумага.

Каменецкий Константин Игоревич. Ничего не говорит это имя. Совершенно.

Из-за чего начались проблемы у сатра? Из-за того, что он выяснил это имя или из-за того, что поинтересовался своими бывшими пациентами? Или – или... Или из-за того, что Влад Гетьман не просто вышел живым из его теплых объятий, но еще и о чем-то с врачом договорился?

Кого нужно искать в этом случае? Того, кто доставил записку? Того, кто сорвал встречу? Или Каменецкого Константина Игоревича?

По правилам – всех. При сложившихся обстоятельствах и диком цейтноте – Каменецкого. Значит, решение, принятое быстро, принято правильно. Руслан перевернет базу данных – и не только ментовскую, – мы получим данные и координаты, от чего и сможем танцевать.

Есть другой вариант – слить информацию циркачам... Нет, ничего это не даст. Искать им будет не легче, а, скорее всего, еще труднее. А кроме того, ему уже и самому интересно узнать, из-за чего все заварилось.

Узнать и умереть. Наверное, так оно и получится. Пока варианта выкрутиться Влад не видел.

Найдет убийцу – устранят. Не найдет – устранят. Не сегодня, так завтра. А вот если убедить всех заинтересованных участников, на сцене и за кулисами, в том, что найти убийцу очень важно, и что только он, Влад, может совершить такой подвиг, то остается шанс прожить немного дольше.

А дольше – это значительно лучше. Возможны всякие варианты.

В голову пришла очередная гениальная и, напомнил себе Влад, очень своевременная мысль. Он даже потянулся к телефону, но вовремя спохватился. Думать нужно было быстрее. Гораздо быстрее. И дать Руслану ценное указание посмотреть, не приключилось ли за последнее время в дурке чего-нибудь странного. Пусть не мистического, но необычного.

Смерть кого-нибудь из врачей от передозировки кефира, например. Или чей-нибудь скоропалительный отпуск. Или еще что...

Ладно, потерпим.

Нужно только придумать что-нибудь эдакое! Такое хитровывернутое, ловкозакрученное, чтобы оттянуть собственную смерть.

Что-нибудь...

Влад вскочил со стула, прошелся по комнате, сел на диван и снова вскочил. Спокойно. Быстро думать – не значит дергаться и суетиться.

Нужно просто думать. Думать-думать-думать-думать...

И к шести утра мысль в голову все-таки пришла. И все могло получиться. Для этого нужна была всего пара пустяков. Всего пара.

Для начала нужно было, чтобы Руслан успел накопать информацию до того, как появится Серый. А Серый обязательно появится. Не может не появиться. Он теперь постарается держаться к нему, Владу, как можно ближе. Щекой прижиматься, в затылок дышать.

Можно было позвонить Руслану.

Можно было, но только если забыть, что телефоны слушают. Квартиру – вряд ли. Скорее всего – нет. Пока его пытался убить Наблюдатель, и пока Влад весело, широкими шагами нес свою голову прямо циркачам – типа, поиграйте, ребята, – все та же замечательная фирма «Око» квартиру проверила.

И ничего не нашла, что не может не радовать. Магические штучки для прослушивания не исключаются, но до этого его пытались убить без их применения, это давало надежду.

Остается дожидаться информации от Руслана.

Нет, если Серый позвонит первым, то ничего катастрофического не произойдет. Нужно будет прикинуться обиженным, намекнуть – намекать, намекать и намекать – отказаться продолжать разговор до тех пор, пока... и так далее.

Вот этого самого «пока» может не оказаться. В таких вот смешных ситуациях «пока» бывает синонимом «никогда». Нечто вроде – «не успел». Как в кино и книгах, особенно в сериалах. Я тебе потом скажу, кто украл миллион, подставил кролика Роджера и убил президента Кеннеди. И, естественно...

Не нужно о плохом.

Влад посмотрел на свой громадный допотопный телефон, перевел взгляд на мобильный.

«Во сколько Серый перестанет ждать милостей от природы и решит заняться мной вплотную?»

Давай, Руслан! Очень хочется жить. И совсем не хочется сооружать халабуду блефа на хлипком основании собственных фантазий.

Шесть двадцать пять – тишина. От этой тишины начался звон в ушах. Нет, еще не похоронный, еще только легкое позвякивание. И – здравствуйте – вернулась головная боль. Вползла медленно, но уверенно. По-хозяйски свернулась в черепе, бесцеремонно растолкав мозги.

И ведь тварь наглая – одной ей показалось скучно. Кликнула в гости еще одну боль. Та, естественно, приглашение приняла, крепко прижалась к ребрам, страстно задышала, пробуя кости на зуб.

Перекликаются, твари.

Влад прижал бок локтем. Можно взять штук пять таблеток, съесть, запить водой. И сразу...

Какой он сегодня неискренний. Не таблетку ты хочешь, не притворяйся. Ты хочешь

сходить на кухню, достать из холодильника цветок. Ты ведь помнишь, как отступала боль, стоило только погладить тонкие, почти неосязаемые жилки. Дотронуться, погладить пальцами.

– Сидеть! – громко сказал Влад. – Сидеть, терпеть, не дергаться. Сейчас кто-нибудь позвонит. И все отступит на задний план. Сейчас. Сейчас-сейчас, как пелось в известном мультфильме. Там, правда, это пелось в комплекте с «сейчас прольется чья-то кровь...». А это нам не нужно.

Нам нужно, чтобы хоть кто-то позвонил. Хоть кто-то...

– А еще я схожу с ума, – сказал Влад. – Схожу с ума, стал наркоманом, подсел на чудный сатровский цветок. Надо же – привыкание с первого раза. Нет, цветочек полезный, пули отводит, болезни лечит. Вслух разговаривать заставляет. Очень полезная штука. Сны показывает, яркие, цветные, как и положено у шизофреников.

Сны – это очень важно. Кто сказал? Правильно, сатра сказал. Очень важно. Только врут сны. Как там о запорожцах – хрен его знает, а о героической попытке Влада сбежать – соврал сон. Не рухнул тогда Гетьман в пропасть, Хозяин, оказывается, все это время был рядом, ждал, когда следует вмешаться.

И вмешался. Так, чтобы еще раз макнуть обнаглевшего человечка мордой в свое многовековое дерьмо.

Прозвенел звонок.

Влад настолько увлекся разборкой с собственной головой, что кинулся к телефону, хотя звонок доносился от двери.

От двери, никто не стал звонить по телефону, а просто пришел лично засвидетельствовать, так сказать.

Угадать? Руслан, Серый, представитель Серого с бомбой в руке, цыгане, циркачи, решившие передумать... О, экзотическая версия – прибыл сам Каменецкий. Стоит сейчас, волнуется, с бутылкой шампанского и коробкой конфет в руках. Все-таки – первое свидание.

Звонок продолжал звонить, как и положено порядочному, работающему звонку.

Влад взял со стола пистолет, снял его с предохранителя и взвел курок.

– Ну, не открывают – значит, никого нет, – пробормотал он.

Нажал на кнопку, подождал – иди себе дальше, не расходуй попусту электроэнергию.

Влад направился к двери, осторожно продвигаясь вдоль стены, так, чтобы не нарваться на пулю, если что. Дверь так себе, пулю даже не дернет. Особенно хитрую, бронебойную пулю.

Влад остановился возле двери. В глазок лучше не смотреть, бывали прецеденты. Снаружи виден свет в глазке, когда свет пропадает – можно стрелять, клиент на линию отстрела прибыл.

А то, что чутье ничего не говорит, не предупреждает, так оно за последние два дня вышло из доверия.

– Кто? – спросил Влад негромко.

– Кто-кто... мент в пальто! – ответил Богдан. – Мокрый, злой, не выспавшийся мент. Дальнейшие разговоры через дверь будут считаться попыткой сопротивления при исполнении, огонь открываю на поражение.

Влад открыл дверь, осторожно отпустил курок и поставил пистолет на предохранитель.

– Исполняй, – сказал Влад. – Но так, чтобы поразил.

Богдан сделал зверское лицо, взял Влада двумя руками за плечи, втолкнул в квартиру, захлопнул дверь и рванул на кухню, приговаривая: «Кофе, кофе, горячий кофе».

– Ты здесь какого черта? – поинтересовался Влад, остановившись в дверях кухни.

– Такого, – очень содержательно ответил Богдан, вытаскивая из холодильника кольцо колбасы. – Какого черта меня выдернул из постели Руслан в три часа ночи, такого я и здесь.

Он с хрустом откусил кусок колбасы.

– Снять обувь я даже не предлагаю, – сказал Влад. – Все равно сам будешь мыть полы. Потом. Как только все закончится, так сразу и начнешь.

– Ага, щас! – Богдан еще откусил от кольца, положил его на кухонный стол, прикинул на вес, есть ли в чайнике вода, разжег под ним огонь. – Щас я все брошу...

– Хамишь старшим по званию, – напомнил Влад.

– Ой-ей-ей! Боюсь-боюсь-боюсь! – Богдан сел на табурет, протянул руки к чайнику. – Ты знаешь, старший по званию, что плюс шесть – это очень холодно. Особенно под дождем, в хлипких туфлях и посреди ночи.

– Знаю. И еще знаю, что не велел ко мне приходить. Позавтракал бы в другом месте.

– Да? Полагаешь, что те, кого я будил в интервале с трех тридцати до пяти пятнадцати, были в безумном восторге от моего появления? Знаешь, чего я наслушался за это время? Это от, казалось бы, утонченных, интеллигентных людей. Один раз даже от женщины. В полупрозрачном пеньюаре на голое тело. Она меня материт, а стою и не могу выбрать – текстом наслаждаться или спросить, на хрена она лобок елочкой выстригла. – Богдан помотал головой. – Где моя колбаса?

– На столе, у тебя за спиной. И ее можно очистить.

– Ага. Обязательно. Сама очистится. – Неестественно выгнувшись, Богдан взял со стола колбасу. – Ты не будешь? Нет? Тогда я доем, ладно?

– Там в холодильнике еще пельмени лежат замороженные.

Богдан замер с колбасой перед открытым ртом:

– Вот это сейчас была шутка?

– Констатация.

– Я так и подумал. – Богдан снова откусил. – Прикинь, художники и художницы. Служители Мельпомены, мать их так.

– Не Мельпомены, – не согласился Влад, достал из шкафа кофе и сахар. – Не помню, как там про живопись, но точно не Мельпомена.

– И хрен с ней, скажу я тебе! Мельпомене было бы стыдно за таких служителей. Выношу я, значит, ногой дверь в студию...

– Ты на телеканал вломился?

– В студию, бестолочь, в место с большими окнами, где художники рисуют.

– Понял.

– Ага, только не рисуют они там. Большая круглая кровать, метра три в диаметре, на ней искомый мною художник и три голые, совершенно обнаженные бабы. Прикинь... – Богдан решил, что чайник уже нагрелся, сделал себе кофе и жадно глотнул. – Горя че!

– Студи, дура че, – подхватил Влад и осекся, вспомнив, как это звучало в его сне, в степной балке. – Что тебя возмущает?

– На его месте должен быть я!

– Напьемся – будешь, – пообещал Влад.

– Обещаешь?

– Гадом буду.

– Ну ты и га-ад!.. – протянул Богдан. – Так я доем колбасу?

– Доешь. И еще попросишь.

– Могу. – Богдан кивнул с самым сокрушенным видом, на какой был только способен. – Но чего это я все о себе да о себе. О деле.

Влад сел на свободный табурет, подпер щеку кулаком.

– Вижу, ты готов слушать. – Богдан допил кофе, с сожалением посмотрел на колбасу и отложил ее в сторону. – Меня поднял Руслан. В три часа.

– Уже говорил.

– И что, от этого мне становится легче? Так вот, он меня поднял и послал.

– Уж послал, так послал...

– Именно. Но все могло быть и хуже. Мне катастрофически повезло – адрес поначалу был один, совершенно внятный и однозначный. В районе Полтавского шляха, там такие гадючники замечательные, трущобы, честное слово. Нет, я нашел. И что я там увидел? А увидел я там руины. И что там еще ожидать, когда месяц назад там рванул газ. Одна

квартира вдребезги, кого-то выселили, но сосед снизу уцелел, и квартира его тоже. И сосед мне сказал...

– В три часа ночи?

– А куда он, на фиг, денется? Дверь хлипкая, я парень резкий.

– Жалоба будет?

– Да какая жалоба? У него от двери так ацетоном несло, что боже мой. В коридорчике я с ходу заметил пакет с мелко порубленным сушеным растением. Когда поднял красавца с раскладушки, на нем уже несколько статей висело. С ходу. А если бы проверить, что за шмотки у него в чулане, так еще и кража была бы. Ты понимаешь...

– Понимаю.

– Вот и он понял. Посему, как только пришел в себя после нокдауна...

– Нокдауна?

– Легкого такого, предупредительного...

– В голову.

– А куда мне его бить? В голову, она ему все равно не очень нужна, колется он в руку. – Богдан с сомнением посмотрел на остатки колбасы. – Вот. Так он сообщил, что да, прямо над ним жил художник... Жил-был художник один...

– Да съешь ты ее, в конце концов! – не выдержал Влад. – Засунь себе в пасть, пережуй, проглоти – я подожду.

– Не попрекай меня едой, – обиженно произнес Богдан, но колбасу взял и съел. – Да, жил художник, так себе, не супер. Бабок у него не водилось отродясь, пару раз даже к моему наркоше заходил, одалживался, но отдал все точно и в срок. Да. Потом попал в больницу. Угадай, в какую?

– В дурдом.

– Угадал, призовая игра. Это три месяца назад он туда попал, а перед этим, год назад, он загремел в хирургию, с черепно-мозговой травмой. Не сильной, но хорошей – нарвался на группу малолеток, которым что-то там в художнике не понравилось. Из больницы он вышел через пару недель, и все стало хорошо. Даже деньги начали появляться. Даже выставка у него образовалась как раз перед тем, как в дурку загремел. Первая личная выставка. У них это как орден. Выставка прошла, виновник торжества устроил попойку для узкого круга, а через неделю его и забрали. Санитары, когда увозили, сказали, что последствия травмы.

Богдан сделал паузу, задумчиво глядя в свою чашку.

– Это все?

– Как же все, я еще про голую бабу не рассказал и про групповуху. – Богдан вздохнул и поставил чашку в мойку. – Взорвалась квартира ночью, банально, никого не убило, но начался пожар, brave пожарные все водой залили, но сосед снизу никуда не ушел, у него там инструментарий и клиентура. Да... Казалось бы, тупик. Любой другой сыщик спасовал бы, отправился бы – и это в лучшем случае – в дурку, стал бы наводить справки, все затянулось бы, а ему было сказано результаты добыть незамедлительно и побольше. Что сделал гениальный сыщик Богдан Лютый? А гениальный сыщик Богдан Лютый узнал у наркоши, где именно проходила выставка, и отправился к владельцу арт-галереи «Задница» Вениамину Сигизмундовичу Феофилакткову.

– В три часа ночи.

– В четыре утра. Но тоже хорошо. Дверь там была бронированная, я проявил настойчивость и изощренность в переговорах через дверь, пообещал лично посетить первую же выставку и проверить карманы богемы на предмет химии. Знаешь – подействовало. Очень вежливый господин, предложил выпить и приглашал заходить просто так, на вечеринки. Обещал познакомить с девочками. Но про Каменецкого ничего нового не сказал, сказал только, что выставка закончилась, что имела некоторый успех, кое-что даже продалось, кое-что осталось в кладовой. Ему ж нужно было освободить помещение для следующего показа. Места у него мало, все он отдал бывшей пассии Каменецкого, Агате.

– И ты отправился к Агате?

– Естественно, она и живет там неподалеку. Можно сказать, рядом. Я попрощался с Вениамином Сигизмундовичем Феофилактовым, кстати, документы проверил – ни хрена он не Вениамин Сигизмундович, и ни в одном глазу не Феофилакт. Сказал – псевдоним. Прикинь. А вот Агата сказала уже гораздо больше, правда, матом, но в полуголом виде...

– Про елочку ты рассказывал.

– Ну, и зачем так выстригать?

– Художница, творческий человек.

– Творческий. У нее там баба была, точно. Спросила у Агаты, кто пришел. И заткнулась, когда услышала, что мент долбаный. Картин у нее не оказалось. Она рассказала, что после побоев Константин изменился, задумчивый стал и, что самое главное, рисовать стал по-другому... Манера изменилась. Они, между прочим, не говорят «рисуют» – «пишут», блин. А писатели тогда что делают? Если до травмы он был таким себе реалистом-натуралистом, то после – понесло его в сюрреализм. И сурово так понесло, талант открылся. Как сказала Агата – новая грань. Он за несколько месяцев с десятков картин сделал и почти сотню графических работ – зарисовок, набросков. Все это и выставлялось. Этот Феофилакт мне говорил, что не пропади Константин, быть бы ему живым классиком. Организовать выставку даже не за бугром – в Киеве, и пришла бы слава и деньги. Так вот устроена жизнь, – Богдан тяжело вздохнул. – Вот и я – мог бы чего-нибудь добиться, если бы мне дали нормально выспаться.

– Что дальше? Ты еще про групповуху не рассказывал.

– Точно. Значит, у Агаты почти ничего из картин Каменецкого не осталось – отдала одному деляге от живописи, господину Малявину, для продажи. Косте-то уже не нужно. Оставила себе свой портрет его работы, из последних. Я глянул – ничего так. Манера, правда, забавная. Значит – площадь Дзержинского, то есть Свободы, по-нынешнему. Посреди ее – сама Агата в голом виде и в позе... Если бы в годы моей юности изображение голы женщины в такой позе попало мне на глаза – быть беде и неуправляемой этой... эякуляции. Но весь прикол не в бабе и не в позе. На заднем плане – бронзовый Ленин с протянутой рукой и наш монументальный Госпром. Только и Ленин – не Ленин, а нечто такое человекоподобное, и Госпром с наворотами. Если лицом к нему стоять, то на башне, той, что слева, не телестудии, а другой, такой здоровенный шар, радужный такой, как мыльный пузырь, и переход, как эфирный мост будущего, от Госпрома к университету. Бред, конечно, но написано в такой реалистической манере, будто с натуры.

Влад прикрыл глаза – понятно. То ли художник поначалу сумел скрыть открывшееся умение видеть сквозь Пелену, то ли оно настигло его уже после выписки из больницы, но в картинах бедняга все продемонстрировал и выразил. И наварился.

– Подожди, а почему это ему уже ничего не нужно? – спохватился Влад.

– А помер бедняга. В больнице. Кровоизлияние в мозг, последствия травмы. Они же и хоронили. Сам понимаешь, лишних денег ни у кого нет, да и зачем он им мертвый нужен? Он и живой-то не слишком был востребован. Закопали, забыли. Все.

– Бумаги есть? – спросил Влад.

– Наверное... – пожал плечами Богдан. – В больнице. В психиатрии. А картины – у Малявина. В его студии – я проверил. Тут уж, извини, не сдержался. Дал по яйцам. Вполсилы, но от души. Бабы визжали, он скулил, прибежал сосед, убежал сосед, бабы замолчали, а он все скулил и скулил.

Лицо Богдана стало мечтательным.

– Нет, он потом сам признал, что так выражаться при сотрудниках милиции и голых женщинах нельзя. Что правила капиталистического общежития никто не отменял. И обещал, что перестанет распродавать чужую коллекцию, пока не станет понятно, что нет прямых наследников. Нужно же было мне что-то ему говорить? Он продал три картины и десятка полтора рисунков. Остальные я глянул – талантливый был художник. Поведенный на монстрах и обнаженке, но талантливый. Жаль, умер.

– И убивает жителей Харькова, – подхватил Влад.

– Вот и я так подумал. Фотографию я еще у Агаты зацепил – он это, гражданин начальник. Нужно будет еще нашему стукачку показать, пусть сверит. Но то, что мы опознали убийцу, – без малейшего сомнения. Он.

– Ты ничего никому?

– Обижает. Даже вчера...

– Кстати, вчера. Какого хрена ты к людям Ивановой полез? Жизнь надоела?

– Какой Ивановой? Поклеп это! Вот крест святой животворящий – поклеп. Я к тутошним чокнутым цыганам ни ногой. Нема дурных. К ним «Беркут» и тот ездить отказывается, – Богдан даже перекрестился, демонстрируя свою честность и осторожность. – Я по своим каналам прошелся, по Журавлевке. Мне там еще немного должны, если помнишь.

Были должны, как понял Влад. Своими расспросами Богдан исчерпал должок тамошних цыган досуха, еще и лишку по своей привычке прихватил.

Собственно, ничего особо нового он не узнал. Вернее, Богдан узнал кое-что новое для себя, Влад большую часть если не знал, то представлял себе. А так – цыгане были необычными. Неприятные были цыгане, даже для своих соплеменников.

Появились не так давно, лет двадцать назад, держались вызывающе, к себе никого не приглашали, сами ни к кому не ходили. Дисциплину вожак поддерживал жесткую, работали резко и нагло. Но затейливо.

Больше всего раздражало харьковских ромов то, что всем заправляла женщина, та самая Ирина Иванова. У настоящего рома как? Жена права голоса не имеет, выполняет что ей говорят, делает работу или то, что ромы работой называют. А здесь...

Что Ирина говорила – то было законом для ее семьи и становилось правилом для всех окружающих. Проще было согласиться или съехать с базара, чем продолжать спор.

Тут ромы начали темнить, говорить, что Ирина могла порчу наслать, убить на расстоянии и вообще – сглазить. И слухи разные неприятные ходили, и случаи подтвержденные были – может. И делает в случае необходимости.

Единственный, кто с ней напрямую сцепился, был Серый. Но то, что не он Иванову убил, все ромы клялись, божились и готовы были голову в заклад давать.

Ее вообще нельзя было убить, говорили ромы, но тут закладываться были не готовы – факт смерти оставался фактом.

Вот на этом ромы свой долг исчерпали, разговаривая с ментом, пусть с хорошим, пусть даже ромов понимающим, но ментом. Это было не по правилам. Но Богдан сам правила устанавливал, и разговор продолжился.

Ирина промышляла снадобьями и амулетами. Снадобья были не только наркотическими, этим занималась даже и не Ирина, а ее внучка. Снадобья были, по слухам, самые волшебные, от приворотного до ядовитого, а амулеты...

Цыганки из других семей что угодно были готовы отдать за кольца, мониста или медальоны от Ирины. Стоили эти вещишки безумно дорого, но могли заставить клиента отдать все деньги, впустить в квартиру и даже помочь грузить собственные вещи в чужую машину.

Источник Богдана снова клялся и божился, что сам видел, как с медальоном ром проходил в ювелирный магазин, брал золото и выходил у всех на глазах, но никто ему ничего не говорил, словно и не видел вовсе.

Богдан засмеялся и спросил, на фига Ирине такие богатства раздавать, и вообще заниматься наркотой и всем остальным. Достаточно оснастить такими медальонами всех своих и жить припеваючи, хоть здесь, хоть на Канарах.

Источник Богдана некоторое время крепился, но под издевательским взглядом Богдана не выдержал и сорвался. Богдан умел выводить собеседников из себя, не так, как это делал Влад, но тоже очень и очень эффективно. Он мог одним взглядом спровоцировать драку и одним словом заставить противника потерять голову.

Детей она покупала, выпалил ром и замолчал, потрясенный собственной

откровенностью. Но задний ход в присутствии Богдана могли дать единицы, цыган к этим исключительно сильным личностям не относился, посему рассказал, что время от времени Ирина покупает детей. И платит за них очень неплохо. Детей не цыганских, хотя одного или двух купила и чистокровных ромов.

Обычно Ирина сама указывала, кто ей нужен, причем не только в Харькове и области, иногда приходилось ехать и в другие города. Платила либо деньгами, либо амулетами – на выбор, но амулетами – только за детей.

Знали об этом единицы, знакомый Богдана услышал об этом случайно, но верил этому. И верил, что проболтавшиеся живут недолго и умирают нехорошо.

Богдану пришлось разговор закончить и уйти.

– Теперь, – с некоторой даже грустью в голосе закончил Богдан, – связей у меня среди цыган нет и не будет. И появляться мне на Журавлевке не стоит. Так мне сказали неплохие, в общем-то, люди. Тебе это что-то дает?

– Тебе прямо ответить или уклончиво?

– Прямо.

– А черт его знает, товарищ старший лейтенант, черт его знает, – пробормотал Влад. – Время покажет.

Он глянул на часы – почти десять. Время летит быстро, только Серый что-то замешкался.

И тут зазвонил телефон.

Влад направился в комнату, снял трубку.

– Кто говорит?

– Это Серый, – сказал Серый. – Встретиться нужно.

– Боюсь, что нет, – ответил Влад.

– Я серьезно говорю, – повысил голос Серый. – Это нужно тебе в первую очередь.

– И снова скажу: нет. Не хочется мне с тобой встречаться, ибо не разговариваю я с лжецами, и с шулерами играть не сажусь. Сам такой, а притягиваются только противоположности.

Серый помолчал, переваривая тон Влада и пытаясь расшифровать содержание.

– Ты пьяный? – спросил он после паузы.

– Не с моим счастьем, – зло (надеясь, что звучит зло) процедил Влад. – Трезвый и злой.

– Вот даже как ... – В голосе Серого проступили усталость и разочарование. – Что на этот раз тебе под хвост попало?

– Покойничек один. Очень шустрый такой, не по чину.

– Ты о цыгане у тебя перед домом?

– Нет. Я о том, кто связался со мной два часа назад по телефону... Не дергайся, не по мобильному, и не по городскому. В смысле – не по моему засвеченному мобильнику. Под дверь подбросил. Звякнул в дверь и убежал. Пока я сообразил, пока подошел... А в восемь – позвонил. И теперь мне не хочется с тобой общаться. – Влад положил трубку.

Телефон зазвонил снова, Богдан появился в дверях, но Влад сделал зверское лицо и указал ему пальцем на выход.

Богдан вышел, прикрыв за собой дверь.

– Что? – спросил Влад в трубку.

– Кто тебе звонил? – спросил Серый.

– Он не представился. Поздоровался и спросил, как я оценил его вчерашнее послание.

– И ты?

– Я его послал, естественно.

– А он?

– А он такой же настырный, как и ты. Перезвонил и попросил трубку не класть. Сказал, что я ему должен как минимум жизнь. И как благородный человек просто обязан хотя бы выслушать его. И сказал очень странную фразу. Я должен его выслушать как человек человека, – Влад произнес слова четко, но без интонаций, словно печатал. – Что он имел в

виду?

Серый молчал.

– Это все, что ты хотел узнать? – спросил Влад.

Начало положено, теперь остается надеяться, что все это не заставит Серого просто ускорить осуществление планов относительно Влада Гетьмана.

– Что он еще сказал? – спросил, наконец, Серый.

– Многое, но для начала предложил кое-что спросить у тебя. Ты ответишь?

– Что?

– Ты ответишь? – повторил вопрос Влад.

– Я не буду играть с тобой в игрушки, – чуть повысил голос Серый. – Хочешь спросить – спрашивай.

– Что такое – маах'керу? – последнее слово Влад произнес неуверенно, словно в первый раз.

– Не знаю, – ответил Серый.

Слишком быстро ответил. Вопрос получился неожиданным – Серого немного качнуло. Теперь главное – не зарываться.

– Он так и сказал: не ответишь, – с насмешкой проговорил Влад. – И ты не ответил.

– Мало ли что он мог тебе сказать! Любую абракадабру. Я все должен знать?

Серый быстро перестраивается, молодец. Только, услышав незнакомое слово, обычно люди переспрашивают или задумываются, что же у них спрашивают. А Серый ответил слишком быстро.

Первый прокол. Ладно.

– А еще он советовал мне с тобой не встречаться, если я хочу жить.

– Кто угодно может сказать. С каких таких хренов мне тебя убивать?

– Вот и я так подумал. Но очень уж он показался мне информированным. Даже слишком. Кто знал о твоём ноутбуке? О том, что ты передал мне информацию именно в нём? Кто знал из посторонних, что мы с тобой посетили ночной клуб и что собирались съездить в СИЗО? – Не переигрывать, не нажимать, аккуратно. – Что ты обещал мне отдых в любой точке глобуса по моему выбору? И еще...

Влад сжал трубку в руке – он входил в зону предположений и догадок. Тут нужно быть очень осторожным. Верить в себя. В свою интуицию. Когда верить больше не во что.

– Он сказал, что...

«Еще не поздно съехать с базара», – подумал Влад.

Сказать сейчас какую-нибудь ерунду. Если сейчас он скажет что-то конкретное, но не очень опасное, то следующим шагом может оказаться прямо посреди минного поля.

– Он сказал, что на самом деле ему приказали убить меня, а не соседей.

– Кто приказал? – глухим голосом спросил Серый.

– Я тоже спросил.

Теперь Влад сделал паузу.

Главное – не перетянуть ее, не переиграть. Он зол, он раздражен, он в непонятке. И сейчас выливает свое раздражение на удачно подвернувшегося Серого. И ничего более.

– Он не ответил, – сказал Влад. – И сказал, что тех, кого убил – убил по приказу. По списку. И еще сказал, что больше не собирается выполнять приказы оборотня...

– Кого? – Голос Серого дрогнул, самую малость, но дрогнул.

– Оборотня. Он не сказал, что в погонах, но я подумал... Либо ты с ним работал, либо кто-то из ментов.

– Не я.

– А если бы ты – сказал бы?

Серый промолчал – и так все понятно.

В трубке был слышан какой-то ровный шум, звук проезжающих машин и отдаленные голоса.

– Как-то он высокопарно это сказал – оборотень. Такой эмоциональный товарищ. Как

бы не писатель. Среди твоих недоброжелателей нет писателей? Извини за паразитическую рифму. Нет? Ну, кого-нибудь с фантазией, способного придумать, что...

Владу захотелось зажмуриться – так стало вдруг страшно. Звонивший мог наговорить и о списке, и о чем другом, тут оправдание ошибке найти можно. Но пора вбросить информацию, которая укажет, что Владу звонил человек знающий.

Знающий, что именно происходило в каждом конкретном случае. И ради чего.

«Вот так, – подумал Влад. – Вот так. Проверим, не слишком ли дурак капитан Гетьман».

– Он сказал, что...

Черт, что он там мог взять у коллекционера – предметы, книги, экспонаты, карты? Что? Надо без конкретики, обтекаемо.

– Он сказал, что то, что взял у коллекционера... Причем, у козлоногого, несколько раз повторил. Так вот, то, что он взял для заказчика и по его просьбе, заказчику не отдаст. Передумал. Не в курсе, о чем это он?

– Понятия... Понятия не имею, – выдавил Серый.

– И о том, что пропало у физика из лаборатории – тоже? И о... – черт, о бумагах, файлах? – ...о материалах, пропавших из машины убитого банкира Лодкина тоже?

– Я даже не понимаю, о чем ты говоришь. И что он тебе наплел. Я сейчас пришлю к тебе машину и мы...

– Не пойдет. Он мне посоветовал никому не верить. Ты же, сказал он, не знаешь, не Серый ли тебя заказал. Я действительно не знаю. А ты меня разубедить не сумел. И вряд ли...

– Он назвался?

– Нет. Сказал, что мне повезло. Мне повезло, что я человек. Отметил, что со мной рядом тот, кому он жизнь уже сохранил. Это он о моем стажере, лейтенанте Капустяне, я полагаю. И что тот выжил по той же причине: потому что – человек. Как-то он многозначительно это простое слово произносит. У него действительно, человек – звучит гордо. Даже странно как-то в наши непростые времена.

– Я тебя жду, – сказал Серый.

– А я тебя нет. Сам приедешь, будешь ломиться в квартиру – пристрелю. У меня настроение хреновое, имей в виду. Я и сейчас не понимаю, зачем с тобой разговариваю. Не понимаю, и все. По инерции, наверное... Некстати уехал подполковник Осокин. А киевский полковник вообще не отвечает на звонки. Не в курсе – отчего?

– Не знаю, – отрезал Серый. – Не хочешь разговаривать – хрен с тобой. Кого-нибудь из своих направь к пятой школе – она ближайшая к областному управлению, кажется.

– Что случилось?

– Ничего. Ребенок там случился мертвый. Шел в школу и не дошел.

– Ты-то откуда знаешь?

– А мне позвонили. Сказали – мальчик одиннадцати лет мертвый лежит на дороге, а в ладошке у него – записка с моим именем и фамилией! Понятно? Мне и позвонили. Я и приехал. Машину за тобой послал, стоит уже перед подъездом, наверное. Приедешь?

– Отзови тачку, я на своей поеду. Через час, максимум, буду. Устроит?

– Устроит, – Серый оборвал связь, не прощаясь.

И его можно было понять.

Дверь приоткрылась, заглянул Богдан:

– Все, поболтали? Очень содержательно. Это кто тебе, оказывается, звонил по подкинутому телефону?

– Не твое дело.

– Как это не мое? А если у меня спросят? Увидят сейчас, как я буду выходить, как я входил ни свет ни заря... Начнут спрашивать, а я что? Спросите у Гетьмана? Некрасиво получится, не жизненно. – Богдан вытащил из кармана куртки мобильник, протянул Владу. – Привез тебе, между прочим, новый аппарат. Куплен давно, лежал про запас. Карточка свежая, считай – ненадеванная. Звонка на ней нет, проблема. Но ты никому телефон не

отдавай и номер свой не говори. Так понимаю – долго врать не придется?

– Не придется. – Влад взял аппарат, взвесил его на руке. – Откуда вы беретесь, такие умные да предусмотрительные? Противно даже, честное слово.

– Совсем дурак? Мы же вчера начали телефоны менять, забыл? Я тебе звонил, вспомни. Вспомнил?

– Вспомнил.

– Ну, вот и ладно. Хотя с памятью у тебя более-менее, не совсем головой ушибся. Руслан сказал, что у тебя вчера проблемы были. В подробности не вдавался, но по его виду я понял, что вляпались мы крепко.

– Ты здесь при чем? Я вляпался – было дело. Руслан сделал все, чтобы разделить со мной эту чашу скорби. Но ты...

Богдан хмыкнул и покрутил пальцем у виска.

Молча.

Подал голос старый мобильник Влада.

– Да.

– Это лейтенант Капустян. Я только что подъехал к вашему дому – разминулся с машиной Серого. Вы в курсе, что она здесь была?

– В курсе.

– Тогда – ладно. А я тут приехал, на стоянке напротив первого подъезда. Жду.

– Я тебя вызывал?

– Мне Руслан сказал... старший лейтенант Лютый, чтобы я прибыл и оставался. А подполковник Осокин мне говорил, что теперь моя служба – быть возле вас.

– И докладывать полковнику Петренко, – мстительно напомнил Влад.

– Да, – не стал возражать Капустян. – Но он на звонки все не отвечает. Может, к нему нужно будет заехать?

– Как ты себе это представляешь? Приезжаешь со мной, чтобы доложить о результатах наблюдения за мной же? Ладно, мы выйдем с Богданом через пятнадцать минут. Поедем на улицу Иванова, школа номер пять. Знаешь, где это?

– Знаю. Жду.

* * *

Тело мальчишки уже давно должны были отправить к патологоанатому, но Серый орал до хрипоты, замахнулся на некстати подвернувшегося капитана, дозвонился-таки до какого-то генерала, и все оставили, как было, до приезда Влада.

Сержанта поставили с зонтом над телом мальчишки, чтобы хоть как-то соблюсти приличия по отношению к мертвому телу.

Дождь лил не переставая, руки у сержанта затекали, и он то и дело перекладывал зонт из одной в другую. Когда дождь вдруг из прямого становился косым, сержант реагировал не слишком быстро, и капли попадали на лицо мальчишки. И по бледным щекам катились слезы.

Крови почти не было, нож впился в грудь по самую рукоять и даже немного вышел сзади, между лопатками.

Мальчишка шел в школу, до нее оставалось всего метров двадцать, когда, перейдя через дорогу от продовольственного магазина, почувствовал сильный удар в грудь. Это было последнее, что он почувствовал. Еще не упав, только оседая на мокрый асфальт, мальчишка уже был мертв.

Даже улыбка не успела сойти с его лица.

Рукоять у ножа была обычная, деревянная, крашенная в коричневый цвет, куртка у мальчишки была ярко-синяя, так что коричневое пятно на синем было видно отчетливо. Даже без небольшого потека красного цвета.

Свидетели запомнили только, как мальчишка упал – люди на перекрестке были, и ученики школы, и взрослые, провожавшие детей и просто шедшие на работу. Но кто ударил ножом и как он это сделал – никто вспомнить не мог.

Под дождем люди обычно не смотрят по сторонам. Внимание направлено вниз, под ноги, чтобы не влететь в лужу.

А убийца не просто ударил ножом, он еще и присел рядом с трупом и вложил в его правую руку записку, написанную на листе, вырванном из обычной тетради в клетку.

Кто-то из одноклассников узнал мальчика и рассказал в школе, кто-то позвонил домой – мать билась сейчас в руках двух милиционеров, а те, уворачиваясь от ее слепых ударов, бормотали что-то, молясь про себя, чтобы все это скорее закончилось.

Влад вышел из машины, снова вспомнил об оставленной дома кепке и поднял воротник. Капустян, не спрашивая, остался в машине – Влад предупредил, что зрелище наверняка не из приятных.

– Увидел? – спросил Серый, шагнув навстречу Владу.

Он тоже был без зонта – отдал свой сержанту. По лицу текла вода, но на слезы это похоже не было.

– Тоже скажешь – я? – выкрикнул Серый, указывая на тело. – Я приказал? Зачем?

Влад присел возле мертвого мальчишки – вода текла сверху, по улице Артема, под тело убитого, и одежда уже намокла.

– Зачем вы его тут держите? – спросил Влад.

– Чтобы ты глянул!

– Я глянул, – сказал Влад. – Что дальше?

– Увозите! – бросил Серый какому-то полковнику через плечо, тот отдал приказание и от «скорой помощи», стоявшей неподалеку, принесли носилки.

Серый прошел по улице в сторону Пушкинской, ударяя себя в такт шагам рукой по бедру. Влад отошел в сторону, чтобы не мешать.

Он угадал. Ткнул наугад и угадал. Он счастлив? И дважды счастлив оттого, что убит не человек – Часовщик. Детеныш Часовщика. Их в этой школе традиционно много. Невысокие, худощавые, с крупным носом... Сквозь Пелену они меньше похожи на людей, но все-таки – похожи.

– Что было на записке? – спросил Влад, догнав Серого.

Тот достал из кармана телефон, поискал нужный файл и протянул мобильник Владу.

«Позвоните С. Л. Салунскому, это для него», – было написано на бумажке и ниже приписан номер телефона.

– Что за номер? – спросил Влад. – Я тебе звоню по другому номеру.

– Это запасной телефон. Для... для особых звонков. Ну что тебе?! – заорал Серый на сержанта, догнавшего их и тронувшего Серого за плечо. – Что тебе нужно?

– Зонт... Вы давали... Мы уезжаем...

Серый молча отобрал у сержанта зонт, открыл его, посмотрел на Влада, приглашая спрятаться от дождя.

Влад, поправив воротник и сунув руки в карманы, отступил.

– Как знаешь, – буркнул Серый. – Хочешь – мокни.

– И так и так замочат, – ответил Влад и улыбнулся невесело. – Ты точно не знаешь, от кого послание?

– От кого – знаю. Не знаю, почему мне. – Серый достал из внутреннего кармана плаща белоснежный носовой платок, вытер лицо.

– Там еще подпись, – сказал Влад, снова посмотрев на экран мобильного. – Буква «М». Никого не знаешь с этим инициалом?

– Мориарти, Маркс, Моцарт, Манька-Облигация... Продолжить?

– Понятно. Мне тоже ничего в голову не приходит. Ничего... – Влад покрутил телефон в руке, протянул его Серому. – И что теперь делать дальше?

Серый сделал неопределенное движение плечом, словно оно у него болело:

– Откуда я знаю? Убивал взрослых, стал убивать детей.

– Думаешь, тот же самый?

– А ты думаешь иначе?

– Но ведь не похоже на то, что делал раньше. Там были все люди взрослые, самостоятельные, – Влад проследил, чтобы «люди» никак не выделились. – И записок никаких не было. А тут – даже с адресатом. И похоже, что он уверен – ты его знаешь. Эта непонятная подпись...

– Не знаю. Для меня это просто буква. И просто мертвый пацан. Незнакомый пацан, идиотская буква. Всех вспоминать? Михайлов и Матрен, с которыми сталкивался по жизни? Мстят за «МММ», я ведь тогда в этом немного поучаствовал? Только Мавроди не тронули, а меня решили наказать? Как? Мне насрать на покойника и на его мамашу. Мне не все равно, что мне сказали явиться для допроса – вот это мне не нравится. Но сегодня же они от меня отстанут, не проблема. А вот этот урод – проблема. Его нужно найти. Как можно быстрее.

– Чтобы он еще кого не убил? – с сомнением в голосе спросил Влад.

– Чтобы снова мою фамилию возле жмурика не оставил. Не говорил – перезвонит?

– Не знаю. Ничего не говорил. Правда, сказал «до свидания». Многозначительно так сказал. Может, и перезвонит. «Эм». Почему эта буква?

– Повелся он на ней. Нравится она ему. С детства. Или первая любовь у него была Марфа Мискина... – Серый снова достал платок, промокнул губы, сплюнул и отшвырнул платок прочь. – Ведь прицепится, дальше мочить будет, и фамилию мою будет ставить. Раз-два я дело на тормозах спущу, а потом... Потом меня достанут по полной. И менты... И... Достанут.

Влад поднял голову – они почти дошли до Пушкинской.

– Слышь, Серый, а до какого метро ближе, до «Пушкинской» или до «Бекетова»?

– До «Пушкинской», без вариантов, – ответил Серый и замер. – Думаешь?

Влад достал свой старый телефон, позвонил Руслану.

– Привет, – сказал Руслан.

– А ну-ка, бегом свяжись с постом на станции «Пушкинская»...

– Можно, я по телефону?

– Давай, не тяни. Быстро, времени нет.

– Я тебе перезвоню, – Руслан прервал связь.

– Пошли, – сказал Влад, и они двинулись вверх по Пушкинской.

Они не торопились – не было смысла. Если Влад прав – все уже случилось. Если Влад прав.

Они прошли Пушкинский въезд, когда позвонил Руслан.

– Ты откуда знал? – спросил он.

– Короче!

– Несчастный случай. Человек умер прямо на эскалаторе. Десять минут назад. Вызвали «скорую», но без спешки – женщина умерла.

– Не убийство?

– Мне не сказали. Сказали – несчастный случай. Поднималась наверх, упала. Бросились к ней – не дышит. Ты где?

– Подхожу к станции. Позвони Капустяну, пусть подъедет сюда и станет где-то на Петровского. Возле «Парижа» или напротив. Я иду на станцию.

Серый тоже вызвал свою машину.

* * *

Умершую женщину положили на топчан. Левая рука была прижата туловищем к стене, правая – свисала. Лицо женщины прикрыли каким-то платком.

Старший сержант милиции, увидев посетителей, дернулся было остановить и выгнать, но Влад показал удостоверение.

– Что с ней? – спросил он.

– Мертвая, – коротко ответил сержант.

– Вижу, что мертвая. Что случилось?

Старший сержант пожал плечами:

– Ехала, упала. Не дышит – откуда я знаю? Дежурная эскалатор остановила, меня

вызвала. Когда я подошел – ее уже наверх вынесли. Я приказал, чтоб сюда, раз уж так вышло. Эскалатор пустили другой, мой напарник дежурит на том месте, где она упала. Но там ничего нет.

Влад подошел к телу, осторожно снял платок с лица.

Серый издал неопределенный звук, отвернулся. Понятно, ему это должно особо не понравиться. Самка маах'керу в полном расцвете сил. Глаза ей кто-то закрыл. На вид – лет тридцать, не больше. Сквозь Пелену – аппетитная блондинка. Крашенная, но тем не менее.

Влад осмотрел одежду – чистая, целая. Новая и недешевая, между прочим. И золотые кольца на пальцах, серьги из желтого металла в ушах, с брюликами. Мелкими, но все-таки. Не бедствовала самка, не бедствовала.

– Она снизу ехала? – уточнил Влад.

– Снизу. Уже почти доехала...

– Снизу... – пробормотал Влад. – А ну, сержант, подсоби...

Вдвоем со старшим сержантом они перевернули тело лицом вниз.

Значит, когда едут, стоят справа. Многие не ждут, пока доедут, идут, а то и бегут по ступенькам слева. Бегут. Идут. Взмах руки – незаметный, мотивированный и не нарочитый.

Плащик новенький, а вот слева – дырочка. Крохотная совсем. Влад потрогал пальцем, надавил. Что-то там есть.

Влад подsunул руку под труп, расстегнул на ощупь пуговицы, стащил с мертвой левый рукав, откинул полу плаща.

На нем была только дырочка, миллиметров пять в диаметре, а вот на белой блузке сзади слева уже была кровь. Капелька выступила и сразу впиталась в одежду.

– Раньше так сявота людей убивала, – сказал Влад старшему сержанту. – Не слышал? Шило или заточенная отвертка, надпиленная у самой рукояти. В толпе – в трамвае, в троллейбусе – подойти вплотную, ткнуть, сильно, по самую рукоять, обломить жало по надпилу и потихоньку уйти. А труп может еще две-три остановки в вертикальном положении ехать, в толпе. Ни отпечатков, ни свидетелей, ни следов. Поздравляю, сержант, убийство у вас тут. Задолбаешься объяснительные писать.

Серый подошел, глянул на рану:

– Один удар?

«Правильно удивляешься, Серый, – подумал Влад. – Чтоб оборотня да одним ударом... Ну не мне же предполагать вслух, что замочили серебряным или посеребренным оружием».

– Со знанием дела ударил, – сказал Влад, ощупал кармана плаща. – Что-то тут есть.

В правом кармане была мелочь, жетоны для метро, а в левом...

«Он вырывает листочки из тетради. Похоже – из одной и той же. Похоже, из общей, страниц так на девяносто шесть, – прикинул Влад. – Хреновый месяц выдался для милицеских сводок, просто кошмарный. А для Серого...»

– «Я перезвоню», – вслух прочитал Влад и повернулся к Серому. – Он перезвонит. А ты?

– Пошел ты! – Серый выбежал из дежурки, хлопнув дверью.

– Значит, сержант. Даю тебе шанс отличиться. Меня здесь не было. И этого чокнутого – тоже не было. Ты сам осмотрел труп... Скажешь, думал, что еще живая. На всякий случай. Обнаружил рану и записку. Сразу сообразил и сигнализировал начальству. Понял? Справишься?

Старший сержант гулко сглотнул и кивнул.

– Молодец. Если совсем прижмут, станут угрожать неприятностями – назовешь меня. У меня мало времени, но для такого дела найду. Вот, смотри, я пишу свою фамилию, имя, номер телефона и номер удостоверения. Сличай... Сличил? Молодец. Звони начальству, а я побежал.

Влад вышел из комнаты, огляделся.

Вот ведь вполне сейчас может художник, почти живой классик, воскресший покойник Константин Каменецкий топтаться в толпе рядом и наблюдать за капитаном Гетьманом.

Нужно не забыть придать лицу интеллектуальное выражение.

Или ушел? А что, если пройтись медленно, не торопясь, отойти в глухое место – может, пойдет? Подойдет, заговорит, как человек с человеком.

Влад вышел со станции в подземный переход, задумался на секунду, а потом свернул налево. Вышел возле юракадемии и пошел по Пушкинской, даже не пытаясь оглянуться и провериться. Закончилось здание академии, потянулась серая громада «Гиганта».

Не оглядываться, не оглядываться. Просто идти. Дальше – кладбище. Справа кладбище, слева – парк «Молодежный», расположенный на бывшем кладбище. Еще при советской власти было решено превратить место вечного упокоения в место праздного времяпрепровождения. Тусклый такой каламбур получился. Но место для разговора с убийцей и бывшим покойником – просто идеальное. Можно сказать – идеологически выдержанное.

Влад прошел почти до середины парка, прежде чем решил оглянуться. Парк был не густой, мягко говоря, то ли на могилах деревья плохо росли, то ли пожалели в свое время деревьев для озеленения, но спрятаться тут было сложно.

Прохожих и гуляющих практически нет – только дождь и Влад Гетьман.

А убийцы – нету. Не пришел он за Владом, не стал с ним разговаривать. Плохо. Хотя, с чего это он, Влад, решил, что Каменецкий жаждет с ним поговорить?

Сам придумал для Серого, сам и поверил? Смешно.

Уж полдень близится, а... кого нет? Что-то ничего ритмически подходящего не придумывалось. Сходить картины посмотреть? Так по легенде мы не знаем, как фамилия убийцы. Значит, идти не к кому.

Из этого следует, что нужно ждать реакции Серого и Каменецкого.

Если художник позвонит, Серый ему от души выскажет все, что думает. И о его выдуманном звонке Владу. Вот тут наступает развилка вариантов.

Услышав, какой поклеп на него возвел Влад, Каменецкий все выложит Серому, тот сообразит, что его водят за нос, заодно сообразит, что Влад таки видит сквозь Пелену. Вывод – мочить лжеца. Обманщиков никто не любит.

Если Каменецкий не станет разубеждать Серого, то... То вполне может поступить так, как от него ожидает Влад. И тогда... Тогда развилка вариантов появляется у Влада. И развилка богатая, как грабли.

С ходу можно назвать штук пять различных вариантов, из которых почти половина не ведет к немедленной гибели капитана Гетьмана. К немедленной – не ведет. Дня на два-три кончина откладывается.

Отсюда следует, что если покопаться пристальнее, то можно найти вариант и побогаче. Если совсем повезет, то на целую неделю отсрочки. Да еще и с выяснением всех обстоятельств дела. А если совсем быть оптимистом...

Влад позвонил Капустяну и вызвал его с машиной к пожарному училищу, которое теперь называли как-то другому, что-то типа училища МЧС или гражданской обороны.

Приехать домой и выпить. Хорошо, таблеток. Ладно, чаю с малиной. Что-то он совсем вымок и продрог. Дождь и не думает прекращаться, а здоровье у Владика Гетьмана не безразмерное.

Приехать домой, раздеться, наконец... расстелить постель, выпить лекарств и попытаться уснуть. Можно даже достать из холодильника презент сатра, и положить его под подушку. Или просто взять в руку.

И уснуть. Пусть даже во сне снова придется лезть сквозь метель и даже, вопреки исторической правде, падать в пропасть. На здоровье. Со всем нашим удовольствием.

Капустян подъехал быстро, открыл дверцу, Влад сел, поклявшись, что не заснет по дороге. Его уже два раза выносили из машины – что могут подумать соседи?

Совсем спился Владик из сто первой. А Владик – не спился. Владик...

Влад встрепенулся, в последний момент сообразив, что засыпает. Не спать. Дал слово – держись.

Каменецкий не будет сразу звонить. Он должен быть уверен, что записку на теле самки маах'керу нашли, что сообразили, кому она предназначена... Дернули Серого. И чтоб тот успел немного позлиться. Вот тогда есть смысл звонить и разговаривать.

И вот тогда, поговорив с Серым и получив новую странную информацию, можно попытаться связаться с Владом. И вот тогда...

Получалось, что у него есть часа четыре-пять на поспать.

Проинструктировать Игорька, поставить задачи, отключить телефоны и поспать, предоставив возможность маньяку-убийце самому найти способ безопасной связи с ним, Владом.

– Я умный, – сказал в голос Влад.

– Я знаю, – кивнул Капустян. – Только вам поспать нужно.

Глава 10

Погибших они хоронить не стали – козаков отнесли в балку, положили в ряд, скрестив руки на груди у каждого. Сабли воткнули в головы, пистолы и самопалы собрали, зарядили и поделили между оставшимися в живых.

Приблуде достались два пистолы и самопал. Чугайстр сам зарядил для парня оружие, бормоча что-то о молодежи с кривыми руками, которой ничего нельзя доверять, что будь его воля...

Когда Приблуда, спохватившись, протянул старому козаку мешочек с серебряными пулями, тот уже зарядил пистоль, поэтому обозвал безголовым, безруким, но, разобравшись, что именно лежит в мешочке, поднял над головой заряженный пистолет и выстрелил, освобождая ствол.

– Сдурел? – Черепень обернулся к нему, вскидывая к плечу самопал. – Шуткуешь перед смертью, дурень старый?

Чугайстр отмахнулся, прочистил ствол пистолы, перекрестил дуло и стал заряжать. Работал он ловко, не делая ни одного лишнего движения, не просыпав ни зернышка пороха. Зарядив оружие Приблуды, Чугайстр, не спрашивая, выкатил на ладонь две серебряные пули и попытался ножом их разрезать. Не получилось, нож скользнул по блестящему шарiku и поранил ладонь.

– Бисову душу! – пробормотал Чугайстр и оглянулся на стоящего в стороне Волка. – Сила в руках есть?

– Что нужно?

– Пули вот на куски нужно порубить – сможешь?

Волк подошел к Чугайстру, взял пули.

– А бьемся об заклад, что я без ножа их на кусочки поделю?

Внезапно закричал Мороз, забился на земле, но Качура и Звыняйбатько удержали его, а Черепень продолжал лить на рану Мороза горилку из фляги.

Рана была нехорошая – глаз вытек, сквозь рассеченную щеку видны были зубы, но Мороз терпел, только вот закричал, когда горилка попала на рану.

– Все, – сказал Черепень, затыкая флягу. – Перевяжем – до утра доживешь.

– А пусть он гонцом едет, – предложил неуверенно Звыняйбатько. – Какая с него польза будет у крепости? Если еще до нее не помрет.

Мороз, которому Качура завязывал лицо тряпкой, ничего сказать не мог, только сложил пальцы на правой руке в дулю и протянул обидную эту фигуру в сторону Звыняйбатька.

Тот вздохнул и отвернулся.

Луна стояла высоко, освещая степь мертвым светом. Фигуры козаков и коней отбрасывали смоляные, липкие на вид тени.

– Так бьемся об заклад? – повторил Волк. – Без ножа, без сабли, без какого железа – на четыре куска каждую.

– Не делай глупостей. – Синица подошел к приятелю и толкнул того кулаком в плечо. – Это ж серебро.

– На один золотой!

– А гроши откуда достанешь? – хитро прищурился Чугайстр.

Волк и Синица так и остались голыми после того, как снова перекинулись в людей.

– У меня в седельной сумке, – ответил Волк. – У тебя золота отродясь не было, так ты кинжал свой поставь, тот, с зеленым камнем.

– А пойдешь к Морозу, – ответил Чугайстр, – попроси, чтоб он тебе дулю показал, очень ловко у него это получается. Будешь пули ломать?

– Волк! – предупредил Синица, но тот отмахнулся.

– Скучный ты человек, Чугайстр. – Волк взял одну пулю, подбросил ее и ловко поймал зубами.

Звонко щелкнуло – волк выплюнул на ладонь две половинки серебряной пули, поморщился и сплюнул на землю.

– Дрянь какая... На четыре части?

– На четыре.

Волк раскусил обе половинки, потом то же самое проделал со второй пулей, сплевывая слюну после каждого раза.

– Дурень безголовый, балбес... – стонал каждый раз Синица, качая головой. – То ж яд!

– А все яд! – засмеялся Волк. – А больше всего бабы и горилка. Так, старик?

– Иди себе, нелюдь, – буркнул Чугайстр. – Не маши тут... хвостом.

Волк снова засмеялся.

– Заряди в пистоль, – Чугайстр протянул раскушенные пули Приблуде, – что-то у меня руки трясутся. Устал. То ли я старый, то ли татарин ловкий пошел – ладанку, нехристь, срубил, по самому горлу саблей провел.

Старик осторожно потрогал царапину на горле.

– Значит, судьба, – подумав, добавил он. – До крепости доеду... Еще кто не зарядил? – повысив голос, спросил он у козаков. – Еще пять пуль серебряных есть. Приблуда угощает.

Мороз подобрал с земли пистоль, протянул Качуре, тот оружие отнес Чугайстру.

– Чего ты мне его суешь? Сам вот бери пулю, заряжай... Посмотри, может, еще есть не заряженное?

– Оставь, – Черепень махнул рукой. – Там только один оборотень...

– Маах'керу... – пробормотал Приблуда, вспомнив, чему его учил Волк.

– По коням, – тихо сказал Черепень.

– А у меня кобыла! – вспомнил старую шутку Звыняйбатько, но никто не засмеялся.

Мороза и Черепня в седла пришлось подсаживать.

– Может, привязать? – спросил Звыняйбатько.

– А вяжи! – махнул рукой Черепень.

Остальные в седла сели молча.

– Здоровы будьте, – сказал Звыняйбатько, снимая шапку.

– И ты не поминай лихом, – ответил Чугайстр за всех.

– Передать что? – спросил Звыняйбатько. – Поклоны, слово какое?

– Расскажешь, как оно было, – Черепень тронул коня. – Волк, Синица, перекинетесь, как мы отведем, не полошите коней...

Съехав с холма, Приблуда оглянулся – Звыняйбатько смотрел в их сторону, держа шапку в руке, потом размашисто перекрестился и тронул коня.

Низко, над самой вершиной, мелькнула крылатая тень.

Конь Приблуды всхрапнул, потянул в сторону, Приблуда похлопал его ладонью по шее, успокоил.

В свете полной луны видно было далеко, но ясность была обманчивой – тени скользили по степи, извивались, как черное пламя, за каждым камнем, за каждой былинкой. И самые камни начинали жить в этом призрачном свете, шевелиться, перекашиваться, устраиваясь поудобнее.

Кони пряли ушами, вслушиваясь в ночь.

После схватки с татарами никто уже даже не притворялся. Все знали, что едут умирать.

И никто не объяснял – зачем. Для чего умерли Стриж и Страх, остальные козаки? Зачем ехать к крепости, когда и так уже известно, где она и сколько в ней народу?

Вызволять своих? Как же вызволять, если там пять десятков? Пусть четыре, десятерых козаки уже убили. Но сорок человек, два страшных чужака-джинна, и неизвестный, но наверняка опасный перевертень, змей!

Один огненноглазый чужак чуть не перебил козаков. Черепня поранил играючи, словно не был тот опытным воином и не мог обычно выстоять в поединке против трех – Приблуда сам видел, как управляется атаман с саблей.

А тут их будет двое, против пятерых козаков и двух характерников. И змей. Волк сказал, что это Приблуде придется со змеем сойтись, как в сказке Катигорошку.

Приблуда вытащил из-за пояса пистоль, осмотрел, потом следующий. Чугайстр отдал ему еще и свой, заряженный четвертинками пуль, велел стрелять в упор, когда придется.

Черепень пропустил козаков мимо себя, дождался, когда Приблуда поравняется с ним, и тронул своего коня.

– Слушай внимательно, – тихо сказал Черепень.

– Слушаю.

– Если начнется драка... Когда, – поправил сам себя Черепень. – Когда начнется драка – не лезь вперед. И не спорь, – добавил он, увидев, что Приблуда дернул подбородком. – У тебя серебряные пули. И сабля. Мы остановим людей... сколько получится, а ты смотри змея. Он в кучу не полезет, чтобы своих не покалечить и чтобы своих коней не переполошить. Сзади подкрадется... Или сбоку. Вот тут ты его и перехвати. Попытайся...

– Я перехвачу, – ответил Приблуда, чувствуя, что руки холодеют и в животе образовался лед. – Я смогу.

– Смоги. И еще... – Черепень нахмурился, втянул воздух со стоном – Приблуда подумал, что у него болит рана. – Что бы ни случилось... Не поминай нас лихом: ни меня, ни Сечь, ни батьку своего, старого Охрима...

– Да что вы такое говорите! – задохнулся от обиды Приблуда. – Да как можно такое говорить?!

– Не поминай лихом, – повторил Черепень. – Я бы своего сына вместо тебя взял, если бы... Сам бы...

Черепень ударил своего коня рукой – отдал-таки Чугайстру свой канчук, как обещал. Конь в два прыжка вынес Черепню в голову небольшого отряда.

– Что ж это такое? – прошептал Приблуда, чувствуя, как на глазах появились слезы. – Да за что ж меня так?

Всю дорогу к нему относились, как к неразумному дитяти, а теперь... Задуйсвичка принял стрелу, предназначавшуюся ему, Качура оказался рядом, когда татарин чуть не убил его. Черепень не пускал его в схватку, да еще сейчас извинялся за себя и за всю Сечь... И даже за приемного отца.

На востоке появилась тонкая багровая полоса – день обещал быть ветреным. Уже сейчас ветер веял навстречу козакам, пока только освежая их разгоряченные лица и усиливаясь.

Скоро поднимет он пыль, и тогда снова нужно будет завязать лица специально подготовленными тряпками и платками.

Приблуда отвязал сулею, вытащил пробку и поднес сосуд к губам. В другое время на него уже прикрикнули бы или даже огрели канчуком, но сейчас никто не обратил внимания – ехали, опустив головы, словно думая о чем-то тяжелом, или вспоминая что-то неприятное.

Губа, рассеченная Черепнем, отозвалась болью, но Приблуда напился, не обращая на это внимания.

У него дрожали руки, и вода текла по лицу, попадая за ворот рубахи, тонкими струйками стекала по груди. Это не от страха. Не от страха, нет.

Он не боится. Он не струсил в первом бою и не струсит теперь никогда. Они едут на смерть? Так он и умереть сможет не хуже других. Жаль, что его друзья не узнают, как это

вышло. И не позавидуют, что Чугайстр – сам жадный и нелюдимый Чугайстр – подарил ему свой пистоль.

До рассвета они подъедут к крепости.

Всхрапнул конь Черепня – волк оказался перед самой его мордой. Характерник коротко рыкнул и медленно, оглядываясь, потрусил в сторону, вправо. Черепень оглянулся, указал рукой на волка и поехал следом. Остальные последовали за ним – поворачивая коней именно там, где свернул атаман.

Приблуда, поворачивая своего, посмотрел налево и увидел... или ему показалось... багровое тусклое пятно сажень в двадцати. словно жар от погасшего костра – громадного, праздничного, какой жгли у них на хуторе на масленицу.

Видел он или нет... или примерещилось... словно сквозь толстый лед, мутный, с пузырьками воздуха внутри, видел Приблуда багровый отсвет, который сейчас они объезжали.

И еще одно такое же пятно объехали они вскоре, подчиняясь приказам характерника. И снова Приблуда не мог понять – видит зарево на самом деле или мерещится ему это от напряжения.

Сверху послышался клекот орла – Приблуда поднял голову, чтобы рассмотреть, но орел оказался вдруг над самой его головой, задел крылом и улетел прочь. Приблуда оглянулся, но птицы уже не было, зато странное желто-розовое облако медленно плыло шагах в пятидесяти над самой землей, как раз там, где проехали козаки.

Приблуда натянул поводья, чтобы рассмотреть странное облако, хотел даже окликнуть едущего впереди Чугайстра, но волк вдруг вынырнул из ковыля рядом и в прыжке толкнул передними лапами коня Приблуды.

Конь рванулся вперед, Приблуда натянул поводья, задирая его голову, но испуганное животное неслось дальше, мимо козаков.

– Матери твоей!.. – выкрикнул Чугайстр, не понимая, что происходит, но волк куснул его кобылу за заднюю ногу и бросился вперед, подгоняя остальных.

Крики, ругань, испуганное конское ржание – волк гнал козаков, как овчарка сбивает и гонит отару, уводя ее от невидимой опасности.

Приблуда оглянулся – облако налилось красным цветом, словно передалось ей немного киновари от восхода, и двигалось теперь быстрее, по следу козаков... Против усиливающегося ветра, как вдруг сообразил Приблуда.

«Невидимый огонь...» – сказал татарин, когда Чугайстр его пытал. И бродячий огонь.

Приблуда стегнул своего коня. Остальные тоже схватились за канчуки, только Черепень, отдавший свой Чугайстру, обнажил саблю и бил ею плашмя коня по крупу.

Ветер свистел в ушах, шапка слетела с головы – бог с ней. Быстрее, быстрее – теперь уже ярко-алое облако неслось за ними вдогонку, приближаясь, несмотря на все старания лошадей и всадников.

Приблуда посмотрел влево – волк длинными прыжками стелился над ковылем совсем рядом, не отставая от Приблуды, и не опережая его.

Снова оглянувшись через плечо, Приблуда похолодел – сгусток огня почти настиг их, и даже казалось, что жар коснулся спины. Конь не мог бежать быстрее – канчук уже до крови располосовал его круп, капли крови летели в стороны при каждом ударе, но Приблуда все хлестал и хлестал, понимая, что уйти не получится, что еще чуть-чуть и облако настигнет его.

Приблуда даже не сообразил сразу, что произошло – скачок волка, удар, крик человека и высокий, протяжный крик коня – конь Мороза рухнул вместе со всадником, перевернувшись несколько раз через голову, попытался вскочить, но сломанная нога не могла удержать его. Конь упал, снова попытался встать и снова рухнул, поднимая клубы пыли. Привязанного к седлу Мороза болтало, как тряпичную куклу, ударило о землю...

Конь, опрокидываясь снова, подмял под себя всадника и тот закричал вместе с конем, так же жалобно и протяжно.

Все это Приблуда рассмотрел, проносясь мимо них, судорожно сжимая обеими руками поводья.

Конь Мороза заржал, перекрывая крик седока – Приблуда оглянулся.

Огненный шар налетел на человека и животное, окутал их.

Вопль нечеловеческой боли взлетел к светлеющему небу – и непонятно было, человек то кричит или конь.

Приблуда остановил коня, разрывая ему губы, крича что-то непонятное для самого себя.

Огненный шар, поглотивший Мороза, стал ослепительно белым, как железо в кузнице, крик прервался.

– Не останавливайся, – прохрипел кто-то совсем рядом, Приблуда оглянулся и понял, что это Чугайстр вернулся за ним. – Ты видишь огонь?

– А ты – нет? Что ты видишь?! – выкрикнул Приблуда.

– Мороза вижу. Погиб козак...

– А ты видел, что это Волк... – Приблуда выхватил из-за пояса пистолет, заряженный серебряной пулей, завертел головой, высматривая характерника. – Это ведь он... Зачем?

– Спрячь пистоль, – почти простонал Чугайстр. – Богом прошу – спрячь.

Остальные козаки остановились поодаль, дожидаясь Приблуду и Чугайстра.

– Я его убью... – прорычал Приблуда. – Убью...

Огонь потерял цвет, снова превращаясь в прозрачное желто-розовое облако. Взлетев над черным, обугленным костяком, оно замерло, словно в нерешительности.

– Хочешь, чтобы еще кто-то умер? – спросил Чугайстр. – Я следующий останусь, имей в виду. Ковинька твоей матери...

Приблуда тронул коня.

Кожа туго обтянула скулы. Зубы, наверное, крошились – так сильно он сжал челюсти.

Ладно, подумал Приблуда. Ладно. Он не забудет этого. Не забудет, как волк прыгнул и подсек ногу коня. Как рухнул конь, как кричал молчаливый обычно Мороз. Как...

– Уже скоро, – сказал Чугайстр. – Если тут бродячий огонь, то скоро. Потерпи. Скоро крепость.

Но до крепости они не добрались.

Поднявшись на очередной холм с каменной бабой на вершине, Черепень придержал коня. Качура, Чугайстр и Приблуда остановились справа и слева от него.

На вершине другого холма, вытянутого с востока на запад, словно преграждающего путь в Крым, цепочкой стояли конные силуэты. Черные плоские фигурки на фоне пока еще голубого неба.

До них было саженой сто, не больше. Для пистоля – далеко. Для стрелы – в самый раз.

Даже бежать не было смысла – татарские кони не устали, а кони козаков дышали тяжело, хрипели после безумной скачки от невидимого огня.

Черепень вытер саблю о штанину. Приблуда взвел курки на пистолях.

– Помнишь, что я говорил? – спросил вполголоса Черепень, исподлобья разглядывая татар.

– Помню, только...

– Вот и сделай так. Чтоб не зря все... Чтоб...

– Волк... – начал Приблуда.

– Потом. Все – потом.

– Как думаешь, Степан, – спросил Чугайстр, глядя перед собой, – они нам подарят бой или как гусаков на охоте перебьют?

– Им живые нужны, – сказал Черепень, и Приблуда удивился, поняв вдруг, что у атамана, оказывается, есть обычное имя, а не только жутковатое прозвище. – Пугнут стрелами, потом...

– Характерники не предупредили. – Приблуда огляделся, задрал голову – ни волка, ни орла видно не было. – Предали...

– Не суди, да не судим будешь, – напевно произнес Черепень.

– Как судишь, так и судим будешь, – подхватил за ним Чугайстр и так необычно было слышать от них Святое писание, что Приблуда не нашелся, что сказать.

Комок подкатился к горлу, Приблуда отвернулся, чтобы не видеть неподвижные черные фигурки, или для того, чтобы они не увидели его слез. Слез обиды и разочарования.

Сзади, в ковыле, где только что проехали козаки, что-то шевельнулось. Приблуда повернул коня, вытащил из-за пояса пистоль. Теперь ему было все равно, кто сейчас появится из тени. Волк или змей. Характерник или перевертень – все равно. Он выстрелит в любого из них.

– Что там? – не оборачиваясь, спросил Черепень.

– Не знаю – шевельнулось что-то.

– Хорошо, – сказал Черепень.

– Как же, хорошо ему, – проворчал Чугайстр. – Все ему хорошо.

– Ты ему насы в глаза, – подал голос Качура, – а ему все – божья роса.

– Дай-ка мне канчука, – попросил Черепень. – Я сразу верну.

– А дидька тебе лысого, а не канчука, – ответил Чугайстр. – Нужно было не дарить.

С ума сходят, подумал Приблуда, подумал совершенно спокойно, словно не о своих соратниках думал и не о себе. Вытащил еще один пистоль, чугайстровский. Взял курок.

За спиной у Приблуды закричали, завывали татары, в воздухе зашуршало – стрелы градом, звонко ударяя в спекшуюся землю, посыпались позади козачков. Некоторые втыкались, некоторые отскакивали, не в силах пробить корку.

Приблуда не повернул головы. Ему было все равно, что там сейчас делают татары, двинулись с холма, или просто кричат и пугают – его враг был здесь. Его враг нападет сейчас – обязательно нападет.

– С боков появились, с арканами, – тихо сказал Качура. – Я в полон не пойду...

– Не иди, – так же тихо ответил Черепень.

– Поможешь, если...

– Помогу. Только и ты...

– Отпускаю тебе этот грех, – сказал Качура.

– И я тебе отпускаю...

– А я ничего никому не отпущу. Попы нашлись, – зло бросил Чугайстр. – Они меня убить должны. Они, не брат мой, а нехристи. Убить, если у них получится, матери их тысячу типунцов на язык и задницу. В полон возьмут – в рожи их плевать стану, рот заткнут – пердеть буду, задушу иродов... А если задницу заткнут...

– Напряжешься, лопнешь и дерьмом своим ядовитым всех забрызгаешь, – закончил за него Качура, и все трое захохотали – громко, искренне, словно и не ждала их смерть на вершине соседнего холма, словно не подкрадывалась она к ним сзади.

Приблуда вскинул руку и выстрелил. Облако порохового дыма ослепило его, не дав рассмотреть – попал он или нет. Что-то большое гибко взметнулось из травы в десяти саженях от него.

Выстрелив один раз, Приблуда бросил пистоль, и, целясь из другого, вытащил из-за пояса третий. Самопал был приторочен к седлу, и так сразу схватить его не получится.

Степному ветру, наверное, было и самому интересно, что там происходит внизу. Он торопливо разогнал облако дыма, словно курильщик, перед церковью вынувший люльку изо рта и разгоняющий табачный дымок.

Выбравшееся до половины из-за горизонта солнце отразилось от гладкого, словно отлитого из жидкого металла, тела.

Здоровенный змей... Сажений пять, не меньше, толщиной с человеческое туловище. Изогнулся, свернулся кольцами в мучительной судороге, как дождевой червяк, перерубленный заступом.

Не зря отец учил Приблуду стрелять. Сейчас порадовался бы за приемного сына.

Рана у змея была на шее, возле самой головы. Из нее текла вязкая, похожая на гной

кровь, летела брызгами по сторонам при каждом движении.

– Попал! – вскрикнул Приблуда и снова выстрелил – снова попал, пуля ударила в пасть змею, раздробила нижнюю челюсть. Осколки повисли на порванной коже, кажется, даже зубы болтались там же.

Татары закричали, послышался топот, гортанные выкрики – бросились спасать своего перевертня? Не успеют.

Приблуда спрыгнул с коня и побежал к бьющемуся в пыли чудовищу. Спасибо Чугайстру, подарил пистоль. И зарядил дробью. Ползучая тварь билась так отчаянно, извивалась и бросалась из стороны в сторону так стремительно, что одной пулей он мог в нее и не попасть.

А вот восьмью кусками серебра, да почти в упор – тут Волк, проклятый предатель Волк, был прав.

Приблуда выстрелил с левой руки, но в этот самый момент змеиное тело выпрямилось, хвост ударил по руке и все серебро выстрела ушло вверх, словно целился Приблуда в ветер.

Но ветер не обратил на это внимание, он был слишком увлечен зрелищем, только снова разогнал облако дыма, чтобы не мешало.

Левая рука повисла, боль пронзила все тело, но Приблуда устоял на ногах, вытащил из ножен саблю и рубанул ею туда, куда смог дотянуться – по хвосту.

Клинок вошел в плоть с хрустом, шипение змея превратилось в стон, Приблуда прыгнул вперед – и услышал, как над ним пронеслось змеиное тело. Снова ударившись левой рукой, Приблуда все-таки вскочил и отпрыгнул в сторону – истекающее кровью чудовище все еще двигалось стремительно, словно и не получило тяжелых ран.

Вот змей изогнулся молнией, приподнял окровавленную голову, глянул прямо в глаза Приблуде, и разом ослабло тело парня, холод стал оседать инеем в его жилах, сжал ледяными пальцами сердце.

Все исчезло: крики, звон стали, ржание лошадей, – только медленные удары сердца, ледяной холод, и пронзительный, яростный взгляд змея.

Приблуда пошатнулся, змей поднял голову, теперь она покачивалась перед самым лицом человека. Ключья плоти, сгустки крови – и холодные мерцающие глаза. Ближе.

В пасти твари что-то шевельнулось, Приблуда с ужасом понял, что это кровоточащий обрубок языка. Перевертень мог убить человека в любой момент, но тянул, то ли желая насладиться мстостью, то ли преодолевая собственную боль.

Ближе.

«Осталось только гнилое мясо», – сказал татарин.

Один плевок.

«Им нужны живые», – сказал Черепень.

Но змею живой не нужен. Змей хочет убить. Еще чуть-чуть.

У него выбиты зубы, он не может ни укунить, ни плюнуть ядом. Он убьет одним ударом. Или раздавит в стальных кольцах. Он сейчас выбирает для Приблуды смерть...

Сверху что-то обрушилось на голову змея. Удар был стремительным, но змей успел отреагировать, махнул хвостом – комок перьев отлетел в сторону.

Змей успел, но он отвел взгляд, потерял глаза Приблуды. И не успел снова приготовиться к броску – посеребренная сталь с хрустом вошла прямо в окровавленную, разорванную пасть.

Приблуда выдернул клинок и ударил снова, наотмашь, от левого плеча, протянув клинок, как учил отец. Саблей не рубят, саблей режут, сынок. Режут...

Сабля взвизгнула, перерезая хребет змея, тело чудовища выгнулось, распрямилось, собралось в кольца... Приблуда чудом уклонился от предсмертных ударов, снова замахнулся и воткнул саблю, прибил с хрустом голову перевертня к земле.

И оглянулся.

Как ни странно, но козаки еще были живы. Черепень давно упал бы, если бы не был привязан, из груди торчали две стрелы, правая рука висела, а кисть, почти отрубленная,

державшаяся только на лоскуте кожи, болталась в такт движениям атамана.

Чугайстр разрядил пистоль в татарина, швырнул бесполезное оружие, выхватил второй пистоль, но тут закричал Качура – аркан захлестнул его за плечи, и татарин разворачивал своего коня, чтобы сбросить козака с седла, утащить его в полон.

Качура замахнулся саблей, чтобы перерубить кожаную веревку, но другой татарин, бросившись вперед, молниеносно рассек ему запястье, и сабля выпала.

Качура закричал снова, ярость и бессилие были в этом крике, Чугайстр выстрелил, не целясь. Пуля ударила Качуру точно в сердце, подарив быструю смерть.

Приблуда бросился вперед, к своему коню, за самопалом. Сабля осталась в земле, он не смог ее выдернуть.

– Я сейчас! – крикнул Приблуда. – Сейчас...

Сильный удар сбоку бросил его на землю. Приблуда вскочил, но новый удар опять свалил его, и тяжесть, навалившись на грудь, не дала подняться.

В нос ударил тяжелый запах. Звериный запах.

Приблуда закричал, взмахнул правой рукой, чтобы ударить Волка, но тот перехватил руку зубами, сжал. Приблуда рванулся, но зубы сомкнулись сильнее, и Приблуда снова закричал, но не от злости на этот раз, а от боли.

Волк не отпустил его.

Приблуда видел, как откинулся в седле Черепень, выронив из левой руки саблю, и как Чугайстр каким-то чудом, извернувшись, дотянулся концом своей сабли до его груди и остановил сердце.

Это было последнее, что успел сделать старик, его обезоружили, сбросили с коня, татарин спрыгнул ему на грудь, ударил, перевернул лицом вниз и ловко связал руки за спиной.

Чугайстр кричал, вырывался, но второй татарин прижал его ноги к земле и стянул их веревкой.

Двое всадников отделились от схватки и медленно, настороженно глядя на волка, приблизились.

Приблуда плакал от бессильной ярости и не стыдился своих слез. Волк отпустил его руку, отошел в сторону.

Приблуда лежал, глядя в небо. Если бы он мог летать. Или умереть прямо сейчас. Почему Чугайстр не помог ему, как помог Качуре и Черепню? И почему... Почему Волк...

Волк перекинулся в человека. Его лицо снова было перепачкано кровью, только на этот раз это была кровь Приблуды.

– Так оно бывает, – сказал Волк. – Извини.

* * *

Влад проснулся, но глаза не открыл. Лежал и думал.

О сне, который словно телесериал прокручивается перед ним серия за серией. О сатра, который подsunул ему этот странный цветок и помог выяснить, кто убивает чужаков. О том, позвонит ли убийца, захочет ли поговорить. А если захочет, то о чем?

Или просто взять и рассказать оборотням-циркачам, кто убил сына их вожака? Попросить, чтобы не убивали его, Влада. Униженно попросить, чтобы Руслана хотя бы не трогали.

Влад открыл глаза – в комнате было темно и пусто. Еле слышные голоса доносились издалека, с кухни, наверное. Разобрать слова было невозможно.

Он не уснул в машине, сам поднялся в лифте на восьмой этаж, сам застелил, наконец, диван, разделся и лег, задернув шторы, выключив телефоны и достав из холодильника подарок сатра. Вот он лежит в головах, на стуле, поверх одежды.

Влад взял мобильник, посмотрел время – он проспал пять часов. Выспался, голова не болит, ребра не болят, спасибо доктору.

Можно остаться в постели, еще часок урвать. На будущее. Не исключено, что все понесется вскачь, все быстрее и быстрее. И поспать больше не удастся.

«До самой смерти», – подумал Влад и сел на постели.

Раз в голову лезут такие дурацкие мысли – нужно вставать. Одеться, обуться, поесть, кстати, не мешает, последний раз он ел... Хрен знает, когда он ел.

На кухне сидели Богдан и Капустян.

Лейтенант, увидев Влада, вскочил, но тот махнул рукой и полез в холодильник.

– Не все сожрали? – спросил, рассматривая полки.

– Я разогрею! – Капустян вежливо отодвинул Влада в сторону. – Вы присядьте, я быстро.

Влад сел к столу, напротив Богдана. Задумчиво посмотрел на автомат, лежавший перед Лютым.

– Мне это мерещится? – осведомился он, когда понял, что Богдан не собирается ничего объяснять. – Или на самом деле у меня на кухне, на столе, лежит автомат Калашникова «АКС» семьдесят четыре у?

– И еще один на табурете под столом, – Богдан сделал простое-простое выражение лица. – И три бронежилета в коридоре.

– Откуда?

– Я ездил в управление, получил, – ответил Капустян, гремя чем-то металлическим на печке.

– И тебе прям таки сразу и выдали...

– Сразу. Я зашел вначале в управление, получил бумагу, а потом пошел уже в оружейку. Я расписался, но потом нужно, чтобы вы подъехали и старшие лейтенанты Лютые, – пояснил Капустян. – Тоже расписались.

– Все страньше и страньше... Не понимаю. Я бы послал любого, кто сунулся бы ни с того ни с сего за дополнительными стволами. В управлении эпидемия шизофрении?

– Передаваемая по телефону, – кивнул Богдан. – Алгоритм следующий: я осознаю необходимость повышения огневой мощи нашего коллектива, понимаю, что ни хрена у меня не получится. Беру твой мобильник, нахожу в нем телефон Серого, звоню...

– Знаешь, что раньше за воровство руки отрубали? – осведомился Влад.

– За первое. Потом уже – голову. Или вешали – где как. А в некоторых странах вначале палец, а только потом руку, ну и дальше... – Богдан с удовольствием продолжал играть дебила.

Пока Влад спал, Богдан сидел и репетировал свое выступление, предвкушая грядущее удовольствие.

– Серый был на взводе, стал кричать и жаловаться на жизнь, подумал, что это ты звонишь. Я дал ему выговориться, потом представился и попросил посодействовать в получении оружия и броников. Серый вначале решил, что мне нужно нелегальное оружие, но потом мы все утрясли, он позвонил в управление... И все сложилось. Нам выдали автоматы и по шестьдесят патронов к ним. – Богдан почесал ухо и хмыкнул. – Ну, люблю я оружие. В детстве и в спецназе не наигрался. Хотел еще «драгуновку» зацепить, но подумал, что ты не оценишь. А я бы пострелял... Знаешь, как я стреляю?

– Знаю. Видел.

В дверь позвонили.

– Игорек, – сказал Богдан.

Капустян взял с табурета автомат, снял его с предохранителя и подошел к двери.

Снова позвонили.

– Кто? – спросил Капустян.

– Капитан Гетьман тут проживает? – громко спросили из-за двери.

– Здесь, а что?

– У меня для него посылка, – ответил жизнерадостный молодой голос. – Просили передать.

– Вот мы сейчас поверим, дверь откроем, – шепотом сказал Богдан, в глазах которого светился восторг, – а они нам сюда гранату бросят. Лимонку. Радиус разлета осколков –

двести метров. Тут будет до двери двести метров?

– Отойдите от двери, – сказал Капустян, – так, чтобы я вас видел в глазок.

Лейтенант осторожно заглянул в глазок.

– Теперь руки покажите, чтоб я видел. Хорошо. – Капустян открыл дверь и выглянул, держа автомат так, чтобы его не было видно снаружи. – Где посылка?

– Вот.

Влад встал, подошел к двери.

На лестничной клетке стоял парень лет двадцати с небольшой коробкой в руках.

– Что в коробке?

– Телефон. Его туда при мне положили, чтобы я видел, что не бомба. Смешной такой мужик. Денег дал.

К двери подошел Богдан, растолкал всех, подошел к посыльному:

– А ты, значит, честный, телефон привез и даже не украл.

– А зачем? Он встретил меня возле университета, дал денег. Потом назвал мои имя, фамилию и адрес. И сказал, что если я не привезу посылку сюда до шести, то он мне уши отрежет. Я привез, – парень глянул на свои часы. – Успел. Вот.

– Открывай коробку, – приказал Богдан.

Автомат он держал в правой руке, парень нервно поглядывал на оружие и, кажется, очень хотел отсюда уйти.

– Открыть? Да-да... – Парень открыл коробку, продемонстрировал Богдану телефон и зарядное устройство. – Вот, все в целости и сохранности. Пожалуйста.

Богдан взял коробку.

– Я пойду? – спросил посыльный.

– Сообщи мне свои имя, фамилию и адрес, – сказал Богдан, – и вали на все четыре стороны. И документ покажи какой-нибудь, с фотографией.

Богдан передал Владу коробку с телефоном.

Влад вернулся на кухню. Достал аппарат.

– Так себе телефончик, эконом-класса, – оценил появившийся Богдан. – Это от того, про кого я подумал?

– Наверное.

– Значит – позвонит?

– Скорее всего.

– В шесть, – высказал предположение Богдан. – Он же хотел уши отрезать, если пацан опоздает.

Все посмотрели на часы – без десяти шесть.

– Вы пока успеете поесть, – обрадовался Капустян. – Уже нагрелось. Я макароны по-флотски сделал, вы едите макароны по-флотски?

– Он обожает именно макароны по-флотски. Особенно, если их кто-нибудь для него приготовит, – засмеялся Богдан.

– Не психуй, Богдан, – посоветовал Влад, рассматривая телефон. – Выключи предстартовый мандраж, старта не будет.

– А я что? Я – ничего. – Богдан сел на табурет, положив автомат на колени. – Я буду молчаливой галлюцинацией.

– Подавать? – спросил Капустян.

– Подавай, – разрешил Влад, отложив телефон в сторону. – Не обращаясь ни к кому персонально, я напоминаю: когда я ем...

– Ты глух и нем? – уточнил Богдан.

– Когда я ем, – вздохнул Влад, – остальные либо молчат, либо лежат в нокауте. Ву компране?

– Натюрлих, герр гауптман! – Богдан прикрыл рот ладонью и сделал страшные глаза.

Влад насадил на вилку несколько макаронин и посмотрел на Богдана. Тот молча покачал головой.

В молчании Влад поел, отодвинул тарелку.

– Чай? – спросил Капустян.

– Кофе, – ответил Влад.

– Чай, – сказал Капустян. – Доктор говорил – вам кофе вредно.

– Чай, – сказал Влад. – Раз доктор говорит.

И тут телефон, лежавший на столе, задребезжал, мелко затрясшись.

– Восемнадцать ноль одна, – прошептал Богдан и многозначительно поднял указательный палец. – О!

– Придурок, – сказал Влад, забрал телефон и вышел в комнату.

Он плотно прикрыл за собой дверь и сел на диван.

– Четыре, – сказал незнакомый голос, как только Влад ответил. – Один Часовщик, одна маах'керу и два джинна, обоих полов.

– Ты счастлив?

– А ты? Ты ведь хотел, чтобы я с тобой связался. Ловко ты это придумал с моим вроде-как-звонком. Догадался, что я буду с ним связываться?

– Думал, он тебе перезвонит. Ошибочка вышла.

– Ничего-ничего, нормально получилось.

– Но ты ведь тоже хотел со мной поговорить, – тихо сказал Влад.

– Ты о крови на двери? Не то чтобы совсем хотел, мне не все твои приятели нравятся.

– Они и не должны нравиться тебе. Ты на самом деле шел убивать меня?

– Тут я тебе аплодирую. Просто молодец. Угадал в самую точку, это Серого прямо в узел завязало. Это могли знать только я и он. И если ты об этом говоришь, то выходит – действительно я тебе звонил. Пять баллов.

– Сейчас в школе двенадцатибалльная система, – напомнил Влад.

– И совершенно идиотская. Пять баллов было лучше. И пять баллов тебе за то, что угадал про сатра...

– Ты о коллекционере?

– Естественно. Не о твоём же докторе...

– Ты знаешь, что с ним случилось?

– А с ним что-то случилось? – вполне натурально удивился собеседник Влада. – Я – не в курсе. А о том, которого я убил в его квартире – ты все угадал правильно. Просто даже страшно становится. И про физика-Часовщика ты все правильно сказал. И, наверное, о джинна во дворе клуба. Мне было строго-настрого велено стрелять только после того, как он откроет дверцу.

– Сколько человек было в списке?

– Сколько человек было в списке? – переспросил собеседник и засмеялся. – Ни одного.

– Ты понял, что я имел в виду, – сказал Влад раздражаясь. – Сколько позиций было в списке?

– В основном, первоначальном списке было десять, как ты изволил выразиться, позиций. Я выполнил, если тебе интересно, семь.

– Седьмой – циркач?

– Нет, циркач был дополнительным заданием. Я связался с заказчиком, сообщил, что готов заняться седьмым, а он мне предложил расширить список.

– А точнее?

– А ты еще не догадался? – В голосе на той стороне явственно прозвучала ирония.

– Нет, а должен был?

– Не хочешь признаваться – дело твое. В списке незакрытыми остались три позиции. И я их не собираюсь закрывать.

– Кто там?

– Ну... Если тебе интересно – два Наблюдателя и Часовщик. Ты удовлетворен?

– Я могу узнать точнее?

– Зачем? Пойдешь их предупреждать о возможном покушении? Какой смысл? Ты ведь

не об этом хотел поговорить. Спрашивай, я готов отвечать... Спрашивай!

– Мы можем встретиться?

– Нет. Пока – нет. У меня много работы, знаешь ли. Город нуждается в прополке.

– Ты собираешься и дальше убивать?

– Убивать – это людей, простите. Или животных. А к нелюдям это не относится! Слышишь? Не относится. Я пропалываю город. Харьков будет чистым. Харьков – для людей!

– Ты сам понимаешь, что несешь? – повысил голос Влад.

– Понимаю! Я – понимаю. Я понимаю, что у меня украли мой город. Нагло, пользуясь моей слепотой и слепотой других людей. Ты ведь наверняка понимаешь, что я почувствовал, когда обнаружил, что меня окружают... Кто меня окружает. Ты ведь понимаешь. Понимаешь!

– Не нужно орать, – попросил Влад. – Мы ведь просто разговариваем. С чего ты взял, что я тебя понимаю?

– А про оборотня придумал я? Ты же это Серому сказал, он жаловался. Я, видите ли, совершаю глупости, разбалтывая подобное! А я не разбалтываю. Я понимаю, что мне никто все равно не поверит. Из нормальных людей. Во всяком случае – пока.

– Пока? – переспросил Влад.

– Интересно? Снова точно уловил главный акцент. Ты вообще необыкновенно быстро и точно все схватываешь. Я тебе все расскажу. Со временем. У нас еще много времени. Ты сомневаешься?

– Я сомневаюсь даже в том, что ты тот, за кого себя выдаешь. Тебя попросил Серый, чтобы ты позвонил. Он вообще, может быть, сейчас стоит возле тебя и слушает.

– Нет, я Каменецкий Константин Игоревич собственной персоной. Чем я могу это доказать?

Влад задумался. Глупая ситуация. Что он знает о художнике такого, что может не знать кто-то другой?

– Так, – сказал Влад. – Я сейчас задам вопрос. Вы на него ответите сразу же, не задумываясь. Если будет хоть малейшая пауза, если связь вдруг прервется – по техническим причинам или из-за падения гигантского метеорита, я выбрасываю ваш телефон. Согласны?

– Совсем без паузы? А если я что-то не сразу вспомню?

– Задавать?

– Задавайте, – собеседник тоже перешел на «вы».

– Вы подарили своей бывшей любовнице картину. Помните какую?

– Да, – быстро ответил Каменецкий. – Ее портрет. Описать позу? Коленно-локтевая, развернута...

– Где она изображена?

– На площади, перед памятником и Госпромом. Вы видели портрет?

– Нет, мне пересказали. Были под впечатлением, Константин Игоревич.

– Убедил. Слава богу. Я прямо заволновался – единственный человек, с которым я могу поговорить, и не поверит. А по поводу Серого не беспокойтесь. Серый сейчас занят. Очень занят. Ему сейчас не просто нужно найти два трупа джинна, но еще нужно их спрятать или уничтожить. Ему некогда. Он не хочет, чтобы их нашел кто-то другой. А когда он разберется с ними, то найдется еще кто-нибудь. Оказывается, в Харькове необыкновенно легко встретить чужака. И так же необыкновенно легко его убить, особенно с учетом того, что попало в мои руки. Это поначалу они кажутся такими страшными... А потом, когда пущена первая кровь... Просто противно. Для оборотней – серебро на лезвии. Для остальных – хватает знания анатомии и ума для правильного выбора объектов прополки. Я только вхожу во вкус. И знаете? Мне это нравится. Вам обязательно нужно попробовать. Не устраивать демонстрации с непожиманием рук окружающим, а радостно улыбаться этим уродам, широко улыбаться, пожимать их верхние конечности и вспоминать, как этой же рукой вы убивали их соплеменников.

Владу захотелось разбить телефон о стену.

– Молчите? – спросил Каменецкий. – Я что-то не так сказал? Вы где прозрели? Не в Харькове, понятно. В своей командировке? В Косово, если не ошибаюсь. Уж не знаю, как вы привыкали, а мне повезло. Оч-чень повезло. Я потерял сознание – трещина в черепе, знаете ли. Временная потеря зрения. Так что, когда я пришел в себя, то ничего не видел. Совершенно. Но вот звуки мне показались странными. И запахи. Незнакомые такие... Странные. Потом зрение начало понемногу возвращаться, медленно, слава богу. Постепенно. Вначале – размытые пятна, светлые и темные. Потом появились тени – темное на светлом. И эти тени были необычными. Я всматривался, думая, что это игры моего поврежденного мозга, а картинка становилась все четче. А мне становилось все страшнее. У моего лечащего врача на голове были рога. Смешно? Страшно. Понятно, что я не в аду, что чертей не бывает, но ведь рога-то я вижу. И лицо, и фигуру... Иногда заходил другой врач, лохматый, с козлиными ногами. Сатир из древнегреческой мифологии, фавн. Я совсем сошел с ума? Я так думал, но ведь остальные были нормальными, без хвостов и копыт. Просто люди. И с уродами они общались запросто, как с приятелями. Как с людьми. Что происходит? Это я так подумал. И понял, что если я спрошу напрямую, то меня, скорее всего, отправят в сумасшедший дом. Меня и так очень подробно расспрашивали, задавали всякие вопросы. Я затаился. Если я болен, подумал я... Это пройдет или не пройдет. Главное – выйти из больницы, а там я успокоюсь, приду в себя. И разберусь. Знаете что? Я вышел, мне поверили. Я прибыл домой, в свой свинарник, прошло несколько дней, но аберрации слуха, зрения и обоняния не прекратились. Более того, я увидел, что даже дома моего города изменились. А ведь я их рисовал... Знаете, сколько я написал пейзажиков, зарисовок, акварелей? Тысячи, мне очень нравится... нравился мой город. А тут... тут...

Каменецкий глубоко вздохнул, перевел дыхание.

– Извините. Я решил заново познакомиться со своим городом, обойти его, понять, что же не так. Что было на самом деле – мои воспоминания или то, что я видел за окном. Я увидел летающих над городом существ и понял, что Шагал тоже их видел, только был умнее и рисовал их просто как летающих евреев. А у меня ума не хватило. Зато хватило терпения и тяги к саморазрушению. Знаете, что я начал делать? Я вернулся в свое прошлое, – Каменецкий коротко хохотнул. – Надо же было такое придумать! С другой стороны – это отрезвляет. Когда я увидел, что меня вышибли из Худпрома из-за полутораметрового уродца со здоровенным шнобелем вместо носа, когда обнаружил, просматривая фотографии, что треть моего класса людьми не была... Часовщики, маах'керу... А Нателла, за которой я самоотверженно носил портфель из школы, была джинна, существом, у которого вместо крови – огонь. Не фигурально, а в прямом смысле этого слова. Нет, про кровь и огонь мне объяснили потом. А поначалу я видел на фотографиях вокруг своей мальчишеской физиономии уродливые нечеловеческие рожи.

Вы свою первую женщину, конечно же, помните, – Каменецкий снова судорожно вздохнул. – Конечно, помните. А меня рвало два дня, когда я обнаружил, рассматривая фотографии, что моя первая женщина, Мая Визитиу, молдаванка, имела рожки и хвостик. Она мне на прощание подарила свою фотографию, так сказать, неглиже. Даже подпись оставила: «Ты никогда не узнаешь меня до конца»... Рожки в пять сантиметров, хвостик тоже сантиметров в пять, треугольное, нечеловеческих пропорций лицо, скалящееся в гнусной усмешке... Меня рвало два дня, стоило только вспомнить. Меня и сейчас тошнит.

Моя бывшая жена, слава богу, оказалась человеком, склочной, вздорной, гулящей, но человеческой бабой. Я чуть не расцеловал ее и ее маму, суку, пившую мою кровь в течение десяти лет. Я ведь из-за развода потерял неплохую квартиру в центре, доставшуюся мне от родителей. Мы разменялись, им – двухкомнатная квартира в пятьсот тридцать третьем микрорайоне, мне клоповник на Ярославской. Но я им даже это простил. Потому что они люди. Люди! – Последнее слово Каменецкий выкрикнул и замолчал.

– Я перезвоню, – сказал он после небольшой паузы. – Через полчаса.

И связь оборвалась.

Влад бросил телефон на диван и сжал виски. Плохо. Как все плохо. И как странно слышать свои мысли от другого человека. Иногда почти дословно.

У него ведь тоже был соблазн проехаться по бывшим знакомым, пересмотреть старые фотографии – они надежно фиксируют истинный облик, Пелена искажает только восприятие, и только восприятие реальных объектов. На фотографии обычный человек увидит только обычного человека.

А если картину нарисует тот, кто видит сквозь Пелену, то и зритель на картине увидит правду. Крылышки, рожки, вывернутые назад колени и летающих над городом ангелов.

Художник захлебывается, торопится выговориться, выплеснуть то, что накопилось у него внутри. Не Серому же все рассказывать. Не Серому, нет. А остальным...

Книжки писать про засилье нечисти в городах? Так их пишут. Можно зайти в книжный магазин и выбирать на свой вкус. И оборотни, и вампиры, с ангелами и светящимися сущностями вперемешку.

Попробуй, разбери, кто тут описывает то, что видит, а кто просто выдумывает.

У Влада было много вопросов к художнику, очень много, но они подождут. Пусть человек выговорится. Человек – ключевое слово.

Убийца. И это тоже ключевое слово. Хоть он убивает и не людей, хоть он и подвел под свои действия мощную базу, но он, Влад, не может думать о нем, не как об убийце. Не может.

Даже когда объяснял летехе, что нет ничего страшного, что не человека тот убил в лесопарке, прекрасно понимал, что врет. Лейтенанту врет, себе. Неизвестно даже, кому больше.

Влад с силой потер лицо, подумал, что можно включить свет, но решил этого не делать.

За окном что-то полыхнуло, словно ярко-красная молния. Что-то на заводе, кто именно этим занимается – непонятно. На «Хартроне» куча всяких нелюдей. Что-то там у них общее, интернациональное. Уроды всех видов – соединяйтесь!

Жители соседних домов даже в мэрию писали о том, что какие-то жуткие химические запахи вырываются на улицу и проникают в квартиры. Им ответили, что тут работает цех разлива красок.

Самое смешное, что, может быть, не соврали, люди там тоже есть. И вполне могут загадить все вокруг.

Прошло тридцать минут, но художник не звонил. Влад называл про себя Каменецкого именно художником, не убийцей, не по имени-фамилии. Нейтрально – художником.

Еще через пятнадцать минут, когда Влад уже почти перестал ждать, телефон зазвонил снова.

– Это я, – сказал художник. – Извините, у меня тут было дело...

Судя по прерывистому голосу и частому дыханию, он только что либо бежал, либо перетаскивал тяжести.

– Какое дело? – спросил Влад, уже догадываясь.

– Вам нет дела до моего дела, – сварливым тоном ответил Каменецкий. – Потом, все в свое время. На чем мы остановились?

– На вашей теще и клоповнике на Ярославской.

– Да? Да... А, вспомнил. Вспомнил. Я просмотрел свое прошлое, и мне многое стало понятно. Я дважды проваливался в институт. Дважды. И не потому, что был дураком или бездарью. Приемная комиссия большей частью состояла не из людей.

Угадайте, кого они скорее бы приняли, человека или кого-то из своих? А взятку, как оказалось, я носил оборотню. А судя по фотографии моей группы – в тот год у зверья был неурожай, только пятеро были уродами. Подружкой моей тогдашней девушки была сатра. А я тогда еще сомневался, которую приглашать на свидание. Монетку бросал, выпал «орел». Если бы «решка», меня бы еще неделю выташнивало. Лучшие квартиры – у них. Лучшие места под солнцем – у них. Вы же сами наверняка заметили, что среди оперов их совсем немного, а вот среди судейских и адвокатов – большинство. Им нужно защищаться от нас,

людей. Телевизор, политиков и прочих депутатов я смотрел как бестиарий. Вы тоже, я полагаю?

– Да, – честно ответил Влад.

– Я не проверял, но что-то мне подсказывает, что и среди ментов чужих тем больше, чем выше должность. Ведь так?

– Так, – снова подтвердил Влад.

– Страх у меня прошел, я стал смеяться. Хохотать! Кино – это что-то особенное. Модели... Половина самых шикарных моделей мира – не люди. Кривоногие, неуклюжие – вышагивают по подиумам. Особенно смешно видеть дефилирующих дейвона в микротрусиках с хвостиками наружу... Вы наверняка тоже это заметили. Ведь заметили?

– Да. И что?

– Ничего. Смех перешел в брезгливость, а потом пришла в голову мысль – может, если все объяснить, нарисовать все, как есть, остальные тоже прозреют? Я, наверное, действительно крепко получил по голове, раз не только придумал такое, но и начал эту идею претворять в жизнь. – Художник помолчал. – Как ни странно, меня никто не остановил. Более того, наши богемные идиоты вообразили, что я отдаю дань сюрреализму... Вот уж, прав был тот, кто придумал этот краткий словарь арт-критика из трех слов...

– Суицид, инцест и концептуально, – сказал Влад.

– Вы это знаете? – удивился Каменецкий.

– Я даже знаю... знал того, кто это придумал. Опер, тогда еще капитан Юра Гринчук. На спор принимал участие в сборищах богемы, строя фразы из трех этих слов. «В этой картине суицид сливается с инцестом настолько концептуально, что просто нет слов», – процитировал Влад.

– Милиционер? Не ожидал. Он еще в Харькове?

– Он в некотором роде пропал без вести. Но мы не об этом.

– Не об этом, – согласился Каменецкий. – Мы о том, как я, последний идиот, выставил свои картины и рисунки в «Заднице», наслаждался комплиментами и даже серьезно обдумывал финансовые предложения Венечки Феофилактова, придурок.

– Феофилактов, кстати, продал несколько ваших картин. Мы его припугнули, чтобы он притих и не дергался, распродавая чужое.

– Зачем? – спросил Каменецкий. – Совершенно незачем, хотя, конечно, спасибо. Но родственников у меня нет, а в деньгах я не нуждаюсь. Боюсь, даже того, что сейчас имею, мне не растратить до конца жизни.

– Так много денег?

– Так скоро умру. Я не питаю иллюзий. Как только Серый возьмется как следует, у меня останется максимум с неделю в самом лучшем случае. В самом лучшем... Вот только взяться за меня серьезно у Серого получится не скоро. Он очень хочет получить бумаги коллекционера и физика. А они у меня. А какие я штуки у Часовщика заполучил! Бедняга был настолько счастлив, узнав, что был в списке, но вычищен не будет, что отдал не только все, что у него заказали раньше, но и массу забавных и полезных вещей. Уроды, оказываются, за тысячи лет много всякой всячины друг против друга приготовили, надежных и эффективных инструментов прополки... Как использовать оружие я, естественно, придумал, а бумаги... Я пока не придумал, что именно с ними делать, но на всякий случай готовлю сканы для Интернета. Уже практически закончил. Сегодня-завтра могу выложить в Сеть. Там есть много разного. Люди – не поверят, но ведь заказчик и не от них все это собирается прятать.

– Серый? – на всякий случай уточнил Влад и не удивился ответу.

– Нет, – сказал Каменецкий. – Что вы! Серый – только ширма. Исполнитель, – он засмеялся. – Исполнитель. Я не знаю точно, кто стоит за ним. Есть догадки, но они ничем не подтверждены. Абсолютно ничем. Вот тут вы мне можете помочь... Я, так сказать, вам, вы мне...

– Помочь?

– Да. Я хочу вас нанять, фигурально выражаясь. Я передам вам все – материалы, сведения, даже оригиналы. А вы поможете мне выйти на того, кто все это заварил. И я...

– Вы его убьете? – даже не пытаюсь скрыть сарказм, спросил Влад.

– Я не настолько безумен, – ответил художник. – Безумен, конечно, но не настолько. Я хочу поторговаться. Мне нравится то, что я сейчас делаю. И хотел бы получить лицензию на отстрел тварей.

– Вы настолько безумны. Именно настолько. Вы чокнутый!

– Это – ваша версия. У меня может быть своя. Ладно, – поцокав языком, сказал художник. – Очень интересная беседа, но нужно заканчивать. Дела, знаете ли. Я вам потом перезвоню. Очень скоро. И не трудитесь фиксировать телефон, с которого я вам звоню. Закончим разговор, я телефон уничтожу. У меня очень много телефонов, я запасаюсь. И карточек к ним – тоже очень много. Я стараюсь больше одного раза телефоном не пользоваться – паранойя.

– Я буду ждать звонка, – сказал Влад.

– Ждите. А почему вы не спрашиваете, в чем же заключалось мое дело? Я же обещал вам все объяснить.

– Так в чем же заключалось ваше дело? – деревянным голосом спросил Влад. – Вы же обещали мне все объяснить.

– Вы смешной, – сказал Каменецкий. – Вам же не смешно, а вы делаете вид, что шутите. У вас очень усталое лицо было сегодня утром. И печальное. Вам было жаль крошку-Часовщика? И в метро... И потом, когда гуляли по парку... Я только после своего разговора с Серым понял: вы надеялись, что я с вами заговорю. Так ведь?

– Так.

– У меня был соблазн... Какой был соблазн, не поверите. Но ведь вы могли попытаться меня задержать. Или даже убить. И мне пришлось бы защищаться. А я, поверьте, сейчас куда как защищенное вас и любого другого человека. Обидно было бы вас убивать.

– Потому что я – человек?

– И поэтому. И потому, что... Да, поэтому. И последнее: не планируйте на сегодня встреч с Серым... Он будет занят. Найти на стройке два тела маах'керу и вывезти их незаметно – у него работы будет до самого утра. Всего хорошего. И спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – пробормотал Влад, глядя перед собой.

Еще двое. Не людей.

Не людей! Черт побери!

Срочно связаться с Серым, сообщить о разговоре... И что? Если сейчас он, Влад, и его парни могут выглядеть как потенциальные союзники Серого, то после разговора? Правильно, как потенциальная угроза. Серый лично приедет, если циркачи у него не примут заказ. И своими руками...

Со вкусом, с наслаждением...

Нужно искать того, кто за ним стоит? Тот будет добрее? Смешно. Что-то ему предложить? Каменецкий надеется, что у него есть средства для торга. Подключиться к переговорам?

Глупость. Глупость. С ними нельзя договориться. Они не часто ставят перед собой цели, но, поставив, идут к ним, не обращая внимания на преграды.

Это уже не он придумал, это Хозяин ему сказал, когда стояли они рядом над пропастью и наблюдали за Куртом Мюллером, смотрящим на них с противоположной стороны.

* * *

– Они не уйдут, – Хозяин брезгливо искривил губы. – Они боятся уйти. Здесь их может ожидать смерть и мучения. Или мучительная смерть, или смерть после мучений. Я мог бы даже предложить мучения после смерти, но все это пугает их значительно меньше, чем то, что пригнало их сюда. Я прав, Наблюдатель?

Курт Мюллер кивнул.

– А если я не отдам тебе человека?

– Мы все равно его заберем.
– Не убьете? Обязательно нужно забрать?
– Да, – снова кивнул Мюллер.
– Зачем? Он всего лишь человек.
– Он видит сквозь Пелену...
– Это – не причина. Даже для повода это подходит мало. Убить – и все. Ты же собирался убить его возле машины. Отвечай правду – верог не терпит лжи.
– Собирался. И благодарен тебе за то, что ты меня остановил. Но теперь...
– Я не вижу причин выполнять твою просьбу.
– Мы готовы выкупить его у тебя, – крикнул Мюллер, и эхо повторило его слова. – Назови цену.

Бесцветные губы растянулись в подобии усмешки, глаза исчезли под бледными веками.
– У него вкусная кровь, – тихо прошептал Хозяин. – И я к нему привык. Я оставлю его себе. А вы можете пытаться его у меня отобрать. Попробуйте, это меня развлечет.

Ледяной ветер пронизывал насквозь, заставляя Хозяина кутаться в меховой плащ, а Влада ежиться в старой солдатской куртке, предоставленной ему Хозяином.

Мюллер был одет в кожаную безрукавку на голое тело, но ветра и холода, казалось, не замечал.

– Мне не нравится это место, – пробормотал Хозяин. – Оно порождает иллюзии у Наблюдателя и его тварей. Им кажется, что ко мне можно подобраться незаметно. Ты как посоветуешь, убить пару-тройку этих подонков или просто унижить?

Влад промолчал.

– Ты тоже не можешь выбрать. Но, с другой стороны, что бы ты ни выбрал, они все равно не уйдут. Их нужно убить всех. А потом тех, кто придет следом. И еще – до бесконечности. Либо убить тебя. Выполнить их требования я не хочу, а значит – не могу. А убить тебя... – Верог выдвинул свои когти и с удовольствием посмотрел на них. – Мне это пока не интересно.

Хозяин спрятал когти, поплотнее запахнул плащ.

– В меня сейчас целятся три стрелка. Забавно. А еще четыре зверя крадутся в обход, мимо водопада. Им кажется, что они смогут отрезать нас от замка. Полагаю, как только звери окажутся между нами и воротами, стрелки начнут стрелять. Может получится очень забавно. Как хорошо, что я отобрал тебя тогда у Наблюдателя. Я так не веселился с тех самых пор, как пришел к замку и убил его прежнего владельца.

Ветер настойчиво рвал полы плаща, прикидывал, как сподручнее будет подхватить костлявое чудовище на самом краю пропасти и швырнуть вниз, на камни. И Владу очень хотелось, чтобы у ветра это получилось. Он даже готов был помочь ветру. Пусть тот подует чуть сильнее.

Пусть только качнет Хозяина, а Влад бросится и толкнет. Или даже обхватит и вместе с ним свалится в пропасть.

Но ветру не совладать с Хозяином. И Владу – не совладать, пардон за нелепый каламбур.

– Они подкрались совсем близко, – заговорщицким тоном сообщил верог Владу. – У снайперов замечательные ружья. Пули подготовлены специально для меня. Вернее, для такого, как я. И они прекрасно знают анатомию верог. Вот ты, например, знаешь, где именно расположено мое сердце? А они знают. Три жизненно важных центра есть в моем теле, и во все три сейчас направлены ружья. Даже обычные пули такого калибра, выпущенные из таких замечательных ружей, могут причинить моему телу непоправимый вред, попав в один из центров. А сразу во все три... У обычного верог нет шансов. Снайперы слушают команды через наушники, чтобы выстрелить одновременно... Мне почти страшно. Видно, что я волнуюсь?

Влад скрипнул зубами.

– А ты боишься? Если я погибну, они тебя схватят. И я совсем не уверен, что тебе

понравится, как они будут обходиться с тобой. Ты, кстати, не знаешь, зачем ты им нужен? Точно – не знаешь? Обидно. Поступим так, – Хозяин приподнял полу плаща, вынул обнаженный меч. – Я устал его держать. Захватил его для тебя, как знак доверия, чтобы ты не остался безоружным, если я вдруг погибну. Он покрыт серебром, для маах'керу это верная смерть. Для меня – нет. Легенды врут. А оборотням серебро не дает заживлять раны. И все упирается в желание победить и твердость руки их соперника. Если бы со мной что-то случилось, ты мог бы прорваться к воротам – они открыты и пропустят тебя. А там – там бы ты решал уже самостоятельно. В замке много ходов, просто лабиринты. Если хорошо поискать, то можно найти и тот, который ведет к шоссе за горой. По прямой это не очень далеко. Возьмешь меч?

Влад молчал.

– Или его выбросить? – спросил Хозяин. – В пропасть.

Меч в руках Хозяина сверкнул, отражая утреннее солнце, замер над головой Влада.

Наверное, снайперы или тот, кто ими командовал, решили, что Хозяин хочет убить своего пленника.

Три пули ударили одновременно. Выстрелов не было слышно, в горах лучше использовать глушители, чтобы не вызвать камнепадов или лавин.

Пули прошли тело навылет, проделав две дыры в плаще спереди, и вырвав клочья плоти, вылетая из спины. Третья пуля с сочным шлепком ударила в лоб Хозяину, проделав аккуратное отверстие и разбросав по снегу окровавленные осколки черепа.

Вначале упал меч – звонко, завибрировав от удара о камни.

Потом тело Хозяина глухо ударилось о скалу.

На лице Хозяина застыло выражение брезгливого удивления.

– Стой на месте, Гетьман! – крикнул Мюллер.

Из темноты расселины беззвучно вынырнули три гигантских пса. Может быть, те самые, что гнались за Владом возле деревни.

– Не двигайся! – крикнул Мюллер.

Собаки приближались. Тридцать метров. Пятнадцать.

Влад быстро наклонился, подхватил меч и бросился навстречу псам.

Глава 11

Влад никогда не учился фехтованию. И меч в руках держал один раз и только из любопытства. Впечатление железяка произвела на него сильное, он тогда попытался представить себе, что значит фраза «легкое ранение мечом», вздрогнул и отложил холодное оружие в сторону.

«Кто же знал тогда? – подумал Влад, замахиваясь мечом на ближайшего из трех псов. – Хозяин говорил: четыре», – напомнил себе Влад, не отводя взгляда от клыков собаки. Четвертый где-то отстал.

– Брось оружие! – кричал Курт Мюллер, вроде как немецкий журналист, издавека.

Из другого мира кричал и даже на незнакомом языке – слова долетали до Влада, но падали в снег, так и не пробившись к его сознанию.

Собаки замедлили ход. Двигались осторожно, тихонько взрыкивая время от времени, словно переговариваясь. На автомат, вспомнил Гетьман, они бежали значительно увереннее. А тут...

Настороженно смотрят налитыми кровью глазами не на него, на меч в его руке. Серебро – это вам не свинец и сталь. Не соврал Хозяин, точно – не соврал. Теперь главное – не пропустить ни одну из этих тварей себе за спину.

Пусть бросаются так, в лицо. Со всеми тремя ему не сладить, а вот одного он отправит на тот свет с гарантией. Легкое ранение мечом, как же!

Оборотни остановились. Из пастей струйками текла слюна и вырывался пар от дыхания. И еще от них воняло.

Задача, в общем, стоит простая – проскочить мимо них в замок, захлопнуть за собой ворота. Тогда пусть штурмуют. Пусть.

Влад осторожно косил глаза – Хозяин лежал на спине, раскинув руки. Из-под головы медленно, очень медленно вытекала густая, темная, почти черная на фоне снега, кровь.

«Доболтался, – подумал Влад. – Для любого опасны три снайпера, но не для тебя? Нет?»

Один из псов, тот, что был справа, сделал шаг вперед.

Теперь между ним и Владом было метра четыре. Допрыгнет? Здоровенная тварь, сильная. Рискнет? Или на верную смерть никто не хочет идти? Даже оборотни...

Влад чуть пошевелил мечом, ловя на кончик лезвия солнечный свет. Смотрите, это серебро. Серебро...

– Не делай глупостей! – долетело из-за пропасти. – Мы не будем теперь тебя убивать.

Теперь – не будут, это что же изменилось? Что?

А если броситься вперед, размахивая этой посеребренной железкой, собаки отойдут? Вполне. Тот, на кого он бросится – отойдет, а два других отскочат в стороны, окружая, и тогда развязка станет делом времени. Скорого времени.

Влад сделал шаг вперед, навстречу центральному оборотню. Тот рыкнул и попятился. Остальные сделали легкое движение в противоположные стороны, как Влад и предполагал.

– Спасибо, мы рисковать не будем, – пробормотал Влад и отступил назад, к обрыву.

– Давай хотя бы поговорим! – прокричал Курт Мюллер. – Я объясню.

– Пошел ты в задницу! – не оборачиваясь, крикнул Влад в ответ. – Или подойди сюда сам, поговорим.

– Хорошо! – слишком быстро согласился журналист. – Ты только не психуй. Я прикажу им отойти, а ты подожди меня... Я приду.

– Давай-давай, – сказал Влад.

– Отойдите! – прокричал Мюллер. – Отойдите подальше!

Собаки попятились. Метр, еще метр.

– Видишь? – спросил Мюллер. – Все нормально. Я...

– Пусть они дальше отойдут! – потребовал Влад и указал мечом. – Вон к тем камням.

– Хорошо! Отойдите к камням!

Собаки отошли к камням метрах в десяти от пропасти.

– Так хорошо? – спросил Мюллер.

– Нет! Еще дальше.

– Может, вообще пропустить тебя в замок?

– Заметьте, не я это предложил! – сказал Влад.

Солнце, отражаясь от снега, неприятно резало глаза. Было холодно, и меч оттягивал руки.

– Ты же понимаешь, что мы можем просто тебя подстрелить? Понимаешь же? Если бы хотели, ты уже лежал бы рядом с Хозяином, – Мюллеру надоело уговаривать, в голосе прорывались усталость и раздражение. – А я с тобой беседую. убеждаю. Пойми, мы можем договориться.

– Обязательно, – кивнул Влад.

Во рту и горле у него пересохло, он начинал хрипеть.

– Ну послушай!

Он слишком много говорит, подумал Влад. Хотел бы сюда прийти – уже пошел бы, в обход путь не близкий, нужно пройти метров триста по осыпи, потом поднять по обледенелому склону к водопаду, потом... Минут сорок для человека, не меньше. Твари вот эти управились быстрее, на четырех лапах по скалам прыгать сподручнее. Куда как сподручнее.

Поторопиться бы ему нужно, ведь не захода солнца он дожидается. Еще и полдня не было. Или дожидается? На морозе да на ветру, да в одежке не по сезону он, Влад, долго не продержится.

Стынет кровь, вон пальцев на руках он уже почти не чувствует... Вот ведь сволочь лысая!

А других вариантов как бы и нет... Или послал он еще кого-то в обход? Тоже возможно. Сколько там этих тварей было возле деревни? Больше десятка, точно. Если они сейчас бегут сюда, то через полчаса появятся. Одновременный бросок даже обычных собак, даже бродячих, остановить невозможно, что уж говорить об этих.

Палевые шкуры, алые пасти, обведенные черной полосой – сидят совсем по-собачьи, на полусогнутых, чтобы не прикасаться задницами к холодному снегу. Совсем как обычные собаки. Только гораздо крупнее и гораздо опаснее. И не чешутся. Обычные уже по несколько раз почесались бы, это точно. А эти сидят и смотрят.

Только пар, вырывающийся из пастей, напоминает, что они живы.

– Брось меч, – снова сказал Мюллер.

Вроде как и не собирался идти сюда для личной встречи. Так что выбор придется делать.

Влад снова посмотрел в лицо мертвого Хозяина. Снова он выиграл. Хочет он, Влад, или нет, но ему придется либо пробиться через этих милых песиков в замок, либо умереть. Проверять, что его ждет в гостях у Курта Мюллера, долбаного немецкого журналиста, совершенно не хотелось.

А так – шанс, отличный от нуля, все-таки есть.

Если совсем не знаешь, что отвечать, говорил учитель географии в школе, ну не помнишь ты, как называется самый высокий водопад в мире, не молчи, называй тот, который знаешь. В действии всегда есть шанс на успех. В бездействии – шанса нет.

– Ты не хочешь это сфотографировать? – спросил Влад. – Тебе большие деньги дадут в Европе – безумный славянин против диких псов. Давай, гонорар поделим. У вас там за что больше платят – за счастливый конец с победой человека? Или зеленые накинута за торжество животного начала?

– Остановись! – теперь Мюллер сменил интонацию, не получилось с просьбой, попробовал приказ. – Мы будем стрелять.

– Я же нужен вам живым, забыл? – Влад взмахнул мечом, чтобы согреться, и сделал шаг вперед.

– Ты нужен живой... А о здоровье речи не было! Не будь дураком!

Влад чуть не шарахнулся назад, когда снег в метре от него вдруг с визгом выбросил белый фонтанчик. С мерзким звуком пуля отлетела в сторону.

– Это предупреждение!

Псы встали на лапы и двинулись навстречу Владу, расходясь в стороны.

– Насрать... – пробормотал Влад. – Пуля дура...

Еще две дуры с визгом ушли в небо справа и слева от него.

– А штык... Штык, ясное дело, молодец. Но меч куда молодецее... – Понимая, что несет чушь, Влад тем не менее не мог замолчать. – Сейчас мы будем делать шницеля по-корейски. Слышь, немец? Ты в Корее собачатину пробовал?

– Это не собаки – волки.

– Тем более...

Оборотни двигались медленно, но неумолимо. Теперь до них осталось всего пять метров. Их трудно было удержать в поле зрения всех одновременно – слишком широко они разошлись.

Двоих – получалось Третий неизбежно выпадает. Вот он и бросится первым. Максимум, что теперь можно сделать, это выбрать этого самого третьего, сосредоточившись на двух. Или, крутя головой, наблюдая за всеми, не видеть толком ни одного. И тогда прыгнет тот, кто решится.

Солнце справа. Наверное, лучше повернуться к нему спиной, чтобы не слепило. Нет?

Влад сделал шаг, поворачиваясь к солнцу лицом.

Как слепит! Недаром народ считает горный загар самым крепким, трудно смываемым. Вот и ты, товарищ капитан, загорай.

Влад прищурился. Теперь он почти не видел третьего пса... волка? Оборотня, мать его

так!

Только темное пятно на самом краю поля зрения.

Два других тоже сообразили это, двинулись вперед, замыкая внимание на себе. Один из них даже взвыл коротко.

Влад держал меч перед собой, лезвием вверх. Серебряная полоса разделяла волков. Так они были не вместе, а по одному. Один справа от меча, другой слева...

Влад остановился.

Пусть теперь они двигаются сами. Идут вперед, под удар меча. У них это очень ловко получается, им не нужно осторожно ставить ноги, нашаривая под снегом камни и стараясь не наступить на скользкое. Бесшумные лапы.

Снег не хрустнул даже тогда, когда третий, невидимый волк прыгнул на Влада сзади. Взлетел бесшумно, вытянув вперед лапы.

Влад не слышал его, не мог услышать, но не зря серебром покрывали зеркала в старину, не зря...

Меч повернулся лезвием навстречу оборотню, когда до Влада оставалось еще почти полметра. Тварь не могла остановиться, не было у нее на это ни времени, ни возможностей. Не было у нее точки опоры, и мир перевернуть она не смогла.

Меч с хрустом вошел в грудь, распарывая мышцы и взламывая ребра. Бросок зверя был настолько силен, что Влада развернуло, но меч он из рук не выпустил. Тело волка по инерции пролетело дальше, освободив клинок.

Влад быстро обернулся к живым оборотням, наставив на них острие меча.

– Кто следующий?

Кровь капала с острия, по блестящему лезвию расползались алые разводы.

– Ну?! – закричал Влад и бросился вперед.

Пуля свистнула у него над самой головой, но это было не важно, гораздо важнее было достать этих тварей. Влад вспомнил деревню, залитые кровью вязаные половики, мертвые человеческие глаза, припорошенные пылью...

Оборотни атаковали одновременно, один низко, в ноги, а второй – в горло.

Влад метнулся в сторону, ударил нижнего, понимая, что тот сейчас опаснее, что стоит он на четырех лапах, а второму еще нужно будет приземлиться и повернуться...

Ударил неуклюже, словно палкой, поперек хребта и отпрыгнул в сторону, даже не пытаясь повторить. И даже устоял, хотя камень под ногу попался скользкий и «живой».

Оборотень повернулся.

Тот, что получил удар – лежал без звука, только передние лапы подергивались, когти скребли снег, а шерсть на спине быстро превращалась из палевой в бурую.

– Два... – выдохнул Влад. – Два – один... Тварь... Слышишь? И ты там будешь. Ну, или уйдешь?

Оборотень присел на задние лапы, поднял голову и завыл.

– Страшно? – начал Влад, но когда издали, со стороны водопада донеслось завывание нескольких глоток, слова застряли у него в горле.

Бежать нельзя. Нужно отступать... До ворот тут недалеко – всего метров двадцать. Оборотень позади, между ним и обрывом, а туда он, Влад, не собирается.

Он сделал шаг назад, осторожно нащупывая ногой камни. Еще один.

Оборотень наверняка сообразил, что жертва может ускользнуть, но нападать не стал – снова завыл протяжно.

– И правильно, вой... Они ответят, и я буду знать, далеко они или нет... Давай... – Влад сделал еще три шага, на четвертом споткнулся, но снова удержался на ногах. – Немножко осталось.

Пуля ударила в нескольких сантиметрах от правой ноги.

– Дурак, что ли?! – крикнул Влад, ощущая прилив яростного веселья. – Чуть не попали, уроды. Чуть не попали! Не попали!

Они ведь целились. Мюллер перестал угрожать, а пули одна за одной выбивали вокруг

Влада фонтанчики снега и каменной крошки, но били мимо. Мимо, черт возьми!

Оборотень остался на месте, когда Влад побежал – пули, часто стуча по камням, угрожали и ему. Да и зачем было рисковать оборотню, если стрелки взяли на себя его работу?

Влад бежал, оглядываясь, делая рывки из стороны в сторону, но это уже было почти нормально – привычно. Под пулями ему доводилось бегать и дома, нарвавшись как-то на придурка, счастливого обладателя шизофрении и полуавтоматического карабина системы Симонова. Десятизарядного причем.

Рывок в сторону, наклон – удержаться на ногах, если бы еще было не так скользко... Вон, в первое патрулирование в Косово они попали на ровном месте под снайпера, так там была пыль, были камни, но ведь не было так скользко... Черт!..

Влад споткнулся, полетел вперед, выставив руку и успев сообразить, что если выронит меч, то уже не поднимет его.

Больно ударился левой рукой и коленом, но меч не выпустил. Повернулся и сел в снег, выставив оружие перед собой. Волк за ним не гнался – снайперы продолжали стрелять.

Мимо-мимо-мимо... Вот ведь придурков набрали в стрелки, да еще и психованных, так торопливо расходуют патроны, словно платят им от выстреленного.

Левую руку обожгло осколками разбитого камня, потекла кровь. Но пуля все равно прошла мимо, вон как визжит разочарованно, сука...

Влад встал на ноги. Оглянулся. Осталось совсем немного. Всего метров десять, там поворот...

Что-то прошуршало у самого лица, почти коснулось щеки, и впереди с визгом взметнулись фонтанчики снега.

Влад отступил в сторону, уходя подальше от линии прицеливания; оборотень завыл, и ему снова ответили, на этот раз значительно ближе.

Бежать.

Влад побежал.

Холодный воздух обжигал легкие, застревал в горле.

Три шага до поворота, два...

Их все-таки было четверо, Хозяин не ошибся. Один остался перед воротами, на случай чуда. Если вдруг Владу удастся проскочить мимо троих. Чудо невероятное, возможное на миллион или даже на миллиард случаев... Вот как сейчас.

Влад не был готов к этому, он совершенно забыл, он только что обманул смерть, оказался удачливее оборотней и быстрее пуль, и удар в грудь оказался для него неожиданностью.

Тяжелый удар. Здоровенный оборотень в прыжке. Влада отбросило на спину, опрокинуло. Он чудом не ударился головой, приложился спиной, потерял дыхание и выронил меч.

«Вот и все, – мелькнуло в голове. – Вот и все».

Оборотень не вцепился в горло, просто ударил передними лапами, поэтому, когда Влад упал, оборотня протащило дальше, за человека. Но это ерунда. Ему нужны только доли секунды, чтобы вернуться...

Влад перекатился, пытаясь уклониться, избежать удара клыков...

Странное это было зрелище – оборотень, застывший в прыжке. Весь мир замер, прозрачный горный воздух превратился в кусок хрусталя: холодной рукой не лез под куртку Владу, а оборотень висел в воздухе, вытянув передние лапы, оскалив клыки и подставив под удар брюхо.

Вот теперь воздух стал вязким и обжигающим, нужно было прилагать усилия, чтобы двигаться, словно ветер громадной силы дул навстречу, давил, пытался сковывать движения. Влад, не сводя с оборотня взгляда, дотянулся до меча, схватил его, поднял, повернув окровавленное лезвие, а оборотень все еще висел в воздухе, лишь совсем немного сократив дистанцию до человека. Совсем чуть-чуть.

Влад встал на ноги, двигаясь неуверенно, словно во сне. Как в ночном кошмаре, когда все вокруг вроде бы обычное, знакомое, но вдруг что-то происходит, правила меняются, и все остается по-прежнему, почти все... Он не может сделать ни шагу, хотя все остальные продолжают двигаться свободно, особенно то чудовище, что преследовало его с самого начала сна. Или все вокруг живет обычной жизнью, а он, Влад, не может до них докричаться, не может даже прикоснуться к ним – рука проходит сквозь людей, как сквозь призраки...

Влад ткнул мечом оборотню в живот, там, где ребра заканчивались и начиналось мягкое подбрюшье, покрытое короткой светлой шерстью.

Меч вошел легко, без сопротивления. Влад повернул рукоять, ступил в сторону, словно собирался потрошить зверя. Выдернул клинок.

Оборотень закончил прыжок, за мгновение преодолел оставшееся расстояние, только там уже не было человека, да и жизни в оборотне уже не было.

Внутренности оборотня вывалились в снег. От них шел пар.

Влада внезапно вырвало, согнуло судорогой, бросило на колени. Он даже не вспомнил о том, что снайперы все еще его видят, что оборотень, последний из четырех, все еще жив и может броситься в любой момент, что другие звери уже наверняка приближаются, что им остались досюда считанные метры, – все это вылетело из головы.

Только боль в желудке, горечь и мерзкий вкус во рту.

Спазм еще раз вывернул желудок. Сплюнув, Влад попытался встать, нога поехала в сторону, и он оперся на меч. Встал.

Снова – тишина.

Бред, кошмарный сон все еще продолжался: из-за поворота, от замка к нему приближались волки – десяток волков, трое из них светлые, палевые, остальные – серые. Приближались, именно приближались, сантиметр за сантиметром, зависая в воздухе во время прыжка, издавая медленные, тягучие звуки.

Влад оглянулся – еще один оборотень был почти рядом, начинал прыжок, поднявшись на задние лапы. Тот, четвертый, один из тех, что так уверенно рассматривали его всего пару минут назад, ожидая команды, чтобы вцепиться и повалить. Или даже разорвать, если такой приказ поступит.

Еще недавно его хотели взять живым.

«Теперь все изменилось?» – хотел спросить Влад, но смог только захрипеть.

«Переменилось, – подумал он. – И никто не заслуживает пощады. Никто. Не заслуживает. Пощады. Они – не люди».

Влад шагнул вперед, прицелился и ударил оборотня по горлу, снизу вверх. Выдернул меч и ударил сверху, по шее.

Повернулся к остальным зверям.

Их оказалось девять. И все они умерли, медленно и беззвучно заполняя воздух кровавыми шариками брызг, развешивая свою кровь в воздухе, словно иллюминацию.

Все девять.

– Ты видел? – прохрипел Влад, подойдя к краю пропасти. – Ты стоишь выше меня... Тебе хорошо должно быть видно...

Мюллер молчал.

– А что снайпера? – спросил Влад. – Патроны кончились?

Ладонь противно липла к рукояти. Влад бросил меч и набрал снега. Тщательно вытер руки от крови. Стряхнул красные, кровавистые капли воды.

– Ты же хотел сам прийти сюда, – сказал Влад. – Что же ты мешкаешь?

Мюллер молчал.

– Меняй снайперов, знаешь ли. С такими кадрами долго не проживешь. А кадры, знаешь ли, кадры решают все... – Влад даже попытался засмеяться, но дыхание так толком и не вернулось, получился только сухой надсадный кашель.

– И с этим нельзя не согласиться, – прозвучал за спиной знакомый kloчочущий голос. – Если хочешь что-то сделать хорошо – сделай это сам. Или поручи человеку.

Клокотание, долгое, мерзкое.

Хозяину весело.

Влад медленно обернулся, посмотрел.

Дырки на плаще были. Дырки во лбу – не было. Темное пятнышко засохшей крови.

– Я же говорил... – снова проклокотал Хозяин. – Меня трудно убить. Слышишь, Наблюдатель? Здесь источник, ты же знаешь это. Убить меня возле моего источника? Это не для твоих амулетов и не для маах'керу. Пусть их соберется хоть тысяча. Я не зря прожил так долго... Не зря... Никто не дотянется досюда, даже если бы маги в Белграде сошли с ума и попытались это сделать всей толпой. Я бы это заметил. А ты – ты пустышка. Твои амулеты и заклинания – чушь. И я не расплескал тебя по этим скалам только ради развлечения. Ты помогаешь мне бороться со скукой. Ты и вот этот человек. И еще, скажи Часовщикам... Тем, что делали для тебя пули и дорабатывали оружие. Скажи, что они почти справились. Почти. И этого «почти» им не преодолеть никогда. При общих талантах Часовщиков и их личных талантах. Чтобы поощрить их, скажи, что мне было немного больно.

Хозяин положил руку на плечо Владу, а тот слишком устал, чтобы сразу сбросить ее.

– Старший лейтенант молодец, правда? Не стушевался, не струсил... Даже брезгливость не проявил, использовал момент полностью. Как он потрошил маах'керу. Ведь мог просто истребить. Или даже пройти мимо них в замок, закрыть за собой ворота, так ведь нет, убил. Я всегда знал, что он может. А вот он себя знает плохо...

Кровь из прокушенной губы потекла у Влада по подбородку.

Хозяин собрал ее на палец, лизнул:

– Осторожнее, Влад! Не расхочуй свое самое ценное. И не нужно кусать себе губы. Возьми меч, сразись со мной...

Влад посмотрел на меч, лежащий под ногами.

– Смелее, – подбодрил его Хозяин и подцепил когтем еще одну каплю крови Влада. – Тебе, Наблюдатель, я не предлагаю. Тебе это не понять.

– Я вернусь сегодня, – сказал Курт Мюллер.

– Что ты говоришь? – проклокотал Хозяин. – Тебя приглашали?

– Я приду к спрятанному выходу из твоего замка, к тому, что у самой долины, – ровным голосом сказал Курт Мюллер.

– И что?

– Через три часа, – сказал Курт Мюллер.

– Сегодня столько развлечений! Я жонглировал пулями, почти управлял временем, нарушал законы природы и морали... Хотя законы морали я еще не нарушал, только собирался. Ладно, подожду три часа. Только постарайся, чтобы это не было банально и пошло. Хорошо? Иначе я могу обидеться...

Курт Мюллер ушел, скрылся за скалой.

– Тебе понравилось? – тихо, словно по секрету, спросил Хозяин у Влада. – Это была потрясающая иллюзия... Я тебе скажу по секрету – временем я управлять не умею, нет. Да и зачем? Маах'керу видели очень быстрого, невероятно быстрого человека с мечом в руках, снайперы целились уверенно, но глаза... Глаза могут врать, вот как врал тебе. Снайперам их глаза говорили, что ружья направлены точно, а твои тебе говорили, что оборотни завязли в воздухе и времени... Слух и осязание – тут мне еще нужно будет поработать, физика, проклятая физика, ты ведь чувствовал, как воздух мешал твоим движениям? Твоим стремительным, неуловимым для обычного зрения движениям. И еще один секрет – долго ты бы так не продержался. Ты бы сгорел, съел бы себя изнутри. На сколько у тебя хватило бы силы вот так быстро двигаться и сражаться? На час? Меньше. Ты вот даже сейчас еще задыхаешься... Руки тяжелы, ноги заплетаются, а ведь прошло всего несколько мгновений, да и я подталкивал тебя лишь время от времени... Но ты держался молодцом. Тебе нужно тренироваться, следующий раз я немного прибавлю скорости твоим противникам. Потом еще. И еще. Ты научишься сражаться почти на равных с оборотнями и джинна, сможешь рвать в клочья Наблюдателей и дейвона... Победишь любого сатра... Или подохнешь. Кстати,

чуть не забыл... У тебя еще осталась работа.

Один оборотень, тот, которому Влад сломал спину, был еще жив. Он даже полз к Владу, оставляя за собой широкий след в снегу.

– Победа еще не полная... – Хозяин наклонился, поднял меч и протянул его Владу.

Влад оружия не взял.

– Ты хочешь убить его руками? – бледно улыбнулся Хозяин. – Или перегрызть ему горло? Это было бы оригинально – загрызть оборотня. Только не советую – шерсть во рту, между зубами, противный привкус псины. Поверь, кровь оборотня – не самый лакомый напиток. Возьми меч и закончи работу.

– Нет, – прошептал Влад.

– Он же страдает. Он будет умирать здесь долго. А если я захочу, то очень долго. Ты же видел, как я могу консервировать тела. Тебя нужно было разогреть и подтолкнуть. А остальных... Я мог всех просто убить, даже снайперов и Наблюдателя, но... так получилось смешнее, правда?

Влад снова не ответил.

– Возьми меч, – чуть повысил голос Хозяин. – Сделай хоть что-то сам, без помощи и подсказки. Он не остановится, он будет ползти. Посмотри ему в глаза, пойми, что он сейчас думает. Ощущает.

Влад заглянул в глаза оборотню. Увидел в них свое отражение. Запрокинул голову, посмотрел в небо, словно хотел увидеть и там свое отражение, понять, как все это выглядит сверху.

Острые камни, залитые кровью. Издыхающий волк, тянущийся к нему окровавленной пастью. Кровь волчья, он захлебывается собственной кровью, он уже должен был умереть, но злость – его злость, удерживает его на этой стороне. Он все еще надеется дотянуться до человека. До человека, посмеявшегося победить. Посмеявшегося не умереть в этом ущелье. Посмеявшегося убить нескольких маах'керу... Подло. Нечестно. Неправильно...

Оборотень захрипел, напрягаясь, посеребренное лезвие вошло в напряженное волчье горло... пробило мозг.

Умирая, они становились похожи на людей.

* * *

Влад зажмурился, пытаясь отогнать воспоминания. Он перестает себя контролировать – это плохо. Это очень плохо. Еще немного... нужно просто успокоиться. Встать, пойти на кухню и приготовить себе кофе. Или просто расслабиться, впустить в мозг пустоту и тишину. Слушать тишину и упиваться пустотой. Расслабиться...

Влад слишком поздно сообразил, что уже даже не балансирует на грани забытья, что шагнул за порог, рухнул вниз, в бездну, и весь мир заскользил мимо него, вверх, все быстрее и быстрее. И ничего уже не зависело от него, Влада, и его желаний. Вниз-вниз-вниз...

* * *

У Приблуды очень болели руки. Правую, прокушенную характерником, ему завязали тряпкой, левую, поврежденную в схватке со змеем, оставили так. Кровь не течет и ладно. Пока его везли к крепости, привязав к седлу, Приблуда дважды терял сознание.

Мир вокруг него колебался, камни становились полупрозрачными, каменная баба на холме взмахнула вдруг рукой и улыбнулась уродливым, иссеченным ветром и дождями лицом.

Очень хотелось пить, но Приблуда не стал просить, только облизывал пересохшие губы. Он ничего не будет просить у них, ни воды, ни пощады. Он умрет молча.

Однажды отец порол его за какой-то проступок, Приблуда даже и не запомнил, за что именно. Но запомнил, что пока молчал, боль можно было терпеть, а когда всхлипнул, не выдержав, и заплакал – боль стала невыносимой, многократно умноженной жалостью к себе.

После этого Приблуда, когда становилось больно, молчал. И чем больнее ему было, тем крепче стискивал он зубы.

Чугайстр оказался прав, крепость была неподалеку. Только Приблуда представлял себе

ее иначе. Пусть, не деревянную, такую, как на Сечи, с тыном и башнями, и со стенами, рвом, пушками на валу.

Не было ничего этого.

На вершине холма была башня в четыре этажа. Зубцы на самой вершине. И все.

Когда подъехали ближе, Приблуда увидел, что подножие холма изъедено пещерами, уходящими куда-то под холм, в глубину. Некоторые были громадные, такие, что всадник мог проехать, даже не согнувшись, а другие – крохотные, чуть не в половину человеческого роста.

На башне кто-то стоял, наверное, дозорные.

Перед холмом было пусто. Только конские следы и коновязь.

Волк первым прыгнул с коня. Характерник уже оделся, забрал свою одежду из тороков у Качуры. Но коня себе Волк взял Черепня, добрый был конь, один из лучших в коше.

Голову Черепня, как и голову Качуры, привезли в кожаном мешке.

Когда Волк проходил мимо Приблуды, тот плюнул. Волк медленно вытер рукавом лицо и усмехнулся криво.

Раздалась команда, татары спешили, стали привязывать коней и снимать своих раненных и убитых с седел. Одного покойника, обнаженного, сняли с особой осторожностью, положили на расстеленную попону и отошли в сторону, словно дожидаясь кого.

Этого покойника Приблуда знал. Это он был змеем, его победил Приблуда в честном бою. Этим можно было гордиться, до сегодня Приблуда не слышал, чтобы кто-то из козаков... не только из козаков – из шляхты, из литовцев или московитов, – чтобы хоть кто-нибудь сражался и победил такого перевертня.

Может, кто песню сложит... Если бы Синица уцелел, тот смог бы. Песенник был, балагур. Очень стыдно было Приблуде за то, что и его он посчитал предателем, ведь если бы не характерник, то убил бы змей Приблуду. Убил бы.

А и убил бы, все лучше было бы. Качура в плен не хотел, и Черепень не хотел, а ведь смелые козаки, бывалые.

Голоса татар стихли, из пещеры появился человек. Приблуде так сначала и показалось – человек. Присмотревшись, увидел, что это чужак-джинна – высокий, крепкий, с бритой головой и огненными глазами.

Волк выступил вперед и опустился на колени.

– Что тебе нужно, маах'керу? – спросил джинна, и характерник еще ниже наклонил голову.

– Жить хочу, – сказал Волк, не поднимая лица. – Служить Степному Орлу хочу.

– Какой дар ты принес Степному Орлу, чтобы получить такую награду? – спросил джинна.

– Я привел вам Зрячего, – сказал Волк и указал, не глядя, на Приблуду.

– Он видит? – удивился джинна, прошел мимо Волка и подошел к Приблуде.

Тот собрался плюнуть, но спохватился – огненноглазый тут не главный. Не подвиг плюнуть ему в лицо и умереть. Может, бог сподобит и Орла этого Степного встретить. Лицом к лицу.

– Он молод, – сказал джинна.

– Он убил вашего оборотня, – глухо произнес Волк, все так же не поднимая головы. – Один на один.

– Вот как? – удивился джинна. – А моего брата не он убил?

– Твоего брата убил я, – почти прошептал Волк.

Кто-то из татар выкрикнул яростно какое-то ругательство, кто-то схватился за оружие.

– В честной схватке? – спросил джинна.

– Один на один.

– Брешет он... – выкрикнул Приблуда. – Они...

– Правду сказал, – легко перекрыл голос Приблуды рык Чугайстра. – Один на один. Если бы не он, всех бы твой брат положил.

Джинна улыбнулся.

– Я не стану сейчас выяснять, кто из вас лжет и зачем. Потом. Время и пытка покажут. Отведите их в зал, – джинна указал на Приблуду, Волка и, подумав, на Чугайстра. – Старика свяжите.

Огненноглазый чужак поднял руку, положил ладонь на затылок Приблуде и наклонил к себе. Приблуда попытался сопротивляться, но не смог, согнулся легко, как тростинка.

– Ты удачлив, раз до сих пор жив, Зрячий. Не думал я, что Змей может проиграть. Но если на то будет воля Степного Орла, я буду твоим следующим соперником.

– Подохнешь ты, – выдохнул Приблуда. – Я...

Джинна захохотал, что-то сказал громко по-татарски, стоявшие вокруг татары засмеялись.

– Если ты удачлив, доживешь до вечерней зари. Если нет – тогда проживешь значительно дольше. В зал их, – сказал джинна, уходя.

Приблуда потерял сознание, когда его стали стаскивать с коня. Кто-то, развязывая волосяную веревку, дернул его за руку, Приблуда вскрикнул и запрокинулся, падая с седла. Его подхватили, но Приблуда не видел этого. И того, как несли его в зал, он тоже не видел. Пришел в себя оттого, что вылили ему на голову ведро воды.

В кресле на возвышении сидел человек. Как ни всматривался в него Приблуда, ничего другого рассмотреть не мог. Крепкий, высокий человек, с гордым взглядом и надменной улыбкой.

Джинна стояли справа и слева от кресла.

Слуга, выливший на Приблуду воду, вышел.

– Встань, – приказал человек.

Приблуда встал. Его не связали, он и так не мог поднять рук.

«Не доплюнуть», – подумал Приблуда, смерив взглядом расстояние до кресла.

Волк стоял справа от него, чуть в стороне и ближе к креслу.

Чугайстр стоял напротив Волка, а Приблуда оказался точно посередине между ними.

– Он и вправду Зрячий? – спросил человек в кресле.

– Вправду, – голос Волка был безжизненным и глухим.

– Большая редкость, если правда, – чуть улыбнулся человек в кресле. – Если ты не врешь.

– Я не вру. Проверьте.

– Кто из стоящих возле меня джинна? – спросил хозяин крепости, глядя на Приблуду.

Приблуда молчал.

– Он не только не Зрячий, – усмехнулся человек в кресле, – он еще и глухой. Или немой.

– Отвечай, сынку, – пророкотал Чугайстр. – Правду говори, все одно вымучают.

Приблуда проглотил слюну, глянул в окровавленное лицо старого козака и отвернулся.

– Тебе дали хороший совет, воспользуйся им. – Не похож был сидящий в кресле на нехристя, но что-то чуждое звучало в его речи, словно на чужом языке он разговаривал.

– Оба они джинна, – заставил себя вымолвить Приблуда. – А ты – человек, извини, не знаю твоего имени.

– Меня называют Степным Орлом.

– Но ты не перевертень, пан Степной Орел. И не татарин ты. Но и не из наших мест.

– Ты не дурак, Зрячий. – Степной Орел откинулся на атласные подушки, а джинна, стоявшие рядом, улыбнулись презрительно. – Зачем же ты сюда приехал?

– Отец прислали... – сказал Приблуда. – Дали сабельку серебряную, пуль из серебра также и благословили с нечистью биться.

– С нечистью? – переспросил Степной Орел. – С нечистью... И что? Бился? Сколько вас было?

Только хотел Приблуда послать гостеприимного хозяина куда годится, как перебил его Чугайстр.

– Чертова дюжина нас была, – сказал козак. – Атаманом пошел Черепень. И мы, Задуйсвичка, Стриж, Мороз, Качура, Звыняйбатько... Добрые козаки были, только не дошли. Те возле балки погибли, а Черепень с Качурой, да Сеница, упокой, господи, его душу, совсем чуток не дошли.

– А зачем? – спросил Степной Орел. – Зачем вы сюда шли? В разведку? Не знали вы, где моя крепость? Или знали?

– Слышали мы о ней. Знали о новой напасти на наши души, – вскинул голову Чугайстр. – О том, что перекрыл степь беззаконный колдун невиданной силы, что даже чумаков убивает, письма к хану перехватывает, мучает христиан нещадно – слышали. Только не вернулся никто из тех, что пошли к крепости, сгинули, как не бывало. И с берегами, и характерники самые опытные, никто не вернулся.

Пока Чугайстр говорил, на лице Степного Орла расплывалась довольная улыбка, словно похвалу пел ему старый козак, лил на раны бальзам.

– И что же вы? Почему сейчас?

– А вы Лихолета перехватили, – сказал Волк. – Колдуна нашего. С ним еще несколько... Женщин, козаков... Стриж за невестой своей шел... Да не добрался.

– Так они шпионить шли! – воскликнул Степной Орел и ударил ладонями по подлокотникам. – А ведь молчали, слова не говорили. Старик так и подох, молча... А я не мог понять, отчего маг оказался так далеко от своего источника.

У Приблуды кружилась голова, не понимал он чего-то во всем происходящем. Чугайстр, злой и ядовитый Чугайстр, отвечает на вопросы врага, характерник, верность которых Сечи в легенды вошла, предал и переметнулся на сторону врага.

Что-то клокотало в груди парня, жгло немилосердно, словно пламя хотело вырваться наружу и спалить все вокруг, раз уж не получилось у самого Приблуды ни победить, ни выжить.

– А зачем Зрячего привели? – спросил Степной Орел.

– Приблуду? – Волк глянул быстро на парня и усмехнулся криво. – Его сам Лихолет нашел в младенчестве... Из похода привезли, откуда-то из Литвы. Рассказывал, семья отдавать его не хотела, мать голосила, отец за саблю схватился... Только Охрим быстрее оказался. Он всегда с Лихолетом рядом был.

– Бреешь! – выдохнул Приблуда.

– Собаки брежут, – опять-таки с усмешкой ответил характерник, – а я – Волк.

– Бреешь-бреешь! – закричал Приблуда, бросился к Волку, но замер, застрял в воздухе, пропитанном странными пьянящими запахами.

– Пусть он говорит, – ласково произнес колдун. – Он же тебе не мешал. Еще раз попытаешься – тебе будет очень больно. Очень...

– Терпи, сынку, – тихо сказал Чугайстр. – Пусть говорит. За все расплатится.

– Расплачусь! – сказал Волк. – Конечно, расплачусь. За ласку вашу, за прием, за то, что сватов моих погнал сотник со двора, чтобы со зверем на родниться... За смех девичий обидный, когда на танец звал, за причастие, в котором мне ваш поп отказал. Не человек я, сам знаю... В бога верую, водку пью, а не человек!

Начав тихо, Волк сорвался в крик, упал на четвереньки, лицо его стало удлиняться, покрылось шерстью, вой вырвался из груди характерника, превратился в рычание, потом в стон. Человеческий.

Взял себя в руки Волк, остановил превращение.

– Умереть за общество они мне позволяли, а стать таким, как они, – нет. Сенице было проще, он был орлом. Летал, ему наплевать было на тех, кто копошился в грязи. Насрать, – засмеялся было Волк, но рыдание вырвалось у него из груди. – Я не хочу за них умирать. И к хану тоже не хочу. Если служить, то магу... Сильному магу.

Мир раскачивался вокруг Приблуды, солнце меркло, окрашивались его лучи в красный,

синий, а то и в черный цвет. Стены зала становились прозрачными, будто из льда, видно было, как какие-то тени скользят за стенами, под полом, за потолком.

Люди копошились в пещерах, бегали по коридорам, кто-то кричал, и голос его слышал Приблуда... и не слышал... Солнечный свет лился сверху, с полуденного неба, проникая сквозь толщу земли, мешанину камней и глины, до самого основания крепости и глубже, в темноту, откуда поднималось навстречу почерневшим солнечным лучам ярко-желтое сияние, пронзительное, ядовитое и чужое.

Приблуда зажмурился и застонал.

– Но зачем вы его взяли с собой? – повторил свой вопрос Степной Орел. – Если сам Лихолет не смог справиться, а он сильный маг был.

– Лихолет не знал, есть ли тут источник, – проговорил Волк, а Чугайстр сплюнул на пол, прямо на яркий ковер. – Отправился и не вернулся. Говорил, если источник есть, то он попытается его перехватить у колдуна... У вас, господин.

– А он был дурак, хоть и маг, – снова засмеялся Степной Орел. – Перехватить источник у мага? В его присутствии, в двух неделях пути даже от ближайшего источника?.. О расстоянии до вашего источника в Сечи я уже и не говорю. Он безумец. К старости совсем из ума выжил...

– Он уже делал такое, – сказал Волк тихо.

– Замолкни! – выкрикнул Чугайстр, не сдержавшись.

– И ты перепугался? – оскалил зубы Волк. – Тайну войска запорожского выдать боишься? Не бойся, я ее знаю, и мой хозяин узнает. Делал Лихолет такое, перехватывал источник. В Литве...

Приблуда скрипнул зубами, услышав это слово. Он из Литвы? Его похитили, убили его родителей... и кто? Старый Охрим? Охрим, который не делал разницы между родными сыновьями и Приблудой... И отправил его на смерть. Его, а не родных сыновей.

– В Литве, в германских землях, во Франции, в Турции, – перечислял Волк. – Ты думаешь, почему нанимают войско запорожское за большие деньги, почему называют лучшими пешими воинами христианского мира? Вот за это и называют. Вот за это и платят. Иначе как бы замки, на источниках построенные, взять можно было? Как? Ты же сам сказал, что никто при живом маге или нескольких магах, присосавшихся к источнику, не сможет его перехватить. Сказал ведь?

– Да, – задумчиво протянул Степной Орел. – Сказал. И задумывался над этой загадкой – как падают неприступные замки и крепости... А это, оказывается, старик Лихолет... Жаль... Жаль, что он умер, так и не успев ничего рассказать. Но для чего Зрячий?

– Колдун сказал, что он сможет увидеть источник. Чтoб мы знали наверняка, чтобы в следующий раз смогли явиться сюда и уничтожить крепость и пришлого колдуна, – ровно, как нечто простое и естественное произнес Волк.

– Будь ты проклят! – прорычал Чугайстр.

– Будьте вы все прокляты, – простонал Приблуда.

– Я уже проклят, – засмеялся Волк. – Есть люди, способные распознать Зрячего еще в детстве, выбрать его...

– Ты сможешь найти такого знатока? – спросил Степной Орел.

– Смогу. И есть люди, которые знают, как подготовить ребенка, привести его на самый край, а потом подтолкнуть, чтобы прозрел.

– Ты знаешь и этих? – спросил Степной Орел.

– Один был среди нас... И других я знаю, смогу найти... – Голос Волка стал тише, слова зазвучали вкрадчиво и мягко. – Но мне нужна награда.

– Что ты хочешь? – В голосе мага слышались пренебрежение и безразличность.

– Сечь, – выплюнул Волк. – Мне нужна Сечь, я хочу спалить ее, засеять солью, сложить гору из чубатых голов.

– Ты получишь Сечь. Если мы сможем перехватить тамошний источник. Сможем?

– Сможем, господин! Сможем. Чугайстр знает секрет прозрения. Чугайстр!

– Будь ты проклят, – сказал Чугайстр. – Трижды проклят. Сто раз проклят, Иуда. Сто по сто раз... Чтобы гореть тебе в огне вечном, негасимом, чтобы плакал ты огненными слезами, а они прожигали глаза твои и плоть твою насквозь, чтобы...

Степной Орел поднял руку, и Чугайстр замолчал, подавился своими проклятиями.

– Не всякий Зрячий может увидеть источник.

– Их выбирают. С детства. Если опоздать – ничего не получится. Шкура нарастет, страх уйдет. Через страх человек становится Зрячим настолько, чтобы увидеть желтый свет источника. Через страдания. С малолетства нужно готовить... Я знаю, я слышал, я видел.

Что-то клокотало в груди Чугайстра, но ничего не мог вымолвить старый козак.

– Значит, вы должны были проверить, есть ли в крепости источник, понять, где он... И что?

– Не знаю. Проверить и уйти. На Сечи рассказать, а там характерники и колдуны решат, что делать.

– Близко нужно подойти к источнику? – спросил Степной Орел. – Как близко?

– Не знаю. Рассказывали, Лихолет проникал в замок, в самую середину. И тогда...

– Что же он не успел? Не захватил мой источник? Ведь мог же, мог! Или нет?

– Не знаю... Может, не навсегда он его может перехватить. Только на время. Он перехватывает, а стоящее рядом войско нападает в это время, убивает мага... Не знаю... Но я могу узнать. Я вернусь на Сечь, захвачу врасплох... Притащу к тебе того, кто знает. Ты ведь сможешь выпытать правду?

– Смогу. – Степной Орел засмеялся, повернулся к Приблуде. – Ты достаточно настрадался, чтобы увидеть источник?

Желтое пламя под крепостью разгоралось, ярко-желтый столб вздымался из глубин и тянулся вверх, к самой верхней площадке башни.

– Ты мне не ответил, – лицо мага стало безжизненным, будто маска, глаза утонули в темноте, кожа побелела. – Мне отвечают, когда я спрашиваю. Отвечают!

Голос мага заполнил зал, навалился на плечи, сдавил горло. Приблуда застонал.

– Где источник? – спросил маг.

– Внизу, под крепостью, – сказал Приблуда, не в силах противиться. – И до самой башни.

– Это правда, – удовлетворенно кивнул маг. – Мне повезло разыскать источник такой силы, и без хозяина. Повезло. Ну что ж, я дарю вам свое гостеприимство. Вы заговорите, я это знаю твердо. Заговорите...

Маг поднялся с подушек, спустился по ступеням с возвышения и подошел к Приблуде.

– Мне тебя даже жаль, – сказал Степной Орел. – Тебя обманывали. Тебя предали. Тебя продали. А ведь все могло быть иначе. У тебя редкий дар, ты мог бы многого достичь. Немаг, способный видеть Источники – это просто находка. Ты можешь находить то, чем не сможешь воспользоваться. Тебе можно доверять без опаски... Подумай, я не предлагаю тебе дружбу и братство, но готов дать защиту в обмен на верную службу...

И тут это случилось – Волк прыгнул. Уже в воздухе, в прыжке, человеческое тело его превратилось в звериное, громоподобный рык потряс весь зал. Волк почти достал мага.

Почти.

Степной Орел чуть приподнял брови – и Волк беспомощно рухнул на пол. Один из двух джинна шагнул вперед, поднял руку, и огонь обрушился на характерника, охватил его со всех сторон, впился в тело, испепелил волосы.

Характерник закричал, и голос его был похож на крик Мороза, умирающего в степи.

– Вот так я наказываю за ложь, – тихо, на самое ухо прошептал Степной Орел Приблуде. – Нельзя верить оборотню, изменившему другу. Оборотень не может предать. Он может попытаться обмануть, но предать...

Обгоревший Волк был все еще жив.

– Ему не повезло, он – маах'керу. Его не так просто убить, – маг толкнул все еще дымящееся тело ногой. – Ты полагал, что я поверю? Думал, что я не смогу распознать правду

и заметить ловушку? Пойдемте, я кое-что вам покажу, всем, – маг пошел к двери, прикрытой занавеской.

Джинна, что спалил Волка, тяжело сел на ступеньки. Он дышал с трудом, будто лишился всех сил. Второй подтолкнул Приблуду вслед за Степным Орлом.

Тело Волка огненноглазый подхватил походя, словно не весил тот ничего. А связанный Чугайстр пошел сам.

Они поднимались долго, белая лестница из песчаника казалась бесконечной, словно гора, сквозь которую была лестница проложена, доставала до самого неба.

Наконец они вышли в башню, сквозь узкие бойницы было видно небо и выжженную до белизны степь.

Они прошли через четыре этажа башни и поднялись на смотровую площадку.

Дозорные, стоявшие там, торопливо спустились, закрыв за собой крышку. Тело Волка упало на каменный пол. Чугайстр, задыхаясь, прислонился плечом к каменному зубцу.

– Отсюда так интересно смотреть по сторонам, – сказал маг. – Я мог бы подняться сюда и по-другому, но решил прогуляться. Смотри.

Маг протянул руку, указывая куда-то между зубцами. Приблуда подошел и посмотрел.

Степь, бугристая, похожая на спину древнего беспощадного зверя, покрытую жесткой щетиной.

– Вот, смотри, – маг провел рукой перед собой, словно протирал окно.

И все стало крупнее, стало ярким и выпуклым – степь, и кони, и козаки. Пыли над ними не было, словно кто-то не давал ей подняться вверх.

Характерники, понял Приблуда. Они могут такое. Они и под водой могут провести козак, если нужно.

– Я уже два дня вас жду, – проговорил Степной Орел. – Два дня высматриваю. Я ведь не солгал, я умею заставлять людей говорить. И не только людей. Ваш колдун, Лихолет, ведь не просто так убил моих людей, он убил их и хотел убить одного из пленных, который решил заговорить. Но не успел – я был рядом. И пленный мне рассказал о вашей хитрости, о договоре с крымским ханом, судьбой которого я займусь потом. Я вам мешал. Всем вам. Я хотел этого. Отсюда я смогу... Я много чего смогу...

Маг снова провел рукой в воздухе, и козаки, едущие по степи, приблизились, будто смотрел сейчас на них Приблуда в самую сильную подзорную трубу, гораздо сильнее, чем та, что видел он у одного полковника.

Лица козак были покрыты пылью, одежда, оружие тоже запорошены. На лицах – пот.

– Ты не знал, что они идут следом? – спросил Степной Орел. – Вы были наживкой. Вы были червяком на крючке, только я не рыба.

Маг засмеялся.

– Столько жертв, столько боли – и все напрасно. Он врал, – маг указал пальцем, униженным перстнями, на стонущего от боли Волка.

Солнечные зайчики от перстней весело прыгнули по камням.

– Тебя привели, как доказательство, чтобы я поверил. Но ты ведь действительно видишь источник.

Желтое пламя гудело вокруг Приблуды, вибрировало внутри него.

– Прости, сынок, – прошептал Чугайстр сзади.

– Он не из Литвы, ведь верно? – спросил Степной Орел. – Вы забираете детей из семей и отдаете их в чужие руки только для того, чтобы никто не мог пресечь передачи по наследству этого умения, уничтожить людей, способных прозреть и даже видеть источник. Напрасно вы все мне это сказали. Теперь я знаю, что искать. Я знаю, где искать.

Козак было пять сотен.

Приблуда узнавал их. Кажется, мелькнуло лицо Звыняйбатька. И старый Охрим тоже пошел в поход? Это он с сыновьями?

Комок подступил к горлу Приблуды. Его семья... Где его семья? Почему его лишили матери и отца, лишили родного дома, сделали Приблудой? Тем, кто приблудился, не

родным, тем, кто никогда не станет родным...

Приблуда застонал, отворачиваясь.

– Смотри, – приказал Степной Орел. – Они уже почти подошли. Они думают, что их колдуны их скрыли? Я в своей крепости и возле источника. И нет силы, способной это изменить. Каждый, в ком я почувствую силу, – умрет первым. Еще немного, смотри...

Чугайстр бросился на мага.

Связанный, окровавленный, он попытался толкнуть мага вперед, сквозь зубцы, но джинна успел раньше. Узкий изогнутый клинок полыхнул в его руке, и Чугайстр упал. Нога его отлетела прочь, кровь потекла по камням.

Джинна наклонился к кричащему от боли старику, в ладони его загорелся огонь. Кровь на культе вскипела и, чернея, запеклась.

– Ты еще не умрешь, – сказал маг. – Не сейчас.

Степной Орел протянул руку, словно хотел дотронуться до козаков... Они были рядом, совсем рядом, до них можно было дотронуться...

Маг полоснул ребром ладони, словно кинжалом.

Молодой козак, что-то говоривший своему товарищу, дернулся, прижал руки к горлу и мешком повалился с коня.

– Вот так, – сказал маг. – Жарко, безжалостное солнце. Он умер. Бывает. А вот этим...

Маг сжал кулак и ударил перед собой – четверо козаков разлетелись прочь, словно шарахнула в них невидимая каменная глыба.

– И еще!

Полыхнул огонь прямо посреди замерших от неожиданности козаков, разом вспыхнула одежда, волосы, плоть...

Приблуде показалось, что он слышит крики сгорающих заживо. Один, два, десяток живых факелов бежали по степи, сталкивались и падали, догорая неподвижно. Черные дымы потянулись к небу, встали надгробьями над сгоревшими.

Приблуда зажмурился, почувствовал, как силы оставляют его, как тело его превращается в сосуд, наполненный отчаянием и страхом, гневом и яростью.

Броситься на мага, пусть не слушаются руки, пусть нет сил – броситься, попытаться, как Чугайстр... проклятый обманщик.

И вдруг все исчезло: ярость, гнев, отчаяние, страх – все. Осталась пустая оболочка от Приблуды. Ничего не было у него в душе. И самой души не было. Не было, не было, не было...

Приблуда медленно опустился на камни, на раскаленный солнцем каменный пол.

Все проносилось мимо него. И желтое пламя, и стоны Чугайстра, и смрад сгоревшей плоти Волка. Приблуда проваливался в бездонную пропасть, все глубже и глубже, в самое сердце земли.

Темнота сжала выгоревшее небо, скомкала его в небольшой круг. И совсем раздавила в безжалостном кулаке.

* * *

Влад вскрикнул и проснулся.

Он вырубился. Задумался, а потом не заметил, как уснул. Проклятый цветок. Проклятый сатра.

Влад посмотрел на часы – восемь часов. Он проспал еще час. Сейчас он встанет с дивана, откроет балконную дверь, вышвырнет хитрое сплетение хрупких жилок прочь, в темноту, в дождь, ставший вечным.

Где-то там по городу рыскает художник, ставший убийцей. Где-то Серый пытается найти выход, мечется, разыскивая трупы, и придумывает выход из этой ловушки.

Где-то там неизвестный, заваривший всю эту кашу... Что он делает? Удовлетворенно потирает руки? Кусает пальцы в ужасе, что все разваливается? Или давно уже забыл о том, что приказал, думает совсем о другом?.. Наслаждается жизнью?

– Найти и наказать, – пробормотал Влад, но вышло у него это вяло и неуверенно.

– Найти, – сказал Влад.

– И наказать! – выкрикнул Влад.

– Ты что-то сказал? – из-за закрытой двери спросил Руслан.

Руслан. Что он тут делает?

– Что ты тут делаешь? – спросил Влад, вставая с дивана.

– Я тут пью чай, болтаю с ребятами... – Руслан открыл дверь, вошел в комнату. – Я включу свет?

– Давай, – разрешил Влад, прикрывая глаза.

Щелкнул выключатель.

– Добрый вечер, – сказал Руслан, усаживаясь в кресло. – Ты снова спал?

– Я запрещал тебе приезжать, – сказал Влад, стараясь не смотреть на цветок сатра, лежащий на диване.

– Пошел ты в жопу со своими запретами, – спокойно ответил Руслан. – С чего ты решил, что имеешь на это право?

– Запрещать? – уточнил Влад.

– Умирать в одиночку, – пояснил Руслан.

– Без комментариев, – буркнул Влад.

– Засунь себе свои «безкомментариев» знаешь куда?

– Алгоритм мне понятен.

– Вот и славно. Ты знаешь, что час назад сообщили еще об одной смерти? Я не видел ни тело, ни фотографию, но говорят, что в кармане листок клетчатой бумаги с надписью: «Плюс один». Я решил, что это к нашему списку. Нет?

– Похоже. Серый не объявлялся?

– Дался тебе этот Серый... Вокруг много разных существ и поинтереснее. Знаешь, на кого работает господин Салунский?

– Ты о Шкворне? Кто этого не знает? Все знают.

– И что о нем все знают?

– Авторитет. Суперавторитет. Четыре ходки от звонка до звонка. Был коронован. Держит наркоту, проституток, оружие – все держит. Абсолютно. Понятно, что он за всем этим, но ничего конкретно предъявить не получается. Сидит в своей берлоге, из города не выезжает, на сходки не ездит, посторонних не принимает. Потихоньку подмял под себя большую часть области. О покушениях на него я не слышал...

– Лично не видел... – подхватил Руслан.

– Видел на фотографиях и даже на видеозаписи, снятой, когда Васю хоронили. А что?

– И как он тебе?

– А никак. Если ты видел одного вора в законе, то видел всех. Костлявый, бледный, наверняка туберкулезный: тридцать пять лет на зоне – не сахар. – Влад пожал плечами. – Есть легенда, что его поначалу то Шкелетом кликали, то Бледным, до тех пор, пока он не подобрал с земли шкворень и не проломил пару черепов. Вот тут к нему новое погоняло и прилипло.

– У тебя есть его фотография? – спросил Руслан.

– Нет. Не держу я всякий хлам. Пусть им занимаются наши организованные преступники. Их много, пусть пасут. Что ты прицепился ко мне? Серый связался с этим гадом, чтобы потихоньку заняться своим бизнесом, иначе начались бы терки, разборки... А так...

– Хочешь, я подарю тебе его фотографию? – спросил Руслан все так же спокойно.

– Засунь... – начал Влад, но замолчал, задумавшись.

Шкелет. Бледный. Но тридцать пять лет на зоне? Не может быть. И коронован не просто так, не сейчас, а как положено, на сходе, по-серьезному.

Не может быть.

Руслан полез в карман, достал фотографию и протянул Владу.

– Я ее из архива стырил, из дела. Старенькая фотография, еще восемьдесят второго

года. Смотри.

Влад посмотрел и вздрогнул.

– Смешно? – спросил Руслан.

– Очень. Я мысленно хохочу, прямо как в цирке, – Влад смотрел на фотографию и чувствовал, как слабость растекается по телу.

– Будит какие-то воспоминания? – Руслан отобрал фотографию и бросил ее на стол, лицом вниз.

Влад молча кивнул.

Кто бы мог подумать? Прав был, оказывается, Каменецкий, когда пошел проверять свое прошлое. А он, Влад, не сделавший этого, ошибся.

Нужно было скрупулезно проверить все, до мелочи. Просмотреть все старые фотографии, пройти по всем старым делам, своим и чужим. Тогда бы не выглядел так глупо. И послал бы полковника Петренко подальше сразу, как только прозвучал бы Серый. Хотя полковник не называл никаких имен, пока Влад не согласился вслепую.

А ведь он искренне был уверен, что Серый только делает вид, что работает на Шкворня. Прикрывается. А на самом деле потихоньку контролирует местных уголовников.

Ну, не бывает у нелюдей таких биографий!

Влад пересмотрел после возвращения из Косово много всяких передач, журналов, книг и видел, как устраиваются нелюди, как стараются управлять исподтишка, избегая лично нырять в грязь и возиться с людьми. А тут – тридцать пять лет в самом дерьме. И честная работа на результат. А если это он стоит за всем происходящим?

Стыд и позор, так жидко обгадиться. Понадеяться на свои старые воспоминания, на те, которые появились, пока он еще не стал Зрячим.

Влад вспомнил, что так во сне называли его. Приблуду. Нет, все-таки его, потому что он и был Приблудой, чувствовал, что чувствовал тот, и боль, и страх, и даже смерть его пережил.

Стало холодно, Влад вдруг сообразил, что сидит и потирает руки, словно замерзли они у него.

– Ничего сказать не хочешь? – спросил Руслан.

– Нет.

– Ну и дурак. А я к тебе гостя привел. Потому, кстати, и приехал. Иначе твои сторожа уже минут сорок как стреляли бы на поражение. – Руслан встал из кресла, потянулся. – Сидячая работа здорово вредит. Даже моему здоровью. Пошли, поздороваешься.

Влад прошел на кухню. Замер в дверях.

– А мы тут общаемся! – закричал Богдан, увидев его. – Знаешь, а Руслан привел забавного товарища.

– Добрый вечер! – произнес тот же самый голос, что совсем недавно угрожал убить Влада – мелодичный девичий голос.

– Вечер добрый, – ответил Влад. – А шрамов на лице нет.

– А на мне все заживает, как на собаке, – с вызовом ответила циркачка. – На большой злой собаке.

– Я думал, что у меня еще есть время, – сказал Влад. – Мы договаривались...

– Мы держим слово. Возникли новые обстоятельства. Мы можем поговорить наедине?

– В спальню! – посоветовал Богдан.

– Пошел вон! – сказал Влад. – И Капустяна заberi.

– Вот так всегда, – заныл Богдан. – На самом интересном месте.

Он забрал автомат, пропустил вперед Капустяна и вышел следом, окинув настороженным взглядом циркачку, сидевшую на табурете. Автомат с предохранителя был снят, заметил Влад. И у Капустяна, кстати, тоже.

– Мы получили новый заказ, – сказала циркачка.

– Убийство? – спросил Влад, спохватился и поправился: – Охота?

– Почти.

– От Серого?

На лице самки маах'керу появилось знакомое брезгливое выражение. Не родственница ли она директору труппы, Арсену Михайловичу? Тот, правда, в медведя перекидывается... Опять словечко Приблуды. Завязывать нужно с тем цветочком. Завязывать.

Арсен Михайлович превращается – превращается, так правильно говорить, а не перекидывается, как думают некоторые – в медведя. У них это по наследству передается или нет? Хотя погибший, сын Арсена, был волком. Так ведь он приемный...

И девочка вполне может быть дочкой. Или женой сына. «Вдовой», – поправил себя Влад.

– Так от кого заказ?

– По телефону. По нашему дежурному телефону. Потом мы забрали пакет в назначенном месте. И посмотрели, что, вообще-то, делать не имели права.

– И что там?

– Вы и вправду крышуете проституток? – спросила циркачка.

– В некотором роде, – сказал Влад. – А что?

– Фотографии, показания проституток и содержательницы борделя неплохо смотрелись бы возле тела полковника милиции, представителя министерства. Вы не находите? Наш директор подумал, что у вас по этому поводу будет свое мнение, и вам это может помешать выполнить вашу половину договора. Так?

– У вас очень умный директор, – сказал Влад.

– Вот и я так подумал, когда красавица мне все рассказала, – заметил Руслан, входя на кухню и присаживаясь к столу. – Я пробил телефон, с которого звонили, заодно выяснил по своим каналам, где именно находился и находится сейчас этот телефон. Глянешь?

Глава 12

Ночью в квартире Влада так никто и не уснул. Богдана больше всего потрясла неблагодарность Анечки.

– Ведь, сука, плакала, натурально плакала, на коленях ползала, просила отмазать и прикрыть. Девчонку свою порезанную показывала – и подстава? Для того, чтобы снять и выдать? – Богдан повторил эту фразу трижды, всякий раз украшая ее новыми эпитетами в адрес Анечки, содержательницы борделя с Новых домов, прежде чем Влад не выдержал и не пригрозил лично заткнуть ему пасть чем-нибудь липким и вонючим.

– Нет, ну вправду... – обиженно протянул Богдан. – Это ж так никому верить нельзя. А мы еще с нее денег взяли по минимуму, и от ежемесячных выплат отказались... И от девочек, между прочим. Все, молчу-молчу... Ладно, с Анютой разберемся, а чего это к тебе сам Шкворень прицепился?

И это был вопрос. На миллион долларов. Или даже миллиард.

Кто Шкворень, и кто Влад? Несопоставимо ни в одной из систем измерений, ни в общечеловеческой, ни в магической, о которой Влад все-таки решил не распространяться.

Вор в законе за что-то обижается на капитана милиции, который даже лично с ним не знаком и делами его не занимается? За то, что капитан полез защищать шалав? Так капитан полез этих самых шалав защищать только потому, что его попросили, а попросили для того, чтобы подставить.

А Влад не привык путать причины и следствия.

Отчего верог, наверняка крутейший маг, мог желать смерти человека, единственным недостатком которого было умение видеть сквозь Пелену, вообще не поддавалось пониманию.

Нет, мог. Но такие существа, насколько знал Влад, подобные желания осуществляли куда более простыми способами. Либо через магию, либо через мелкого урку, бросившего гранату под ноги тому же самому капитану.

А тут странная операция. Долгая, непрямая...

И зачем тогда убивать его, Влада, подсылать Наблюдателя, совать в подстроенную катастрофу, если уже лежали где-то фотки и записи разговоров, в ходе которых менты брали

деньги, разбирались с пацанами Свата? Зачем?

Руслан молчал, уютно устроившись в кресле. Капустян, перебив посуду, приготовив всем, кроме Влада, кофе, помыв после этого чашки, маячил в дверях комнаты. Автомат при этом болтался у него на плече.

Богдан, высказавшись об Ане и ее девочках, замолчал, завалился на диван, меланхолично глядя в потолок и щелкая предохранителем автомата.

Перспективы со всех точек зрения вырисовывались совершенно безрадостные. Черным по черному, если честно.

Полковника Петренко из Киева убили. Причем, через час-два после ухода Влада. Мог сошедший с ума капитан вернуться и замочить полкана? Мог. О чем они разговаривали, пока подполковник Осокин, как пацан, бегал за пивом? О чем угодно, в том числе, о левых приработках того самого капитана.

Дождался ухода Осокина, вернулся, убил, но бумаг не нашел. Версия? Версия. Тупая, скользкая, нелепая, но при желании... А желание, понятно, будет. Куда оно денется?

Влад сел на стул, постучал пальцами по крышке стола.

Но зачем? Зачем?

Цирковая труппа оборотней, убийц-профессионалов приглашается в город не просто так. Это должно стоить денег просто немислимых. Денег или какого другого нечеловеческого эквивалента. Понятно. Но ведь задачи на убийство ставятся перед обычным человеком.

Перед самым обычным человеком, получившим себе на беду способность видеть сквозь Пелену. Какого хрена? И ведь что вытекало из последнего задания оборотней – забраться в квартиру и подбросить фотографии? То, что и убить полковника, и подбросить бумаги приказывал человек... Влад поморщился, он не любил неопытных и неточных формулировок.

Ладно, пусть человек. Пусть. Назовем это существо так.

Человек знал и об убийстве, имел канал связи с Каменецким. И он же знал циркачей-киллеров, и тоже имел с ними канал связи. И, скорее всего, именно он пригласил труппу в Харьков.

Больше всего раздражала невозможность обсудить все это с приятелями. Пришлось бы долго вводить их в курс дела, даже Руслана, а, кроме этого, толкать в дерьмо, в котором сам он, Влад, был уже по самые уши.

Ребят, похоже, забрызгало изрядно, но иллюзия пока оставалась, и надежда. Надежда и иллюзия.

– Что будем делать? – спросил Руслан.

– Понятия не имею, – ответил Влад. – Совершенно.

– Ваша концепция суицида выглядит инцестуально! – провозгласил Богдан. – Круто звучит. Нужно будет сходить все-таки к Казимировичу на тусовку.

– Обязательно, – согласился Руслан. – Непременно. Как только останемся живыми – так сразу и к девочкам-эстеткам. Как выжить? Вот в чем вопрос. Влада ведь не одного мочить будут.

– А если и одного? – приподнявшись на локте, поинтересовался Богдан. – Это что-то меняет?

– В том-то и дело, – пробормотал Руслан. – В том-то и дело...

– А если... – Богдан даже сел. – Если вспомнить наработки великого товарища Сталина? Есть человек – есть проблема. Нет Шкворня – нет проблемы.

Руслан очень красноречиво покрутил пальцем у виска.

– Нет, ты подожди! – вспыхнул Богдан. – Не перебивай. Ну, не знаем мы, где перешли этому уроду дорожку. Не знаем. Так? Так. Будем выяснять? Зачем? Сами подумайте своими подставками для фуражек. Подумайте, пацаны. Есть засранец, который нас подставляет. Не сможет подставить – закажет. Так? Так. И выходит при всех заморочках, что если мы уберем Шкворня, то уберем все свои проблемы. Я могу достать снайперскую винтовку, если что.

Даже две. Слышь, стукачок, ты стрелять из снайперской можешь?

– Могу, – даже не обидевшись на «стукачка», ответил Капустян.

– Пацана в это дело не тяни... – сказал Влад.

Спорить ему не хотелось. И объяснять Богдану, что убить вампира очень непросто. Если не сказать – почти невозможно. Были прецеденты. Но не объяснять же это все?

– Пацана? – переспросил Богдан азартно. – Как же, пацана... Свидетеля, между прочим. А местами даже и соучастника. Знал, что тут у нас творится, а не донес. Чистить будут, и его зацепят. Согласен, стукачок?

– С тем, что зацепят?

– Стрелять, брат, стрелять!

– Согласен, – подумав, серьезно ответил Капустян.

– Вот и славно, нас, умных, уже двое, – Богдан отложил автомат и потер руки. – Значит, проводим разведку, определяем позиции, занимаем позиции, ждем, видим Шкворня, бац-бац...

– И мимо, – сказал Влад.

* * *

Хозяин падает в снег, две пули пробили навывлет грудь, одна – голову. Осколки черепа разлетаются в стороны, темная вязкая кровь расплзается по снегу и камням...И через несколько минут:

– Я же говорил...Меня трудно убить. Слышишь, Наблюдатель? Здесь источник, ты же знаешь это. Убить меня возле моего источника? Это не для твоих амулетов и не для маах'керу. Пусть их соберется хоть тысяча. Я не зря прожил так долго... Не зря...

* * *

– Чего это мимо? – обиделся Богдан. – Стволы качественные, до километра с гарантией. Что, там негде в радиусе километра двум порядочным людям и позиции занять? Где он там живет?

– На Москалевке. В районе Первой Конной, – ответил Руслан. – И что?

– Вот. Прекрасное место. Там же вышка рядом. С нее телеканал работал, «Орион», если помните. И я поработаю. Я и один справлюсь, если что.

– Понимаешь, Богдан... – Влад пощелкал пальцами, пытаясь подобрать правильные интонации и нужные слова. – Тут ведь дело сложнее. Я не могу тебе пока объяснить, но прими как аксиому – подстрелить издали его не получится. Просто поверь, не спрашивай.

– Ладно... – Богдан задумался. – Ладно. Черт с ними, со снайперками. Идем внаглую. Входим, стреляем... Я стреляю, черт с вами, чистоплюями.

– Дурак...

– Может, и дурак. А вы – мишени. Жертвы, блин! – Богдан вскочил с дивана. – У вас круги с цифрами на лбах написаны, светятся, музыку играют, а вы сидите и делаете вид, что ничего не происходит. Ну, сидите-сидите! Я сам тогда... Кто-то должен взять инициативу в свои руки...

Богдан направился к двери.

– Игорь! – скомандовал Влад.

Капустян скрестил руки на груди.

– Уйди, – приказал Богдан. – По-хорошему прошу – уйди.

Капустян улыбнулся.

– Ребята, ну что же вы делаете? – выкрикнул Богдан. – Нельзя же так!

– Можно, – сказал Руслан. – Не впадать в истерику.

– Я не впадаю в истерику! – закричал Богдан, понял, что так впадает, и замолчал.

– Даже отбросив морально-нравственные соображения, – тихим голосом начал Руслан, – остается еще полная невозможность приблизиться к Шкворню. В короткие сроки – однозначно нет. У него частный дом. И квартал вокруг – его люди. Все выкуплено, живут свои, повязанные делами и кровью. Плюс – охрана во дворе и в доме. Плюс – он не выходит наружу. Сортир, если тебя интересует, в доме. Если верить описанию в его деле – появление

чужого в радиусе пятисот метров от его дома уже вызывает проверку этого самого чужака. Продолжить?

– Спасибо, не нужно. – Богдан положил автомат на стол, рухнул на пол и принялся отжиматься. – То есть нам нужно сидеть и ждать, пока найдут тело полковника...

– Не найдут, – покачал головой Руслан. – Красавица это твердо гарантировала.

– Пятнадцать... шестнадцать... – Богдан продолжал считать свои отжимания. – И куда... семнадцать... они денут тело?

– Я даже спрашивать не стал. У них есть опыт в таких делах.

– Съели? – хмыкнул Богдан. – Двадцать один, двадцать два...

Руслан молча глянул на Влада и отвел взгляд.

– Подожди! – Богдан вдруг прекратил свои упражнения и встал. – Есть вариант. Точно есть. Можно подобраться.

– Как?

– Серый к Шкворню ходит? Ведь ходит, раз правая рука у него.

– И?..

– И все. Берем Серого, приставляем пистолет к затылку, просим нас сопроводить на место. Машину Серого проверять не станут. Гадом буду, не станут. А там... Зайдем во двор, нет – без разницы. Я знаю, где достать гранаты и патронов побольше. И стволы чистые. Серьезно. Входим, расчищая перед собой дорогу. Ну, не танки же там у него во дворе, в самом деле... – Богдан посмотрел на Влада, потом на своего брата, и снова на Влада.

Ему план нравился. И ему было наплевать, что живыми при любом раскладе им оттуда не выбраться. Просто Богдану не нравилась мысль покорно ждать расправы, словно скотине на бойне.

– Людей жалко? Так возле Шкворня ангелов нет. Он же свой ближний круг кровью вяжет, все же знают. Его ведь воры перестали за своего считать. Несколько раз на правее вызывали, только Шкворень их всех послал, а самые крикливые и надоедливые так вообще пропали без вести. Ни трупов, ни следов. – Богдану план нравился все больше и больше. – И город почистим. Ты же, Влад, все время говорил, что засрали твой любимый город, что чистить нужно и чистить... Давай?

Влад молча встал со стула и вышел на балкон.

Ветер и дождь. Косой ветер сносил капли дождя, и они били в разгоряченное лицо.

Богдан, Богдан... Если бы не мелочь. Если бы не такая ерунда, как верог, носящий замечательную кличку Шкворень. Нет шанса. Нет ни малейшего шанса, даже ворвавшись в дом, с Серым или без, убить упыря.

Подохнуть там, во дворе – можно. Стать угощением для Шкворня – можно. Выиграть нельзя.

Особенно, если там есть источник. Влад вспомнил желтое пламя, гудящее во всем теле Приблуды. Очень реальный сон, спасибо сатра. Большое ему спасибо. Поучительный сон.

Мага обмануть трудно. А если этот маг – верог, то... Почти невозможно. Почти.

Капли лупили Влада по лицу, словно хотели привести в чувство, охладить и успокоить. Был ведь еще вариант – просто бежать. Бросить все и бежать. Немного денег у него есть, полученные от Анечки доллары он не успел отправить вдове Столярова. На первое время – хватит. На самое первое время.

У ребят деньги есть. Плюс общая заначка. Можно еще спросить у Капустяна, папа у него обеспеченный, может, чего подбросит. Сына, во всяком случае, спрячет. Есть шанс.

Можно скомандовать «врассыпную». И что?

И ничего. Это отсрочка. Как оказалось отсрочкой его бегство из Косово.

Косово.

А не с ним ли все происходящее связано? Верог был там, и здесь он тоже имеется.

Мстит за соплеменника? Представить себе Хозяина, теряющего голову от желания отомстить за брата-сына-отца? Чушь. Несерьезная чушь.

Есть верог. И есть верог. Есть капитан Гетьман, который оказался не в то время не в

том месте... Случайно? Хренушки вам, капитан Гетьман, а не случайно. Наблюдатель, прикидывавшийся германским журналистом Куртом Мюллером, выбрал его зачем-то. Выбрал, блин!

Влад мог еще тешить себя иллюзиями до того, как просмотрел несколько серий своего замечательного сновидения. После этого... Он не дурак, капитан Гетьман, с корнями из самой Запорожской Сечи. И сатра передал, что сны эти очень важны. Очень важны...

Влад ведь думал, что все произошедшее тогда, в Косово...

* * *

Курт Мюллер был точен. Ровно через три часа к выходу из замка подъехали три грузовика с ооновскими эмблемами на бортах. Остановились метрах в ста перед воротами, одновременно загудели клаксонами, как свадебный кортеж.

Из кабины переднего грузовика выпрыгнул Мюллер, что-то скомандовал водителю, и гудки прекратились.

– Как ты думаешь? – спросил Хозяин у Влада, открывая дверь и выходя наружу. – Хотя да, ты же не отвечаешь на мои вопросы. Ничего, я уверен, Наблюдатель все сам расскажет. У него был очень уверенный вид, когда он обещал вернуться. Как это теперь называется? Вариант «Б»? Полагаешь, это экспромт? Или козырь, который наш милый Наблюдатель прятал до поры до времени? Я думаю – план. Машины, точное время...

Мюллер взял из машины мегафон.

– Вот, он не хочет подходить ближе. – На лице Хозяина расцвела обычная блеклая улыбка. – Он полагает, что жалкие сто метров спасут его от моего гнева? Глупо. Но пусть делает то, что хочет. Лишь бы смешно.

– Я еще раз предлагаю отдать мне человека. – Мегафон хрипел, безжалостно искажая и голос, и интонации. – И мы уйдем.

– У него больше нет банды, – сказал Хозяин.

И снова клокочущий смех. Да, Хозяину так весело не было давно. Очень давно.

«Интересно, – подумал Влад, – а если бы он узнал, что я стал видеть это странное сияние в глубине горы? И даже чувствовать, как оно щекочет кожу. Это его развеселило бы или стерло улыбку с мерзкой хари?»

Странное ощущение испытал Влад, вернувшись в замок и вдруг сообразив, что темноты больше нет, что стены и пол мерцают, пропуская гудящий поток желтого света. Нет, не пламени, не было языков и искр, свет был равномерным. Влад отчего-то был уверен, что этот столб света здесь был всегда. Ну, или долгие-долгие годы.

– Я считаю до трех, – прохрипел мегафон.

– Тебе хорошо видно? – участливо спросил Хозяин у Влада. – Скоро начнет темнеть... Давай, я помогу...

Хозяин провел бледной костлявой рукой в воздухе, словно смахивая пыль с окна... Или с экрана.

Машины и Курт Мюллер с белым мегафоном в руках перед ними вдруг оказались совсем рядом, метрах в десяти. Влад даже рассмотрел водителей в кабинах.

То были люди, без сомнения. Люди.

– Два! – выкрикнул Мюллер, и пар облачком вылетел из его рта, поднялся над головой и растаял.

– Он не боится холода, – с одобрением произнес Хозяин. – Мне холод немного мешает, а он... Эта идиотская жилетка на голое тело...

– Три! – еще одно облачко улетело к небу. – Я предлагал другое решение. У вас еще есть возможность остановить меня. В любое время. Достаточно только отправить человека ко мне.

– Обязательно, – выдохнул Хозяин тихо, но дыхание его неожиданно превратилось в порыв ветра, метнувшийся к машинам и Наблюдателю и швырнувший в лицо Мюллеру облако сухого снега. Миллионы мельчайших искорок заиграли на солнце.

Мюллер не отвернулся.

За машинами началась какая-то суeta – четверо выпрыгнули из кузова, грохнул, открываясь, задний борт. Еще несколько вооруженных человек подбежали от других машин.

Влад не смог удержать стон.

Дети.

От пяти до десяти лет на вид. Их было около сорока. Десяток вооруженных парней выстроили детей в линию перед машинами, лицами к Хозяину. Дети были одеты в разное, но как-то одинаково блекло.

Влад отчетливо видел их лица, одинаковое выражение их глаз – страх и безысходность.

Тут неподалеку был детский дом, отстраненно вспомнил Влад. Сербь и косоварь, осиротевшие за время чисток и боев. Зачем их сюда привез Мюллер? Он рассчитывает, что верог может испытывать сострадание?

– Он сошел с ума, – холодно произнес Хозяин. – Если он замыслил то, о чем я сейчас подумал, он абсолютный идиот. Не знал, что среди «бесцветных» могут быть такие.

Тем временем и из остальных машин выгрузили детей. Теперь почти полторы сотни мальчиков и девочек стояли перед Хозяином и Владом. И полтора десятка вооруженных парней стояли за спинами детей.

– Детей он затормозил, – сказал Хозяин. – Чтобы не боялись и не разбегались. Понятно. И я даже догадываюсь, что он сейчас будет делать. А ты понял?

Влад сжал кулаки.

Для него вопросов уже не было. пытки, мучения, смерть – что там еще может ожидать его у Наблюдателя? Он согласен. Он уже согласен. Не нужно ничего делать, пожалуйста! Я прошу тебя, сволочь безволосая! Умоляю...

Мюллер наклонился к мальчишке лет семи, что-то прошептал ему на ухо, подтолкнул в спину. Мальчишка удивленно оглянулся, посмотрел на все вокруг, словно только что это увидел. Его лицо побледнело, губы задрожали...

– Пошел! – сказал Мюллер.

Парень, стоявший неподалеку, дал короткую очередь из «калашникова» над головами детей. Никто, кроме того самого мальчишки, даже не вздрогнул. Даже когда гильзы ударили в лицо десятилетней девочке, она не вскрикнула и не подняла к лицу руки.

А мальчишка побежал.

Прочь от машин, от выстрелов, в сторону Хозяина и Влада.

Он бежал, неловко размахивая руками, ботинки были слишком тяжелы, ноги зарывались в снег, но ребенок бежал, оглядываясь время от времени – не передумали? Не решили убить, чтобы он не смог убежать?

В свои семь лет мальчишка повидал многое и знал, что убить человека очень просто. Для этого не нужны особые причины, для этого иногда достаточно, чтобы вооруженный человек захотел немного развлечься.

Мальчишку не убили.

После того, как он пробежал половину расстояния до Влада и тому уже начало казаться, что мальчишку отпустят, что дадут убежать, грохнул еще один выстрел. Пуля ударила мальчишку чуть пониже спины, в крестец, швырнула в снег.

Мальчишка закричал, тонко и жалобно. Он даже попытался встать, оперся руками, но ноги его уже не слушались.

Влад бросился к ребенку.

Влад был уверен, что бросился, не мог не броситься, тело решало само, на уровне инстинктов...

Только Хозяин решил, что Влад должен остаться на месте. И Влад остался, нелепо согнувшись в прерванном броске.

Мальчишка кричал, пуля, сломав позвоночник и раздробив таз, прошла навьлет, кровь вытекала из-под бьющегося тела.

– Я такое уже видел, – негромко сказал Хозяин, и эхо от дальних скал подхватило громоподобную фразу. – Ты хотел меня удивить?

– Если ты не отдашь нам человека... – ответил в мегафон Мюллер.

Еще один ребенок, на это раз – девочка, побежала прочь от машин, и еще один выстрел прозвучал, и еще одно тело забилося, пятная снег красным.

– Полагаешь, мне станет жалко крови? – спросил Хозяин. – Ты дурак, на что ты рассчитываешь?

Побежал третий ребенок.

– Останови его, – прохрипел Влад.

– Зачем? – удивился Хозяин. – И как?

– Убей!

– За что? За этих детей? Чушь. Меня это не касается. И если я сейчас отчего-то убью Наблюдателя, те, кто стоит у него за спиной, подумают, что меня можно этим пронять. И я тебе гарантирую, что завтра, послезавтра, и каждый день здесь будут потрошить младенцев, надеясь, что я прислушаюсь к чьим-то требованиям... – Хозяин пожал плечами. – Я испытываю некоторое возбуждение оттого, что кровь, пьянящий, волшебный напиток, вот так просто льется на камни, но это как если бы при тебе разливали столетней выдержки коньяк. Ты бы тоже испытывал этот легкий озноб, ненависть и даже легкую зависть к тому, кто может позволить себе подобное расточительство.

Дети перестали бежать.

Мальчишка лет десяти, увидев бьющихся в агонии детей, попытлся, схватил за руку мальчика, стоявшего рядом, попытался спрятаться среди детей. Его вытащили вперед, толкнули, а когда он все равно не побежал, рослый парень, переложив автомат в левую руку, ножом в правой перерезал мальчишке горло.

Ленивым, неторопливым движением.

Мюллер что-то сказал – парень кивнул, выхватил из шеренги девочку и ударил ее ножом, но не по горлу, а в живот и толкнул в снег. Чтобы Хозяин мог видеть ее мучения.

– Нет! – выкрикнул Влад, но невидимая удавка привычно перехватила горло, сжала, выпустив наружу только сиплый выдох.

– Я не разрешал тебе говорить, – сказал Хозяин. – Не разрешал. К тому же, если ты сейчас начнешь кричать по поводу каждого из ста пятидесяти детей, то сорвешь голос, и мы не сможем с тобой общаться этим вечером за бокалом вина. А еще – адреналин ухудшает вкус твоей крови. Успокойся.

Сволочь, мерзавец, убийца... Кто? Оба. Каждый из них...

Детские тела извивались в снегу, Мюллер командовал, и бандиты медленно, будто выполняя надоевшую работу, наносили удары ножами. Раз за разом, раз за разом...

Крик становился невыносимым, но Влад не мог даже уши зажать, чтобы его не слышать, не мог броситься на Хозяина или разбить о камни свою голову.

Он не хотел жить. Он ничего не мог поделать, не мог остановить этот кошмар, еще более мучительный оттого, что именно он, Влад, стал его причиной. И что он, Влад, не может ни остановить его, ни умереть. Хочет, готов все отдать ради этого, но не может.

Хозяин засмеялся – ему показалось очень забавным выражение лица Влада.

Солнце начало чернеть, а тени, которые отбрасывали камни, машины и люди, становились прозрачными. И у людей, машин и камней появилось еще по одной тени, от желтого сияния, которое напозало из-за спины Влада, усиливалось, заполняя своим гулом все вокруг, вытесняя из головы Влада все мысли, оставляя страх, отчаяние, боль, вдавливая все это с силой, сжимая все сильнее и сильнее...

Боль стала невыносимой – Влада словно разрывало изнутри. Солнце стало черным, небо – прозрачным, стали видны звезды. И не люди, не дети стояли, падали, кричали и извивались перед Владом, а огненные фигуры, белые, словно расплавленный металл...

Все вибрировало, тряслось мелкой дрожью, заставлявшей камни, машины, людей, небо, звезды отзываться низким протяжным гудением.

Звук опускался все ниже, по небесной тверди побежали тонкие трещинки, куски неба вместе с отпечатанными на них звездами обрушились, пропуская на Землю смертельный

холод.

Все исчезло для Влада – снаружи и внутри он почувствовал ту же пустоту. И закричал. И удивился, что может кричать, что удавка, сжимавшая его горло, исчезла, что никто больше не держит его тело, что камни, покрытые снегом и льдом, вдруг метнулись ему навстречу, ударили в лицо...

И еще какой-то звук... Чей-то голос, высокий, тонкий, вибрирующий как струна, вонзился в голову Влада.

Влад, не переставая кричать от боли, перекатился на спину и увидел, что это кричит Хозяин. Кричит, упав на колени и сжимая лицо тонкими длинными пальцами, а когти впились в лицо Хозяина, полосуют его, рвут в клочья, капли темной крови летят в стороны, падают в снег...

* * *

В балконную дверь постучали, Влад вздрогнул и оглянулся – Руслан держал в руках мобильник, тот, что прислал Каменецкий.

Влад кивнул, Руслан открыл балконную дверь и протянул аппарат.

– Ты бы зашел, – сказал Руслан, – вымок весь. Только воспаления легких тебе не хватает.

Влад отмахнулся, поднес телефон к уху:

– Да.

Шорох. Что-то похожее на отдаленный стон. Мерные удары, будто капли воды гулко бьют в подставленное ведро.

– Я слушаю, – сказал Влад.

– Я не хотел, – сказал незнакомый голос.

В голосе было столько тоски и отчаяния, что Влад вздрогнул.

– Я этого не хотел... – сказал незнакомый голос. – Зачем они?... Они ведь люди... Я...

Влад понял, что это говорит Каменецкий. Только голос его искажен почти до неузнаваемости.

– Что случилось? – спросил Влад.

– Ничего, – торопливо ответил Каменецкий. – Совершенно ничего. Абсолютно. Все нормально. Я чищу родной город. Наш с вами Харьков. От нелюдей... От этой мерзости, что прикрывается Пеленой, для того, чтобы жрать нашу кровь, насиловать наших женщин, вытеснять нас на обочину, на окраину жизни... Я чищу... Этой ночью Харьков стал значительно чище... На двадцать особей чище. На двадцать!

Каменецкий сорвался на крик, замолчал, а когда заговорил снова, голос звучал почти спокойно. Лишь очень слабая дрожь на самом пределе восприятия выдавала, что спокойствие это дается художнику тяжело.

– У вас так бывало – вы делаете то, что считаете нужным, правильным, а потом вдруг обнаруживаете, что ваши действия имеют тень? Острую, бритвенноострую тень, которая рассекает реальность на мелкие клочья... Наносит удары и увечья тем, кого вы хотели защитить... Бывало такое?

– Да, – коротко ответил Влад.

Он понимал, что имеет в виду Каменецкий. Именно это помогло ему когда-то, вечность назад, преодолеть себя, и заставить просто жить, не мстить, не сражаться, не чистить улицы, а жить, приняв все произошедшее как данность.

– Понимаешь... – протянул Каменецкий со всхлипом. – Понимаешь... Почему же не предупредил? Трудно было сказать? Назвать дураком и сказать? Трудно?

Влад промолчал.

– Трудно... Невозможно. Я бы тебе не поверил... Еще во время нашего первого разговора не поверил бы, – голос Каменецкого дрогнул, но художник снова взял себя в руки. Почти взял. – Она шла по темной улице... Джинна, женская особь. Не первой молодости. Невооруженным взглядом – женщина лет тридцати пяти. Ничего особенного. Только джинна. Не человек... В безлюдном месте, в темное время... И встретила меня., – Каменецкий

задохнулся, всхлипнул, снова заговорил: – Мне хватило одного удара. Есть средства, есть навыки... Один удар – и она упала. Из раны появился огонь, настоящий огонь. Она даже вскрикнуть не успела. Упала... Один удар, и она упала... Один удар... Но я это уже говорил... Говорил... Я отошел в сторону, нужно было перезвонить Серому, подбросить ему работку. Я достал телефон, а тут появились они... Они...

Каменецкий замолчал, но связь не прервалась. Было слышно, как он тяжело дышит и бормочет что-то.

– Константин Игоревич! – позвал Влад.

Он стоял, повернувшись к обжигающим струям дождя левым боком, чтобы прикрыть телефон. Он видел, что происходит в комнате: Руслан что-то смотрит в ноутбуке, Богдан говорит, жестикулируя обеими руками, а Капустян... Капустян, не отрываясь, глядит на балконную дверь, сквозь стекло – в глаза Владу. Не может он видеть из светлой комнаты выражения лица Влада на темном балконе, но смотрит и, кажется, видит, и столько печали и сострадания в его взгляде...

– Константин Игоревич! – снова позвал Влад.

– Да. Извините. Это небольшая истерика. Все пройдет. Все – пройдет, – Каменецкий даже попытался засмеяться. – Пройдет. Понимаете, ее муж – человек. Так бывает: у джинна – человек. Он пошел встретить жену. Замешкался, наверное... Пошел, и детей с собой взял... детей...

* * *

Снег. Холод. Пар, вырывающийся изо рта мальчишки. Пар и алые брызги. И крик.

* * *

Влад почувствовал, как к горлу подкатился комок.

– У них было двое детей... Мальчик лет десяти и девочка лет пяти... Полукровки. У мальчика выросли волосы, он не был похож на лысого джинна, только отсвет в глазах выдавал породу. Девочка унаследовала у матери пышные волосы темной меди. И, опять-таки, огненные глаза. Они подошли через минуту после того, как джинна умерла. А я... я не ушел. Они наткнулись на тело... Мальчик закричал... Девочка не сразу сообразила, что к чему, потянула мать за руку, пытаясь помочь ей встать из лужи... и только потом закричала. А отец... Отец, это слепое существо... Он меня заметил. И все понял. И бросился ко мне... Бросился ко мне... – Каменецкий дышал тяжело, и в голосе его был отпечаток безмерной усталости.

Словно за эти несколько часов художник постарел на десятки лет. На столетия.

Влад молчал. Молчал-молчал-молчал...

– Я не мог бежать, понимаете? Не мог. Да и бегун из меня не ахти... А он схватил меня за горло – глупо, нелепо, как в кино, будто и вправду мог меня задушить... сломать горло... А у меня в руке был нож. Для джинна, но и человеческая плоть ему легко поддалась. Очень легко. Удар снизу, не целясь, руки ослабли... Я чувствовал, как он оседает, как лезвие режет его тело... Я выдернул нож, чтобы... чтобы не получалось, будто я его потрошу... как рыбу... Выдернул... Он упал на спину, раскинув руки... Брызги воды, грязи... И ко мне бросился мальчишка. Десять лет. Не больше... Он кричал... Не слова, просто кричал от ужаса... И бежал ко мне... Все громче кричал и громче, мне начало казаться, что сейчас все рухнет... Все вокруг. И я... Я ударил ножом снова... не мальчика, нет... я не видел его, я только слышал крик и хотел этот крик остановить... И остановил. А потом... Потом остановил еще один крик. И побежал. Тишина напугала меня еще сильнее. – Голос Каменецкого умирал. Уходили живые нотки, оставались тени интонаций, призраки слов. – Потом крики вернулись. Я слышу их и сейчас. Сейчас... До вас не донеслись отзвуки этих криков из-под моего черепа? Мне кажется, должны. Должны... Они невыносимы... Я не могу от них избавиться... Разве что выстрелить себе в голову... Все было так понятно. Предельно понятно. Есть мы, люди, и они – нелюди. Если убрать нелюдей, останутся люди. Если открыть людям глаза, то люди поймут мою правоту и станут вместе со мной чистить мой город... А что делать с полукровками? Кто они – люди или нет? Они... Они не виноваты. Не виноваты? А тот

маленький Часовщик, которого я убил утром на улице Иванова, он виноват? В чем? А муж той джинна, он виноват? Он жертва, я знаю, но разве он согласился бы со мной, прозрев? Убил бы свою жену и своих детей? А если бы я убил не ее, а его вначале, джинна не бросилась бы на меня так же, как он? Нет? Бросилась бы? Вы можете мне ответить? А вы – вы, кого выбрали бы вы из своих друзей, человека или?.. Как они кричат! Как они кричат... – Каменецкий теперь говорил тихо, настолько тихо, что Влад едва различал его голос, а слова скорее угадывал сквозь шум ветра и частый стук дождевых капель. – Вы можете приехать?

Вопрос застал Влада врасплох.

– Да, – ответил он, замешкавшись самую малость. – Куда? Приехать одному?

– Полагаю, лучше всей вашей командой, – сказал Каменецкий.

– Хорошо, – сказал Влад. – Где и когда?

– Парк Горького вас устроит? – спросил Каменецкий. – Возле подвесной дороги, у места посадки в кабинки. Вас же не пугает дождь?

– Не пугает, – сказал Влад.

– Вот и отлично. Отлично. Если сочтете нужным, пришлите вместо себя Серого. Если вам это поможет. Или еще кого-нибудь. Хорошо?

– Я приду, – сказал Влад. – Через полчаса.

* * *

Через полчаса он подошел к бетонной платформе в парке. Дождь, не переставая, стучал по металлу кабинок, скрипел канат.

Было темно, Влад нащупал левой рукой в кармане фонарик, но включать не стал.

– Вы пришли, – тень отделилась от билетного киоска, приблизилась. – Руки подавать не буду.

– Хорошо, – сказал Влад.

– Вы все-таки пришли, – Каменецкий подошел почти вплотную, осветил свое лицо. – Это я, не сомневайтесь.

Перевел луч фонаря на лицо Влада.

– А это вы...

– Вы хотели меня видеть, – сказал Влад.

– Хотел. Увидел. Теперь хотел бы получить от вас совет... Что мне делать?

– Не знаю, – честно ответил Влад.

– Что бы вы... Хотя да, вы бы не попали в такую ситуацию... Как вам удалось? Что удержало?

– Это слишком долгий рассказ, – ответил Влад. – Поверьте, вам он не покажется ни забавным, ни поучительным.

– Поверю, – сказал Каменецкий и что-то пробормотал.

– Вы что-то сказали?

– Сказал, что ожидал от вас действий. – Наверное, художник усмехнулся, если судить по голосу. – Вам трудно было сразу выстрелить мне в голову? Трудно?!

Пистолет вдруг уперся в лоб Влада.

– Вот так сделать! Вот так! И нажать на спуск! Трудно?

Скрип троса, стук капель, протяжный свист ветра.

– Трудно... – протянул Каменецкий. – Я – не смог.

Он отвернулся и отошел на пару шагов. Остановился.

– Что я должен сделать, чтобы вы меня убили? Отпустили душу. Что?

– Вы хотите умереть?

– Я хочу остановить это, пока все не зашло слишком далеко... Не просто далеко, а слишком далеко... Я рыдал, вспоминая убитых людей... человека и его детей... а сейчас... сейчас немного успокоился. Могу думать об этом без приступа тошноты. Меня ведь чуть не стошнило там, возле средней школы номер пять, над мальчиком-Часовщиком. Но я сдержался. И самку маах'керу в метро я убил уже совершенно спокойно. И сейчас я успокаиваюсь. Я чувствую, как в сердце мое и в мой мозг проникает умиротворение – мне

всегда было легко договориться с собой... Мне еще плохо... очень плохо, но уже копошится подленькая мысль... копошится, шепчет еле слышным голосом, что я не виноват, что я не могу отвечать за тысячелетние ошибки и унижения, что виноват не только я – видите, для начала, не только я, – потом окажется, что я совсем не виноват. Зачем он бросился на меня? Зачем он вообще женился на ней? Вы молчите? Вам неприятно меня слушать?

– Я слушаю не вас, – тихо ответил Влад. – Я слушаю себя. Это очень странно – слышать себя со стороны. Слышать, как я высказываю чужим голосом свои мысли. Я не смог ответить на свои вопросы. Полагаете, что я смогу ответить на них, если услышу еще раз?

– Но что-то мне нужно делать? Нужно ведь?..

– И мне нужно. Если бы меня не втолкнули в это дело, я бы сейчас... Я бы заливался водкой и прикидывал, когда произойдет срыв и я начну убивать... Или покончу с собой.

– Вам проще.

– Мне?! – искренне изумился Влад. – Мне проще?

– Да. Вы ведь смогли дружить с нечеловеком. И подружились вы, насколько я узнал, уже после возвращения из командировки. Ведь так?

– Почти так. Наверное, вы правы... Но когда он плакал над своим другом... Прекрасно понимая, что сам он – другой, что сам он – не человек... Я с ним потом разговаривал, рассказал обо всем, что мне было известно, а он... Он усмехнулся и ответил, что Богдан – его брат. Брат. А я – его друг. И останусь другом до тех пор, пока сам этого хочу...

– Тогда вам действительно проще. Удержаться на этой стороне проще. А мне – проще убивать. Потому что нечеловек. Там, на том конце ножа. На линии прицеливания. Нечеловек. А вам... Это не человек, и не Руслан. Сложная и не философская конструкция.

– Да, – кивнул Влад, – эта концепция сформирована на грани инцеста и суицида.

– Смешно, – мертвым голосом произнес Каменецкий. – Если я вас попрошу меня убить?

– Не знаю... Сейчас – нет. Я не убийца...

– А я? Я – убийца? Меня забрали в дурку не за картины, я вам не говорил? Мало ли тихих безопасных идиотов на свете? А вот когда я бросился на дейвона, самозабвенно лапавшего несовершеннолетнюю девчонку, да еще пообещал вырвать ему хвост, когда нас растащили – вот тут меня и забрали. Приехали домой и забрали. Мне, кстати, пришла в голову мысль: а если бы несовершеннолетнюю девчонку лапал не дейвона, а простой нажравшийся вусмерть мужик... Я бы тоже вмешался? Или нет? Что, я не видел такого и раньше в студиях и мастерских? Видел же... Видел.

– Вы не первый в таких сомнениях. И до вас, и до меня попадали в такую ловушку – потому вмешался, что несовершеннолетнюю-пьяную-обкурившуюся или оттого, что ниггер, кавказец, чурка? А в ментовку позвонил, что ворует сосед, из чувства гражданской непримиримости или оттого, что эта жидовская морда свет в туалете за собой не выключала? А в НКВД стуканул из-за того, что однокурсник действительно продвигает генетику, продажную девку империализма, или оттого, что вас двое, а мест в аспирантуру – одно? – Дождь усилился, и Владу приходилось почти кричать. – Тут нет общего решения, господин художник. Нет.

– А если я вас сейчас попытаюсь убить? – спросил вдруг Каменецкий. – Вы защищаться станете? А если я вас убью, ваши товарищи мне отомстят?

– По порядку поступления вопросов: не знаю, да. Будете стрелять?

– Не буду. Не стану. Подожду, понаблюдаю за собой. А если... если почувствую, что становится легче, назначу встречу Серому. Тот все решит по-быстрому...

– Даже не рассчитывай, – сказал Серый из темноты.

Дважды выстрелил пистолет с глушителем, Каменецкий как подкошенный рухнул в грязь.

– Поначалу – не больно, – сказал Серый, подходя ближе.

Пистолет в его руке выстрелил еще дважды, Каменецкий закричал, но наклонившийся к нему Серый что-то сделал, и крик прервался.

– Я знаю, – сказал Серый, – пули в коленные чашечки – это очень больно. Терпеть нельзя. И пуля в живот – больно. Но сейчас у меня есть возможность сделать так, что пока тебе не будет больно. Пока. Что будет потом – неизвестно. Ничего хорошего, полагаю. Ты ведь уже попробовал, как это больно. И только от тебя зависит, вернется эта боль или нет. Я ведь добрый, я подарю легкую смерть.

– Я отойду? – предложил Влад. – Чтобы вам не мешать...

– Зачем же? Ты ведь и так почти все знаешь. А кое о чем – так просто все. Ты ведь видишь сквозь Пелену?

– Вижу.

– Значит, я был прав... Ты хорошо притворялся, но меня не обманешь. Разве что у художника получилось. Почти получилось...

– Мы же по телефону договорились, – напомнил Влад. – Я тебе отдаю Каменецкого, а ты снимаешь нас с крючка...

Влад не смог договорить – удар швырнул его на мокрый асфальт. Влад выхватил пистолет, но Серый был и быстрее, и сильнее.

– Пистолет побудет у меня, – сказал Серый, наручниками сковывая Владу руки за спиной. – Ты посиди тут, извини, что в луже, но ты ведь дождя не боишься. Сколько раз от зонта отказывался...

– Сволочь, – сказал Влад. – Мы же договорились...

– Я и с ним вот договорился, и что? Или ты и вправду собирался за мой счет на Гавайи слетать? А ведь по виду не скажешь, что такой доверчивый. – Серый присел возле Влада, быстро ощупал его карманы, вытащил цветок сатра. – Вот ведь, фавн недоделанный... Не соврал. Ты производишь странное действие на очень уравновешенных и разумных существ. Очень странное. Тебя начинают ненавидеть с пол-оборота, или, как этот гребаный доктор, любить. Ему и нужно было всего-то проверить тебя, и если ты и вправду видишь сквозь Пелену – убить. Обычно таких, как ты, отправляют на Соборку, но тут мы решили сделать исключение...

– Кто «мы»? – спросил Влад.

– Мы – это мы, тебе не нужны подробности. Совсем не нужны.

– Даже перед смертью?

– А ты собрался умирать?

Влад замолчал.

– Вот то-то же, – засмеялся Серый. – Тебя еще ждет много чего интересного, раз уж все так сложилось.

– А если все так сложилось, – сказал Влад, – может, съездим в спокойное место, без дождя? На явочную квартиру. Тут неподалеку... На Есенина. Там поболтаем...

– Нет, – быстро сказал Серый. – Туда не поедem. Там...

– Там труп? – спросил Влад. – Полковника Петренко? Ведь это вы приказали его убить. Вот, Каменецкому приказали. Так? За что?

– Много будешь знать, не дадут состариться. Слышал такую шутку?

– У нас в детском саду были очень остроумные дети... – Серый, застегивая, сильно зажал наручники, руки за спиной начинали неметь. – Но и тогда мы этой шутке не очень смеялись.

– А ты меня не разозлишь, – сказал Серый. – Не разозлишь – и все. Меня трудно...

– Брось, – Влад придал своему голосу самое брезгливое выражение, какое только смог. – Ты же оборотень! Ты же и себя толком не контролируешь. Чуть разозлить – полезет щетина наружу.

Серый схватил Влада за горло, приподнял.

– Вот видишь, – прохрипел Влад. – Пара пустяков...

Серый бросил Влада.

Его лицо в темноте было не рассмотреть, только слышалось дыхание и чавканье грязи под ногами.

– Ты пока полежи тихо, капитан. Полежи, помолчи, а я... Я поговорю с художником. Он мне задолжал. Сильно задолжал...

– А ты не боишься, что я закричу? Прибежит Богдан, а у него автомат... Будет неприятность не только у художника.

– Ты дурак, – Серый наклонился к самому лицу Влада. – Думаешь, Крохе понадобилось много времени, чтобы поломать твоего старлея? Странно, что ты его одного захватил с собой. С другой стороны – жизнь двум пацанам спас, тоже хорошо.

– Зачем это все? – спросил Влад. – Вам нужно было убить своих? Зачем человек?

– Чтобы не вызвать дипломатических осложнений, – ответил Серый. – Все очень настороженно следят друг за другом, Наблюдатели очень нервничают, если гибнет Наблюдатель, Часовщики устраивают бучу, если неприятности у Часовщика... Ну, и если чудит кто-то из гостевых сфер, не человек, тут расследовать будут свои, Часовщики, маах'керу или джинна, а не люди. А если работает человек – тут не так легко понять, откуда хвост растет... Мне бы сразу переполошиться, когда он Часовщика не убрал первым, когда забирал у него оружие и амулеты. Ты чего оставил его в живых?

Удар. Это Серый отреагировал на молчание художника. Еще удар. Ногой, понял Влад. В темноте не разберешь.

– Все выходило очень логично – прозревший нападает на Часовщика-оружейника, забирает имущество, с помощью которого все и производит. А он оружие забрал, а живым уроды оставил. Надо было понять... Но ведь это был единственный прокол. Поначалу – единственный. Только потом...

– Меня-то зачем привлекли? – спросил Влад. – Ты же подозревал... Сам ведь только что сказал – подозревал. Трудно просто убить?

– Я так и предлагал. Замочить – дело с концом, но мне сказал... Сказали, чтобы я не умничал. Я и не умничал. Сказали подготовить материалы, я подготовил. Сказали тебя отправить к доктору – я и поехал к СИЗО...

– Через объездную, – подхватил Влад. – Сверху вниз, чтобы выглядело натурально. Будто на тебя покушались, но ты, как оборотень...

– Маах'керу! – прорычал Серый. – Слышишь? Маах'керу!

– Хорошо, маах'керу, – не стал спорить Влад. – Но даже ты, если бы вылетел через лобовое стекло на скорости сто восемьдесят, разбился бы насмерть! Или у тебя магическая страховка была? Амулет? Точно?

– Я всегда говорил, что ты не дурак. Сволочь, но не дурак.

– А объясни мне, сволочи, а не дураку, зачем было убивать Петренко. Ты же поэтому не хочешь поехать на Есенина, знаешь, что там труп. Зачем вы его убили, причем, сразу? – Рук Влад уже почти не чувствовал, сидеть в луже было не только холодно, но и унижительно, будто это он сам штаны обмочил со страху.

– А ты откуда знаешь о трупе?

– А я туда сегодня ходил. Проверял, отчего это полковник пропал со связи у моего лейтенанта, Игорька Капустяна. Нашел труп. И странный пакет. Фотки, диск с записью...

– Какие фотки? – удивился Серый, и удивление его было искренним. Недоверчивым, но искренним. – Что за диски?

– С заявлением Анечки Сводни о том, что я и мои парни вымогаем у нее деньги за крышу. Неужели ты не знал, что меня решили подставить?

– Не знал... Зачем? Тебя ведь и так и так – в расход.

– Правда, странно? Зачем вешать на меня убийство полковника, если и так есть очень хороший обвиняемый – Константин Игоревич Каменецкий? Или его решили не сдавать? Не убивать. Кто решил? Тот, кто приказывает тебе, Серый? Знаешь, на что это похоже? – Влад рывком сел, попытался встать, но Серый не позволил. – Убийцу полковника милиции будут искать, а маньяка искать не будут. Тем более, что друг с другом все эти дела с убийствами связывались только полковником Петренко, твоими заявлениями и невнятными показаниями свидетелей, да и то далеко не по всем эпизодам. Что нужно сделать для того, чтобы любой

заинтересовавшийся всеми обстоятельствами урод: дейвона или Наблюдатель, не получил бы ничего? Сам ответишь? Или подсказать?

Серый стоял рядом с Владом, Влад слышал, как он дышит и как дождевая вода струится по плащу оборотня.

– Убрать всех! – выкрикнул Влад. – А меня представить убийцей полковника и на этом замкнуть дело само на себя.

– Чушь.

– Серьезно? А почему не предупредили тебя? И, кстати, тебе объяснили, зачем вызвали цирк? Объяснил тебе хоть кто-нибудь, зачем сюда вызвали группу профессиональных убийц, даже еще отчего-то презирающих тебя? – Влад нащупал Серого.

Так бывало при допросах, когда внешне ничего не изменилось, когда урка продолжает юлить, уворачиваться, но чувствует уже Влад под рукой пульс подонка и может управлять его страхом.

– Тебе что сказали по этому поводу? – спросил Влад. – Колись, тебе терять нечего, согласишься. Нечего. Если я прав – тебя уже приговорили. Тебя и твоих людей. Для этого и вызвали чистильщиков. Если я не прав – больше я все равно ничего не узнаю. А если узнаю, то не скажу никому. Не так?

Не вовремя завозился Каменецкий, застонал.

Серый наклонился и ударил, на этот раз, судя по звуку, чем-то твердым.

– Меня, значит... – прошипел Серый. – Меня...

– Действительно, а тебя за что? – засмеялся Влад. – Ты ведь у нас белый и пушистый. Только отчего-то решил найти маньяка в одиночку, даже меня не привлек, метался по городу, повинуюсь его звонкам. Труп там, труп там... Почему не предупредил своего господина?

Влад напрягся. Если сейчас Серый клюнет – можно подсекать.

– О чем предупредить? – спросил Серый.

Неправильно спросил. Неточно. Нужно было спрашивать, не о чем предупредить, а какого господина. Так было бы правильнее. Но Серый пропустил первый удар и поплыл, как боксер на ринге.

Добить.

И не важно, что у него, Влада, руки связаны, а у оборотня – свободны. Еще ничего не кончилось. Абсолютно ничего. Спасибо Хозяину, это он научил.

Ничего не кончилось, пока ты сам не решил.

– О бумагах коллекционера. О материалах физика. О том, куда отправлялись украденные дейвона дети. О том, что это были за дети. О деньгах Васи Лодкина... О том, что все это ты хочешь забрать себе, а не отдать... – Влад сделал паузу.

Не для того, чтобы придать мизансцене драматизма. И не для того, чтобы еще немного надавить на Серого. Влад должен был убедить в первую очередь себя, заставить себя проговорить фразу, за которой стояли только его предположения.

Сны, навеянные цветком, воспоминания о Косово, обмолвки Каменецкого и буйная фантазия Влада Гетьмана – рецепт для убойного аргумента пряный, но ненадежный. Особенно, если этот аргумент должен продемонстрировать Серому то, что его продали.

Один раз подобное с якобы звонком Каменецкого – прошло. Второй раз, при повышенных ставках?

Пауза тянулась, а Серый ждал.

– Ты решил не отдавать все это Шкворню, – сказал Влад. – Решил, что...

Пришло озарение. Вот только что брел он сквозь темноту, осторожно шаря перед собой протянутыми руками, и вдруг... Сложилось. Сложилось, черт возьми.

Все встало на свои места: сны, воспоминания, рассказы Хозяина, – все встало на свои места. И даже то, как странно строил свою карьеру Шкворень, и почему так странно вел себя Серый – тоже лежало в картинке, совершенно не выбиваясь из фона.

– Решил попробовать перехватить источник, – ровно выговорил Влад слово за словом,

словно перечислял никак не связанные друг с другом объекты. – Думаешь, что сможешь это сделать.

– Зачем мне это? Я не маг... Амулет там, талисман, артефакт – пожалуйста, Шкворень этого добра не жалел. А терпеть возле себя мага? Шкворень терпеть не станет. Зачем мне это, даже если бы я и смог? Мне не нужен источник. Так рисковать ради пустышки? – изумление Серого было искренним, таким искренним, что любой другой поверил бы в него.

Любой, но не Влад.

– Тебе не нужен источник. Тебе нужен бизнес Шкворня. Не магия-шмагия, а реальная наркота, реальные девочки, оружие – деньги тебе нужны и власть. Вся ваша магия – только масло на куске хлеба. Вкусно, жирно, но если жрать только ее – желудок не выдержит. Обожравшийся будет дристать в тридцать три струи, не считая брызг... – Влад встал, и Серый его не остановил. – Бизнес нужен. И все. И еще ты знаешь, что Хозяин не ожидает нападения с твоей стороны, ты для него не враг, калибр не тот. А поскольку ты единственный, кто в окружении Шкворня видит сквозь Пелену, то ты единственный, кто не будет пытаться напасть. Люди, забывшись, могут, а ты, оборотень...

Серый не поправил на этот раз.

– А ты, оборотень, слишком четко понимаешь табель о рангах. – Влад сплюнул под ноги Серому. – Кто тебе сказал о содержании бумаг коллекционера?

– Никто, – слишком быстро ответил Серый.

– Врешь. Тебе сказали, и ты решил, что стоит попробовать. А вдруг есть поблизости человек, способный видеть сквозь Пелену и распознавать свет источника. В бумагах это есть. Оказалось, что кто-то активно занимался этим вопросом, выясняя, разыскивая... Их нужно было убрать, тех, кто работал в этом проекте. Да? Тебе так сказали?

– А если и так? Если ты говоришь все по делу? Что это меняет?

– Многое, Серый, очень многое. Ты вне своей стаи... Или как вы там называетесь? Клан, прайд – да какая, к свиньям собачьим, разница? Тебя за что-то выгнали, за что-то настолько позорное, что шансов вернуться не было никаких. Так?

– Так, – с вызовом ответил Серый. – И что?

– Ничего. Только тут был еще Шкворень, верог, маг, сделавший ставку на людей, забирающий себе власть через людей, их руками, по их правилам и законам. Там, наверху, в правительствах всяких и разных, полно ваших. А среди бандюков, да еще на самом верху, да еще коронованных по всем правилам – никого. Если бы Шкворень попытался захватить власть в Харькове магическими способами, у него что-нибудь получилось бы? Нет, ответим мы на этот дурацкий вопрос. Никогда. А так – он контролирует Харьков, с ним приходится считаться всем, чиновникам, власти, магам и волшебникам – всем. – У Влада дико чесался нос, но руки были скованы за спиной – не Серого же просить почесать. – И ты хотел занять его место. Для этого нужно было пару пустяков – свалить Шкворня. А потом – кто больше заплатит, того и источник. Маги ведь не знают, когда новый источник откроется? Не знают. А если вдруг уже существующий освободится? А рядом совершенно случайно будет проходить маг из какого-либо ордена? На такой информации можно очень много заработать. Или я ошибся?

Серый промолчал, и молчание было очень красноречивым.

«Не зарываться, – напомнил себе Влад. – Не зарываться, пока не вылетел в полосу неизвестного».

– Откуда ты все это знаешь? – спросил Серый.

– А мне это передал Каменецкий. А ему – заказчик. Но гарантий мне заказчик никаких не предложил, вот я и решил связаться с тобой... – Влад повысил голос, ему надоели наручники и разговор с Серым тоже надоел. – Ты тоже не давал гарантий, но мог мне их обеспечить.

– Вот тут ты ошибся, – сказал Серый. – Облажался, капитан. Я не могу обеспечить никаких гарантий. Потому что не хочу. Не желаю. И никто – слышишь? – никто меня не может заставить...

– А никто и не будет заставлять. Ты предоставишь мне гарантии моей жизни независимо от своего желания. Спорим?

Серый удивленно хмыкнул:

– Для человека, которому осталось жить несколько минут, ты слишком весел и самоуверен. Тебе Шкворень что-то пообещал?

Произнесено было весело, легко, но в этом вопросе как раз и таилась ловушка.

– Предлагал дружбу?

– Дурак. Он не хочет, чтобы я приближался к нему. Не желает до такой степени, что это похоже на страх. Так?

– Так.

– И ты даже не поинтересовался, почему? Почему он приказал меня убрать? Выяснить, вижу я сквозь Пелену и убрать. Ты-то сам как думаешь?

– Не знаю. Я прикидывал, но...

– И еще раз – дурак. Полный идиот. Ты знаешь, что со мной произошло в Косово? – Владу стало жарко, огонь бросился в лицо. – Ты не слышал?

– Что-то там у тебя вышло с бандитами тамошними. Ты вроде как десятка полтора положил своими руками, когда бежал из плена, каких-то детей интернатских спас. При чем здесь это?

– Там верог погиб. Я перехватил источник – он и погиб. А перед этим я убил больше десятка маах'керу. А после этого – Наблюдателя. Кстати, это ты посылал «бесцветного» в лесопарк, к станции детской железной дороги?

– Нет. Какого «бесцветного»?

– А много среди этих красавцев киллеров?

– Его... – упавшим голосом протянул Серый. – Ты перехватил источник?

– Да. Ты потребуешь доказательств?

– Как это? Не может быть... ты?

– Правда, глупо получилось? Тебе нужен был я, а не вся эта сложная и громоздкая конструкция с бумагами, расчетами, наркотиками и похищенными детьми. Я – а ты хотел меня убить. Сделал все, но не получилось. Жизнь – одно большое свинство, правда? – Влад попытался расправить плечи – холода он уже почти не ощущал, но плечи, сведенные назад, болели. – Дальше будешь меня убивать? И не трудись придумывать ответ, у тебя ничего не получится – Шкворень все знает, и как только ты сунешься к нему, один или со мной, тебя убьют. Серебряной пулей. Шкворень придумает для этого оправдание, типа, не простого человека мы убиваем, заслуженного. Вот и окажем ему почет... Бежать тебе надо бы. Но остался за тобой должок. Ты меня к циркачам возил, демонстрировал, чтобы они, не дай бог, меня с кем-нибудь не спутали. Шкворень повелел, знаю, но теперь цирковые на тропе войны, очень хотят моей крови.

– И что? Думаешь, я сниму тебя с крючка?

– Нет, я сам соскочу. Мне только нужно передать им убийцу их коллеги.

– Художника? Хрен тебе по всему лицу, а не художника! Он мне скажет, где бумаги. Я все сделаю... Не сейчас, так после... Или вообще откуплюсь от Шкворня. Я ему – бумаги, списки, рецепты, а он мне – жизнь. Никто ведь, кроме него и меня, этого не знает. Никто... – В голосе Серого прозвучала насмешка. – Ты – не свидетель, ты – покойник. А способ разбираться с магами прямо на источнике – это такого стоит!.. Это...

– То есть меня убить, художника выпотрошить и уйти?

– Именно! Не так хорошо, как могло бы быть, но сойдет. С таким приданым... – Серый повеселел.

Самое страшное уже прозвучало, все встало на свои места – нужно действовать. Действовать так, как умел Серый. Играть на его поле. Оторваться от Шкворня, благо тот сидит у себя в хате и не дергается.

– Я не закончил, – сказал Влад.

– А мне это и неинтересно... – выпалил Серый и засмеялся. – Я...

– Ты прекрасно подойдешь на роль заказчика, – сказал Влад. – Художник – просто исполнитель, он может рассчитывать на поединок чести. А ты... Дрянь, отброс, предатель. Ты умрешь медленно и мучительно.

– Для этого они должны узнать, что это я приказал убить того маах'керу. А они...

– А они это знают! – Влад отступил на шаг и свистнул. – Знают.

Серый дернулся было за ним, но замер, а потом попятился.

Рычание возникло у Влада за спиной, приблизилось. Странное животное, похожее на хорька и на медведя одновременно, остановилось справа от Влада.

– Хочешь попробовать разобраться с охотниками? – осведомился Влад.

– Или посоревноваться с пулей? – подхватил Капустян, выныривая из темноты слева от Влада. – Я стреляю хорошо, а серебряные пули шанса не оставят.

Серый вновь замер. Выражения его лица видно не было.

– Это не я, – сказал Серый. – Я только передал приказ. Это не я!

Он сорвался на визг, он потерял контроль над собой, и теперь в его голосе не было ничего, кроме страха. Безграничного ужаса.

– Ключ! – потребовал Влад.

Что-то звякнуло у него под ногами. Капустян, не спуская с Серого взгляда и не отводя автомат, присел и подобрал ключ. Открыл замок на наручниках. Влад потер запястья:

– Когда уже закончится этот дождь? Надоело.

Серый сделал шаг назад – маленький, незаметный шаг, но в этой грязи бесшумно двигаться не получалось. Капустяну и маах'керу удалось подобраться так близко только потому, что Серый был увлечен разговором. На что, собственно, и был расчет.

– Два шага вперед! – скомандовал Капустян. – Аккуратно, без фокусов.

– У него мой пистолет, – сказал Влад.

– Но вы же патроны вытащили, – напомнил Капустян.

– У него еще и свой есть.

– Если хочет – пусть попробует. У него же не серебро?

– Не серебро, – подтвердил Влад. – Зачем оборотню серебро? И, кстати, если оборотень попытается перекинуться... превратится, то тут же и подохнет. Оборотень ведь понимает, что окружен, что шансов нет. Понимает?

– Понимает... – глухо ответил Серый. – Понимаю...

Он хотел еще что-то сказать, но вдруг дернулся всем телом так, что даже в темноте это было заметно, и начал заваливаться в сторону. Послышался сдвоенный шлепок. Словно один за другим упали две мокрые подушки. Или два увесистых куска мяса.

Что-то засветилось над самыми головами зеленоватым светом, мягким, но Влад и Капустян зажмурились, прикрывая глаза еще и руками.

Даже маах'керу зарычал недовольно, отворачиваясь.

– Добрый вечер, – сказал, проморгавшись, Капустян. – А вы откуда?

Сатресса стояла над телом Серого.

– А как же клятва Гиппократ, Петровна? – устало спросил Влад.

Она молча посмотрела на Влада и не ответила.

– Ничего себе! Она ведь его напополам разрубила. – Капустян посмотрел на тело Серого и поежился. – Только чем?

– Он не мог жить, – сказала сатресса. – Он должен был умереть.

– Это он убил твоего супруга? – спросил Влад.

– Да. Он и люди... У мужа не было шансов, они напали неожиданно, когда муж шел на встречу с тобой.

– Я не выдавал твоего мужа, – сказал Влад.

– Это телефон, – без выражения произнесла сатресса. – Они следили за телефоном. И когда он шел, его окружили. Он знал... догадывался, что так может случиться. И приказал мне не вмешиваться. Приказал отдать тебе записку и защищать, если придется. А его... Его я защитить не могла. Стояла, превратившись в дерево, смотрела, как этот... – Сатра указала на

Серого. – Как этот задает вопросы. И как убивает. Никто из сатра не вмешался. Слышали, но не вмешались. И я не вмешалась, потому что поклялась Корнями.

– Как ты нас нашла? – спросил Влад.

– Для мага это не так сложно.

Влад подошел к телу Серого и осторожно, чтобы не запачкаться, полез в карман плаща. Незримое лезвие прошло наискось, разрубив руку и ребра по диагонали, и вышло около левого бедра.

– Вот, возьми, – Влад протянул цветок. – Это ваше.

– Он тебе еще нужен, – ответила сатресса. – Больше, чем мне. Оставь.

Огонек, который она зажгла над головами людей, стал меркнуть.

– Я ухожу. Я выполнила свой долг.

– Я благодарю тебя, – сказал Влад. – Если я могу что-то сделать...

Огненный шарик полыхнул, заливая площадку, людей, оборотней, живого и мертвого, отразился в дождевых лужах и в луже крови, пятнистой от капель дождя.

– Ты ничего не можешь сделать! – выкрикнула сатресса, и вокруг нее полыхнул белый ореол. – Ты и остальные люди могут только умереть. Я ненавижу вас! Ненавижу! Не понимаю, почему он относился к вам с жалостью. Вы не заслуживаете жалости! Все. Он был лучше всех вас. Он лучше всех! Но он не послушал меня. И никто из сатра не вмешался, потому что мой муж нарушил обычаи и законы, лишил себя права на защиту и месть. Только я...

Свет погас, и сатресса исчезла.

– Такие дела, – помолчав, произнес Капустян.

– Смешно, – согласился Влад.

– И холодно, – сказал Руслан. – Холодно, грязно и противно.

Влад включил фонарик, осветил – Руслан стоял голый, обхватив себя за плечи грязными руками, оставляя потеки грязи на теле. Ступни и колени также были в грязи.

– Я пойду к машине. – Капустян кашлянул. – Забрать художника?

– Забери оружие у Серого, телефон – обыщи, короче. И иди.

– Ладно, – кивнул Капустян, жмурясь в свете фонарика.

– Ты как? – спросил Влад у Руслана. – Как самочувствие?

– Странное самочувствие, – поежился Руслан. – Может, в первый раз так неприятно. В следующий будет полегче. Но привыкнуть можно. Даже не знаю, радоваться или плакать.

– Иди в машину, там, наверное, Богдан извелся весь. И как бы Кроха не пришел в себя и не начал чудить. Наручники на нем мне в этом смысле особого доверия не внушают. И по дороге оденься.

– А ты?

– А я попробую грехи отмолить.

Влад подождал, пока уйдут Капустян с Русланом, подошел к лежащему Каменецкому, присел на корточки.

– Забавно получилось, – сказал Каменецкий. – Ловко это у вас... Только больно. И как оно, подставлять других под пули? Согревает душу?

– Не очень, – признался Влад. – Вы хотели, чтобы я остановил вас. Пока не поздно.

– Хотел... Думал, что все будет немного быстрее и менее болезненно. Чик – и готово, – голос Каменецкого чуть дрожал, то ли от холода, то ли от потери крови. – За все нужно платить.

– Я знаю, – сказал Влад.

– Убьете меня?

– Не знаю. Выберете вы.

– И вы исполните?

– Наверное. Постараюсь вас уговорить, но если нет – исполню. Циркачи хотели получить убийцу своего соплеменника, – ровно, стараясь не сбиться с ритма, выговорил Влад.

– Убьют?
– Могут убить. Могут замучить. Мы говорили о поединке чести.
– В таком состоянии?
– Поэтому я и не знаю. Честно, не знаю.
– Ну, снять меня с крючка я даже просить не буду, не получится, – Каменецкий тихо засмеялся. – Не знаю, что там со мной сделал оборотень, но это начинает отпускать. Боль возвращается. Из чего я могу выбрать?
– Могу убить я, – сказал Влад. – Могу позвонить циркачам.
– Для вас это?..
– Может, я останусь в живых. Или мне тоже подарят поединок чести. Может, выторгую жизнь для моих друзей. Но больше всего я надеюсь, что смогу добраться до Шкворня. Вы же понимаете, так все сложилось – либо он меня, либо я его. Никто не станет вмешиваться.
– Это правда, что ты смог перехватить источник? Там, в Косово?
– Правда, – ответил Влад.
– Здорово... – простонал Каменецкий. – Я читал в бумагах... Не верил, но так хотелось... Больно... Очень больно. Запорожцы это умели. Они умели это очень ловко... Куда ни ткни в историю – везде они отметились... Даже к Москве ходили по поводу Лжедмитрия... И... и много чего еще... Плохо мне...
Каменецкого колотила крупная дрожь.
– Пойдешь к Шкворню? – смог проговорить он.
– Пойду. Счет у меня к нему.
– Хорошо. – Каменецкий с трудом поднял руку. Сунул во внутренний карман куртки, залитой его кровью, достал листок бумаги.
В клеточку, вырванный из общей тетради. Протянул Владу.
– Тут адрес, – прошептал он. – Там – все. Записи, материалы, адреса – все там. И номера счетов, деньги... Вызывай циркачей. Только скажи: пусть они скорее... Очень больно. И что бы там ни случилось – прижми Шкворня. Пусть они не лезут в наши дела... Пусть не лезут... не люди...

Влад вытащил телефон и набрал номер.

Глава 13

Влад велел сделать крюк, остановил машину возле проходного двора на Пушкинской.
– Встречаемся в десять возле Успенского, – уходя, бросил он через плечо.
– Орел! – буркнул Богдан. – Наполеон! Талантище!
– А мне нравится, – неожиданно сказал Капустян и улыбнулся. – Он хорошо держится. Я бы...
– Ты бы... – передразнил Богдан. – Ты его знаешь полтора дня, а уже он и нравится... Ясное дело – нравится. А ты с ним год потришь, эту симпатию сохрани, вот тогда и рассуждай. Нравится... Мне вон итальянская сантехника нравится и что? Гажу я в нее при случае от всей души и комплексов не испытываю. И Влад многим нравится... И гадят, суки...
– Ты с утра и недосыпа – злой, – сказал с заднего сиденья Руслан. – Ты, Игорь, внимания не обращай.
– Ага, не обращай, Игорек! – согласился Богдан. – Ты, Игорек, не соглашайся, а думай, что рапортовать подполковнику Осокину будешь обо всем происходящем. Типа – что видел, что слышал... Ты же с нами всю дорогу был, даже больше моего увидел. Я в парке Кроху сторожил, ни хрена не знаю, что там и как там с Серым вышло.
– Никак. – Руслан зевнул, поднял воротник куртки и прислонился к дверце. – И на следующий твой вопрос отвечаю – никто.
– А убивать, если что, нас будут вместе, между прочим. И что я скажу, когда меня пытать ребята Шкворня начнут? Вам проще – получил по ребрам, сломался, заплакал, сопли-слезы, то-се, вспомнил-выложил, что в голове было. И получил послабление, пулю там в лоб, или еще какой отпуск. А я? Спросят старшего лейтенанта Лютого, кто убил Серого, и что ответит старший лейтенант Лютый? Не знаю? А ему не поверят и будут старшего лейтенанта

Лютого пытаться. А я не люблю, когда меня пытаются. Не пробовал, но не люблю. Я вообще не могу себе представить, как можно все это терпеть. Все эти героические подпольщики в застенках гестапо... Как можно терпеть, когда тебе иглы под ногти вгоняют? Как, скажите?! Я себе занозу загнал как-то – вылез и на стену лез.

– Помню, – кивнул Руслан, не открывая глаз. – Весь детдом на ушах стоял, пока тебя ловили, а потом занозу вытаскивали, а потом йодом замазывали... Одно из самых сильных моих воспоминаний детства.

– Вот и я говорю – не выдержу. И что мне тогда прикажешь делать?

– А оно и к лучшему. Не знаешь – не выдашь. А если до разборки дойдет, то знаешь ты или не знаешь, а ничего поделать не сможешь.

– Понятно... – Богдан тяжело вздохнул и покосился на Капустяна, бесстрастно сидевшего за рулем. – А ты чего такой спокойный, дубина?

Капустян посмотрел на Лютого и улыбнулся своей детской улыбкой.

– Ты мне глазки не строй, ты мне скажи – какого ты такой спокойный? Ты-то здесь с какой стороны? Тебя ж послали следить и доносить. Ты с каких хренов на смерть собрался? Это у нас выбора нет, а у тебя...

– А у меня какой? – спокойно спросил Капустян.

– Как это? – даже опешил Богдан. – Все бросить, ломануться к отцу... Он же спрячет?

– Спрячет.

– Ну?

– И что дальше? Ему я как это объясню? Струсил? – Было видно, что Игорь искренне не понимает, как можно вот так просто струсить. – Как после этого жить? Мне отец...

– Веселый у тебя отец. – Богдан оглянулся на Руслана. – Вот ведь воспитал... Порол по субботам после бани?

– За дело – порол. Как же без этого?

– Исключительный случай! – восхитился Богдан. – Лучше умереть, чем пред ясны очи батеньки предстать опозоренным! Так он внуков и не дожидется. А что мать?

– А матери у меня нет, – ответил Капустян. – Я ее и не помню. Я до десяти лет и отца не знал, жил в деревне. А он то ли на Севере был, то ли еще где – я не спрашивал. Меня бабка воспитывала поначалу.

– У нас два часа, – напомнил Руслан. – Куда едем?

Мимо их машины прогрохотал трамвай. Автомобили, медленно ползущие по Пушкинской, сигналили друг другу и все норовили создать пробку.

– Пожрать, – сказал Богдан. – И студент, небось, хочет. Нет?

– Можно.

– В кабак?

– В дурак, – отрезал Руслан. – Поехали домой к Владу.

– А почему не к нам в общагу?

– Потому что к Владу. Поедим, обсушимся. У нас целый час выйдет на все это. А кафе ты в восемь утра не найдешь.

– Не найдешь... – не мог не согласиться Богдан. – Поехали к Владу. Ночь у меня прошла содержательно. – Он зевнул. – В парке – все куда-то ходили, все чего-то делали, кроме меня. И никто ничего мне не сказал. Потом мы ждали, пока приедут циркачи. Зачем? Снова все ушли в темноту, в дождь и слякоть, а меня заботливо оставили в машине. Что вы там делали?

– Я тоже оставался в машине, – быстро ответил Капустян. – С вами вместе.

– Согласен. Вопрос не к тебе. Слышь, брательник? Что там делали с циркачами?

– Они забирали тело Серого, – помолчав, ответил Руслан. – И забирали Константина Игоревича Каменецкого...

Богдан повернулся к Руслану всем телом, опершись на спинку кресла.

– Взяли? Он там за каким лешим оказался?

– Сдаваться пришел.

– Так это он Серого?

– Потом мы поехали в цирк, пообщаться с трупой, – словно не расслышав вопроса, сказал Руслан.

– Я снова остался в машине. – Богдан заметил, что Капустян хочет что-то добавить, и быстро проговорил: – Вместе с лейтенантом. Вдвоем.

Капустян кивнул.

– Что там было?

– Как тебе сказать... – Руслан открыл глаза и посмотрел на Богдана. – Если в двух словах – то решали, убьют Влада и меня прямо там, или найдется компромисс.

– И что? – спросил Богдан.

– Убили прямо там, – ответил Руслан и снова зевнул. – У тебя с головой с утра проблемы?

– Тоже заметил? – Богдан вздохнул. – А Каменецкий?

– А Каменецкий остался там, – спокойно, слишком спокойно ответил Руслан, твердо глядя в глаза брату. – Сказать, зачем остался?

– Я догадываюсь. – Богдан отвернулся, поерзал в кресле и пристегнулся ремнем. – При вас они его?

– Совсем дурак? Они отнесли его в зал, я остался в вестибюле, а товарищ капитан с директором о чем-то беседовали, но о чем – я не слышал.

Машина выскочила на Сумскую возле парка Горького. Проезжая мимо кинотеатра, Капустян притормозил, словно собираясь рассмотреть сквозь деревья место, где умер Серый.

– Тело забрали? – спросил Богдан.

– Серого? Циркачи увезли, – ответил Руслан. – Сказали – похоронят.

– Зверью своему отдадут, гадом буду!

Руслан вздохнул.

– Руслан, – позвал лейтенант. – Я спросить хотел.

– Давай, – разрешил Руслан.

– А что это за зверь был? Ночью. Волк – не волк. Не медведь, точно.

– А я откуда знаю? – Руслан снова вздохнул. – Там надпись не появилась.

– Вы о чем? – спросил Богдан.

– О своем, о девичьем, – ответил Руслан. – Много будешь знать...

– Вам не надоело в тайны играть? Не надоело? – Богдан наконец обиделся. – Этому стукачу – можно знать. А мне... Чем он лучше? Чем? Чем ты лучше меня, стукач?

– А меня не жалко, если что, – улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой Капустян.

– Я случайно увидел больше, чем нужно, и дальше уже так пошло, а вы еще не совсем влипли... Как я понял.

– Значит, все совсем, а старший лейтенант Богдан Лютый – не совсем?! – взорвался Богдан. – Значит, всем умирать, если что, а мне... Мне...

– Ты тоже умрешь. Лет через семьдесят. Схватишь инфаркт на семнадцатилетней, – успокоил его Руслан. – А я приду на твою могилу...

– Это я приду посрать на ваши могилы, уроды! – выкрикнул Богдан.

– Хорошо, – сказал Руслан. – Мы придем посрать на могилы друг друга.

Богдан задумался. Оглянулся через плечо, хмыкнул. Потом не выдержал и засмеялся. Засмеялся и Капустян. Даже Руслан улыбнулся.

– В магазин заедем? – спросил Богдан.

– Не нужно, я в холодильнике запасы сделал, – ответил Капустян. – На завтрак хватит, а на обед...

– Если у нас будет обед...

– На обед тогда скупимся. – Капустян притормозил машину перед подъездом. – Выходите, а я поставлю машину на площадку.

– Не нужно, – сказал Руслан. – Поставь здесь, под окнами, заезжай на тротуар, тут все так ставят.

– А стволы? – спросил Богдан.

– Давай автоматы сюда. – Руслан протянул руку, забрал оружие у Богдана и у Капустяна. – Я их в сумку положу.

Капустян поставил машину, заглушил мотор. Вышел и потянулся. Огляделся. Из соседнего подъезда вышла женщина средних лет, недовольно посмотрела на тучи, сочившиеся редкими каплями, открыла зонт.

Богдан поднялся по ступенькам на крыльцо, взялся за дверную ручку. Руслан с сумкой шел следом, отстав на пару шагов.

Дверь Богдан открыть не успел – она открылась сама. Из темного подъезда кто-то шагнул навстречу Богдану, парень какой-то в неприметной серой курточке и кепке, надвинутой на глаза.

Женщина поравнялась с Капустяном, тот посторонился.

Парень проскочил мимо Богдана, толкнув плечом, и сбежал по ступенькам. Богдан оглянулся и даже успел сказать что-то вроде: «Глаза протри...», как из подъезда ударили два выстрела, один за другим.

Богдан упал. Руслан выронил сумку с оружием, потянулся за своим пистолетом, но парень, пробежавший мимо него, неуловимо быстрым движением выхватил из кармана куртки электрошокер и ткнул его в шею.

Тело Руслана выгнулось, он упал на спину в лужу, расплескивая грязную воду. Богдан, отлетев назад и взмахнув руками, покатился по ступенькам крыльца. Капустян пистолет достать успел. Наверное, он даже успел бы выстрелить, если бы не женщина, вдруг остановившаяся прямо перед ним со своим нелепым цветастым зонтиком. Капустян, снимая пистолет с предохранителя, шагнул в сторону, освобождая себе линию огня, но в руках у женщины тоже был электрошокер.

Игорь Капустян упал не сразу. Женщине пришлось еще дважды нажать на кнопку, прежде чем он свалился, выронив оружие.

Возле подъезда остановился грузовик. Всех троих заковали в наручники, бросили в фургон. Женщина устроилась возле водителя, парень в серой куртке открыл дверцу машины Капустяна его ключом, сел за руль.

Рядом с ним, подхватив сумку, сел другой парень, стрелявший из подъезда в Богдана.

Через минуту перед домом никого не было. Только двое или трое жителей выглянули в окна, посмотреть, кто стрелял. Остальные, услышавшие выстрелы, решили, что это снова мальчишки балуются петардами.

* * *

Влад подошел к Успенскому собору вовремя, но машины Капустяна не было.

Несколько дождевых капель попали в глаза, Влад смахнул их с лица и поежился. Нужно завязывать с этими постоянными холодными ваннами. Можно вообще уехать куда-нибудь, где не бывает дождей. Или туда, где не бывает дождей холодных.

Он прошелся вдоль дороги, поглядывая по сторонам. Сразу было понятно, что человек кого-то ждет и нервничает при этом.

Влад задрал голову, глянул на часы собора. Десять десять.

«Сейчас дождь усилится», – обреченно подумал Влад.

И будет лить до самой смерти. И капитану Гетьману так и не удастся еще раз увидеть простое голубое небо с незатейливым кружком солнца посередине. Все эти абстракции туч ему надоели.

«Где же они? – подумал Влад. – У них на все должно было хватить времени. Руслан с ними, этот все проконтролирует и выполнит распоряжение точно. И в срок».

А срок уже прошел. Пятнадцать минут назад.

Черт-черт-черт... Что-то пошло не так? А что могло пойти так? Если честно.

Ты собрался драться до конца? Зачем? Тебе показалось, что выбора нет? А какого ты хотел выбора?

Нет, понятно, если бы от твоих действий зависела судьба человечества, все было бы

гораздо проще. Или хотя бы жизнь человека. Пожертвовать собой ради того, чтобы спасти друга. Или обычного прохожего, но попавшего в беду. Это – понятно. Это можно объяснить хотя бы себе самому. Или даже не объяснять, это уже на уровне рефлекса.

А ради чего он здесь? Ради чего подставил парней? Нет, от них все равно отбиться не получилось бы, они все равно сунулись бы в разборку, без плана, без хоть какой-нибудь подготовки и проработки.

Пусть на уровне бреда, что ли... Вот как его план.

Цирковые выслушали этот бред молча. Арсен Михайлович чуть приподнял бровь, услышав про источник и возможность его перехвата. Не поверил с ходу и не поверил, наверное, и после того, как Влад рассказал ему о Косово, о желтом сиянии, о Хозяине, рвущем свое лицо, о том, что было после этого, о том, как умер верог...

Арсен не поверил, не смог до конца поверить, но обещал сделать со своей стороны все возможное. Даже на предложение оставить себе или любому магу-ордену-клану на выбор источник после всего как уплату и за жизнь Каменецкого в том числе, он ответил отказом.

Убийца – умрет. Заказчик этого убийства...

Арсен согласился подождать, но по выражению его лица было понятно – ждать он будет недолго.

Маах'керу – не предают, сказал когда-то Хозяин. Не предают. Поклявшись, они держат свое слово крепко. Если он дал слово, то оно больше ему не принадлежит, сказал Хозяин. И взять его назад – не получится. Это выйдет воровство, а маах'керу не ворует. Подохнет с голоду, но воровать не станет.

«Будем надеяться, – подумал Влад. – Ничего другого не остается».

Десять тридцать. Наверное, он напрасно оставил свои телефоны у Богдана, они теперь не смогут ему позвонить, даже если очень захотят. Можно позвонить им, но если они влипли, то своим звонком он выдаст себя и свое местоположение.

Хотя, в общем, это неплохой вариант. Можно заскочить в салон, купить телефон и стартовый пакет, позвонить... Или все-таки лучше потоптаться здесь еще, озабоченно поглядывая на часы Успенского собора и делая вид, что не замечает двух ребят, нарисовавшихся со стороны сквера и Вечного огня. И еще не обращать внимания на джип с тонированными стеклами, медленно взобравшийся по Университетской со стороны ЦУМа.

Нет, все это не получилось, не вышло прикидываться, когда из джипа вылез Кроха и направился прямо к Владу, держа левую руку в кармане кожаного плаща, а перевязанную правую – за обшлагом. Наполеон хренов.

Плащик после ночной конфузии все еще не до конца вычищен. Не до того было Крохе.

Циркачи Кроху отпустили. И, похоже, почти сразу после того, как Влад со товарищи убыл по своим делам.

– Ближе не подходи, – сказал Влад негромко, поворачиваясь к Крохе. – Руку из кармана вынь – медленно и осторожно. И поврежденную – тоже. У меня куртка старая, так что я стрельну прямо через карман без малейшего сожаления. А настроение – мерзкое. Предупредительного выстрела, извини, не получится. Совесть пролетарская не позволит.

Кроха остановился метрах в пяти, осторожно вытащил из-за обшлага правую руку, пошевелил пальцами. В левой руке что-то было, но Кроха быстро разжал кулак и продемонстрировал мобильник. Его, Влада, мобильник.

– Вам привет от Шкворня, Владислав Александрович. Он просил, чтобы вы звякнули кому-нибудь из своих.

– Кому?

– А все равно. Ответит из старших лейтенантов тот, который чернявый. Двое других, типа, не сотрудничают.

– А если я тебе сейчас чего-нибудь прострелю? – самым обыденным тоном поинтересовался Влад. – Ты так славно стоишь...

– Так и вы тоже неплохо стоите, – усмехнулся Кроха. – Вот там, в тачке, – винтарь с оптикой. Видите, стекло опущено? Винторез с глушителем. Шкворень сказал, что если вы

начнете выкобениваться, то можно вас, значит, дырять. И не только по конечностям. Можно пулю даже и в живот. Сказал, что вы ему все равно успеете все рассказать. Позвоните...

Кроха протянул мобильник.

Влад секунду помешкал, потом взял. Позвонил Руслану.

– Да, – ответил совершенно незнакомый голос.

– Это не Руслан, – сказал Влад. – Я или говорю с ним, или...

В трубке что-то зашуршало, приглушенно прозвучало: «Возьми», и теперь уже Руслан сказал:

– Да.

– Что случилось? – спросил Влад, покосившись на Кроху.

– Нас ждали у подъезда, – ровно, без эмоций ответил Руслан. – Меня и Капустяна – шокерами, Богдан получил две резиновые пули в грудь.

– Как он там?

– Как... Ребро вроде треснуло и гематома на весь бок.

– Понятно. Вы где?

– На Москалевке, в гостях.

– У самого?

– Да. В особнячке.

– Как принимают?

– Нормально. Богдану сломали челюсть... Кроха сломал. Старается, сволочь, за ночное мстит, и работу на Серого отмаливает. Я так понял, Серый тут не в чести...

– Челюсть, говоришь?... – Влад посмотрел в глаза Крохе.

Тот первые секунды взгляд выдерживал, потом дежурная ухмылка с лица сползла. Кроха отвернулся и отошел.

– Капустян?

– Его пока не трогали, знают, что он нам чужой, да еще и стукач. Держат отдельно.

– А ты?

– У меня несколько ушибов и палец сломан. Был. – Руслан чуть понизил голос, но потом, словно спохватившись, вернулся к прежней деловитой интонации: – Я прикинул, что шансов у нас нет... Если вы с ними не переговорите. А так... Шкворню нужны бумаги и все, что собрал художник.

– Шкворень рядом? – спросил Руслан.

– Да. Передать ему трубку?

– Давай, – Влад повернулся к Крохе спиной.

Теперь его сторожили уже пятеро, не считая Крохи и снайпера в машине.

– Да?

Влад вздрогнул, услышав этот голос, желудок судорожно сжался, и в горле разом пересохло.

Он надеялся, что уже никогда не услышит таких интонаций.

– Ты хотел со мной поговорить, Шкворень, – Влад смог сказать фразу ровно, без хрипоты. – Ты забрал моих друзей...

– А ты забрал то, что принадлежит мне.

– Не тебе, а...

– Мне. Теперь – мне.

– И что следует из этого? – спросил Влад.

– Я могу их отпустить. Мне и ты, собственно, не нужен. Мне нужны... Ну, ты понял...

– И ты от меня отстанешь? – Влад даже не пытался скрыть иронию. – Вот так возьмешь и отпустишь?

– А почему нет? Если ты в течение сорока восьми часов исчезнешь из города...

– Это мой город, – сказал Влад.

– Это мой город, – ответил Шкворень. – Я здесь живу уже больше ста лет.

– Сука, – сказал Влад.

– Называй, как хочешь. А я слушаю твой ответ.

Влад оглянулся, посмотрел на ребят Шкворня, прикидывая свои шансы. Шансов не было.

– Нам нужно встретиться лично, – проговорил Влад.

– Я не хочу тебя видеть, – быстро ответил Шкворень.

– Тогда можешь отдавать приказ своим парням, пусть стреляют.

– А своих пацанов ты мне отдашь?

– А мне будет все равно. Не согласен? В бога я не верю, в загробную жизнь – тоже. Убьешь их... – Голос должен звучать ровно, без надрыва. – Ты ведь все равно их не отпустишь. А я приеду, поговорим. Ты отпустишь ребят, я останусь. Когда они будут далеко – мне перезвонят, и я скажу, где все спрятал.

– Так все и скажешь? – насмешливо спросил Шкворень. – За пацана меня держишь?

– А разве кто-то сомневается, что ты сможешь разговорить любого? – в тон ему ответил Влад. – Свои условия я изложил, теперь – твоя очередь. Решай.

– Тебя повяжут без твоего согласия.

– Один раз я выстрелить успею. В голову я себе попаду даже с вашей пулей в животе. Покойника расспрашивать станешь? – Влад напрягся, верог вполне мог сказать что да, что он вполне может и с покойником поговорить, тот даже сговорчивее может оказаться, чем живой.

Хозяин не затрагивал этого вопроса, не говорил, может некромантствовать или нет. Не дошло как-то у них до этой увлекательной темы.

– Хочешь рискнуть? – спросил Влад. – Мое предложение лучше – у тебя появляется уверенность, а у меня – шанс.

– Хорошо, – с неохотой сказал Шкворень.

С очень большой неохотой сказал, прямо со страданием в голосе сказал. Тварь.

– Дай трубу Крохе.

Влад отдал телефон и молча прошел к джипу. Остановился перед задней дверью и подождал, пока подбежавший Кроха ее откроет.

– Очисти машину от посторонних, – сказал Влад брезгливо. – Капитан Гетьман с урками на одном сиденье не катается.

Кроха наклонился к машине, что-то тихо сказал. Через минуту оттуда вылез подтянутый мужчина лет пятидесяти, по осанке – бывший военный.

– Машинку разрядил? – спросил Кроха.

Мужчина кивнул и отошел в сторону.

– Прошу, – сказал Кроха. – Я – возле водителя.

– Место смертника. – Влад сел в машину. – Слышал? Так называют это место на Западе. Только наши и арабы считают переднее сиденье крутым и престижным.

– А мне нравится тут, – ответил Кроха. – Все видно.

Кроха закрыл за Владом дверь, сел возле водителя. Машина тронулась.

– А давай я тебе пистолет отдам, – предложил Влад. – А то, боюсь, не совладаю с собой и поддамся соблазну.

Кроха, не оборачиваясь, протянул свою лапищу – пистолет лег ему на ладонь, как игрушечный.

– А ты смерти не боишься, значит? – Влад откинулся на кожаном сиденье, вытянул ноги. – Такой спокойный.

– Если бы какого мелкого сявку везли – обшмонал бы и даже шнурки бы забрал. А вы ведь человек серьезный, не просто так едете, надеетесь поделщиков своих спасти. – Кроха небрежно сунул пистолет в бардачок. – Не, перед домом вас, само собой, обыщут, чтобы без проблем. Но это уже не я. Это пацаны из ближнего круга.

– А ты, выходит, подай-принеси и подохни, когда скажут?

– Выходит, – вздохнул Кроха. – Но и вы не генерал. Не знаю, чем вас манил Серый, но

ведь вы согласились. И подать, и принести, и...

Кроха прервал фразу, в воздухе так и повисло произнесенное «подохнуть». И Кроха, и Влад это прекрасно понимали.

– А хочешь, Кроха, я тебе скажу, чего от меня Шкворень хочет? – ласково поинтересовался Влад. – Скажу. И даже где я это прячу, тебе сообщу?

– Типун вам на язык, Владислав Александрович! – Кроха даже руками замахал. – Только попробуйте – вырублю, кляп в рот вставлю и наручники надену. Это ж приговор. Я не знаю, что там у вас срослось, только мне этого знать не положено. И нежелательно...

– Не возражаешь, я вздремну? – спросил Влад.

Ему не хотелось продолжать этот дурацкий разговор. Он сам напросился на встречу только с одной целью – выручить ребят, а Кроха рассказывает, что шансов все равно нет. Никаких шансов нет.

Влад хотел просто прекратить разговор и посидеть несколько минут с закрытыми глазами, обдумать свои дальнейшие действия. Слишком поздно он сообразил, что изделие сатра все еще у него в кармане, а пальцы левой руки все еще скользят по его теплым нитям.

* * *

– Больно, – сказал Приблуда, не открывая глаз.

Он не чувствовал своего тела, была только боль, словно плоть превратилась в боль и отчаяние. И душа Приблуды застряла в этом клубке, не в силах вырваться и улететь, в рай ли, в ад – все равно.

Хуже быть не могло.

Качура, Черепень, Мороз, Самохвал, Звиняйбатько... Незнакомый Приблуде Лихолет, Стриж и его невеста Катерина – они погибли впустую. Проклятый колдун одолел их... Одолел. И самого Приблуду он пленил...

И все у него украли – родную семью, мать, отца. Может, и братья у него родные были?

И Охрим с сыновьями сгинул в адском огне, который обрушил на козаков Степной Орел.

Почему? Почему они не сказали ему, Приблуде, что взяли его с собой как оружие, как подозрную трубу, чтобы разведать, рассмотреть этот проклятый источник? И теперь... Теперь – все впустую.

Теперь Приблуде остается только умереть. Как козак. Как...

Волк. Почему он так себя вел? Почему? Он же попытался убить колдуна. Бросился на того, когда спустился Степной Орел со своего трона. Зачем он Приблуду предал, отдал его татарам? Да еще рассказал, что умеет Приблуда.

Зачем?

Отвлечь? Наверное. Ему нужно было приблизиться к колдуну, показать что-то интересное, чтобы на секунду забылся тот, отвлекся, подставил горло под удар.

Только характерник мог сделать такое. И Приблуду, и связанного Чугайстра обыскали перед залом, иголку не получилось бы пронести с собой. И проскочить мимо джинна – тоже не получилось у человека.

Вон, Чугайстр попробовал, когда у Волка не вышло.

И Чугайстр... Он ведь начал все рассказывать колдуну. Правду говорил, не врал. Зачем? Смерти испугался? Нет, не мог Чугайстр испугаться. Отвлекал колдуна, вместе с Волком лицедействовал... Выходит, с самого начала знал, что так будет. И все знали, что живыми не вернутся. И пошли. Чтобы Приблуду и Волка довести до колдуна.

Характерники придумали. Хитры они, любого вокруг пальца обведут. Сколько историй слышал Приблуда зимними вечерами про то, как характерники и ляхов, и татар с турками, и московитов обманывали, обкручивали, глаза отводили и головы морочили...

А тут не получилось...

Приблуду потрянуло, боль, которая, казалось, сильнее уже и быть не могла, усилилась, расплескалась на весь мир, подхватила огненной волной и вознесла к самому солнцу, под его испепеляющий жар. И швырнула вниз, в ледяную бездну. На самое дно моря.

Приблуда закричал, забился, чьи-то руки схватили его за плечи, прижали, а в рот, сквозь запекшиеся сухие губы, потекла вода.

– Лежи, сынку, лежи, – прошептал кто-то в самое ухо, обдав Приблуду запахом табачного перегара и горилки. – Все пройдет...

Чугайстр... Он жив. Его заперли в темницу вместе с Приблудой, старик тоже знает тайны войска запорожского... Знает, как выбрать ребенка, который может стать Зрячим. Знает. А сможет ли молчать?

Приблуда облизал губы, попытался открыть глаза – и не смог. Темнота окружала его.

– Дядька Чугай... – прошептал Приблуда и почувствовал, как треснули его губы, как кровь потекла, почувствовал вкус ее солоноватый. – Дядька Чугайстр... Молчи. Ничего не говори ему, проклятому... Терпи, дядька Чугайстр!

– Все хорошо, хлопчик, – прошептал Чугайстр на ухо. – Ты потерпи. Это пройдет, я знаю...

«Что пройдет? – удивился Приблуда. – Боль пройдет? Жизнь пройдет».

– Я не вижу, дядя Чугайстр...

– Это ничего, я тебе глаза завязал, нельзя тебе сейчас смотреть – больно. Я знаю.

– Мне и так больно, дядька Чугайстр. Везде болит...

– Я знаю... Терпи... Ничего сказать другого не могу – терпи. И нас прости, проклятых. За муки свои прости, за брехню нашу прости... Мы тебя домой возем. Там отлежишься. Не держи зла на Сечь.

– Я... – прошептал Приблуда. – Не держу... Батька... Охрим тоже сгорел?

– Нет, живой твой батька. И братья – живые.

– Живые... Сколько козаков погибло?

– Два десятка. Это если наших не считать. От огня – два десятка. Потом еще двенадцать человек, когда в крепости бой шел. Джинна проклятые... В коридоре, если бы не характерники, если бы не ты... – Чугайстр положил шершавую ладонь на лоб Приблуды. – Спасибо тебе.

– За что? – спросил Приблуда, уже зная ответ, уже поняв, что произошло там, на башне, зачем везли его козаки к крепости. – А если бы...

– Тогда бы все погибли, – ответил Чугайстр.

– Сказали бы... Научили...

– Нельзя. Научить нельзя. Можно найти ребенка, можно растить его, можно отправить его в самую пасть к дьяволу, в страх, в боль...

– Я должен был испугаться? – спросил Приблуда. – И тогда...

– Нет, не испугаться. Страх только готовит. И боль готовит. Они от дьявола. Они – зло. Жалость. Любовь. Сострадание, – Чугайстр говорил странные слова, непривычные ни для Приблуды, ни для себя самого. – Только тот, кто может жалеть. Кто готов...

– Умереть, – прошептал Приблуда.

– И умереть за друзей своих, – шепотом ответил Чугайстр.

– Я понял, – сказал Приблуда. – Понял. Только... почему Лихолет не смог? Почему меня послали, ведь ты... Ты ведь перехватывал источник, ведь так?

– Перехватывал... – еле слышно сказал Чугайстр.

– Так почему сейчас... сюда вы меня повели?... Ведь могло не получиться...

И Чугайстр ответил.

И Влад проснулся, вскрикнув, таким страшным оказался этот ответ.

* * *

Джип раскачивало, словно лодку в шторм.

– Все нормально, – Кроха оглянулся назад, на Влада. – Это тут такие улицы вокруг дома Шкворня. Пацаны ему предлагали пригнать катки и рабочих, чтобы все заасфальтировать, а он сказал, что это для безопасности. Чтобы, типа, как противотанковые препятствия.

– Правильно сказал, – Влад охрип спросонья, пришлось откашляться. – А так из

машины можно на большой скорости выстрелить. И тому подобное. Шахид какой-нибудь, опять же.

– Шкворень не дурак, – то ли с одобрением в голосе, то ли с завистью произнес Кроха.
– Ведь у него врагов сколько – не перечсть. Другого уже замочили бы давно, а Шкворень...

– Бледный, – сказал Влад. – Шкилет.

– Ты с такими шуточками поосторожней, – пробормотал Кроха. – Он таких шуток не понимает.

– А мне это до жопы! Мне на него насрать. Мое знакомство с ним долго не продлится. Ни в одном случае, ни в другом.

Джип остановился перед металлическими воротами. Из калитки вышел коренастый крепыш и, ежась под дождем, подошел к машине.

– Свои, – сказал Кроха.

Крепыш не ответил, мельком глянул на сидевших спереди, внимательно осмотрел салон, поглядел в лицо Владу.

– Багажник открой, – приказал он.

Влад осмотрелся. Ворота были внушительные, никак не жечь, и забор был сложен из бетонных блоков. Калитка, выпустив крепыша, закрылась. В ней была широкая узкая прорезь, явно не для писем. Еще пару амбразур, закрытых металлическими заслонками, обнаружил Влад в бетонном заборе.

Плюс видеокамеры, плюс проволока под напряжением.

Живет Шкворень безопасно, но невесело.

Крепыш осмотрел багажник, чем-то громыхнул в нем, перекладывая. И охрана у него работает без суеты и лени, оценил Влад. Всякий, кто попытается атаковать, будет нести потери. Громадные потери.

Вот интересно, а если бы кто-то в прокуратуре сошел с ума и решил арестовать Шкворня – пришлось бы проводить войсковую операцию? Он, Влад, бы сюда без поддержки танков не сунулся.

Без бомбардировщиков, танков, тяжелой артиллерии...

Ворота отъехали в сторону, пропуская машину не во двор, а в своеобразный тамбур, с еще одними закрытыми воротами.

Джип остановился.

– Выходим, – скомандовал Кроха и вышел из машины. Вышел и Влад.

Сон его не обнадежил. Все было плохо и безрадостно. Верить Шкворню нельзя. Никак нельзя. Приезжать сюда было глупо.

Разве что был у Влада козырь в кармане... И, таки, был. Но это должен был понимать и верог. И все-таки он согласился на личную встречу в своем оплоте.

Все блефуют. Абсолютно все. Но выигрывает-то только один, вот в чем проблема.

Влад вытерпел обыск. У него отобрали все: ключи от квартиры, запасные магазины к пистолету, цветок сатра, документы и деньги. Все сложили в пластмассовую коробку и унесли куда-то в боковую дверь.

Внутренние ворота приоткрылись немного, ровно настолько, чтобы мог пройти человек. Здоровенному Крохе пришлось протискиваться.

Двор был довольно широкий, метров тридцать на пятьдесят. Забетонированный. Дом, стоявший в глубине двора, напоминал воспалившийся дот, вспухший от давления крови и гноя.

Узкие окна, невысокая дверь с амбразурой.

Дверь открылась, как только Влад к ней подошел. Кроха остался посреди двора.

– Ты не со мной? – спросил Влад.

– Слава богу – нет, – Кроха помахал рукой.

– Даже до свидания не скажешь? – Влад тоже помахал рукой Крохе.

– На этом свете – нет, – ответил Кроха и отвернулся.

– И тебе долгих лет жизни, – пожелал Влад, переступая порог.

Удар – Влада согнуло, еще удар – Влад упал бы на пол, если бы кто-то не подхватил его под руки.

Влад еще только попытался вдохнуть, как руки ему вывернули за спину, щелкнули наручники.

Его бросили на пол, тщательно обыскали. Даже швы прощупали.

Влад не сопротивлялся – ему было не до того. Ему нужно было восстановить дыхание. Били сволочи мастерски, со знанием дела.

Его буквально проволокли по лестнице на второй этаж, втокнули в комнату и захлопнули дверь, словно и сами не хотели попасться на глаза обитателю этой комнаты. Так бросают еду в ящик со змеями, приоткрыв крышку и тут же торопливо отдернув руку.

На ногах Влад устоял – это было дело принципа, в конце концов. Не то, чтобы он был готов умереть стоя вместо того, чтобы жить на коленях, но и барахтаться в ногах у кого бы то ни было не собирался.

В комнате царил тьма – так вначале показалось Владу. Потом он увидел, что пара настенных светильников горит, правда, не особо разгоняя мрак. Окон либо не имелось, либо они были плотно зашторены.

Посреди не слишком большой комнаты стоял массивный обеденный стол, за ним – кресло, тоже массивное, из темного дерева.

– Привет! – послышалось из угла.

Влад оглянулся, присмотрелся – все трое сидели на полу. Вернее, Руслан и Игорь сидели, а Богдан практически лежал, неловко скорчившись. Ему явно досталось больше остальных.

– Живы? – спросил Влад.

– Пока, – ответил Руслан. – А ты все-таки приехал...

– Обещал, – пожал плечами Влад.

Он снова в наручниках, он просто постоянно в наручниках, так можно и привычку нехорошую заработать. И еще каждый норовит его убить. И хотят получить от него сокровище, ничего не предложив в обмен.

Влад прислушался к своим ощущениям – где-то внизу, под полом, он слышал то самое гудение. То, что слышал во сне, то, что слышал в замке у Хозяина, то, что однажды заполнило его душу, вывернуло наизнанку, выпотрошило и бросило в снег.

Тут он не ошибся – источник был.

И был маг, черпавший от этого источника силу. И сила эта делала мага неуязвимым. Так, во всяком случае, считал маг. Так думали многие. И так начинал думать и Влад.

– Зачем ты пришел? – спросил низкий голос из глубины комнаты, из багрового марева, колыхавшегося по ту сторону стола.

Словно и не в родном городе все это происходило, а в горах Косово, в толще скал.

Влад сжал кулаки, попытался ощутить движение гудящего света, впустить его в себя. Закрыв глаза, представил, что растворяется в этом сумраке, тянется к желтым отсветам внизу, под полом этой комнаты.

И словно старается поймать призрак – пальцы проходят сквозь пряди света, руки ощущают пустоту.

– Не пытайся, – сказал Шкворень.

Из багрового мрака проступил черный силуэт, бесшумно обогнул стол и остановился.

– Ты думал меня обмануть? – проклокотал Шкворень, и это было до ужаса похоже на голос Хозяина. – Не ты один, если тебя это успокоит. Не ты один...

Силуэт приблизился, словно верог хотел принюхаться к пришельцу.

Знакомо засветились красные глаза.

– Ты хотел нанести удар? – спросил верог. – Ты сам это придумал? Или кто-то подсказал?

Влад молчал. Ему ничего больше не оставалось. Молчать.

– Чтобы сразу расставить точки над нужными буквами, – сказал верог. – Чтобы

облегчить понимание.

Верог поднял руку – удавка легла на шею Влада. Сжалась.

Шкворень делал это быстро, его не интересовал процесс, ему нужен был результат. Хозяин сжимал горло постепенно.

Влад попытался вздохнуть – хрип. Искорки запрыгали перед глазами. Темнота выползла из-за спины и начала торопливо комкать и без того не слишком яркий свет в комнате.

Колени подогнулись – Влад упал.

В последний момент верог подставил руку, не дал ему удариться. Поддержал за голову, замедлил падение. Отпустил.

И горло тоже отпустил.

Влад перевернулся на спину, не обращая внимания на боль в скованных руках. Два алых огонька скользили где-то там, вверху, высматривали, пытались понять, что ощущает человек на полу.

– Почему ты тянешь? – спросил верог. – Ты ведь прекрасно знал, что я не отпущу никого из твоих людей, даже если ты приедешь сюда. Тебе не нужно было сюда ехать, ты мог бы попытаться торговаться снаружи, требовать, чтобы их куда-то привезли, обеспечили гарантии. А ты тупо рвался сюда, вытирая ноги о здравый смысл. Но ты же не дурак!

Влад видел желтые сполохи, но не мог ощутить их, а они даже не прикасались к нему, не вызывали ответную вибрацию в душе. Ничего.

– Снова не получается? – спросил верог. – Если тебя это утешит, не ты один так ошибся. Не ты один...

Верог бесшумно переместился к столу, Владу пришлось повернуть голову, чтобы не потерять его из виду. Что-то звякнуло на столе. Словно стекло о стекло.

– Хочешь выпить? – спросил верог.

– Нет.

– Напрасно. Думаешь, сможешь молчать, когда я стану спрашивать?

– У меня есть опыт, – ответил Влад и сел на полу.

Удавка ослабла, почти совсем исчезла. Почти.

– Хочешь встать – вставай, – разрешил верог. – Ты же знаешь, мне все равно, стоишь ты или лежишь. Если я захочу причинить тебе боль, то...

Влад закричал, упал на бок, закидывая голову назад, захлебываясь криком и болью.

Боль исчезла так же внезапно, как и пришла.

– Вот так это бывает, – сказал верог. – Где ты оставил все похищенное художником?

– Пошел ты! – выдохнул Влад, снова садясь и подтягивая ноги. – Не ты первый...

– Вот как? – Верог наклонился к Владу. – Вот этот шрам на лбу... Где ты его получил?

– Споткнулся-упал-потерял сознания... а-а-а...

– Я не люблю шуток. Мои, – пауза, – люди это знают. Они уверены, что у меня нет чувства юмора. Но они тоже ошибаются. Я прекрасно осознаю всю комичность ситуации: тот, кто должен был меня уничтожить, совершенно беспомощен. Задумывался над тем, что значит это слово – беспомощен? У него нет помощи. Ни от кого. Ты изначально не мог ее получить. Ты был один, тебя вбросили в игру, как мячик. Как бомбу замедленного действия, в расчете на то, что скучающий верог подберет тебя...

Полагаешь, в твоей жизни хоть что-то было случайным? Думаешь, ты хотя бы один шаг сделал самостоятельно? – Казалось, что верог сейчас засмеется, наполнит утробным хохотом комнату, но верог не засмеялся. – Все удивлялись, как это ты умудрился получить командировку в Косово, не имея связей, денег, протекции. Как? Ты полагал, что тебе повезло? А я знаю, что тебя отправили туда, ибо только там можно было тебя испытать. Его звали, кажется, Хозяином? Легендарное существо, живущее почти тысячу лет и не способное поддерживать отношения ни с кем, кроме себя самого. О нем ходят легенды даже среди нашего народа. Он не был никому нужен, ни для кого не представлял ценности...

– Сними наручники, – сказал Влад. – Можешь говорить что угодно, но наручники

мешают.

– Смешно, – картонным голосом произнес верог. – Хочешь попытаться дотянуться до моего горла?

– У меня затекли руки. Сними наручники, – упрямо повторил Влад.

– А это даже интересно, – сказал верог. – Я начинаю понимать, что в тебе нашел Хозяин. Если бы все было иначе, я бы, пожалуй, тоже сохранил тебе жизнь. На время.

Верог наклонился, светильники отразились на его когтях.

Щелчок – цепочка, соединявшая браслеты, лопнула, руки Влада опустились.

– Браслеты сними! – потребовал он.

– Ключи на столе, – сказал верог.

Влад встал, взял ключ, открыл наручники.

– Доволен? – спросил верог.

– Более-менее.

– Ты наглец. Но это даже забавно.

– Это забавляло и Хозяина, – сказал Влад. – Почти до самой смерти.

– И что же там произошло? – как бы между прочим поинтересовался верог. – Ты перехватил источник, и что? Как это выглядело?

– А ты не знаешь? – спросил Влад. – Понятно, там ведь никто, кроме меня, не выжил. Только дети, но они благодаря Пелене ничего не видели. Только тех мерзавцев, которые их убивали. И взрыв, и кого-то бежавшего по снегу, падавшего, бившегося в ледяной крошке, словно пытаясь сбить с себя невидимый огонь. И еще они видели, как кто-то обрушился на главного их мучителя, и швырнул его на камни, словно куклу, разорвал его пополам, а потом... потом занялся вооруженными подлецами, которые стреляли в него и никак не могли понять, почему это у них ничего не выходит, почему этот неизвестный жив, а они умирают, один за другим. И еще дети видели, как растекался серой слизью мертвый человек, приказавший забрать их из детского дома и повелевший убивать их в этих горах...

Владу удалось проговорить все это, не сорвавшись на крик.

– Спасибо, – сказал верог. – Я себе представил. И, как я понимаю, это от тебя не зависело. Сработало само собой... там чуть не произошел сбой, это я узнал из других источников. Ты слишком рано попал к Хозяину. Ты перед этим должен был немного побыть на самом краю жизни и смерти. Ты слишком стар для этой роли. Шкура слишком толстая, не можешь все ощущать настолько остро, чтобы взорваться, опустошить свою душу и дать источнику ворваться в нее. Тебя нужно было раскачать...

Наблюдатель был молодец. Наблюдатель смог просчитать и тебя, и Хозяина. Эгоизм и высокомерие Хозяина и твоя жалость, твоя слабость. Это сработало. Ты помнишь, как он раскачал тебя, а Хозяин ничего не понял до самой своей смерти?... Или перед смертью все-таки вспомнил?

– У них все получилось! – вскричал верог, вздымая руки к потолку. – Получилось! Впервые за несколько сотен лет им удалось это сделать! Все уже забыли, как маги лишались связи со своим источником и гибли, один за другим, гордые, сильные... И никто – никто! – не понимал, как это происходит, как простое отлучение от источника может погубить тех, кто был на него завязан... Что происходило? Как? Никто не помнил. Знали, что такое возможно, знали, что такое бывало, что люди такое проворачивали несколько веков подряд. Но как? Каким образом? И вот, наконец... Они это сделали! У них есть оружие. Страшное оружие против себе подобных. Кто им владеет, тот может многое. Очень многое... Они... Они нашли старые записи, хроники, зашифрованные манускрипты. Здесь, в Харькове. Обнаружили заговор... Это был потрясающий заговор – немногих против всех. Я подозреваю, что представители почти всех сфер объединились в тайную организацию, чтобы найти... понять... научиться... Они нашли рецепты: физик разработал методику анализа, дейвона Иванова обеспечила отбор детей. Деньги от наркотиков, которые отмывал банкир и перенаправлял их в специальные интернаты и детские дома... Они зарвались... Вот когда они почти нашли, почти поняли и осознали, вот тут и начались проблемы. Те, кто имеет власть,

те, чьей силы и так достаточно, чтобы подавить любой протест, любой бунт, с очень большим неодобрением смотрят на разработки нового оружия. Оно ведь не для них, оно – против них. Против! И маги целого города – редчайший случай... – верог взмахнул рукой, – практически единодушно решили, что все это нужно остановить. Но не просто так. Не тупо уничтожить, а с пользой... На всякий случай разрешить провести испытание и остановить. Забрать опасную игрушку. Тебя не убили в госпитале в Европе. Могли, но не убили. Тебя это не удивляет?

– Удивило, – сказал Влад. – Я не мог понять...

– Они тоже не могли понять... Что там произошло, в Косово... О том, что человек может перехватить источник и как-то убить тех, кто на него завязан – мы все знали, теперь получили подтверждение, но вопрос о механизме, о способе – остался. «Как же так?» – подумали они. Как же так, мы такие умные, такие могучие и не можем понять подобного пустяка. Люди это придумали, а мы... И было решено, что тебя нужно использовать еще раз. Обязательно – повторить условия предыдущего эксперимента. Значит, это должен быть тот же исполнитель, то есть – ты. И тебя нужно оставить в живых, несмотря ни на что. Медицинское освидетельствование тебя не дало ничего, значит, нужно наблюдать в динамике. По науке. И объект лучше выбрать похожий, значит – верог, в одиночку сидящий на источнике. Жаль, что он не прожил столько же, сколько Хозяин, но и так, наверное, сойдет. Отсюда следовало, что выбирать, в общем, и не из чего. В Харькове не так много магов-одиночек, да еще верог! Либо тебя нужно было тащить в другой город, либо Шкворню не повезло. А я еще сумел нажить себе врагов и недоброжелателей. Мои... Мои коллеги чувствовали, что рано или поздно я начну двигаться наружу, вытеснять конкурентов, как это принято у бандюков. И тут лучше успеть первыми, – Шкворень развел руками. – Ничего, как говорится, личного. Заговорщики проводят еще один эксперимент, остальные маги с интересом пронаблюдают за ним, а также изучат результаты. Заодно уберут зарвавшегося типа, явно строящего какие-то планы и не желающего ни согласовывать свои действия и планы с другими, ни принимать во внимание интересы и мнения других... Прекрасный вариант. Единственный вариант. И ведь Шкворень ничего не знает, ни о чем не догадывается... Бедный тупой Шкворень...

Верог даже хихикнул, совсем как Хозяин в приступе веселья.

– Тебя вернули домой, бросили на глубину, наблюдая, как ты будешь выбираться, захлебнешься ли, выплывешь... Мне подкинули рассказ о том, что кто-то проводит эксперименты. Очень аккуратно подкинули, мягко. Зная, что меня очень трудно обмануть. Я проверил. Потом еще раз проверил. Оказалось, что все правда. Я даже нашел отбракованный материал, не подошедший, в результате, для создания оружия... Мне очень помогал Серый. Он так старался...

Влад подошел к сидящим на полу Руслану и Игорю, сел рядом, вытянув ноги. Он устал. Он безмерно устал. От него уже почти ничего не зависело.

А верог увлекся. Ему хотелось выговориться. Все они такие, великие и одинокие.

– Я разработал коварный план. Исключительно тонкий. Я попался на удочку. Понимаешь, человеку, чтобы поймать очень крупную рыбу, нужны очень крепкие снасти. Так, чтобы заглотивший крючок не порвал их, не улизнул. И нужно очень крепко эту удочку держать в руках... Но если снасть очень крепкая, то существует еще одна угроза – добыча слишком сильно рванет ее, и рыбак не успеет выпустить удочку из рук. Упадет в воду, а там... Там у рыбы больше шансов, чем у рыбака.

Верог засмеялся.

– Я делал только то, чего они от меня ожидали. Я приказал Серому создать маньяка-одиночку. Я так хорошо все придумал, что Серый решил сыграть в ту же игру. Как просто – захватить материалы, стать единственным обладателем оружия! Очень просто. У него давно были планы подвинуть меня. Только не так, как планировали те, великие экспериментаторы, а снизу, грубой силой, хитростью. Для него люди, способные перехватывать источники, были великолепным средством подняться вверх. Снести меня, возглавить мою

организацию. Он ведь не был магом, мой несчастный Серый. Он был просто маах'керу, потерявшим честь, лишившимся уважения даже своих родственников. – Верог замолчал, словно для того, чтобы перевести дыхание. – Но я рассчитал все. Все до мелочей. Серый думал, что циркачи вызваны для прикрытия, а на самом деле они должны были вычистить его команду, когда он вроде как победит. Все двигалось, перетекало, и ничто не было на самом деле тем, чем казалось. А мне ведь много не нужно. Мне нужна только власть. Когда у меня будет эта штука – кто меня остановит? И самое смешное – ведь все это придумали люди. Люди и оборотни. Ты ведь и сам из запорожцев? Ваших очень любили нанимать. Потом сообразили, что проще Сечь уничтожить, чтобы соблазна не было. В конце концов, нашелся такой, что перехватил источник на Сечи, лишил ее силы. Хотели отобрать это умение у людей. И думали, что отобрали. Сожженная Сечь, вырезанные семьи, замученные колдуны и маги, люди и маах'керу. Потом, естественно, нашлись заговорщики, собравшиеся прибрать опасные знания себе. Вот их и решили убрать моими руками. Заодно избавившись от меня... И поставив эксперимент. Но не заметили второе дно. Да, они вычислили заговорщиков и решили, что это последняя угроза. Но только я обнаружил, что все это время люди искали, пробовали, прятались, скрывали свои поиски, прятали детей, готовили их... Ковали оружие... А оно досталось мне. Достанется мне. Пусть люди приняли меры, поползли в стороны и затаились – я все узнаю. И куда вывезли детей из детских домов – тоже выведаю. И список семей, взявших детей на воспитание. В моих руках будет все. Все! И тогда я смогу вывести на поле не просто бригады боевиков из людей, я смогу забирать источники так же легко, как в девяностые забирал киоски...

– А ведь ты сейчас кайф ловишь, – сказал Влад.

– Скоро кончит, – добавил Руслан. – Так весь напрягся...

– Вы не понимаете! Не понимаете! – Верог махнул рукой, и со стола что-то слетело, разлетелось в темноте вдребезги. – Как красиво играли мои неизвестные соперники! Как восхитительно они строили ловушку. Отдать мне оружие. Отдать мне это сокровище, но так, чтобы подвести ко мне тебя, чтобы ты оказался здесь, возле источника и еще раз показал этот замечательный фокус. Они подбросили Серому идею, тот предложил это мне, Шкворню. И я согласился, дурак. Согласился! Как они ликовали, наверное! Они моими руками, руками Серого, забирали себе все, оставаясь в тени. Они ни при чем. Это все Шкворень, Серый и группа безумцев, решивших, что могут что-то изменить. Мы уничтожали заговорщиков, потом ты – уничтожал меня. А потом уж... Ты бы все равно подох.

– Спасибо на добром слове. Как вы перехватили моих ребят? – спросил Влад.

– Циркачи. Они прикинули, что со мной у них куда больше общего, чем с тобой. Только вы уехали от цирка, как они отпустили Кроху и через него попросили меня с ними связаться. Я отправил людей к твоему дому, к дому твоих старлеев, к дому этого пацана. Куда-то вы должны были приехать. Тем более, что ты поделился с маах'керу своими планами на будущее. Сказал, что заедешь за кое-какими бумагами, потом их спрячешь... Так ведь было? – Верог бесшумно скользил по комнате, от стены к стене, словно не мог устоять на месте. – Ты – всего лишь человек. И твои помощники – всего лишь люди.

– Я – маах'керу, – сказал Руслан.

– Я знаю. Это немного путало карты. Это не позволило убрать тебя, – верог вновь смотрел на Влада, – руками циркачей. Их удивило и заинтересовало то, что человек, простой человек, не маг, дружит с оборотнем, даже зная, что тот – оборотень, а маах'керу дружит с обычным человеком, даже не прозревшим. За Пеленой такое, конечно, встречается, но тут произвело впечатление. Эта труппа – вообще странное образование. Если хочешь – нечто вроде той старой Сечи, только без людей. Свои правила, свои законы и обычаи... В общем, пришлось играть дальше, поскольку замечательная идея обмануть нанимателя пришла в голову и художнику. На всякий случай я решил вывести тебя из игры, подставив, обвинив в убийстве полковника из Киева. Я предусмотрел это еще до того, как Серый привлек тебя к сотрудничеству. Отодвинуть тебя, устранить, но так, чтобы на меня не пало подозрение,

чтобы я все-таки смог получить материалы, смог сдернуть рыбаков в воду... И снова каким-то чудом... Сегодня утром обнаружилось, что на вашей конспиративной квартире нет ни трупа, ни компромата на тебя. Обидно немного. Совсем немного. Что там произошло? Не скажешь?

– Отчего же? – устало вздохнул Влад. – Скажу. Маах'керу убрали. И не положили ничего из того пакета. Я ведь пообещал им передать убийцу их родственника. Сына директора, если я не ошибаюсь...

– Ты отдал им художника, убил Серого...

– Я еще назвал им твое имя, – сказал Влад. – И представил доказательства. И сказал, что помогу им отомстить. Извини, Шкворень, но у меня не было выбора. Они собирались предложить мне поединок чести. И Руслану тоже, несмотря на то, что он маах'керу. Пришлось действовать. Тем более, что это ты не оставил мне выбора. Ты очень коварный план подготовил, сплел такую крепкую снасть... Успеешь разжать руку?

Верог замер, словно пораженный молнией.

– Маах'керу не нарушают клятвы, – сказал Влад. – Ты это знаешь лучше меня. Они скорее умрут, чем нарушат клятву. И скорее погибнут, чем откажутся от мести.

Верог что-то взял со стола. Влад присмотрелся – это был обычный телефон.

– Славик, – сказал верог. – Проверь посты. Все посты. Обзвони. Когда ты последний раз?.. Что?! Почти сорок минут... Я шкуру с тебя спущу! Шкуру!

– Он психует, – констатировал Влад.

– Ты можешь довести до белого каления, – сказал Руслан. – А ведь казалось бы... Как ты говоришь – верог?

– Верог. Вампир. Только вот жаль, что нельзя его колом или серебром. И чеснок на него не действует. – Влад засмеялся. – Зато психует, как настоящий.

Засмеялись Руслан с Игорем. Даже Богдан подал голос, то ли засмеявшись, то ли застонав.

– Ты на что рассчитываешь? На что?! – закричал верог. – Ты забыл, что я возле источника. Они могут сделать все, что угодно. Перевернуть все дома, разрушить половину города, но до меня они не доберутся. Кто они? Стая оборотней. Их вожак считается магом, но это даже не смешно... Маг, работающий за артефакты, талисманы, временный доступ к источнику... Цирк зверей! Не смешно! Он понадеялся на то, что ты перехватишь источник... Дурак! Ты ничем не поможешь! А я не сразу тебя убью. Не сразу... Ты мне все расскажешь. Все. Как это было, как ты смог перехватить...

Влад вновь засмеялся.

– Что?! – выкрикнул верог. – Что смешного?

– Мои предки были не дураки, – смеясь, сказал Влад. – Они знали цену словам. Перехватить! Понятно, это значит – что-то вырвать, отобрать, применить силу. Источник воды в осажденной крепости нужно отвести в сторону, взорвать башню, завалить колодец, захватить этот источник, в конце концов, и удержать силой. Ведь потрясающе простая и эффективная идея – просто называть обычным словом не совсем обычное действие. Для взрыва нужен порох, для прорыва – люди. Это масса, это сила! Чушь! Не нужна сила и масса, чтобы лишить осажденных источника. Не отобрать нужно воду, а превратить ее в оружие. И не нужно для этого строить запруды или копать подкоп. Нужно источник всего лишь отравить. Бросить в него яд... Или зараженный труп... И все – вода есть, источник исправно функционирует, а воду пить нельзя. А через некоторое время, когда пившие отравленную воду умрут, источник сам себя очистит. Вот и все. Можно не пить отравленную воду, не подпитываться силой из отравленного источника, но тогда ты сам ослабнешь и станешь уязвимым. Мне не нужно было захватывать источник, я этого и не умел, не знал даже, что должен это сделать. Мне нужно было пропустить энергию источника через себя. Я был отравой, ядом... Понятно?

Зазвонил телефон.

– Что? – крикнул верог. – Змея? Волки? А у вас что, нет стволов? Стреляйте! Мне

наплевать... Стреляй!.. Я скоро выйду.

Верог шагнул к сидящему Владу, ударом ноги разбил ему лицо.

– Юпитер, ты сердишься, значит... – Влад сплюнул кровь. – Страшно?

– Не страшно! Не страшно! Противно! Мне противно видеть глупость. Они не прорвутся... И ты *был* ядом. Только был. Твой яд израсходован в Косово. Израсходован, ты это понимаешь?

Где-то очень близко ударил автомат. Длинными очередями. И еще один. Гулко бухнуло ружье.

– Это уже во дворе, – засмеялся Влад. – Во дворе! Слышишь?

Верог оглянулся на дверь. Ему нужно быть там, со своими солдатами. Удержать их, заставить сражаться даже с чудовищами, с гигантской змеей, с пантерой, с медведем и волками...

– У тебя ничего не выйдет! – прорычал верог. – Они там ошиблись. Я выяснил... Я прочитал старые хроники... Один раз. Ты – одноразовая бомба. Капсула с ядом... Такие, как ты, могут сработать только один раз. Все внутри выгорает, ты теряешь эту способность. Если тебе проще понять пример с водой – источник вымыл из тебя яд. Вымыл. И сейчас... Ничего у тебя не получится сейчас. Ты напрасно влез сюда и напрасно погубил своих людей и маах'керу! Напрасно. Ты ничего не можешь! Попробуй! Ну? Давай! Маах'керу во дворе, им только нужно чуть-чуть помочь. Ударить с тыла. Давай! Не хочешь, еще надеешься, что будет по-другому? Смотри!

Шторы на стене раздвинулись, и стал виден экран телевизора, а на нем – двор.

Два тела лежали возле стены, их лица были обезображены, кровь текла по бетону. Черное гибкое тело пантеры метнулось через двор к двери, выбежавший навстречу человек вскинул ружье, нажал на спуск.

Огненный столб вырвался из дула. Пантера упала. Набежавший сбоку человек выпустил в упор автоматную очередь. На полмагазина. И когда пантера шевельнулась, выпустил остаток.

Перезарядить автомат не успел – гигантская змея выметнулась сбоку, сдавила орущего от ужаса стрелка и швырнула его в бетонную стену. Ружье выстрелило несколько раз, еще три человека выбежали во двор, пули били в стальные ворота, выбивали крошку из бетонной стены и настигли, наконец, змею. Полетели окровавленные чешуйки, удав задержался и бессильно обмяк.

– Это не серебро! – закричал верог. – Обычный металл, но маах'керу не бессмертны! Смотри!

Верог снова повернулся к экрану:

– Смотри!

Картинка сменилась, теперь это была улица перед домом – два волка корчились в грязи, третий полз к дому, но невидимый стрелок все стрелял и стрелял, пули вырывали клочья шерсти, расшвыривали брызги крови.

Один из волков начал медленно превращаться в человека. В мертвого человека.

– Еще хочешь посмотреть?

Кто-то из бойцов Шкворня попытался на машине прорваться к дому.

Машина двинулась по колдобинам, набирая скорость. Из-за голого куста, расшвыряв в стороны гниющие листья, взвилось тело змеи, пробило лобовое стекло и скрылось в салоне. Машина вильнула, попала колесом в яму и замерла.

Змея выползла из машины, скрылась за углом.

И тут бросился Влад.

У него не было другого выбора. Он прыгнул. И Руслан прыгнул, превращаясь в здоровенную росомаху, наручники лопнули, звенья цепочки щелкнули по стене.

Верог взмахнул рукой.

Росомаха взвыла и свалилась на пол, заскребла когтистыми лапами, разрывая ковер в клочья.

Когти Шкворня ударили Влада в плечо.

– Ты не понял... – пробормотал верог. – Ничего так и не понял. Эти, там, снаружи, не просто уголовники, они самые сильные и точные бойцы в этом городе. Их поддерживаю я, поддерживаю их тело и дух. Они будут сражаться, даже умирая, когда не останется совсем ни одного шанса. А ты подохнешь здесь. И твои друзья...

Богдан не мог встать, он полз к Владу на помощь, извиваясь, как червяк. Он не мог кричать – он выл, по распухшему лицу текли пот и слезы, но Богдан полз.

Встал Игорь, опираясь спиной о стену. Попытался разорвать наручники, но у него ничего не получилось. Тогда он просто шагнул вперед.

Росомаха снова прыгнула, вой ярости и боли прозвучал в комнате, когда что-то невидимое хлестнуло оборотня сбоку, круша ребра.

Влад висел на когтях Шкворня.

– Вы все подохнете! – прорычал верог. – Вначале те, что снаружи. Потом вы, один за другим.

Словно неимоверная тяжесть припечатала Богдана к полу, руки, скованные наручниками за спиной, выгнулись, потянулись вверх, будто на дыбе. Суставы захрустели. Богдан кричал от невыносимой боли, но сознания не терял.

Игорь оказался почти возле Шкворня, но тот небрежно взмахнул рукой, и Капустян замер. Застыл ледяной статуей.

– Смотри, Гетьман! Смотри! Начнем с этого!

Влад видел все происходящее как сквозь туман. Боль. Ненависть. Безнадежность.

Плечо, пробитое когтями вампира, полыхало огнем.

– Смотри, – правая рука Шкворня вытянулась вперед, он словно собирался осторожно, двумя пальцами, взять что-то маленькое.

Капустян захрипел, жилы на шее вздулись. Он задыхался.

Влад попытался ударить врага рукой... ногой... Не получилось, тело было словно набито ватой, он не мог даже ударить, кровь текла по руке, капала на пол, на лицо кричащему от боли Богдану.

Когти прорезали его плоть, дошли до кости, и Влад перестал сползать. Он слышал скрежет когтя о кость. Но он не кричал – не мог. Сил – не было. Он смотрел только на Игоря, смотрел в его лицо, налившееся кровью, искаженное агонией.

«Все напрасно, – мелькнуло в голове. – Все напрасно, не получилось...»

Глаза Игоря закатились, на губах появилась пена, крупная дрожь пробежала по телу. Что-то щелкнуло, лопнула цепочка наручников.

Верог вздрогнул.

Капустян закричал, вскидывая руки к голове, к вискам, сжал их ладонями.

Не было ничего человеческого в этом крике. И звериного также не было! Пронзительная вибрация, словно тело рождало этот звук не связками, не горлом, а дрожанием каждой клеточки.

Верог отшатнулся, Влад соскользнул с когтей и упал, но тут же вскочил и ударил левой рукой. Наотмашь. В ненавистное бледное лицо. Еще раз.

Под кулаком хрустнуло, кровь, густая темная кровь потекла по бледному лицу.

Теперь кричал верог, кричал Игорь, выл от боли Богдан, пытаясь встать. Рыкнув, прыгнула росомаха. Вцепившись когтистыми лапами в грудь Шкворня, она опрокинула его, клыки сомкнулись у него на горле.

Верог дернулся, захрипел и замер. Росомаха мотнула головой.

Влад отвернулся. Бросился вперед и успел подхватить оседающего на пол Капустяна.

Раненая правая рука не слушалась, в ушах шумело – он терял кровь. И Капустян был необыкновенно тяжел. Влад не смог удержать его, они вместе опустились на пол.

Шторы на стене вновь сомкнулись. И выстрелы не доносились с улицы.

Кто-то навалился Владу на ногу, он оглянулся – Богдан подполз к ним, лежал на боку.

– Сейчас... – пробормотал Влад. – Сейчас. Я приду в себя... Там на столе ключ, я возьму

и сниму с тебя браслеты.

Богдан что-то простонал в ответ.

– Какая гадость эта кровь... – сказал Руслан, отплеываясь.

– Некоторым нравится, – Влад облизал губы. – Ты там как?

– По сравнению со Шкворнем – я просто молодец. Рот бы прополоскать...

– На столе ключ, – сказал Влад. – И это... я тут, кажется, кровью истекаю...

– Я сейчас, – Руслан встал. – Оборотнем быть неплохо. Выяснить бы только, какой я зверь. Нужно было зоологию учить.

«Росомаха», – хотел сказать Влад, но тут застонал Игорь.

– Все хорошо, – сказал Влад и положил руку ему на лоб. – Извини, по-другому было нельзя. Извини. Если бы я мог, то сам... сам. Не держи зла...

Руслан снял с Богдана наручники, оторвал кусок шторы, перетянул Владу плечо.

Тот не обратил внимания на это, держал ладонь на лбу Игоря, и все повторял:

– Извини. Нельзя было иначе... Извини... Не держи зла.

Влад почувствовал, что медленно погружается в забытие.

Он был не в разгромленной комнате, а в степи. Игорь лежал рядом, глядя в небо, Руслан что-то тихо говорил брату, успокаивая его, сверху опустилась тень – прилетел Синица. И Волк тенью скользнул из балки, замер возле побратима. И еще какие-то тени появились из тумана, напозавшего на вершину холма.

Некоторых он знал, некоторых видел впервые.

Приблуда и Чугайстр подошли к нему, встали рядом. И подполковник Осокин почему-то встал возле них, опершись на плечо Приблуды.

Люди. Характерники. Живые и умершие.

Они были оружием. И он был оружием. И не было другого способа противостоять злу. И можно было ради своих братьев идти на что угодно, на смерть, на боль, на пытки...

Они победили. На этот раз.

Страх и боль от дьявола. Они – зло.

Спасает жалость, любовь, сострадание.

Влад хотел спросить у них что-то важное, но забыл что. Да и сил не было.

Он мог только шептать:

– Все хорошо. Главное – не держи зла.